

**ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

А. В. ГОЛУБЕВ

**«ЕСЛИ МИР
ОБРУШИТСЯ НА НАШУ
РЕСПУБЛИКУ...»**

**ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Российская академия наук
Институт российской истории

А. В. Голубев

**«Если мир
обрушится на нашу
Республику...»**

Советское общество и внешняя угроза
в 1920–1940-е гг.

КУЧКОВО ПОЛЕ
2008

ББК 63.3(2)7-6
Г62

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д. и. н. Л. Н. Нежинский,
к. и. н. Б. А. Филиппов

Голубев А. В.

Г62 «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. — М.: Кучково поле, 2008. — 384 с.

ISBN 978-5-901679-65-4

Монография, написанная большей частью на основании впервые вводимых в научный оборот архивных источников, посвящена малоизученной теме — особенностям массового сознания советского общества в 20–40-е годы; сюжетам, связанным с «закрытостью» СССР, ожиданиями будущей войны; образам врага и союзника и т. п.

Работа может представлять интерес как для специалистов, так и для всех интересующихся историей нашей страны.

ББК 63.3(2)7-6

ISBN 978-5-901679-65-4

© Голубев А. В., 2008
© ООО «Кучково поле», 2008

«Вовремя подмечать и улавливать потребности и настроения»: Попытка введения

Представления об иных этносах, странах, культурах — неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания, ибо именно эти представления позволяют судить о том, как данная нация видит свое место в мире, как она определяет отношение своей культуры к другим культурам, своей системы ценностей к системам ценностей иных народов. Эти представления, как правило, не только включают в себя те или иные мнения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. Они различаются по степени их достоверности и детализации, а также, иногда существенно, по эмоциональной окраске; складываются исторически и зависят от ряда факторов — от того, кто выступал их носителем («книжники», естественно, имели гораздо более детальные и достоверные представления о том или ином народе по сравнению со стереотипами, существовавшими в массовом сознании), а также от территориальной близости, длительности исторических связей с данным народом, характера этих связей и т. д.¹

В большинстве исследований, посвященных представлениям о внешнем мире, иных этносах, культурах, государствах, речь идет об *этнических стереотипах*, под которыми понимаются, соответственно, образы этнических групп². Однако это понятие является односторонним, ибо подразу-

мевает лишь представления об определенных чертах национального характера, обычаях, особенностях быта. Но есть еще представления о тех или иных государствах, которые составляют важную часть картины внешнего мира, есть представления о мировой культуре и т. д.

Столь же односторонним является и другое понятие — *внешнеполитические стереотипы*³, ибо в этом случае как бы за рамками остаются представления о быте, культуре, национальном характере. Вместе с тем, внешнеполитические стереотипы представляют собой следующий этап в восприятии внешнего мира.

На определенной стадии этнические и внешнеполитические стереотипы дополняются и частично вытесняются *инокультурными стереотипами*, которые включают в себя, помимо прочего, представления о той или иной национальной истории, культуре, современной жизни.

Именно на основе инокультурных стереотипов возникают так называемые **образы**, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы⁴.

Вместе с тем термин «инокультурные стереотипы» может применяться и как общий, относящийся ко всей совокупности устоявшихся представлений о внешнем мире (этнических, внешнеполитических и пр.)⁵

В последнее время появилась и приобрела определенное признание концепция географических образов, сформулированная Д. Н. Замятиным: «Географические образы — это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные геопространственные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географически выделенными территориями»⁶. Однако если сам автор концепции подразумевает под географическими образами прежде всего «геопространственные представления», некоторые его последователи идут гораздо дальше. Как подчеркивает А. А. Василенко, «базовым для исследования яв-

ляется концепция географических образов», при этом «образ Германии понимается как определенная целостность ощущений и пространственных представлений, обусловленная знаниями о географии страны (природа, ландшафты, важнейшие реки и т. п.), а также представлениями о политическом устройстве страны, ее истории, культуре, быте, нравах и т. п.; причем разносторонние сведения о стране способствуют формированию устойчивого, целостного образа»⁷.

Столь расширительное толкование «географических образов» трудно признать удачным: представления о политике, истории, культуре, быте и т. д. далеко выходят за рамки географии; более того, чисто географические представления играют в образе страны явно второстепенную роль.

Говоря о формировании инокультурных стереотипов как коллективных представлений, необходимо подчеркнуть одну особенность этого процесса. Как известно, само наличие, сложность и адекватность представлений о внешнем мире зависят от двух факторов: возможности получать информацию и желания получать информацию. Очевидно, что их наличие не всегда совпадает, и человек, по своему статусу имеющий доступ к информации, скажем, о внешнем мире, может совсем не использовать свои возможности. С другой стороны, человек обладающий навыками аналитического мышления, в современном обществе может при желании извлекать достаточную информацию из самых разнообразных, иногда случайных и поверхностных, источников.

Модернизация как переход от традиционного общества к индустриальному, помимо реформы политического строя, возрастания социальной мобильности, индустриализации, урбанизации, роста образования включает в себя также необратимые изменения в системе ценностей, в глубинных основах культуры. Именно с этой точки зрения попытаемся проследить динамику восприятия Запада как одновременно эталонного и альтернативного культурно-исторического типа массовым сознанием советского общества.

В начале XX в. в российском обществе происходит постепенное вытеснение традиционных этнических стереоти-

пов стереотипами с ярко выраженной политической окраской или внешнеполитическими стереотипами. Другими словами, образ немца, англичанина, поляка в значительной степени сменяется образом Германии, Великобритании, Польши как геополитической реальности.

Внешнеполитические стереотипы имели важное отличие: они обладали относительно большей гибкостью, так как зависели от конкретной международной ситуации и в значительной степени формировались официальной пропагандой. Вместе с тем важно уточнить, что далеко не все изменения международного контекста и далеко не все зигзаги пропаганды оказывали воздействие на массовое сознание; в случаях же, когда подобное воздействие фиксируется источниками, оно нередко приводит к самым неожиданным последствиям.

Подобные представления господствовали в массовом сознании на протяжении всего межвоенного периода. Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Сначала — проигранная Русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, поновому взглянуть на место России в мире; революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В еще большей степени на массовое сознание повлияла Первая мировая война. Как писала газета «Московская копейка» 19 января 1915 г., «темный деревенский народ, как никто, интересуется войной, попавшая в деревню газета прочитывается и перечитывается по нескольку раз, зачитывается до дыр, до лохмотьев. Читают вдумчиво, разбирая внутренний смысл каждой строчки»⁸. В годы войны, как вспоминал впоследствии провинциальный издатель, тираж губернской газеты вырос с 7 до 10 тыс. экземпляров, причем впервые газету стали выпускать рабочие (хотя пока и немногие)⁹.

В ходе войны Запад (расколовшийся на врагов и союзников¹⁰) стал вызывать не просто интерес, но интерес в высокой степени эмоционально окрашенный. Наблюдатели

последовательно фиксировали невиданный всплеск антигерманских настроений, целенаправленное формирование «образа врага» в лице немцев и их союзников, а к концу войны — стихийные, но все же достаточно распространенные антисоюзнические и даже, хотя в гораздо меньшей степени, прогерманские настроения¹¹.

Вспоминая в феврале 1925 г. динамику массовых настроений времен мировой войны, М. М. Пришвин записал в дневнике: «История осознания простолюдином войны и революции как эволюция представления о враге: 1) немец — враг (отечество), 2) немец превращается во внутреннего немца: душат шпионов, 3) внутренний немец-помещик (Вильгельм прилетел на аэроплане к такому-то помещику и забрал планы), 4) внутренний немец продал Москву и Петроград (письмо с фронта), 5) внутренний немец — буржуазия (начало революции), 6) в поисках внутреннего немца (врага) дошли до середняка...»¹²

Однако мировая война, при всей своей масштабности, оказалась лишь прологом к гораздо более сильным социальным, политическим, культурным, и, разумеется, психологическим потрясениям — свержению монархии, возникновению Российской республики, большевистской революции, гражданской войне. И Пришвин пишет: «После этого центральная власть окончательно утвердилась и, прибрав всех к рукам, начала все сначала: внутренний немец опять вывернулся вовне и стал всемирной буржуазией. Началась война против всего света: значит, предмет опять исчез...»¹³

Победа революции привела к дальнейшей мифологизации массового сознания, особенно в эпоху существования тоталитарного политического режима в 1930–1950-е гг. Этот режим, как и все режимы данного типа, отличался двумя особенностями. Во-первых, он стремился контролировать не только те или иные действия, но также эмоции и мысли населения. Во-вторых, подобные режимы обладают способностью создавать для себя массовую поддержку. Одним из основных средств достижения этого являлась мобилизация

общества или его значительной части для достижения единой цели, имеющей общенациональное значение.

Уже эти особенности тоталитарных режимов указывают на их тесную связь с процессами, происходящими в массовом сознании. С ними связано возникновение этого типа режимов; с другой стороны, тоталитаризм не мог не наложить отпечаток на общественное сознание. В частности, он способствовал консервации мифологического типа сознания, на который опирался¹⁴.

В качестве общенациональной цели, способствующей его легитимизации, сталинский режим выдвигал программу качественного обновления страны, включающую индустриализацию, преобразование сельского хозяйства и культурную революцию. В сущности это была программа модернизации (хотя сам термин и не употреблялся), ведущая к превращению России в индустриальное общество. процесс модернизации сам по себе сокращал сферу мифологического сознания, по крайней мере, это происходило в других обществах. Впрочем, эти последствия модернизации проявились лишь какое-то время спустя.

Отличие от режимов авторитарных, тоталитарный режим не стремился держать массы в стороне от политики, напротив, происходила всеобщая, сознательно подталкиваемая политизация массового сознания. Уже в первые годы после революции была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов, преследующих чисто пропагандистские цели. Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соответствии с описанными выше механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми в первую очередь коммунистическим и рабочим движением, и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в представлении верующих.

И новый жизненный опыт, полученный российским обществом, и все расширяющаяся система официальной про-

паганды вели к тому, что внешний мир, даже в отдаленных районах страны, в сельской «глубинке», на национальных окраинах, стал восприниматься как некая реальность, имеющая отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (в том числе для ведения крестьянского хозяйства, для уровня жизни рабочей семьи и т. д.).

Порой ощущение этой взаимосвязи принимало анекдотические формы. Так, в мае 1924 г. М. М. Пришвин записал в дневнике: «Отставка Пуанкаре¹⁵. Мне отказали в издании книжки, мотивируя тем, что в переживаемый момент приходится отказаться от беллетристики. Дня через два я встречаю Тальникова, и он мне говорит, что, по всей вероятности, книжку мою издадут: передумали. А на мой вопрос, почему такая перемена, Тальников ответил, что за эти дни неожиданно слетел Пуанкаре, от этого наши повеселели и решили пока что... издавать беллетристику.

— А вот если,— сказал Тальников,— там выберут Эрио¹⁶, то и совсем будет хорошо, я вам советую подготовить книгу рассказов в духе вашего последнего. На случай, если выберут Эрио.

Когда я приехал в провинцию, торговец Елизаров стал меня расспрашивать о новостях, выпытывая узнать, кто теперь руководит политикой и какие надо ему иметь виды на будущее в своем торговом деле, я ему ответил, что его будущее зависит от Эрио... Он вытаращил глаза»¹⁷.

Удивление торговца понятно; но даже из приведенного отрывка видно, что постепенно, порой еще не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности мира, частью которого являлась Советская Россия, переставало быть прерогативой лишь образованных слоев населения.

Своеобразной иллюстрацией этого может служить письмо активиста А. И. Вашкурцева в «Крестьянскую газету» (февраль 1927 г.), где он предлагает на партсобраниях в деревне на первое место ставить не вопросы международного положения, а местные, «не то что каких-то Макдональдов

да У Пей Фу, которых ему и не выговорить». Словом, сначала о деле, а потом можно и о Чемберлене... И тут же — подборка писем селькоров с общим красноречивым названием «Довольно рады мужики занятию Шанхая»¹⁸.

Очевидно, что речь идет не об этнических, а именно о внешнеполитических стереотипах, которые доминировали в общественном сознании в 1920–1950-е гг.

Мир предстал как в качестве *источника* вполне реальной *угрозы* (угрозы военной, угрозы для установившегося политического строя), так и, напротив, в качестве *источника благоприятных изменений*. В последнем случае речь идет не только о противниках Советской власти, ждавших извне освобождения от власти большевиков, но и, в ряде случаев, о ее сторонниках. В их понимании, внешний мир, Запад в первую очередь, например, мог предоставить техническую или продовольственную помощь, выступить союзником в войне против общего врага или просто путем давления на советское правительство добиться некоторой корректировки политики (скажем, роспуска колхозов или снятия хотя бы части ограничений с деятельности православной церкви).

На первых порах большевики субъективно выступали как убежденные западники, однако та же историческая логика, которая в условиях господства традиционного сознания вела к окончательной догматизации и мифологизации марксистского учения, способствовала росту ксенофобии, ставшей на несколько десятилетий сущностной характеристикой советской политической культуры¹⁹.

Реальная идеологическая конфронтация с Западом накладывалась на механизмы массового сознания. Кризис патриархальной культуры, как бы он не был объективно обусловлен, означал стрессовое состояние для миллионов людей, которые, даже если не говорить о социально-политических потрясениях, революции, мировой и гражданской войне, вольно или невольно разорвали с привычной им социокультурной ситуацией. Весь традиционный опыт оказался перечеркнутым, но одновременно стрессовая ситуа-

ция вызывала к жизни самые архаические стереотипы (в смягченном виде эта ситуация была воспроизведена и в 1990-е гг., о чем речь пойдет ниже).

В результате Запад постепенно вновь обретает свою устойчивую характеристику внешней, «темной» зоны, расположенной за пределами непосредственно освоенной территории, зоны опасности, где действуют и господствуют силы, враждебные человеку.

Не случайно образ границы (в первую очередь, конечно, в обыденном смысле) являлся важной составляющей массового сознания тех лет. Актуальность этого образа на рациональном уровне подкреплялась как пропагандистскими стереотипами о враждебности «капиталистического окружения» вообще, так и повседневной необходимостью «держатъ границу на замке» — не только для «входа», но и для «выхода». И все же сакральный характер государственной границы как грани двух абсолютно различных миров, явственно прослеживается не только в массовом сознании, но и в сознании представителей политической элиты. Так, в черновых записях видного партийного деятеля А. С. Щербакова о поездке в Европу в 1935 г. описание переезда границы сопровождается следующей фразой: «Разница огромная, разница во всем, в большом и малом»²⁰.

Одновременно сохраняла свою привлекательность идея технического прогресса по западному образцу. Пресса 1920-х — начала 1930-х гг. постоянно воспроизводила примеры лучшей организации промышленности или сельского хозяйства в развитых капиталистических странах. Однако в массовом сознании подобная агитация имела порой неожиданный эффект. Так, после публикации в «Известиях» цикла статей о крестьянском хозяйстве в Дании, группа зажиточных сибирских крестьян решила незамедлительно переселиться в эту страну. После появления в «Правде» статьи В. В. Осинского «Об американском автомобиле и русской телеге», как сообщалось из Сибири, во время коллективной читки у слушателей статьи «раздался глубокий вздох, обозначающий то, что вот есть же действительно та-

кая счастливая и богатая страна... и за ним последовали новые вопросы и рассуждения о том, где эта самая счастливая страна находится, что за народ в ней живет и нельзя ли туда переехать на жительство сибирским мужикам?..» Что же касается основной мысли данной статьи о необходимости широко внедрять технику, в частности тракторы и автомобили, в российское сельское хозяйство, то она показалась слушателям «и не серьезной, и не требующей обсуждения»²¹.

В целом отличительной чертой массового сознания 1920-х гг. явилась поляризация представлений о внешнем мире, сопоставимая с поляризацией внутривнутриполитических позиций. Если для одних образ вчерашних союзников и Запада в целом — в соответствии с мифологией официальной — рисовался исключительно в мрачных тонах, то для других Запад предстал в виде зеркальной альтернативы всему происходящему в СССР, но уже с положительным знаком.

В условиях экономического кризиса 1929–1933 гг. советская печать широко освещала действительно имевшие место факты резкого ухудшения положения широких масс, роста безработицы и социальной напряженности, массового разорения крестьянских хозяйств.

«Если охарактеризовать в двух словах истекший период, его можно было бы назвать периодом переломным. Он был переломным не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического подъема, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому упадку» — заявил И. В. Сталин на XVI съезде²². Четыре года спустя, на XVII съезде, он высказался еще более определенно: «Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономиче-

ский кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства»²³.

Постепенно ситуация в странах Запада стабилизировалась, но тезис о постоянном ухудшении положения трудящихся (к нему было лишь добавлено определение «относительное») и нарастании классовой борьбы остался, догматизировался и воспроизводился при каждом удобном случае, со временем заменив собой идею «мировой революции».

В пропаганде утверждалось мало соответствующее реальности представление о том, что СССР является одним из основных мировых «центров притяжения». Англия и Америка, как говорил И. В. Сталин еще на XIV съезде в 1925 г., выступали в качестве такого центра для буржуазных правительств, а СССР — для рабочих Запада и революционеров Востока²⁴. Одновременно создавался образ СССР как позитивной альтернативы Западу.

Преувеличивалась роль СССР в международной политике. На самом деле в 1930-е гг. даже в европейских делах западные страны предпочитали скорее игнорировать СССР, чем видеть в нем основного соперника. Ситуация стала меняться по мере нарастания фашистской угрозы, но и тогда потенциальные возможности СССР как союзника на Западе склонны были преуменьшать. Несомненно существовавшие в политике капиталистических стран антисоветские тенденции никогда не были определяющими именно из-за невысокого мнения о реальном весе СССР. Советская же пропаганда постоянно подчеркивала решающее влияние Советского Союза на всю систему международных отношений. Как писали «Известия» 29 июля 1931 г., СССР, благодаря его размерам, социальной структуре и уровню развития, являлся могущественной силой на мировой арене. «Советский Союз превратился в могучую социалистическую державу, оказывающую огромное воздействие на весь ход международного развития» — утверждалось в брошюре, изданной Наркоматом обороны и предназначенной для системы марксистско-ленинской учебы командного состава²⁵.

Неадекватное представление о роли СССР в мире сопровождалось возникновением своеобразной иллюзии превосходства в отношении достижений советской культуры. Признавая определенную отсталость культуры материальной, официальная пропаганда основной упор стала делать на успехах в области культуры вообще, и политической культуры в частности. Постепенно, особенно среди молодежи, сформировалось представление о том, что учиться у Запада уже нечему.

К концу 30-х годов стереотипы массового сознания в основном были сформированы именно официальной пропагандой. Это не означает, что они механически повторяли ее; зависимость на самом деле была гораздо более сложной. Пропаганда служила *основным материалом* для формирования стереотипов, которые порой упрощали ее до неузнаваемости, порой искажали, а иногда формировались просто «от противного», например: «положение безработного очень тяжелое, за несчастным супом стоят огромные очереди, а мы полностью снабжаем рабочий класс, что ему необходимо, но мы очень хорошо не можем снабжать, так как мы жертвуем в пользу социалистического строительства», — говорили на занятиях пропагандисты. А в ответ раздавались реплики: «Вы сравниваете столь тяжелую жизнь в капиталистических странах, но это не так, ибо приезжие безработные из Америки лучше выглядят наших рабочих»²⁶. Характерно, что говорящие это не встречали, да и не могли встретить приехавших из Америки безработных.

Запад в целом, как подчеркивает культуролог И. Г. Яковенко, «оказывался одним из стержневых концептов, с которым соотносилось, отталкиваясь от которого самоосознавалось, по отношению к которому структурировалось советское общество»²⁷. Вместе с тем он никогда не был абсолютно однородным; напротив, среди западных стран, как в пропаганде, так и в массовом сознании, всегда выделялась страна, представляющая собой основную угрозу для СССР.

На протяжении большей части межвоенного периода это почетное звание сохраняла за собой Великобритания²⁸. В беседе с королем Афганистана Аманулла-ханом в мае 1928 г.

нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин так оценил ее восприятие в советском обществе: «У нас в самых широких слоях населения чувства к Англии абсолютно не нежные, ибо с самого начала нашего существования Англия на всех фронтах, повсюду создавала нам затруднения, играла главную роль в интервенции и теперь пытается прижать нас к стене... Не Англия имеет основания опасаться нашего нападения, но мы имеем основания опасаться нападения Англии. Готовит ли Англия сама войну против нас, мы увидим позже. Англия всегда стремилась толкать других вместо себя на военные действия. Она может толкнуть против нас Польшу»²⁹.

В начале 1930-х гг. в качестве главного врага выступала, хоть и недолго, Франция. В брошюре о международном положении, вышедшей в 1931 г., ей был посвящен отдельный раздел с красноречивым названием «Франция — во главе наших врагов», в котором, в частности, подчеркивалось: «Главную, ведущую роль в подготовке интервенции против СССР играет Франция... Растущая мощь Германии и Италии, открытые уже заявления о необходимости пересмотра Версальского договора заставляют Францию торопиться с подготовкой войны против СССР»³⁰.

С 1933 г. роль главного врага постепенно переходит к гитлеровской Германии. Однако после подписания пакта Молотова — Риббентропа и начала Второй мировой войны, по крайней мере на политическом и пропагандистском уровне, на первой место вновь выдвигается Великобритания (массовое сознание, впрочем, воспринимало это с большим трудом³¹). В директиве Исполкома Коминтерна руководству английской компартии в сентябре 1939 г. прямо говорилось: «Не фашистская Германия, пошедшая на соглашение с СССР, является опорой капитализма, а реакционная анти-советская Англия с ее огромной колониальной империей»³².

За годы Германия прочно закрепила за собой первое место в списке врагов. И после войны, когда в официальной пропаганде это место прочно заняли Соединенные Штаты Америки, военный опыт по-прежнему многое определял в сознании советского общества³³.

* * *

Предметом исследования в данной монографии являются представления о войне, формировавшиеся в советском обществе в 20–30-е годы, и — применительно к союзникам — в годы Второй мировой войны. Что касается советской пропаганды на тему грядущей войны, эта тема будет затрагиваться лишь вскользь, так как в последние годы вышел целый ряд обобщающих работ³⁴ и отдельных статей³⁵, посвященных этим сюжетам.

Вместе с тем представления о будущей войне, бытовавшие в массовом сознании, почти не являлись предметом научного исследования³⁶. В общих работах, посвященных изучению массового сознания 1930-х гг., тема будущей войны либо полностью отсутствует³⁷, либо только слегка затрагивается³⁸. Правда, в последние годы опубликован ряд статей, принадлежащих автору данной монографии³⁹.

В монографию О. В. Дружбы вошел специальный параграф «Картина будущей войны в общественном сознании 30-х годов»⁴⁰. Однако как раз общественное сознание охарактеризовано там лишь в самом общем виде, к тому же достаточно односторонне. Большую часть параграфа занимают высказывания Сталина на тему о будущей войне, цитаты из советской прессы, характеристика книг и кинофильмов о будущей войне и т. п. Что касается представлений о войне, бытовавших среди населения, они, во-первых, проанализированы лишь применительно к предвоенным годам, и, во-вторых, анализ этот основан на нескольких мемуарах, дающих, однако, не совсем адекватную картину этих самых представлений.

* * *

В настоящей работе автор сознательно отказался от опоры на мемуары, используя их лишь в качестве отдельных иллюстраций. Как по цензурным соображениям (это относится прежде всего к мемуарам, выходившим в советское

время, но не только), так и по причине естественной аберрации памяти, все они написаны с учетом понимания того, что происходило позднее⁴¹. Классическим примером может служить цитата из воспоминаний наркома авиационной промышленности А. И. Шахурина: «К тому времени, когда меня назначили наркомом (1940 г.), было совершенно ясно, что войны нам не избежать. Никто не ошибался и в отношении предполагаемого противника. Это могла быть только гитлеровская Германия»⁴². На самом деле в те годы не только в массовом сознании, но и среди военной и политической элиты, как будет показано ниже, существовали самые различные представления и об угрозе войны, и о предполагаемом противнике.

Данная монография основана в первую очередь на секретных информационных материалах 1920–1940-х гг., которые готовились для всех уровней политического руководства, отражали сиюминутную ситуацию (иногда в масштабе одного-двух дней, иногда недели, декады, месяца или нескольких месяцев) и не предназначались для широкого использования.

Система «обратной связи», старательно создававшаяся большевиками, заслуживает отдельного рассмотрения. Она была достаточно многоканальной. Совершенствовалась и расширялась унаследованная от старого режима система перлюстрации, причем полученные с ее помощью материалы регулярно представлялись высшему руководству страны — подобная практика была заведена еще В. И. Лениным. Если в 1918–1920 гг. цензоры выписывали лишь по несколько наиболее характерных фраз, то в 1924–1925 гг., отмечает современный исследователь, «письма копировались достаточно подробно: переписывалось все, что представляло интерес для информации о политических настроениях населения. Амплитуда выписок была широкой: условия повседневной жизни, обстановка в учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях, деревнях и воинских частях, сообщения о происшествиях и преступлениях, отношение к властям и их деятельности, суждения об образовании, куль-

туре, религии и политике. Советская власть очень хотела знать подлинные настроения, мысли и чувства народных масс, не ограничиваясь тем, что высказывалось на собраниях, и материалами официальной печати»⁴³.

Подготовкой материалов, отражающих общественные настроения, занимался созданный в 1921 г. Информационный отдел ОГПУ; впрочем, материалы для него представляли и другие отделы, например, особый, секретный, контрразведывательный, восточный и др. (в 1931 г. информационный отдел вошел в состав секретно-политического отдела). В годы войны его функции выполняло Третье управление НКВД СССР.

Существовал весьма многочисленный аппарат осведомителей. Были созданы «в каждом государственном, общественном, кооперативном и частном учреждении или предприятии, а также в ВУЗ[ах] и там, где это представляется возможным» бюро содействия ГПУ, члены которых должны были систематически собирать информацию о всякого рода явлениях антисоветского характера, периодически представлять в ГПУ сводки о политическом состоянии личного состава учреждения или предприятия и т. д.⁴⁴

В дневнике одного из бывших осведомителей НКВД, сохранившемся в «Народном архиве», есть такая запись за 1934 г.: «Вчера был в НКВД... 3 основные установки в моей работе. О настроениях масс по поводу революционного движения в Испании. Октябрьские торжества и разговоры. Не подготавливается ли покушение на Сталина...»⁴⁵

Количество осведомителей, завербованных органами ОГПУ — НКВД в 20–40-е годы, неизвестно до сих пор. Существуют различные, как правило, преувеличенные оценки относительно масштабов агентурной сети. Однако соответствующие документы остаются под грифом «секретно»; более того, у части публикаторов есть тенденция даже упоминания о существовании агентуры (например, в информационных сводках) рассматривать как «раскрытие методов оперативной работы» и вычеркивать из документов. Впрочем, некоторое представление о масштабах агентурной сети мо-

гут дать отрывочные свидетельства: так, осенью 1941 г. часть агентурной московской сети была переведена на нелегальное положение на случай занятия города и области немцами. Эта часть составила по Москве 553 человека, по области 123 человека, всего 676 человек. По свидетельству Н. А. Ломагина, в годы войны в действующей армии численность осведомителей особых отделов составляла примерно 3% личного состава (в частности, в войсках Ленинградского фронта около 15 тыс. человек)⁴⁶.

Что касается «объектов» внимания, дело обстоит следующим образом. В годы нэпа председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский предлагал, в частности, следующее: «Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) беллетристы, 2) публицисты и политики; 3) экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т. д.); 4) техники (здесь тоже подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т. д.); 5) профессора и преподаватели и т. д. и т. п. Сведения должны собираться нашими отделами в отдел по интеллигенции. *На каждого интеллигента должно быть заведено дело* [курсив мой — А. Г.] Каждая группа и подгруппа должна быть освещаемая всесторонне компетентными товарищами, между которыми эти группы должны распределяться нашим отделом. Сведения должны проверяться с разных сторон, так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения»⁴⁷.

Сведения о настроениях интеллигенции время от времени попадали в качестве отдельного раздела в информационные сводки ОГПУ. Но, несмотря на указания Дзержинского, на практике особой важности настроениям этой «прослойки», как правило, не придавалось: так, в информационном сообщении ОГПУ по Уралу за июнь — август 1927 г. подчеркивалось: «О настроении интеллигенции как по отношению к войне, так и внутрипартийному положению никаких материалов не имеется. В этом отношении надо сказать, что учета настроений этой социальной группы не ве-

лось и не ведется в настоящий момент»⁴⁸. В апреле 1924 г. Секретариат ЦК утвердил временное положение об информотделе, который состоял из подразделов: разработки местной информации; центральной информации; общего. Главная задача: «вовремя подмечать и улавливать потребности и настроения партии, рабочего класса и крестьянства». Бросается в глаза, что интеллигенция в этом перечне отсутствует.

Гораздо более подробно освещались настроения рабочих и крестьян⁴⁹.

Как замечает по поводу подобных сводок современный исследователь, «относительность достоверности видится в тройной степени погрешности, присущим любым агентурным документам: во-первых, многое зависит от политических позиций, симпатий источника информации, во-вторых — от личности готовящего сводку или донесение, в-третьих, как известно, люди не всегда говорят вслух то, что думают на самом деле (как, впрочем, не всегда думают и о том, что и кому говорят). Вместе с тем отмеченные погрешности в большей мере влияют на персональные оценки и характеристики, единичные высказывания и отдельные факты. Для обобщений, выявления основных тенденций общественных настроений они не имеют решающего значения, поскольку в достаточной мере сглаживаются, нивелируются»⁵⁰. При этом необходимо помнить, что в сводки, которые отправлялись «наверх», попадали, как правило, типичные, характерные высказывания, многократно встречающиеся в донесениях агентуры, в материалах цензуры и т. д.⁵¹

Постепенно, по мере укрепления Советской власти, обостренный интерес к настроениям масс немного притупился, и, в отличие от 1920-х гг., когда для советского политического руководства готовились ежедневные или еженедельные сводки о настроениях на уровне губерний, а также объемные сводки «О политическом состоянии и экономическом расслоении деревни», о низовом советском аппарате, ежемесячные обзоры политико-экономического состояния СССР в масштабах всей страны, с середины 30-х годов их заменили спецсводки или спецсообщения, обычно готовя-

щиеся по какому-либо случаю. В годы войны их, в частности, составляли по откликам на важнейшие выступления И. В. Сталина, события на фронте, международные события, например, подписание договоров, и т. д. Сводки составлялись по традиционной схеме — в начале делался почти обязательный вывод о массовой поддержке того или иного решения, выступления и т. п., затем приводились примеры, это подтверждающие, и лишь затем — примеры «негативных», «антисоветских» и т. п. высказываний (с указанием фамилии, часто — места работы, и, как правило, пометкой — «арестован» или «ведется следствие»).

Помимо органов безопасности, вторым важнейшим каналом получения информации о настроении общества служили сводки и обзоры, подготовленные партийными органами.

В ЦК ВКП(б) существовал информационный отдел, созданный по решению VIII съезда РКП(б) в апреле 1919 г. для сбора и анализа информации, поступавшей от местных парторганизаций. Чуть позже, в сентябре 1919 г., был создан отдел особой информации Совнаркома, ВЦИК и ЦК РКП при РОСТА, который собирал сведения об отношении населения к Советской власти, используя, помимо РОСТА, материалы ВЧК и др. В конце 1920 г. он был преобразован в информационный подотдел Организационно-инструкторского отдела. Информационный отдел был воссоздан постановлением XIII партконференции (январь 1924 г.) в апреле 1924 г. в период борьбы с «новым курсом» Л. Д. Троцкого для лучшей постановки «информации о деятельности ЦК и внутрипартийной жизни вообще»⁵². В апреле 1924 г. Секретариат ЦК утвердил временное положение об информотделе, который состоял из подотделов: разработки местной информации; центральной информации; общего. Главная задача: «вовремя подмечать и улавливать потребности и настроения партии, рабочего класса и крестьянства». В конце 1920-х гг. в Информотделе ЦК имелись группы: промышленная, деревенская, национальная, территориальная, а также группа разработок, предлагавшая новые темы сборы материалов и схемы отчетности⁵³.

В эти структуры поступали материалы обкомов и крупнейших горкомов в виде сводок об отношении коммунистов и населения в целом к тем или иным кампаниям, изменениям в политике и т. п. Иногда практиковались и опросы по телефону, которые также оформлялись в виде итоговой сводки.

Обкомы и горкомы получали материалы из райкомов партии, которые имели своих информаторов. В этой роли, во-первых, выступали секретари первичных парторганизаций, а во-вторых, так называемые нештатные информаторы, которые работали «на общественных началах». Иногда они работали в контакте с первичными организациями, но предпочитали информировать горком или райком напрямую, минуя парторганизации. На крупном предприятии таких информаторов могло быть несколько; причем они как правило представляли не только сведения о деятельности парторганизаций, но высказывания, услышанные в частных разговорах, слухи и толки (подобные случаи, как правило, оговаривались). В ряде случаев партийными информаторами выступали сотрудники спецотделов, а иногда, как можно предположить, и нештатные сотрудники органов безопасности.

Кроме того, обзоры и сводки о настроениях готовило Главное политическое управление РККА и ВМФ, а также органы ВЛКСМ, ВЦСПС, государственные органы, в частности прокуратура, и т. д. Аппарат Верховного совета СССР, в том числе секретариат председателя Президиума Верховного совета М. И. Калинина составлял обзоры поступивших жалоб.

Важным, а главное, практически не искаженным источником являлись письма, направленные в ЦК партии. Необходимо, однако, отметить, что такие письма (если речь не шла о конкретных жалобах) отправляла как правило наиболее социально и политически активная часть общества, причем настроенная достаточно лояльно. В меньшей степени все вышеперечисленные каналы информации позволяли проследить за настроениями «молчаливого большинства»; тем не менее, определенные возможности для этого существовали.

Главным недостатком почти всех подобных информационных материалов является отсутствие каких бы то ни было статистических данных (исключение — материалы перлюстрации). Если в США уже в 1935 г., в Великобритании в 1937-м, во Франции — в 1939-м начали работу институты Гэллапа, проводившие регулярные опросы общественного мнения, давая тем самым довольно объективную, а главное, динамичную картину, в том числе и по вопросам внешней политики, в СССР подобных институтов не было.

Тем не менее в 1920-е гг. нередко проводились социологические обследования разного рода. Так, в 1927 г. в связи с 10-летием Октября Институтом методов школьной работы было проведено обследование идеологии современного школьника. Опросом было охвачено 120 тыс. человек, всего проанализировано более 1,5 млн высказываний. Другими словами, мы имеем достаточно репрезентативную картину настроений *нового поколения*, которое в скором времени будет определять историю страны⁵⁴.

Подводя итог, можно сказать, что, как правило, советские информационные материалы все же не позволяли представить удельный вес тех или иных настроений в обществе. Составители сводок обычно подчеркивали массовость или, напротив, единичность подобных настроений, однако подобные оценки субъективны, ничем не подтверждены и в результате порой вызывают сомнения. Однако очевидно, что советское политическое руководство имело в целом достаточно полную и адекватную картину *спектра настроений* в обществе; при этом важнейшим условием достоверности информации являлся ее комплексный характер — перепроверка данных одних материалов другими. Время от времени информационные материалы сигнализировали о проблемах, появление которых не предвиделось и не осознавалось наверху. Контроль над общественным мнением позволял более эффективно влиять на него. Кроме того, система сбора информации способствовала контролю над всеми уровнями и разновидностями властных структур.

* * *

Пользуюсь случаем вспомнить добрым словом своих покойных учителей В. Г. Трухановского, Ю. С. Борисова и других, ныне здравствующих; поблагодарить друзей и сотрудников из Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, а также коллег из ИРИ, научных институтов и университетов Москвы, других российских городов за поддержку и добрые советы при написании этой работы. Большое спасибо и работникам московских архивов, а также архивов Вологды, Екатеринбурга, Ижевска, Омска, Челябинска и др. за их всегда доброжелательное отношение. И, конечно, особое спасибо моей жене за ее помощь, поддержку и терпение.

ГЛАВА 1

«Окно в мир можно закрыть газетой»: Каналы получения информации о внешнем мире

В данной главе мы рассмотрим, по каким каналам проникала в советское общество информация о внешнем мире. Очевидно, что речь должна идти и об обмене информацией как таковой, и о личных контактах¹.

В публикациях последних лет советское общество, особенно применительно к периоду 1930–1950-х гг., часто определяется как «закрытое»². Одни авторы формулируют это достаточно безапелляционно. «Информационная блокада явилась частью общей блокады сферы духовной жизни народа... С начала 1930-х гг. можно говорить о полной информационной блокаде в СССР», — утверждает, например, И. В. Павлова³. Другие подчеркивают, что «административно-чиновничья система особые старания прилагала для изоляции общества от событий и явлений, происходивших в зарубежном мире»⁴. Третьи отмечают лишь создание предпосылок «закрытого общества»⁵. Но одновременно само применение данного термина вызывает у части исследователей советского общества явное отторжение. Нередко в этой связи встречаются упоминания о пролетарском интернационализме, об обостренном интересе к внешнему миру у молодежи, особенно в связи с ожиданиями мировой революции, о «всемирной отзывчивости» русской культуры и т. д.

Конечно, вряд ли можно точно измерить степень «закрытости» того или иного общества от внешнего мира. Тем не менее вопрос о том, какая именно тенденция, на «закрытость» или «всемирность», в эти годы преобладала, заслуживает специального рассмотрения.

Прежде всего, необходимо развести два понятия, «государство» и «общество». История знает действительно закрытые государства (классический пример — Япония эпохи сёгуната), однако СССР в те годы поддерживал дипломатические, торговые, культурные отношения со многими странами, советские граждане выезжали за рубеж, в СССР существовала достаточно многочисленная иностранная колония. Более того, господствующая идеология претендовала на «всемирность», особенно в первые послереволюционные годы. Впрочем, и накануне Второй мировой войны в официальной пропаганде подчеркивалась перспектива превращения СССР в «мировую республику»⁶. Существовала развернутая инфраструктура, специально предназначенная как для революционной деятельности и пропаганды (помимо Коммунистического (Третьего) интернационала существовали Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн), Международный крестьянский совет (Крестинтерн), Красный спортивный интернационал (Спортинтерн), Интернационал инвалидов, Интернационал пролетарских свободомыслящих и т. п.), так и для расширения официальных культурных, научных и общественных связей с заграницей⁷. Нет особой необходимости доказывать, что эти структуры лишь формально могли считаться общественными, фактически же выполняли функции, возложенные на них государством, создавались и финансировались им. С другой стороны, на Западе многие интеллектуалы левого толка воспринимали СССР именно как прообраз «новой цивилизации», могущий служить образцом для всего мира. Так, книга видных английских социологов С. и Б. Вебб, вышедшая впервые в 1935 г., называлась «Советский Союз — новая цивилизация?», причем вопросительный знак, содержащийся в заглавии, снимался всем содержанием книги⁸. Подобные представления активно поддерживались советской пропагандой. Уже поэтому определение «закрытое» в отношении государства представляется преувеличением.

С другой стороны, «закрытым» может считаться общество, замкнутое по отношению к иным социумам, убежденное в превосходстве собственной культуры, религии, образе жизни; черты такого общества можно найти, скажем, в той же Японии, средневековом Китае, и даже, в некоторой степени, в Московской Руси. Однако динамика развития внешнеполитических стереотипов советского общества была достаточно сложной, как это было показано в предыдущей главе.

Тем не менее тенденция, направленная на «закрытость» если не государства (заинтересованного, в частности, в сохранении и расширении сферы политического и экономического влияния, в получении из-за границы современного оборудования и новейших технологий), то, по крайней мере, общества, в политике советского руководства тех лет прослеживается вполне явственно. Это проявлялось в стремлении контролировать и ограничивать как получение достоверной информации о жизни за рубежом, так и всевозможные личные (т. е. существующие помимо официальных) контакты советских граждан с иностранцами.

Исследователи уже неоднократно отмечали, что советское общество 1930-х гг. «находилось в плену недавно пережитых войн и продолжало оставаться в состоянии «взведенного курка», ощетинившегося на весь мир и на себя самое»⁹. В полной мере это относилось и к психологии политической элиты¹⁰. Характеризуя ее, трудно найти более удачную формулировку, чем та, что содержится в одном из неопубликованных выступлений М. И. Калинина в ноябре 1934 г.: «Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соответствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостному режиму»¹¹.

Несоизмеримо выросший объем информации в современном обществе привел к появлению (в основном уже в XX в.) различных технологий, связанных с ограничением доступа к ней, регулирования, дозирования ее и соответствующей обработки, особенно в условиях так называемых

тоталитарных режимов. Не составляла исключения и информация о внешнем мире.

Представления о внешнем мире складываются на основе нескольких информационных блоков¹². Один из них, исторический, составляют сведения об истории и культуре того или иного государства. Здесь возможности для самостоятельного получения и освоения достаточно объективной информации сохранялись. Классическая культура Запада не только не запрещалась, но, хотя и с существенными изъятиями, активно пропагандировалась; сохранялись музеи, библиотеки, использовалась литература, вышедшая до революции и в первые послереволюционные годы. Фрагментарность представлений об истории, политических традициях, миропонимании, свойственном иным культурам, в какой-то степени компенсировала переводная художественная литература.

Второй важнейший блок, политико-информационный, составляет информация о политической, социальной, культурной *современной* жизни других стран. Именно эти сведения должны были играть определяющую роль в создании адекватной картины мира. Однако оба основных канала получения информации, относящейся к данному блоку, а именно система образования и средства массовой коммуникации, находились под жестким политико-идеологическим контролем. Как иронически отмечал Станислав Ежи Лец, «окно в мир можно закрыть газетой». Впрочем, не менее удачный образ нашел известный литератор М. А. Кузмин, который записал в дневнике в августе 1934 г., во время работы Первого съезда советских писателей: «Запад сквозь правительственные очки...»¹³

В историографии иногда встречается утверждение, что информация о жизни зарубежных стран свободно поступала в СССР. «Самоизоляция СССР всегда была весьма относительной. Благодаря книгам, фильмам заинтересованные советские граждане могли ознакомиться с бытом других народов», — пишет современный российский исследователь¹⁴. Однако книги или фильмы о жизни и быте других

стран подвергались тщательному отбору, часто переводились или дублировались со значительными купюрами. Это относилось и к изобразительному искусству, и даже к музыке. «Наше искусство искусственно и насильственно оторвано от развития искусства во всем мире. Мы не видели *современного* [курсив документа — авт.] искусства Европы и Америки вот уже сорок лет» — записал в дневнике в июне 1956 г. историк С. С. Дмитриев¹⁵.

*Пожалуй, наиболее образно охарактеризовал ситуацию в июле 1929 г. М. М. Пришвин: «Наша республика похожа на фотографическую темную комнату, в которую не пропускают ни одного луча со стороны, а внутри все освещено красным фонариком...»*¹⁶

Основным источником информации о внешнем мире служили советская пресса и радио. В материалах так называемого «Гарвардского проекта»¹⁷ есть данные о том, что газеты служили основным источником информации для 59% служащих, 47% представителей интеллигенции, 30–35% рабочих и 18% колхозников. На втором месте стояла устная информация — проще говоря, слухи, которые служили основным источником информации для 60% колхозников, 34% представителей интеллигенции, 43% рабочих (для квалифицированных рабочих этот показатель составлял 26%). На третьем месте стояло радио — его в качестве основного источника указывали от 9 до 22% опрошенных¹⁸. Правда, для школьников, как было установлено одним из обследований 1920-х гг., важнейшим источником социально-политических представлений являлись как раз слухи, домашние или уличные разговоры и т. п. (этот источник назвало свыше 20% опрошенных); соответственно, занятия по политграмоте и чтение газет и другой политической литературы заняли второе и третье место¹⁹. Однако необходимо учитывать, что применительно к информации о внешнем мире слухи появлялись преимущественно на основании газетных публикаций²⁰.

Особенное значение газеты приобретали в кризисных ситуациях — и, как правило, тогда-то их и не хватало. Так, в

только что освобожденной Литве в июне 1945 г. работники «Союзпечати» спекулировали газетами, перепродавая их по завышенным ценам, причем особой популярностью пользовалась «Советская Литва» и столичные газеты («Правда», «Известия», «Пионерская правда» и пр.), а для любителей предлагались и антисоветские издания²¹.

При этом уже в 1920-е гг. наблюдатели отмечали как рост интереса в массах, в деревне в том числе, к газетным материалам, так и умение читать их. Как записал в своем дневнике в январе 1929 г. М. М. Пришвин, «многие за последнее время простые люди привыкли газеты читать, и им легко вспомнить, как странно казалось им в газете при первоначальном неумении выбирать нужное, встречать один за другим разнородные, несвязанные между собой факты»²².

Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Сначала — проигранная Русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть на место России в мире; революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В еще большей степени на массовое сознание повлияла Первая мировая война. Как писала газета «Московская копейка» 19 января 1915 г., «темный деревенский народ, как никто, интересуется войной, попавшая в деревню газета прочитывается и перечитывается по нескольку раз, зачитывается до дыр, до лохмотьев. Читают вдумчиво, разбирая внутренний смысл каждой строчки»²³. Именно в годы войны, как вспоминал впоследствии провинциальный издатель, тираж губернской газеты вырос с 7 до 10 тыс. экземпляров, причем впервые газету стали выписывать рабочие (хотя пока и немногие)²⁴.

Интерес не только города, но и деревни к внешнему миру можно проиллюстрировать материалами обследований, проводившихся в середине 1920-х гг. В одну из волостей Тверской губернии накануне Первой мировой войны поступало за год 31 тыс. экземпляров газет. К 1923 г., когда подписка подорожала, количество газет упало до 2 тыс. эк-

земляков. Но уже в 1924 г. волость получила почти 25 тыс. экземпляров, в 1925 г. — около 60 тыс., в 1926 г. — больше 100 тыс. При этом, в отличие от 1913 г., когда газеты выписывала сельская интеллигенция и зажиточные крестьяне только для себя, в 1920-е гг. одна газета читалась, как правило, в 3–4 дворах²⁵. При этом именно международные известия (в первую очередь связанные с ожиданиями войны) вызывали особый интерес.

Конечно, на огромной российской территории встречались районы и города, куда даже слухи не доходили. Так, в январе 1925 г. участник 1-го Всесоюзного учительского съезда И. Я. Пейсель из Обдорска²⁶ писал в ответе на анкету: «Во всем городе получают лишь 12 [видимо, экземпляров — *авт.*] газет и журналов. По приезду в Москву и выслушании съездовских докладов, мы сразу почувствовали себя выросшими, так как узнали многое из того, что не доходило в Обдорск, даже в форме слухов. Я возвращаюсь со съезда, так сказать, начиненный знаниями и знакомством с политической обстановкой не только в нашей стране, но и на Западе»²⁷.

Альтернативных каналов получения информации почти не существовало. Большинство советских граждан, в том числе и большинство политической элиты 1920-х, а особенно 1930-х гг., не владело в достаточной степени иностранными языками и, следовательно, не могло использовать западную прессу или сообщения иностранного радио.

Впрочем, поступление иностранной прессы в СССР было очень ограниченным: списки допущенных и запрещенных изданий пересматривались и утверждались на Политбюро. Но и к «допущенной» прессе даже в столицах доступ имели немногие, что же касается провинции — ограничимся цитатами из отчетов Омского обллита. И в годовом отчете за 1923 г., и в полугодовом за вторую половину 1925 г. содержатся похожие фразы: «Иностранных газет и журналов через гублит в пределах Омска и губернии не распространялось» (1923); «через Омский Окрглит иностранные газёты не проходили и не проходят» (1925)²⁸.

Как отмечал в отчетном докладе за 1926 г. начальник Главлита П. И. Лебедев-Полянский, «ввоз иностранной непериодической литературы советскими книжными фирмами уменьшился вдвое по сравнению с 1925 г. В 1925 г. — 8816 названий, в 1926 г. — 4449 названий. Периодика: 1925 г. — 83 890 номеров, в 1926-м — 8017. Из общего количества непериодической литературы на иностранных языках пропущено²⁹ 13% и на русском — 3. Причины недопущения: антимарксистское и антисоветское содержание, религиозная агитация и чуждая идеология (в детской литературе)»³⁰.

В 20-е годы иностранные источники в какой-то степени заменяла эмигрантская пресса, издающаяся на русском языке. В апреле 1921 г. президиум ВЦИК принял постановление о выписке 20 экземпляров каждой из ведущих эмигрантских газет. В апреле 1922 г. в связи с подготовкой процесса правых эсеров Политбюро приняло решение о снабжении эсеровской газетой «Голос России» и меньшевистским журналом «Социалистический вестник» губкомов РКП(б) и утвердило смету на выписку 20 экземпляров каждого издания³¹. Однако эти издания предназначались лишь для относительно узкого круга, прежде всего партийной элиты.

Одновременно, как только по окончании гражданской войны была восстановлена почтовая связь с границей, среди руководства оживились опасения, связанные с проникновением таким путем иностранной (в том числе эмигрантской) периодики. Уже в январе 1922 г. нарком иностранных дел Г. В. Чичерин выразил озабоченность тем, что «по почте уже посылаются газеты частным лицам. Допускать это значит восстановить возможность печатной агитации против нас. По Москве будут ходить какие-нибудь ярко агитационные номера белогвардейской печати». Признавая, однако, «что неудобно просто декретировать воспрещение ввоза газет из границы», Чичерин предложил создать комиссию для рассмотрения этих вопросов из представителей Политбюро, ВЧК и НКВД³².

Опасения советского руководства отнюдь не были беспочвенными: только на московском почтамте в 1925 г. в

месяц задерживали до 5000 экземпляров эмигрантских газет и от нескольких сотен до полутора тысяч различных листовок и воззваний³³. В апреле 1925 г. информационный отдел ОГПУ сообщал: «Необходимо отдельно отметить рассылку воззваний различных монархических групп (в частности, она налажена по Ленинградской губернии, откуда письма получают в ряде губерний)»³⁴.

Различными, иногда довольно экзотическими, путями (например, через сплавщиков леса из Псковской губернии, которые возвращались из Латвии в СССР³⁵) подобная почта доходила до адресата и при этом попадала не только в крупные промышленные центры, но и в деревню. Так, в сентябре 1925 г. секретарь Александровского сельсовета Луганского округа (Украина), «разбирая прибывшую почту, обнаружил заграничную белогвардейскую газету “Парижский вестник”, присланную одним эмигрантом своему родственнику Калиниченко и прочтя газету заявил присутствующим крестьянам: “Вот где действительно свобода слова, печати, а у нас бойся рот раскрыть, не то напечатать или что-нибудь сказать”»³⁶.

В результате в марте 1930 г. появился секретный циркуляр спецотдела ОГПУ, в котором утверждалось, что «наблюдаются случаи присылки в СССР из заграницы разной белогвардейской литературы и всевозможных контрреволюционных листовок. Зачастую эта литература и листовки вкладываются в почту или пересылаются с разного рода грузами, идущими из-за границы в адрес наших советских и хозяйственных учреждений и предприятий. Попадая в руки сотрудников учреждений и предприятий, эта литература затем нелегально распространяется среди населения нашего Союза»³⁷. ОГПУ предложило простой до гениальности выход, возможный, впрочем, только в СССР: отныне вся иностранная корреспонденция поступала в секретные части соответствующих учреждений и лишь после проверки выдавалась адресатам, все грузы также принимались только сотрудниками секретных частей.

С середины 1920-х гг. круг людей, имевших доступ к иностранной прессе и другим альтернативным источникам

информации постепенно сокращается. В 1925 г. резко сужается круг получателей «контрреволюционной литературы»³⁸. Если в 1922–1923 гг. чтение подобной литературы разрешалось, например, всем сотрудникам «Правды», то в 1924–1925 гг. для этого требовалось уже специальное разрешение ответственного секретаря редакции М. И. Ульяновой³⁹. В марте 1925 г. отдел печати ЦК определил «список враждебных эмигрантских издательств, книги коих, независимо от их содержания, не пропускаются в пределы СССР»⁴⁰.

Как вспоминает учившийся в 20-е годы на 2-месячных курсах групповодов в Коммунистическом университете им. Свердлова В. И. Васильев, слушатели курсов были допущены в библиотеку ЦК партии. Но при этом «в библиотеке отбирали входной билет, и давали читать иностранные [очевидно, эмигрантские — *авт.*] газеты без права выписывать что-либо в свою тетрадь»⁴¹.

Подобная практика вызывала недовольство не только среди интеллигенции, в том числе партийной, но и в массах. Так, на беспартийной конференции в августе 1925 г. в Иваново-Вознесенской губернии была подана записка, в которой помимо прочего спрашивалось: «Почему у нас в республике нет свободной печати и почему в губкоме можно читать заграничные эмигрантские газеты только членам губкома и укома, а рабочим нельзя — где же тут собака зарыта. Если у вас все чисто, то и нечего бояться, чтобы не давать»⁴².

В 1926 г. информационный отдел ОГПУ направил письмо за подписью заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды на имя секретаря ЦК Молотова, в котором приводились следующие данные. Только через НКВД в СССР выписывалось 1134 экземпляра эмигрантской прессы. Например, «Социалистический вестник» выписывали 240–300 ведомств и лиц⁴³. К тому же большинство командированных за границу также покупали его (по сведениям ОГПУ — до 500 экз.). В письме утверждалось, что ряд «белоэмигрантских» изданий вообще существовал только благодаря их распространению в СССР по завышенным расценкам. Пред-

лагалось издать секретный циркуляр с запрещением членам партии покупать эти издания, создать комиссию для установления порядка ознакомления с ними, а количество выписываемой в СССР эмигрантской прессы сократить до 35 экземпляров⁴⁴.

Вскоре, в январе 1927 г., подписка на эмигрантскую прессу была запрещена. До этого момента официально эмигрантскую прессу могли выписывать любые организации и лица. На практике, однако, когда информационный отдел ЦК ВКП(б) в связи с запрещением подписки запросил списки подписчиков, которые уже успели оформить ее в конце 1926 г., в ответах с мест подчеркивалось, что подписывались на эти издания лишь партийные комитеты, начиная с районных⁴⁵.

Вместо эмигрантских изданий в крупнейшие парткомы было решено рассылать специальные обзоры, подготовленные информационным отделом ЦК, причем количество парткомов, имеющих право на их получение, постоянно сокращалось. Так, заместитель заведующего информационным отделом ЦК в октябре 1929 г. в докладной записке на имя секретаря ЦК Л. М. Кагановича перечислял 36 парткомов и 4 другие организации (в том числе ОГПУ), которые просили присылать им обзоры эмигрантской прессы. Составитель записки, однако, рекомендовал рассылать обзор лишь в 16 парткомов и 3 организации; затем кто-то (возможно, сам Каганович или один из его помощников) карандашом вычеркнул из списка 5 парткомов и 2 организации. Таким образом количество адресатов сократилось с 40 до 12⁴⁶ (на самом деле, как будет показано ниже, в 1927–1930 гг. рассылалось несколько сотен экземпляров таких обзоров).

В 1927 г. по поводу содержания пробных обзоров были получены любопытные отзывы важнейших должностных лиц и организаций. Если в отзыве ОГПУ, подписанном Г. Г. Ягодой, говорилось о желательности использования лишь статей, имеющих политическое значение, и предлагалось не включать в обзоры любые «сообщения сенсационного характера» как «совершенно не отвечающие действи-

тельности», то нарком финансов Н. П. Брюханов, напротив, полагал, что есть смысл публиковать наиболее характерные «хроникерские и хронические выдумки» о событиях в СССР, так как «в них подчас удачнее всего отражаются чаяния и вожеления белой эмиграции». Своеобразную точку в этой минидискуссии поставил заведующий отделом печати ЦК С. И. Гусев, решительно указавший: «Белогвардейское вранье не помещать»⁴⁷. Нет необходимости пояснять, что в разряд «белогвардейского вранья» можно было при желании отнести любую информацию, противоречащую официальной.

Практически полный комплект «Сводок белоэмигрантской прессы» за 1927–1930 гг. сохранился в бывшем партийном архиве Свердловской области (г. Екатеринбург). Всего за этот период было выпущено 102 «сводки» (впрочем, многие номера оказывались сдвоенными). Они представляли собой тетрадку из 16–24 листов большого формата. На второй странице всех сводок печаталось «Постановление ЦК о порядке хранения и пользования сводками белоэмигрантской печати». Оно дословно гласило: «1. Хранить “сводку” должны лично товарищи, которым посылается сводка, или их доверенные лица (обязательно члены ВКП); сводку надлежит хранить в нескораемых шкафах. 2. Рассылаемые экземпляры сводки хранению не подлежат, а по истечению 3 месяцев подлежат сожжению по особому акту⁴⁸. 3. Отдельные товарищи (члены ЦК, ЦКК, руководители центральных учреждений и т. п.), получающие сводку, могут за своей ответственностью знакомить с ее содержанием самый узкий круг товарищей — членов ВКП(б), коим это по роду их работы действительно необходимо. 4. Секретари ГК, ОК, крайкомов, обл[астных] бюро ЦК и нац[иональных] ЦК могут знакомить со сводкой только членов парткомов, членов соответствующих КК, редакторов газет и руководителей проп[агандистских] групп ЦК»⁴⁹.

В 1927 г. были разосланы 42 еженедельные сводки (об их общем количестве говорит то, что экземпляр, поступавший в 1927 г. в Уральский обком, имел номер 417, а в 1928 г. —

322), в 1928 г. — 28 сводок, в 1929 г. — 29 и, наконец, в 1930 г. — 3 сводки.

Главной темой сводок была ситуация в СССР и положение внутри самой эмиграции по материалам таких авторитетных газет, как «Возрождение», «Дни», «Последние новости», «Руль», «Социалистический вестник» и др.⁵⁰ Например, в сводке № 3–4 от 2 марта 1929 г. были воспроизведены, помимо прочего (по всей видимости, полностью), такие статьи, как «Настроения в России», «Комсомольские настроения», «Как понимают фашизм в России» из «Последних новостей» и передовая статья «Хлебные карточки» из «Возрождения»⁵¹. Важно отметить, что все номера газет, из которых были взяты статьи, вышли с 9 по 14 февраля; другими словами, весь цикл занимал не более двух недель.

Однако в марте 1930 г. издание сводок белоэмигрантской прессы было прекращено. Вместо них уже 12 марта вышел первый «Бюллетень заграничной печати». Подчеркивалось, что «для ознакомления руководящих кадров партии с освещением в заграничной печати положения СССР Секретариат ЦК ВКП(б) счел целесообразным издание Секретным отделом “Бюллетеня заграничной печати”. В бюллетене будет даваться обзор буржуазной, социал-демократической и белогвардейской (в т. ч. троцкистской) печати»⁵².

На первый взгляд, подобное изменение представлялось вполне логичным. Партийные работники, не владеющие за редким исключением иностранными языками, могли теперь знакомиться хотя бы с некоторыми материалами западной прессы. Однако на практике подобное изменение привело не к росту объективных представлений о внешнем мире и о самом СССР, а, скорее, к их сокращению. Действительно, количество изданий русского зарубежья было ограничено, и сводки позволяли довольно подробно представить их содержание; к тому же, общее настроение всех без исключения эмигрантских газет было в лучшем случае критическим по отношению к Советской власти. Зато безбрежный океан зарубежной прессы позволял найти любые статьи с любым «направлением» (не случайно сразу же в перечне использо-

ванных изданий появились коммунистические, а также никому не известные провинциальные газеты, где можно было найти публикации буквально на любой вкус, в том числе и об успехах социалистического строительства в СССР). Другими словами, бюллетени заграничной печати были на порядок более субъективными, чем сводки эмигрантской прессы.

В первом выпуске бюллетеня были представлены разделы «Общее положение СССР» (выдержки из статей «Таймс», «Роте Фане» и др.), «Положение в деревне» («Таймс», «Манчестер Гардиан», «Тан» и др.), «О советах» («Социалистический вестник», «Дни»), «Кампания против преследований религии» («Манчестер Гардиан», «Каррент Хистори», «Дэйли Геральд» и др.), «Внешнее положение СССР», «О Красной армии», «Разное». Подобные разделы (обычно, впрочем, их насчитывалось меньше) были и в последующих выпусках, но уже в пятом выпуске появились разделы «О положении в Индии» и о состоянии английской независимой рабочей партии.

В Свердловском архиве сохранились и засекреченные инструкции по выдаче «Бюллетеней заграничной печати» и списки получавших их лиц за 1933 г. Это секретарь горкома, заведующие отделами горкома (иногда их заместители), председатель горсовета — всего каждый номер читали 4–5 человек из многотысячной городской партийной организации. Бюллетени выдавались строго под расписку, в одной из инструкций, определявших порядок их выдачи, они красноречиво именовались «конспиративными материалами»⁵³.

Постепенно подобные секретные обзоры и сводки «для служебного пользования» стали получать все большее распространение, однако их содержание все меньше отличалось от материалов, публикуемых официальной советской прессой. Так, в закрытых (они готовились ежедневно в количестве всего 24 экз.) информационных сводках Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС), в частности за май — июнь 1935 г., основное место занимали крат-

кие пересказы сообщений западной печати о различных проявлениях «кризиса капитализма» и нарастании революционных настроений, а также об успехах советской культуры. Лишь изредка встречались нейтральные сообщения о новостях культурной жизни на Западе. Никаких материалов, существенно дополнявших сообщения советской прессы или критически оценивавших советскую действительность, в данных сводках не было⁵⁴.

Позднее к таким обзорам (их, помимо ВОКСа, готовил ТАСС и некоторые другие организации) добавились и переводы избранных книг для узкого круга. Так, 29 мая 1936 г. члены Политбюро опросом решили: «Принять предложение т. Радека об издании книги Веббов «Советский коммунизм — новая цивилизация» в количестве 2000–3000 экз. для распространения по списку»⁵⁵ (позднее и английские издания книги Веббов оказались в спецхране). Издавалась в СССР «для служебного пользования» в 1936 г. и «Майн Кампф»⁵⁶.

Сохранились пометы И. В. Сталина на экземпляре этой книги из его личной библиотеки; некоторые из них были опубликованы Д. А. Волкогоновым. «Я тоже видел это же издание книги “Майн кампф”, но в фонде Михаила Ивановича Калинина, с собственноручными пометами “всесоюзного старосты”», — пишет Б. С. Илизаров, и отмечает, что «читал Калинин с интересом, это очевидно, но в то же время, предполагаю, боялся, что потом его пометы прочитает кто-то, кому не следовало бы их видеть, и он с экспрессией отмечает прочитанное репликами: “Фу, какая глупость!” или “Мелкий лавочник!”, — явно рассчитанными на стороннего читателя»⁵⁷.

Проблема, однако, заключалась в том, что даже среди «узкого круга» допущенных к подобной литературе многие не очень-то ею интересовались. Так, Н. С. Хрущев, будучи членом Политбюро и руководителем крупнейшей, притом пограничной союзной республики — Украины, наряду с другими «избранными», получил «Майн Кампф», однако «не мог ее читать, потому что меня буквально выворачивало; не

мог спокойно смотреть на такие бредни, мне стало противно, не хватало терпения, и я ее бросил недочитавши»⁵⁸. И в этом Хрущев был не одинок. Как вспоминал генерал армии М. А. Гареев, ему приходилось встречаться с ответственными сотрудниками, работавшими перед войной в НКВД и Генштабе, которые признавались, что никогда полностью не читали и не принимали всерьез рассуждений фюрера в этой книге⁵⁹.

В результате в личных записях заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова по итогам заседания Оргбюро ЦК в декабре 1936 г. появилась такая фраза: «Не знаем, что говорит о нас враг, не читают [так в документе — *авт.*] иностранных газет...»⁶⁰

* * *

Советская интеллектуальная элита находилась, с точки зрения доступа к информации, в несколько лучшем положении, чем остальные социальные группы, включая и политическую элиту. Играло роль знание языков, позволявшее читать иностранную прессу и слушать радио (а также, что немаловажно, нацеленность на получение подобной информации, реальный интерес к происходящему за пределами СССР, умение анализировать и т. д.)

Так, в дневниках К. И. Чуковского за 1921–1923 гг. неоднократно встречаются упоминания: «...Сегодня все утро читал нью-йоркскую “Nation” и лондонское “Nation & Athenaeum”. Читал с упоением... вдруг после огромного перерыва прочитал “Times” — и весь мир нахлынул на меня... Перелистал я новые номера “London Mercury” — каждая статья интересна... Сегодня прочитал книжку “London Mercury”, с упоением...» и пр.⁶¹ И академик В. И. Вернадский в своих дневниках постоянно отмечал и комментировал материалы западной прессы.

Писатель В. Вишневский, возглавлявший Оборонную комиссию Союза советских писателей, постоянно слушал сообщения английского, германского, французского радио.

«Получая каждый день кучу иностранных газет (а владею английским, немецким и французским, начал изучать испанский и итальянский), ясно вижу, как обостряется международная обстановка», — записывал в своем дневнике «красный профессор» А. Г. Соловьев, работавший в 30-х годах в Институте мирового хозяйства и мировой политики⁶².

В течение какого-то времени для узкого круга сохранялись некоторые независимые каналы получения информации. Известный декрет 1922 г. «Об улучшении быта ученых» предусматривал свободный выезд научных работников за границу и получение оттуда литературы⁶³. Однако постепенно наличие даже столь незначительного (в масштабах страны) исключения из правил стало вызывать раздражение политического руководства. Так, в докладной записке Г. Г. Ягоды и начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Г. Е. Евдокимова от 9 января 1930 г. сообщалось, что «наиболее удобным способом сношения с заграницей, широко используемым академиками, была переправка корреспонденции и документов через академическое Бюро международного книгообмена». При этом авторы записки особо подчеркивали, что через это же Бюро академики нелегально получали эмигрантскую литературу⁶⁴.

В 1929 г. в библиотеке Академии наук была введена цензура иностранных журналов. В ходе работы так называемой «комиссии Фигатнера» заведующий иностранным отделом БАН С. К. Пилкин объяснял: «Мы получаем некоторое количество заграничных журналов, в которых часто появляются статьи антисоветского содержания, к нам обращаются представители ГПУ с просьбой указать, какие меры мы принимаем, чтобы эти антисоветские статьи не проникали дальше, и вот нам пришлось завести просмотр такого рода журналов, чтобы явно выраженное антисоветское направление не проникало дальше»⁶⁵.

С конца 20-х годов сокращаются бюджетные средства, выделяемые научным учреждениям на закупку иностранной периодики и научной литературы. Возникали и иные, чисто административные ограничения.

Уже в мае 1935 г. специально созданный для содействия проведению в СССР Международного физиологического конгресса правительственный комитет вынужден был «просить Главлит дать распоряжение о беспрепятственном пропуске через границу научной литературы иностранных делегатов конгресса»⁶⁶.

Конечно, общая картина была не столь однозначной. Так, профессор З. Г. Френкель, который в 1933–1936 гг. был председателем ученого совета в ленинградском Институте коммунального хозяйства, позднее с гордостью вспоминал, что «существенным достижением было обеспечение библиотеки Института всей советской и новейшей зарубежной специальной литературой. В те годы (1933–1938) удавалось получать основные английские, американские, французские и немецкие периодические издания. Каждый день я начинал просмотр свежих журналов и изданий, отмечая в них то, что могло иметь прямое или косвенное отношение к работе ИКХ»⁶⁷. Таким образом, в условиях постоянной борьбы политических и прагматических тенденций, столь характерной для советской действительности, первостепенное значение могла, как в данном случае, получать личная инициатива, активность заинтересованных лиц.

Немало сложностей возникало при получении иностранной литературы отдельными, пусть даже и выдающимися учеными. В дневниках академика Вернадского постоянно встречаются записи о переboях с доставкой иностранной прессы. Так, в феврале 1932 г. он писал: «Письма на почту о неприсылке “Weekly Times”⁶⁸. Явно перехватывают и м. б. даже организовано. 3 естественно-исторических журнала приходят аккуратно, а этот — нет. Есть или любители читатели, или — за деньги. Легко свалить на цензуру: она явно не при чем, по крайней мере, заверяют и, я думаю, не лгут: они не чувствуют и не понимают всего ужаса и позора своей работы, чисты сознанием». Но уже через несколько дней, потеряв терпение, Вернадский приходит к противоположному выводу: «Не получаю “Weekly Times”: думаю, что помимо главной есть и 2-я цензура, и она действует самостоя-

тельно»⁶⁹. Позднее, в декабре 1934 г., он отмечал, что не доходит «New York Times»⁷⁰, и вообще — «доходили естественнаучные журналы и теряются общие журналы и газеты»⁷¹.

Трудно сказать, что имел в виду академик, говоря о «2-й цензуре», и существовало ли нечто подобное в действительности; тут еще много неясного. Конечно, общественно-политическая пресса, в отличие от чисто научных изданий, не могла не привлекать особого внимания соответствующих инстанций⁷². Но вполне вероятно и другое: кто-то из работников почты интересовался происходящим в мире не меньше Вернадского.

Постепенно усложнилась ситуация и с получением научных изданий. «Одним из самых основных недостатков научной работы в нашем Союзе, требующим немедленного, коренного и резкого перелома, является ограниченность нашего знакомства с мировым научным движением», — писал В. И. Вернадский председателю СНК В. М. Молотову в феврале 1936 г. Он подчеркнул, что с 1935 г. «наша цензура обратила свое внимание на научную литературу... Это выражается, в частности, в том, что с лета 1935 года систематически вырезаются статьи... Целый ряд статей и знаний становятся недоступными нашим ученым»⁷³. Еще более резко академик высказался в августе 1936 г.: «Цензура вообще стала бессмысленно придирчивой, небывало глупой и бесцеремонной». Обращения Вернадского к главе правительства возымели, впрочем, действие: начальник Главлита С. Б. Ингулов получил выговор за «превышение власти», и на некоторое время ситуация применительно лично к Вернадскому изменилась к лучшему⁷⁴.

В сентябре 1938 г. вышел не подлежащий оглашению приказ уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита СССР, содержащий «Список учреждений и организаций, имеющих право получения запрещенной в СССР иностранной литературы».

Все учреждения и организации, там упомянутые, были разделены на 3 категории. В первую категорию входили 52 организации, имеющие право на получение без просмотра

всей иностранной литературы, в том числе секретариат СНК, ЦК ВКП(б), Верховный Совет СССР, редакции «Правды» и «Известий», НКВД, Иностранный отдел ГУГБ НКВД, иностранные посольства (!), ТАСС, Институт марксизма-ленинизма, а также видные деятели иностранных компартий.

Вторую категорию составили 30 организаций и лиц, имеющих право получать всю литературу, кроме белоэмигрантской, троцкистской и фашистской, в том числе ВЦСПС, библиотеки им. В. И. Ленина, им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Академии наук, действительные члены Академии наук СССР.

Наконец, третья категория, означавшая право на получение прежде всего научно-технической и специальной литературы, включала в себя свыше 100 адресатов, в том числе Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Наркомпрос, Союз безбожников, редакции центральных газет, республиканские академии наук, крупные заводы и т. д.⁷⁵

Что касается основной массы советской интеллигенции, она вынуждена была довольствоваться чтением советских газет. Это, впрочем, не исключало возможности достаточно глубокого анализа международной ситуации. Так, в воззвании, подброшенном во время съезда советов в Славяно-Сербском районе Донецкой губернии и составленном, вероятно, кем-то из представителей сельской интеллигенции, говорилось: «Германия, несмотря на то что она побежденная, все же промышленность в ней дает 90–95% довоенной производительности, и это все покупается населением, значит производительность есть, есть и покупательская способность, страна любая при таких условиях может процветать»⁷⁶.

Примеры критического анализа советской прессы, позволяющего делать выводы, далекие от желаемых для самих авторов публикаций, содержатся в опубликованных дневниках тех лет⁷⁷.

Конечно, извлекать таким образом достоверную информацию удавалось далеко не всегда; так, долго живший на Западе и имевший возможность читать иностранную прес-

су, В. И. Вернадский тем не менее признавал, например, что итоги президентских выборов в Германии в 1932 г. оказались для него неожиданными: «Победа Гинденбурга — Гитлера и status quo коммунистов в Германии — при условии кризиса — серьезный признак, который здесь учитывается. Я не ожидал — влияние здешних “газет”?»⁷⁸ Характерны кавычки, в которые академик поставил слово «газеты», несомненно, имея в виду специфику советской прессы.

Не только представители интеллигенции критически оценивали материалы советской печати. Так, в марте 1926 г. в письме на имя И. В. Сталина крестьянин Н. Жариков подчеркивает, что «большинство изданий нашей периодической литературы страдает бессодержательностью, вялостью и заведенной монотонностью». Причину подобного явления он видит в том, «что государство пользуется монопольно печатью»⁷⁹. А некий комсомолец Кропотов, работник текстильной фабрики им. Ленина в Свердловске, в марте 1928 г., выступая на собрании, заявил: «В наших газетах пишут, что за границей капиталисты удлиняют рабочий день, снижают зарплату, а разве у нас лучше... Зачем нас обманывают и еще тычут пальцем на капиталистов Германии, Англии и др.»⁸⁰

Передачи иностранного радио были доступны только тем, кто знал иностранные языки; кроме того, многие просто опасались слушать эти передачи. Как вспоминала научный работник Л. А. Исаакян, «появилось радио “Филипс” — был такой приемник в доме, где я жила. И я там, совершенно обезумев, слушала по ночам и музыку, и французов, и австро-венгров, и кого хотите. Этого нельзя было делать в 30-е годы, поэтому хозяйка говорила: “Тихо, тихо, тихо, чтоб тут не было слышно, и чтоб соседи не знали, что ты слушаешь это радио”»⁸¹.

В воспоминаниях музыканта Ю. Б. Елагина, который в 1930-е гг. работал в театре им. Вахтангова, упоминается и такое исключение из правил: «Нашей совсем уже из ряда вон выходящей привилегией было то, что раз в неделю на кинофабрике “Мосфильм” специально для нас, вахтангов-

цев, демонстрировались ленты заграничной кинохроники... Мы смотрели американские и немецкие хроникальные фильмы. Мы видели скачки в Париже, журналистов на приеме у президента Рузвельта, гитлеровские ночные шествия с факелами, теннисные состязания на Кубок Дэвиса, Муссолини, говорящего речь с балкона дворца в Риме и заседание английского парламента»⁸². Конечно, для основной массы советских зрителей заграничная кинохроника была доступна лишь в отдельных фрагментах, соответствующим образом подобранных, смонтированных и прокомментированных⁸³.

В декабре 1927 г. в беседе с членом Коллегии НКВД, впоследствии заместителем наркома иностранных дел Б. С. Стомоняковым, финский посол в СССР, выражая озабоченность слабым знакомством советского народа с Финляндией, высказал мысль о целесообразности издания для распространения в СССР книг на русском языке о географии, истории, культуре Финляндии, которые «будут служить целям объективной информации, а не пропаганды». Стомоняков «сослался на свою неосведомленность и на то, что, насколько мне известно, еще не было случая распространения у нас книг о других странах, изданных этими странами»⁸⁴. Как бы предвосхищая предложения финского коллеги, глава чехословацкой миссии в Москве Й. Гирса отмечал в 1926 г., что «сама мысль о каком-либо распространении иностранной периодики в СССР... становится при существующих советских цензурных и административных порядках попросту беспредметной»⁸⁵.

Не случайно, когда в июне 1941 г., буквально накануне Великой Отечественной войны, в ходе проверки букинистических магазинов было обнаружено некоторое количество иностранных изданий, не прошедших цензуру, последовал категоричный вывод: «Проникновение большого количества (28 томов за квартал) иностранной литературы фашистского и антисоветского содержания в букинистические магазины говорит о том, что работники некоторых посольств нашли хорошую лазейку в лице букинистических магазинов для пропаганды своих идей»⁸⁶.

Что касается советской официальной информации о внешнем мире, можно с уверенностью говорить, что уже в 1920-е гг. пропаганда была ориентирована на создание «правильной» картины мира. Задача эта облегчалась тем, что еще в первые годы Советской власти возникла партийно-государственная монополия на средства массовой информации. Все же в советской печати содержался довольно значительный объем объективной информации о положении в мире (тем более, что в те годы оно было далеко не радужным: последствия мировой войны, экономические трудности, реальное, а не выдуманное нарастание революционных настроений в ряде стран, в том числе колониальных — все это находило отражение в советской печати и при этом в основном соответствовало действительности). Кроме того, в этот период позитивные, лишенные идеологической окраски знания об окружающем мире рассматривались как важная часть общего образования и культуры, и в этом качестве — как средство успешного строительства социализма.

Впрочем, обсуждение внешнеполитической информации, даже и с «правильных» позиций, приветствовалось далеко не всегда. Так, в мае 1927 г. по всей стране был разослан секретный циркуляр отдела печати ЦК ВКП(б), в котором подчеркивалось, что апрельский пленум ЦК признал недопустимым открытие дискуссии по китайской революции⁸⁷. Однако в ряде крупнейших провинциальных газет появились статьи представителей оппозиции и ответы редакции, выражающие точку зрения партии, что фактически означает дискуссию. Вывод заведующего отделом С. И. Гусева был безапелляционен: «не допускать дискуссий»⁸⁸.

В конце 1920-х гг. система международной информации стала быстро идеологизироваться. Место прежних, часто складывавшихся стихийно и лишенных идеологической окраски стереотипов занимали идеологемы, «возвышающие собственные идеологические и политические ценности и культивировавшие чувство враждебности к “чужим” идеологическим и политическим ценностям»⁸⁹.

Практика отбора информации подвергалась резкой критике за «безыдейность», недостаточное включение материала в определенную идеологическую схему, внимание, уделяемое интересным, выигрышным с точки зрения журналистики, но непринципиальным с политической точки зрения деталям. «Было признано: такое положение больше терпеть нельзя. Нужно политизировать информацию. Поставить ее на службу самым насущным вопросам эпохи», — вспоминал один из первых советских журналистов-международников Н. Г. Пальгунов, впоследствии заведующий отделом печати МИДа и генеральный директор ТАСС. По его мнению, «последней каплей», переполнившей чашу терпения политического руководства, явилось освещение советской прессой процесса подготовки и подписания «пакта Бриана — Келлога» в 1928 г. Пресса, подчеркивал Пальгунов, слишком много внимания уделяла различным несущественным деталям (способным, однако, заинтересовать читателя) и игнорировала многие политические аспекты события⁹⁰.

Примером того, как цензура оценивала международную информацию, появлявшуюся в газетах, могут служить обзоры прессы, сохранившиеся в архивах. Так, в «Кратком обзоре окружных газет Уральской области», составленном по отдельным номерам газет за июль и декабрь 1928 г., приводились следующие примеры «аполитичных» заголовков (речь шла о положении в Китае) — «Мукденцы без боя покинули Пекин», «Чжан Цю Лин опасно ранен в голову». Как подчеркивал цензор, «совершенно очевидно, что подобные заголовки ничего не дают задаче нашей политической информации. Они политически бездушны»⁹¹. В закрытом обзоре газеты «Вечерняя Москва» (март 1932 г.) в вину журналистам ставилось то, что они не прокомментировали надлежащим образом информацию об отставании Москвы от Берлина и Нью-Йорка по числу подстанций «Скорой помощи». По мнению составителя обзора, комментарий должен был ответить на вопрос, какое количество подстанций «Скорой помощи» находится в пролетарских кварталах Нью-Йорка⁹². В «Бюллетене Главлита СССР» за октябрь 1936 г. в «Сводке

важнейших изъятий, задержаний и конфискации» шла речь о конфискации тиража районной газеты «За колхоз» (Островский район Ленинградской области). Причиной послужило сообщение об увеличении срока службы в немецкой армии, опубликованное под рубрикой «В защиту мира»⁹³.

Весной 1932 г. внимание цензора привлекла статья с «политически верным» заголовком «Цепные псы капитализма» в многотиражной газете Учебного комбината связи. В статье цитировались такие высказывания лидеров западной социал-демократии: «Советский рай — это деградирующая голодная страна, которой не могут понять только немецкие коммунисты. Русский рабочий живет хуже, чем немецкий, и это не скроешь коммунистическими баснями... Он не имеет ни хозяйственных, ни политических прав, он не может открыто выражать свое мнение, он живет угнетенный и придавленный и ходит одетый в лохмотьях». Неясно, о чем свидетельствует данный пассаж — о простодушной наивности журналиста, или все же о сознательной попытке хотя бы в такой форме высказаться о ситуации в стране (второе, впрочем, представляется менее вероятным). В любом случае, статья была снята из номера⁹⁴.

На состоявшемся в июне 1930 г. XVI съезде ВКП(б) речь шла о дальнейшем возрастании угрозы военного нападения на СССР и необходимости в связи с этим всесторонней, в том числе идеологической, подготовки к войне. Оценки и решения съезда послужили толчком к дальнейшему усилению внимания к системе внешнеполитической информации и ужесточению контроля над ней.

В резолюциях состоявшегося в июле 1930 г. 2-го Всесоюзного агитационно-пропагандистского совещания подчеркивалось, что слабое отражение международных вопросов является серьезнейшим недостатком содержания политических занятий. «Значительно шире и глубже должны быть поставлены вопросы международного положения, экономического кризиса капитализма, мирового революционного движения, ибо этого требует необходимость усиления интернационального воспитания бойцов в РККА»⁹⁵.

В августе 1930 г., также отталкиваясь от решений XVI съезда, агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) провел совещание редакторов центральных газет по вопросу постановки иностранной информации в печати. В принятом постановлении отмечалось возрастание интереса трудящихся к международной информации и ставилась задача обеспечивать «интернациональное воспитание трудящихся в духе солидарности с борьбой международного пролетариата и внедрение в их сознание правильного понимания процессов внутри мирового капитализма». Для этого требовалось «в максимальной мере использовать те возможности в области углубленного показа отрицательных сторон капиталистической системы и условий революционной борьбы рабочих и колониальных, и полуколониальных народов, которые представляет *широко, систематически поставленная, надлежащим образом комментированная и обработанная внешняя информация* [курсив мой — авт.]» Однако, по мнению авторов постановления, в данный момент состояние внешнеполитической информации оставалось совершенно неудовлетворительным. Ей уделялось мало места, изложение не всегда учитывало уровень читателей, а главное, «освещение отдельных фактов международной политики и интернациональной классовой борьбы носит преимущественно отрывочный характер и не увязывается со всей системой крупных процессов, происходящих в капиталистических странах». В числе мер, предложенных совещанием, были такие, как подготовка квалифицированных коммунистических кадров журналистов-международников, политизация работы корреспондентов ТАСС за границей, укрепление связей с Коминтерном, Профинтерном, иностранными компартиями и др.⁹⁶

Примером «правильной картины мира», представленной в советской прессе, может служить отрывок из воспоминаний Н. А. Седикова⁹⁷. Автор воспоминаний несколько лет работал за границей, занимал заметные должности в советском государственном и партийном аппарате. Трудно сказать, как он на самом деле воспринимал «внешний мир»;

по крайней мере, в своих недавно опубликованных мемуарах он так воспроизводит свои впечатления от номера «Правды» за 22 июня 1941 г.: «Я получил газету “Правда”, просматриваю — передовая статья — “Народная забота о школе”. “Пленум Московского областного комитета ВКП(б) об итогах весеннего сева и предстоящей уборке урожая 1941 г.” “Сахарной свекле — образцовый уход”. Лекция — “Свобода и необходимость”. Фотоснимок — новый Киевский стадион. Какое замечательное сооружение! “Подготовка к Всесоюзному дню физкультурника” — это день, который не забывается никогда, который как в зеркале отражает всю нашу прекрасную жизнь. Какой жизнерадостный, мобилизующий будет фильм об этом празднике. Сколько надежд он несет всему передовому человечеству. Как-то на просмотре такого фильма сидящий со мной рядом рабочий говорит: “Скажи пожалуйста, до чего же хороша жизнь, смотришь на все это и хочется еще больше работать, а ведь для буржуев за границей — это бомба”.

Это у нас, а в капиталистических странах: “Война в Западной Европе”. “Война в Африке, в Средиземном море”. “Война в Сирии, в Китае”. Изуверские, грабительские дела фашистов во Франции, Чехословакии, Польше, Греции, Югославии, Бельгии, Голландии, Норвегии.

Всюду война. Кругом нас разбойничьи дела империалистов. Всюду идет истребление самых лучших, передовых людей и уничтожение ценностей, созданных этими людьми. Капиталисты затеяли очередную грабительскую войну, без которой они не могут существовать.

А мы, социалистическая страна, среди этого старого, прогнившего насквозь и погибающего империалистического мира идем семимильными шагами к завершению той новой жизни, о которой человечество мечтало с древнейших времен, — к коммунистическому обществу»⁹⁸.

Изменения происходили и в организации радиовещания. В октябре 1926 г. в отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос о «Рабочей радиогазете». В материалах, подготовленных к обсуждению ее руководителем

А. А. Садовским, утверждалось: «Радиогазета при известных условиях может быть мощным политическим орудием, особенно в моменты крупных международных потрясений (пример: английская забастовка в мае 1925 г.)»⁹⁹.

Созданное в 1924 г. акционерное общество «Радиопередача» обладало определенной организационной и творческой самостоятельностью. Постепенно, однако, такая ситуация перестала устраивать политическое руководство. Началась длительная реорганизация радиодела, которая завершилась в январе 1933 г., когда постановлением СНК СССР был образован Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию. Его первым председателем был назначен П. М. Керженцев.

Одновременно вводилась жесткая цензура микрофонных текстов, в 1932 г. были ликвидированы радиогазеты, в 1936 г. была введена обязательная рассылка микрофонных материалов из Москвы для местного вещания, наконец, в 1937 г. были запрещены радиопереклички¹⁰⁰.

Усиливалась централизация в области средств массовой информации (впрочем, как и в других областях). В плане работы ВОКС на 1929–1930 гг. необходимость этого мотивировалась следующим образом: «Во всех областях, в которых соприкасается социалистическое государство с капиталистическим миром, оно выработало особые формы взаимоотношения с ним». Документ разъяснял, что речь идет о монополии внешней торговли и централизованном характере дипломатических отношений. По аналогии и в области культурных связей необходима подобная монополия: «Всесоюзное общество культсвязи с заграницей должно явиться призмой, отражающей за границей те области культурной жизни народов Союза, которые нам полезно показывать под углом наших политических задач... Ввиду невозможности допустить бесконтрольное проникновение из-за границы спорных или чуждых культурных течений, таким фильтрующим и контролирующим органом должен являться ВОКС»¹⁰¹. И впоследствии, на протяжении 1930–1940-х гг. руководство ВОКС неоднократно претендовало, впрочем,

без особого успеха, на монополию в этой области. В частности, председатель ВОКС В. С. Кеменов в декабре 1940 г. в обширной докладной записке, направленной секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Жданову и Г. М. Маленкову, негативно оценил деятельность всех прочих учреждений и организаций, причастных к культурной пропаганде за рубежом, и в очередной раз предложил предоставить ВОКС монополию в этой области¹⁰². Очевидно, что установление более жесткого контроля над всеми сторонами жизни советского общества, в том числе и в области внешнеполитической информации и пропаганды, отвечало не только идеологии и общим интересам режима, но и чисто бюрократическим аппетитам отдельных ведомств.

Специальное постановление ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 г. объявило ТАСС «центральным информационным органом Союза ССР», наделив его «исключительным правом: а) распространения за границей информации о Союзе ССР; б) распространения в пределах Союза иностранной и общесоюзной информации»¹⁰³. В январе 1935 г. последовало соответствующее постановление ЦИК и СНК СССР¹⁰⁴.

Ограничения охватывали не только сферу печати и информации. В 1928 г. состоялось Первое всесоюзное партийное киносовещание при ЦК ВКП(б), которое в своем постановлении призвало проводить «решительный курс на дальнейшее сокращение импорта картин, постепенно ограничивая импорт культурными и высокохудожественными фильмами. Однако при обязательном условии идеологической допустимости для нас ввозимых картин»¹⁰⁵.

Разрастался аппарат, осуществлявший цензурные функции.

Уже в декабре 1918 г. вышло «Положение о военно-революционной цензуре», в соответствии с которым цензуре подлежали все книги, издававшиеся в РСФСР. До июня 1922 г. на них ставился обязательный знак «РВЦ. № ...» (что означало «революционная военная цензура»)¹⁰⁶. В июне 1922 г. декретом СНК РСФСР было образовано Главное управление по делам литературы и издательств Наркомпроса

РСФСР (Главлит), ставшее главным органом советской цензуры, в функции которого входил предварительный и текущий контроль над издательской деятельностью, а также ввозом литературы из-за границы.

В декабре 1923 г. К. И. Чуковский записал в дневник свои (может быть, утрированные, но показательные) впечатления от посещения ленинградского обллита: «Вчера и третьего дня был в цензуре. Забавное место. Слонового вида угрюмый коммунист — без юмора — басовитый — секретарь. Рыло кувшинное, не говорит, а рывкает. Во второй комнате сидит тов. Быстрова, наивная, насвистанная, ни в чем не виноватая, а в следующей комнате — цензора, ее питомцы: нельзя представить себе более жалких дегенератов: некоторые из них выходили в приемную — каждый — карикатурен до жути...»¹⁰⁷

Уже в 1922–1923 гг. были созданы отделы специального хранения (спецхраны) в Книжной палате, Румянцевской библиотеке (позднее Библиотеке им. В. И. Ленина) в Москве и Публичной библиотеке в Ленинграде для хранения секретной и антиправительственной литературы. С 1923 г. спецхраны из ведения библиотек перешли под контроль Главлита и Главполитпросвета. Постепенно туда же стали поступать практически все эмигрантские и многие иностранные издания. В результате только в спецхране Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в конце 30-х гг. было 4 тыс. иностранных книг¹⁰⁸.

О том, как была организована работа спецхранов, можно узнать из опубликованных материалов Горьковского обллита. Закрытый спецфонд был создан при Горьковской областной библиотеке им. В. И. Ленина в 1936 г. в соответствии с приказом Главлита. К 1947 г. туда было передано почти 18 тыс. экземпляров печатной продукции. Так как каждое издание должно было сохраняться не более, чем в 2 экземплярах, около 4 тыс. «лишних» экземпляров было уничтожено. Своеобразным «ноу хау» Горьковского обллита явилось создание временных, «дочерних» спецфондов, или, вернее, «спецшкафов», — такие спецшкафы были со-

зданы при вузовских библиотеках в годы войны, Временно (т. е. на период войны) помещенная в них литература должна была выдаваться лишь по решению дирекции и партбюро вуза.

В спецфонд поступали книги, газеты и журналы, вышедшие в свет, но впоследствии изъятые Главлитом; издания, выпущенные с соответствующими грифами, например, «для служебного пользования», и иностранные издания, пропущенные Главлитом, но с ограничениями; наконец издания из числа «устаревших, а также не подлежащих выдаче по политическим соображениям», изъятые из библиотек¹⁰⁹.

Массовые чистки библиотечных фондов начали проводиться с 1923 г., хотя изъятия как таковые в соответствии с инструкциями Наркомпроса происходили и раньше. В журнале «Красный библиотекарь» даже появилась специальная рубрика «К очистке библиотек».

О том, как происходило изъятие не отвечающих господствующей идеологии книг «на местах», российских и иностранных одновременно, свидетельствует протокол 1928 г., сохранившийся (в единственном экземпляре) в одном из провинциальных архивов.

В комиссию вошли представители губоно, губархбюро, губернской библиотеки, ГПУ, гублита, однако реально присутствовали лишь представители губоно и библиотеки. Были подготовлены два списка (несколько сотен книг в каждом) — «Для полного изъятия» и «Для передачи губернской библиотеке». При этом предполагалось «литературу, утвержденную к полному изъятию, разрешить реализовать в Госторге, придав непригодный для прочтения вид или уничтожить на месте»¹¹⁰.

Не успели справиться с «чисткой» советских библиотек, особенно в связи с политическими процессами 30-х годов, когда пришлось перевести в спецхраны большую часть политической литературы, изданной в 20-е годы, как возникли новые проблемы.

В 1939–1940 гг. были присоединены Западная Украина и Белоруссия, Бессарабия, прибалтийские страны, а также часть финских территорий. И везде, как в публичных биб-

лиотеках, так и в частных домах, как подчеркивалось в письме в «Правду» из Выборга в январе 1941 г., «остались десятки и сотни книг на русском языке, изданных в Хельсинки, Риге, Берлине». При этом само собой разумеется, что «содержание этих книг — антисоветское... В кабинете директора ремесленного училища хранятся явно фашистские книги (на финском языке), которые давно следовало бы изъять»¹¹¹.

В Литве за первое полугодие 1941 г. силами местного Главлита были просмотрены книжные фонды 71 библиотеки, 52 книжных магазинов, изъято около 27 тыс. книг, отобрано для пересмотра 30 тыс.¹¹²

Помимо географии, на цензуру по-прежнему действовала и политика. Сближение с гитлеровской Германией привело к тому, что в феврале 1940 г. в «Список книг, подлежащих изъятию из продажи и из библиотек» попали труды Н. Корнева «Третья империя в лицах» (М., 1937) и Э. Отвальта «Путь Гитлера к власти» (М., 1933). Причиной послужило то, что автор первой книги «очень остро говорит об изуверстве германского фашизма и непрочности той базы, на которой держится фашизм. В условиях настоящего времени описываемое содержание книги не соответствует нашей внешней политике», а во второй книге «имеется ряд мест, которые сейчас, после заключения СССР договора о дружбе с Германией, нежелательны... Плохо говорится о Гитлере (на многих страницах)»¹¹³.

Вскоре, в связи с указаниями Главлита, были сданы в макулатуру как «устаревшие» многие книги и брошюры издания 1938–1939 гг. Это были книги антифашистского характера, в том числе принадлежавшие перу видных деятелей западных компартий, в том числе М. Тореза. Тогда же большое количество книг о фашизме было переведено в спецхран.

Впрочем, отношения советской цензуры с гитлеровской Германией были гораздо сложнее, чем может иногда показаться. В январе 1941 г. литовский Главлит буквально искромсал несколько номеров местной газеты на немец-

ком языке, «Дейтше Нахрихтен фюр Литauen», вычеркивая из них такие, в частности, пассажи: «Немец не желал войны. Ему эта война была навязана миром, ненавидевшим всей душой новую Германию, как предтечу и носителя новой идеи, нового, лучшего мирового порядка... Мы будем иметь европейско-африканские, российско-азиатские и американские пространства». Убирались упоминания о высоком уровне социального обеспечения в гитлеровской Германии. Наконец, передовая статья «Истинные пути национал-социалистического народа» была снята целиком «как проводящая агитацию за фашизм и расхваливающая Гитлера»¹¹⁴.

Буквально накануне войны очередь дошла и до букинистических магазинов. В первой половине 1941 г. сотрудники Мособлгорлита дважды проводили их проверку. «Результаты удручающие: масса книг на иностранных языках — без штампа. В “Лавке писателей” обнаружено 50 томов иностранных книг, причем 2 из них с антисоветским содержанием... через 3 месяца в той же лавке обнаружены не представлявшихся на контроль Мособлгорлита 400 экз. русской литературы и 100 иностранной, причем 4 из них подлежат изъятию»¹¹⁵. Другими словами, «удручающими» оказалось не количество книг, «подлежащих изъятию», а количество книг вполне безобидных, но не просмотренных цензором.

Изъятие книг на вновь присоединенных территориях еще продолжалось, когда началась война и многие регионы оказались под нацистской оккупацией. В результате все пришлось повторять заново; так, только в освобожденной Литве республиканский Главлит в 1944–1945 гг. ударными темпами изъяс практически всю литературу, изданную за годы оккупации (свыше 3,5 млн экз.) и продолжал изъятие оставшихся книг и прочих изданий уже досоветского периода. В отчете особо подчеркивалось, что букинистические магазины проверялись трижды в неделю. Очевидно, опыт, полученный в предвоенной Москве, был учтен работниками литовской цензуры...¹¹⁶

* * *

Исследователи уже обратили внимание на значительное сходство между функциями и приоритетами дореволюционной и послереволюционной цензуры. Так, с 1828 по 1917 г. все иностранные издания, ввозимые в Россию, делились на четыре категории: а) разрешенные к свободному распространению; б) запрещенные совершенно; в) запрещенные для широкой публики; г) разрешенные с изъятиями (т. е. из них вырезались или замазывались фрагменты). Причины для изъятия могли быть следующими: 1. Пренебрежение к русскому и другим царствующим домам. 2. Сопrotивление существующему социальному порядку. 3. Изображение русских как варваров. 4. Идеи, оскорбляющие религию и нравственность. В советское время были примерно те же категории, причем «не для публики» означало помещение книги или периодики в отдел специального хранения, а изъятия стали делаться уже в процессе перевода и, по мнению американской исследовательницы М. Т. Чолдин, сохранялись примерно те же причины для запрещения¹¹⁷. Вместе с тем цензура была гораздо более размытой, закрытой, распространенной, дополнялась самоцензурой, что, в частности, дало М. Т. Чолдин повод ввести новый термин — *всецензура*¹¹⁸.

В «Положении о Главном управлении по делам литературы и издательства (Главлит)», принятом в июне 1922 г., определялись следующие критерии для запрещения издания и распространения произведений: агитация против Советской власти, разглашение военных тайн республики, возбуждение общественного мнения путем сообщения ложных сведений и порнографический характер произведения¹¹⁹.

В интересной, насыщенной фактическим материалом, но несколько односторонней в своих оценках и выводах монографии В. А. Иванова утверждается (в соответствии с общими взглядами автора на роль органов ОГПУ — НКВД в советской системе), что уже с зимы 1931 г. органы госбезопасности, отстранив обллиты, безраздельно управляли

сферой цензуры¹²⁰. В подтверждение автор приводит полный текст телеграммы Секретно-оперативного управления (СОИ) ОГПУ (декабрь 1930 г.), где содержался перечень фильмов, которые не должны были быть допущены на экран¹²¹. В. А. Иванов, однако, проигнорировал тот факт, что СОИ ОГПУ в своей телеграмме ссылалось на соответствующее распоряжение Главреперткома¹²². Другими словами, решения все же принимались органами цензуры, ОГПУ лишь контролировало их выполнение по своим каналам.

Тем не менее руководство Главлита время от времени пыталось превратить свое ведомство в некое «сверхминистерство цензуры». Так, в апреле 1933 г. в секретной записке начальника Главлита Б. М. Волина в Политбюро предлагалось «на базе Главлита РСФСР создать Объединенный главлит Союза при Совнаркоме СССР (или ЦИК) с главлитами союзных республик (непосредственно подчиняющимися центру) при соответствующих совнаркомах или ЦИК'ах...»¹²³

Предложение не было принято, однако уже в октябре 1933 г. начальник Главлита был одновременно назначен уполномоченным СНК по охране государственных тайн с образованием соответствующих самостоятельных отделов, причем их личный состав считался состоящим на действительной военной службе. Решение было утверждено Политбюро.

В 1936 г. комиссия Оргбюро ЦК ВКП(б) предложила проект постановления ЦК о Главлите. Речь шла о выводе Главлита из системы Наркомпроса и превращении его в Главное управление по делам цензуры при СНК СССР. Еще более функции Главлита предполагалось расширить в проекте, подготовленном руководством управления в 1938 г. В них должно было войти изъятие и конфискация произведений печати и искусства, общий контроль за выполнением решений партии и правительства о печати, зрелищах, радиовещании и т. д. Хотя эти проекты не были реализованы, они достаточно адекватно отражали господствующие тенденции в цензурной политике тех лет. Аппарат Главлита рос

так быстро, что в 1938 г. его начальник Н. Г. Садчиков обратился к председателю Совнаркома В. М. Молотову с просьбой дать согласие на строительство специального «дома цензуры», в котором предполагалось разместить Главлит и переданную ему Книжную палату¹²⁴.

В материалах Свердловского обллита сохранились «Списки запрещенных иностранных книг», которые рассылала Иностранная группа Главлита, с ноября 1932 по октябрь 1933 г. Цензоры проверяли книги на немецком, французском, английском, реже польском, чешском, финском, итальянском языках, даже на языке эсперанто, и очень редко — на русском (эмигрантские издания). Все книги по результатам проверки были разделены на три категории: допущенные к распространению в СССР; не допущенные к распространению; допущенные в единственном экземпляре только адресату для индивидуального использования, но не распространения. В результате за 12 месяцев из 1221 книги, прошедших цензуру, было допущено 635 (52%), не допущено 484 (39,6%), допущено в единственном экземпляре 102 (8,4%)¹²⁵.

О масштабах деятельности Главлита свидетельствует тот факт, что, по свидетельству его руководства, по цензурным соображениям в 1938 г. было уничтожено до 10% всей печатной продукции, выписываемой из-за границы (подобные меры обходились государству до 250 000 золотых рублей в год). В 1939 г. из-за границы было получено примерно 2 млн 360 тыс. экземпляров газет, журналов, книг и брошюр. Из этого числа цензура проверила около 613 тыс. контрольных экземпляров. В результате 44 тыс. названий были запрещены для широкого пользования, а 17,5 тыс. конфискованы и уничтожены (в сумме — те же 10% от числа проверенных изданий)¹²⁶.

Ситуация усугублялась крайне низким культурным и образовательным уровнем советских цензоров.

В уже упоминавшихся дневниках К. И. Чуковского описана такая сценка, подсмотренная в ленинградском Обллите 16 декабря 1923 г.: «Я видел кандидатов: два солдафона в

бараньих шапках стояли перед Быстровой [сотрудник обллита — *авт.*], и один из них говорил:

— Я теперь зубрю, зубрю и скоро вызубрю весь французский язык.

— Вот тогда и приходите,— сказала она. — Нам иностранные (цензора) нужны...

— А я учу английский, — хвастанул другой.

— Вот и хорошо, — сказала она»¹²⁷.

Неудивительно, что история советской цензуры изобиловала различными казусами; так, в августе 1925 г. Главрепертком потребовал снять из репертуара Ленинградского академического театра драмы (бывшего Александринского) пьесу Оскара Уайльда «Идеальный муж» как «утверждающую парламентаризм»¹²⁸.

В конце 1935 г. Комиссия партийного контроля и отдел печати и издательств ЦК ВКП(б) проверяла работу Главлита. В отчете о проверке утверждалось, что «состояние цензуры в стране является совершенно неудовлетворительным». В центральном аппарате Главлита было четыре сектора: политико-экономический, художественный, сельскохозяйственный и, наконец, так называемый краевой сектор, просматривающий всю литературу, издающуюся в краях и областях. При этом в политико-экономическом секторе не было ни одного экономиста, в художественном секторе (за исключением начальника сектора) ни один цензор не имел специальной подготовки. «Если положение с цензурой в центре явно неудовлетворительно, то на местах, а особенно в районах, оно является прямо катастрофическим», — подчеркивали авторы отчета. Из 3250 райуполномоченных Главлита лишь 297 человек были освобожденными работниками, остальные работали в цензуре по совместительству. «Обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий в большинстве случаев недооценивают работу по цензуре, совсем не дают на нее работников или дают людей проштрафившихся, ни к какой работе вообще не способных», — заключали проверяющие¹²⁹.

Этот общий вывод можно проиллюстрировать, в частности материалами обследования Удмуртского обллита в

марте 1934 г. Предварительной цензурой в районах области занимались 13 человек, из них 12 по совместительству (в том числе 7 заведующих РОНО). С высшим образованием — 1 человек, со средним — 8, с низшим — 2. Два человека получили свое образование в совпартшколе. В областном аппарате работали 2 человека, начальник обллита (образование — заочный комвуз, стаж работы 4 года), и цензор (образование низшее, стаж работы 1 месяц)¹³⁰.

Если верить новому (с 1938 г.) начальнику Главлита Н. Г. Садчикову, после репрессий 1937–1938 гг., в ходе которых только в центральном аппарате Главлита была репрессирована треть сотрудников, «качественный состав работников цензуры» был «значительно укреплен»¹³¹. Однако на практике наблюдалась скорее обратная тенденция: в 1938 г. 75,7% работников Главлита имело среднее и высшее образование, в 1939 г. — 73%, в 1940 г. — лишь 55%. При этом 60% работников цензуры имели стаж работы до 1 года, и только 12% работали в цензуре более трех лет¹³². По данным годового отчета Свердловского обллита за 1939 г., из более чем 80 сотрудников высшее образование имело 2, среднее — 17; при этом лишь 20 человек работали в цензуре больше двух лет (и лишь 4 из них — с 1936 г.)¹³³.

Сам Садчиков, партийный работник из Ленинграда, возглавлявший Главлит до конца 1944 г., отнюдь не был исключением. Впечатления от личной беседы с ним зафиксировал в своем дневнике 9 февраля 1938 г. академик В. И. Вернадский. Садчиков, в частности, был уверен, что «Манчестер Гардиан» — «английский реакционный журнал». По данному поводу Вернадский иронически заметил в упомянутой дневниковой записи: «И в руках этих гоголевских типов — проникновение к нам свободной мысли!»¹³⁴

Неудивительно поэтому случаи, когда, например, один из районных цензоров г. Ворошиловска (ныне Алчевск) предлагал изъять из местного музея бюст Аристотеля, а в Московской области был отмечен «случай запрещения передачи по радио произведений Шуберта на том основании, что автор райлиту неизвестен, а он может быть троцкист»¹³⁵.

* * *

Как ни ограничивалось поступление информации из-за рубежа, еще больше ограничений с самого начала существовало в сфере личных контактов. «Любая связь с заграницей квалифицируется также как нарушение закона, как и контакты с зарубежными представителями в СССР», — писал в августе 1927 г. глава чехословацкой миссии в Москве Й. Гирса¹³⁶ (на самом деле, очевидно, имелась в виду статья УК РСФСР 58-3, где речь шла о «сношениях в контрреволюционных целях [курсив мой — авт.] с иностранным государством или с отдельными его представителями», вступившая в действие в июне 1927 г.)¹³⁷.

Значительное число советских граждан поддерживало отношения с родственниками, оказавшимися за границей (чаще всего речь шла о государствах, образовавшихся на окраинах бывшей Российской империи — Польше, Финляндии, странах Прибалтики).

При этом вся международная переписка (за исключением правительственной, дипломатической и частной переписки «правительственных лиц РСФСР по особому списку») подлежала обязательной перлюстрации¹³⁸. Занимались перлюстрацией информационный отдел ВЧК, позднее отдел политконтроля ОГПУ, секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, 2-й спецотдел НКВД. Делались достаточно обширные выписки из писем, некоторые из них, в частности письма «с восхвалениями существующего режима в капиталистических странах», конфисковывались; к проверенным письмам прилагался специальный меморандум, включавший в себя имена и адреса отправителя и получателя, а также отдел ОГПУ — ГУГБ, куда в случае необходимости передавался меморандум. Данные о результатах перлюстрации поступали также (хотя и нерегулярно) в партийные органы¹³⁹.

Необходимо отметить, что отношение к перлюстрации в обществе было далеко не однозначным. В ходе обсуждения проекта новой Конституции в октябре 1936 г., например, высказывались такие предложения: «После слова: “не-

прикосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняется законом” закончить словами: “если эта переписка не направлена против государства”. Дополнить: “Всю переписку с заграницей проверять и тем самым повысить бдительность в охране интересов нашей Родины”... Или: “Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняется законом” — добавить: “только внутри СССР”. Письма, посылаемые за границу, должны обязательно просматриваться нашими соответствующими органами»¹⁴⁰.

Время от времени (в зависимости от ситуации внутри страны) требования к перлюстрации ужесточались. Так, в 1927–1929 гг., в условиях «сплошной коллективизации», ОГПУ распорядилось за счет уменьшения читки международной корреспонденции усилить просмотр внутренней корреспонденции, в частности идущей в армию¹⁴¹. Но уже в январе 1930 г., рассматривая вопрос об операции по ликвидации кулачества, коллегия ОГПУ предложила «на время операции усилить перлюстрацию корреспонденции, в частности обеспечить стопроцентный просмотр писем, идущих в Красную армию, а также *усилить просмотр писем, идущих за границу и из-за границы* [курсив мой — авт.]»¹⁴².

В результате цензоры ОГПУ обнаружили все возрастающее количество писем, идущих из деревни за границу, с применением техники тайнописи (писали молоком, использовали и другие органические вещества). В результате была усилена работа спецлабораторий и одновременно — «контрразведывательные мероприятия» по поиску и «разработке» авторов писем. Одновременно было усилено внимание к деятельности радиолюбителей, которые также время от времени передавали короткие сообщения о репрессиях, о продовольственных трудностях и пр. своим зарубежным коллегам. Любопытно, что и радиолюбители, и их радиостанции отнюдь не были запрещены. Они были отнесены к категории государственного резерва для связи на случай войны. Однако среди них была создана сеть осведомителей, установлено постоянное наблюдение и налажен строгий учет¹⁴³.

Тем не менее в ряде западных стран стали появляться в прессе разоблачительные материалы, основанные на свидетельствах из СССР, что вызывало опять-таки соответствующую реакцию ОГПУ по усилению контроля.

Неудивительно, что связи с заграницей, даже родственные, зачастую воспринимались как «пятно» в анкете. Так, в апреле 1928 г. в материалах полпредства ОГПУ по Сибирскому краю, посвященных специалистам Кузбасстреста, особо подчеркивалось: «...ранее работал в Германии, где и учился... Выписывает немецкую литературу... С проживающими в Германии и Англии родственниками ведет переписку»¹⁴⁴.

Получение помощи от родственников из-за рубежа уже являлось преступлением. Только в Ленинграде и Ленинградской области за связь с белой эмиграцией в 1935 г. было репрессировано около 2000 человек, в основном так называемых «бывших», при этом свыше 700 были обвинены как «контрреволюционеры, существующие на средства иностранных фирм и зарубежных родственников»¹⁴⁵.

Не спасали даже относительно высокие посты: в 1937 г. был исключен из партии и снят с должности председатель одного из райисполкомов Омской области Безденежных за то, что «имел жену польку, мать жены по 1937 г. включительно вела переписку с Польшей, о чем Безденежных знал, но мер к прекращению этой переписки не принял»¹⁴⁶. И подобных примеров можно привести огромное количество.

Профессиональные связи и связи «по интересам» также вызывали пристальное внимание «компетентных органов». В 1932 г. было закрыт основанный в 1908 г. Союз эсперантистов. Даже международные контакты филателистов вызывали подозрения; так, в 1931 г. был арестован известный филателист, у которого изъяли 79 листов филателистической переписки. Этого оказалось достаточно для обвинения и осуждения на 10 лет «за участие в антисоветской организации». В 1934 г. подозрения местных чекистов вызвала переписка заведующего Ливенской электростанцией со своими коллегами из Франции: «связан письменной связью с заграницей — Франция, Париж, что не исключает воз-

возможности шпионажа». В результате заведующий был уволен с должности начальника электростанции и стал простым электриком, а позднее был репрессирован и погиб¹⁴⁷.

Иногда подобные обвинения принимали анекдотические формы. Так, в ходе обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) по поводу убийства С. М. Кирова в феврале 1935 г. на одном из пермских заводов был поставлен вопрос о необходимости увольнения «двурушника и контрреволюционера» инженера Радина. Выступавший привел следующий аргумент: «Сегодня я получил ответ из библиотеки, поинтересовался — какие иностранные журналы выписываются. Мне говорят, что Радин просил выписать журнал “Философик”. Скажите пожалуйста, зачем ему понадобилось импортировать философию из-за границы, да тем более из фашистской Германии»¹⁴⁸.

Впрочем, несмотря ни на что, до конца 30-х годов подобные связи были не столь уж редким явлением. В документах НКВД время от времени фиксировалось недовольство, вызванное пристальным вниманием ко всем, имеющим связи с заграницей¹⁴⁹. В декабре 1937 г. в ходе выборов в Верховный Совет СССР выяснилось, что в одном из московских институтов «из 11 ч. агитаторов не оказалось ни одного человека, у которого не было бы хвостов», а именно: «Мать и сестра в Латвии, с которыми она поддерживает связь... Имеет родственников в Латвии, имеет с ними связь... Мать живет в Польше, с которой он держит связь... два брата за границей, поддерживает с ними связь» и т. д.¹⁵⁰

По данным Наркомата связи, к лету 1941 г. ежедневно из СССР за границу отправлялось в среднем 1,5 тыс. телеграмм и 33 тыс. писем, поступало соответственно 1 тыс. телеграмм и 31 тыс. писем; очевидно, впрочем, что в это число входила и разного рода деловая переписка между учреждениями¹⁵¹.

Порой информация, все же поступающая таким путем из-за границы, приходила в прямое противоречие с официальной пропагандой; так, одна из жительниц Вологды осенью 1937 г. заявила: «Зря вы говорите о голоде и нищете за границей, так как мне пишут оттуда и там все дешевле, чем

здесь, и денег присылают». А некая гражданка Тихонова из Удмуртии рассказывала, что «ее брат живет в Сан-Франциско, он надавит на кнопку, и ему все готово, имеет свою автомашину»¹⁵². Не случайно в годы «ежовщины» подобные контакты послужили основой для многих уголовных дел с трагическим исходом¹⁵³.

Постепенно под жестким контролем оказались все заграничные поездки независимо от их цели¹⁵⁴. С апреля 1919 г. право выдачи заграничных паспортов принадлежало только НКВД. В июне 1922 г. были введены новые правила, ужесточившие порядок получения разрешения на выезд. В частности, требовалось получить удостоверение ГПУ об отсутствии препятствий для выезда, а для получения подобного удостоверения необходимо было представить, помимо различных справок и свидетельств, поручения двух граждан РСФСР¹⁵⁵. Другими словами, речь шла о введении своеобразной «круговой поруки». Примерно то же самое предлагал в мае 1921 г. нарком просвещения А. В. Луначарский: «Установить для всех, желающих выехать за границу артистов очередь при Главном художественном комитете, отпускать их по 3 или 5, с заявлением, что вновь отпускаться будут только лица после возвращения ранее уехавших. Таким образом мы установим естественную круговую поруку. Отправлять будем только по ходатайству артистов, может быть через профессиональный союз или через госкоммуны, так что они сами будут виноваты, если из первой пятерки кто-либо останется за границей, и таким образом они автоматически закупорят для себя отъезд»¹⁵⁶.

В соответствии с решением, принятым в 1928 г., членам ВКП(б) для частной поездки за границу требовалось получить последовательно разрешение партийной ячейки, затем уездного или районного комитета, губернского комитета и в качестве окончательной инстанции — одного из 9 крупнейших обкомов, ЦК компартии союзной республики или ЦК ВКП(б)¹⁵⁷.

Всего в 1925–1927 гг., например, из СССР выехало многим более 140 тыс. человек, а въехало около 130 тыс.

(примерно 10 тыс., по-видимому, эмигрировали). Однако в эти 130 тыс. входят все поездки, как частные, так и «по казенной надобности»¹⁵⁸.

Можно утверждать, что в результате целого комплекса ограничительных мер частные поездки за границу постепенно становятся исключительно редким явлением. Так, в апреле 1934 г. советский полпред в Швеции А. М. Коллонтай обратилась к заместителю наркома иностранных дел Б. С. Стомонякову по поводу ограничений, наложенных шведами на въезд советских граждан (речь шла о специальном дискриминирующем штампе в заграничных паспортах): «Сначала нам удалось довольно быстро заставить МИД сделать исключение из изданного им общего правила... для тех союзных граждан, которые едут по поручению каких бы то ни было наших учреждений и органов. Позже НКВД счел необходимым поставить перед нами задачу освободить от данного штампа и остальных советских граждан, т. е. едущих в Швецию по исключительно личным делам, без каких бы то ни было поручений и командировок. *Число таких лиц, естественно, можно считать единицами (мы тут по крайней мере таких случаев просто не знаем)*» [курсив мой — авт.]¹⁵⁹.

Таким образом лишь небольшая часть «политически благонадежных» советских граждан могла выезжать за рубеж, причем как правило речь шла о служебных командировках. Необходимо, однако, избегать преувеличений. И. В. Павлова, например, утверждает, что «число желающих временно выезжать за границу, в том числе и в командировки, чрезвычайно сократилось, а в конце 1920-х гг. *исчезла сама мысль о возможности таких поездок*» [курсив мой — авт.]¹⁶⁰. Очевидно, что при наличии хотя бы некоторого числа «таких поездок» (что несомненно, и чему можно привести множество примеров), не могла исчезнуть и мысль о них.

Тем не менее контроль даже и за служебными командировками постоянно ужесточался. В 1920-е гг. нередко были случаи, когда командированные или сотрудники советских

учреждений за границей совершали должностные преступления, растрачивали казенные деньги, наконец, отказывались возвращаться в СССР (только по линии Наркомата торговли в 1920-е гг. насчитывалось более 100 «невозвращенцев»). С точки зрения советской партийной номенклатуры, специфика «заграничной» жизни, избыточной сообразностями, сама толкала на преступления. Вот как красочно формулировала свои выводы в 1928 г. комиссия Замоскворецкого РК ВКП(б), обследовавшая партийную ячейку Наркомата торговли (стилистика и орфография документа сохранены): «Условия жизни командированных за границу предрасполагают к загниванию работника. У партийца за отсутствием партнагрузок — много свободного времени. Серьезные занятия (изучение местной культуры, театры, собрания, общения с рабочими) чаще всего недоступны и по незнанию языка, и по политическим соображениям. Хороший оклад и наличие свободных денег в кармане толкает его в кафе, в кабаре, в магазины, втягивает в мещанский образ жизни (хождение в гости к русским товарищам, игра в карты, частые выпивки). Во внерабочее время лишь небольшая часть втягивается в работу учреждения, в общественную жизнь и партработу. Изучением языка, самообразованием точно так же занимаются лишь отдельные единицы. Сравнительно большое количество белоэмигрантов западноевропейских столиц всемерно стараются проникнуть в соваппарат. Очень легко устанавливают знакомства с работающими в советских органах и затем использует сотрудника в своих интересах, содействуя созданию условий, в которых успешно произрастают факты измен не только беспартийных, но и членов партии; факты перебежничества командированных, злоупотреблений, что имело место во всех странах»¹⁶¹.

Постепенно выстраивалась централизованная и очень жесткая система отбора сотрудников для работы за границей. В начале 1930-х гг. существовала специальная комиссия ОГПУ, в которую входили также представители ЦК и учреждения, которое командировало сотрудника, причем

решающее слово принадлежало ОГПУ¹⁶². Затем была сформирована «комиссия по выездам» из представителей Орграспредотдела ЦК, ЦКК и ОГПУ. В мае 1934 г. она была ликвидирована постановлением Политбюро и образована комиссия ЦК ВКП(б) под руководством секретаря ЦК А. А. Жданова. В нее вошли заместитель председателя Совнаркома В. И. Межлаук, заместитель председателя Комиссии партийного контроля Н. И. Ежов, заведующий Особым сектором ЦК А. Н. Поскребышев, заместитель председателя ОГПУ Я. С. Агранов. В декабре 1934 г. в связи с отбытием Жданова в Ленинград председателем комиссии был назначен Ежов. В апреле 1937 г. был утвержден новый состав комиссии — секретарь ЦК А. А. Андреев, А. С. Агранов, А. Н. Поскребышев.

Всем наркоматам, центральным и местным организациям запрещалось отправлять за границу представителей, группы или делегации без санкции комиссии, причем та должна была «решать вопрос о командировках за границу не только с точки зрения политической благонадежности, но и с точки зрения деловой целесообразности»¹⁶³.

Порядок работы комиссии, установленный в 1937 г. — сначала рассмотрение вопроса о данной командировке на основе личного доклада соответствующего наркома и заключения НКВД, затем утверждение решения комиссии на Политбюро¹⁶⁴. Все командированные были «обязаны являться в Комиссию по выездам для получения инструкции, как себя держать с иностранцами за границей»¹⁶⁵.

Состав различных (дипломатических, научных, общественных и т. д.) делегаций, вплоть до технических работников, персонально утверждался Политбюро.

Сохранились многочисленные обращения крупнейших деятелей советской науки с просьбой разрешить им заграничную командировку. Как правило, все зависело от личного статуса ученого и от отношения к нему на данный момент влиятельных членов Политбюро. «Право выезда за границу, неразрывно связанное с правом полного научного общения в мировой научной среде, является для меня эле-

ментарной необходимостью [подчеркнуто в документе — *авт.*] Я могу жить в стране, где этого права нет, только при условии фактического его для меня осуществления, как это было до сих пор [курсив мой — *авт.*]», — писал академик Вернадский неперемому секретарю АН СССР В. П. Волгину в июне 1930 г. В течение ряда лет «невыездным» был академик Е. В. Тарле. В январе 1935 г. он обратился к В. М. Молотову с письмом, в котором сообщал, что приглашен для чтения лекций в Сорбонну. Однако нарком просвещения А. С. Бубнов счел «нецелесообразным разрешать поездку проф. Тарле... это человек скользкий и политически притаившийся, хотя на словах он чуть ли не марксист». В результате Тарле решением Политбюро было отказано¹⁶⁶.

Но и возвратившись из служебной командировки советские граждане вряд ли могли широко делиться своими впечатлениями; по крайней мере, разведчикам, вернувшимся из-за рубежа, категорически запрещалось сравнивать советскую и западную действительность¹⁶⁷.

Конечно, зачастую подобная практика приводила к обратным результатам: люди, побывавшие за границей, не могли удержаться, чтобы не рассказать об увиденном. Конечно, их рассказы, порой преувеличенные, воспринимались поразному. «Вот результат нашей дурацкой пропаганды. Твердим, что в капиталистических странах все плохо. Советские люди представляют себе, что в Америке все голодные, раздетые, живут в трущобах, и, приехав сюда, теряют всякое чувство пропорции», — комментировал подобные рассказы современник¹⁶⁸.

Любопытно, что подобного, т. е. прямо противоположного желаемому, результата иногда достигала и западная пропаганда, неадекватно освещавшая ситуацию в СССР. Немецкий журналист писал в 1925 г.: «Когда иностранец приезжает в Россию и вместо ужасающих картин, рисуемых этой пропагандой, находит нормальную жизнь, то он бывает так удивлен, что закрывает зачастую глаза на все отрицательные стороны русской жизни»¹⁶⁹.

Постепенно сам факт пребывания за границей стал рассматриваться как порочащий человека. Уже в начале 30-х годов ни в Политбюро, ни на ключевых постах в правительстве практически не осталось большевиков, прошедших эмиграцию (единственным и вполне объяснимым исключением был М. М. Литвинов). В декабре 1931 г. в беседе с немецким писателем Э. Людвигом Сталин (сделав, правда, исключение для Ленина) заявил, что большевики, не уезжавшие в эмиграцию, «конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты», и добавил, что из 70 членов ЦК не более трех-четырёх жили в эмиграции. Впрочем, по его мнению, «пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода...»¹⁷⁰

На встрече с руководством Института мирового хозяйства и мировой политики в марте 1935 г. председатель КПК Н. И. Ежов «сказал, что не доверяет политэмигрантам и побывавшим за границей»¹⁷¹. Выступая на февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК, Л. М. Каганович, имея в виду вернувшихся в СССР, многократно проверенных сотрудников КВЖД, говорил: «Конечно, плохо, неправильно делать заключение, что все приехавшие — плохие люди, но, к сожалению, страшно много шпионов среди них»¹⁷². В записке заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлиса, датированной октябрём 1937 г., подчеркивалось, что «кадры газетной цензуры засорены политически ненадежными людьми», в частности, один из цензоров иностранных газет «владеет 9 языками, до 1927 г. ездил по различным странам (Литва, Германия, Англия), нуждается в серьезной проверке»¹⁷³.

Отдельной и слабо изученной темой является история пребывания иностранных граждан в СССР. Существует ряд работ, в том числе и очень основательных, посвященных частным аспектам этого вопроса¹⁷⁴, а также документальные публикации, прежде всего в региональных изданиях. Однако общая картина по-прежнему остается неясной.

Возьмем хотя бы количественный аспект. В течение многих лет в отечественной литературе фигурировали следующие цифры: на протяжении 1920–1930-х гг. СССР посетили примерно 100 тыс. иностранцев, или в среднем 5 тыс. человек в год¹⁷⁵. Данная цифра была приведена в статье В. С. Лельчука и Е. И. Пивовара без какой-либо ссылки на источники и должна была иллюстрировать «закрытость» советского общества, наличие «железного занавеса». Так, авторы подсчитали среднее количество «посетителей» не только за год, но даже и за день, просто разделив 5000 на 365, получив, таким образом, ничтожное количество — 13–14 человек. Особо отмечалось, что «возможности их перемещения по стране были строго ограничены и находились под неусыпным контролем соответствующих ведомств»¹⁷⁶. Эти подсчеты с тех пор вошли в научный оборот и фигурировали в различных изданиях (в частности, на них неоднократно ссылался и автор данной работы).

Обращение даже к вполне доступным источникам дает иную картину. Так, например, только в 1923 г. советские порты посетило около 1400 иностранных судов (и, соответственно, никак не менее, а вернее всего много более 10 тыс. моряков)¹⁷⁷. В 1925–1927 гг. в СССР въехало примерно 190 тыс. иностранных подданных, а выехало, соответственно, 170 тыс.¹⁷⁸

Если посмотреть по годам, динамика получается следующей. В 1925 г. в СССР въехало около 50 тыс. иностранных подданных и примерно столько же выехало; в 1926 г. въехало 65 тыс., а выехало около 50 тыс., и, наконец, в 1927 г. въехало 70 тыс. человек, выехало чуть меньше. Правда, значительную часть иностранцев составляли китайские подданные, которые как раз чаще других оставались в стране. Но даже если брать лишь европейские страны и США, получаем следующую картину (имеется в виду, разумеется, подданство, а не национальность приезжавших). За три года в СССР побывало свыше 11 тыс. немцев, более 10 тыс. латышей, свыше 5 тыс. эстонцев, около 4 тыс. финнов, 3,5 тыс.

граждан Чехословакии, свыше 2 тыс. англичан, примерно столько же американцев и литовцев, по 1,5 тыс. французов, австрийцев, шведов, по 1 тыс. итальянцев и датчан, и некоторые другие, т. е. всего около 50 тыс. человек¹⁷⁹.

Что касается предыдущих и последующих лет, точных цифр пока найти не удалось, однако можно попытаться хотя бы определить тенденцию. Так, только в Ленинграде и Ленинградской области в 1935 г. было принято на учет почти 12 тыс. иностранцев (в том числе свыше 9 тыс. туристов), а снято с учета чуть меньше 13 тыс. При этом 22% составляли финские подданные, 16% — немецкие¹⁸⁰.

Количество иностранных граждан, живущих в СССР, с 1926 по 1937 г. уменьшилось примерно вдвое (подробнее речь об этом пойдет далее); можно предположить, что соответственно уменьшился и въезд. Но и в этом случае речь идет о многих сотнях тысяч человек за период с 1922 по 1939 г.

Цифра в 100 тыс. приводится в ряде работ по истории туризма, однако здесь разъясняется, что речь идет именно и только о туристах. Основной поток туристов, около 70 тыс. человек, пришелся на середину 30-х годов. Затем последовало резкое сокращение, вызванное прежде всего ухудшением международной ситуации. Так, в 1937 г. СССР посетило 13 тыс. человек, в 1938 г. — 5 тыс., а в 1939–1941 гг. — лишь 3 тыс., причем большей частью из Германии¹⁸¹. Таким образом, данная цифра не учитывает многочисленные профсоюзные, рабочие, спортивные и прочие делегации, если их не обслуживал «Интурист»; бизнесменов; ученых и деятелей культуры, приезжавших в научные командировки и на гастроли; иностранных моряков; иностранных специалистов; политэмигрантов и т. п.

Вместе с тем с самого начала действовали определенные механизмы, своеобразные фильтры, позволяющие ограничивать допуск в страну «нежелательных лиц». Осенью 1919 г. американский журналист И. Макбрайд перешел линию фронта, чтобы побывать в Советской России.

Он вспоминал впоследствии, что его много раз допрашивали, причем «каждый раз допрос вел пользующийся доверием коммунист, человек, хорошо разбирающийся в вопросах мирового революционного движения, человек, который знал, какие задавать вопросы, и умевший определять по ответам, можно ли вас допускать в страну или нет»¹⁸². В 1922 г. был создан Особый комитет по организации заграничных турне и художественных выставок во главе с А. В. Луначарским. Первоначально речь шла об организации гастролей, часть выручки которых передавалась на борьбу с последствиями голода, но вскоре по решению Совнаркома визы на въезд в СССР стали выдаваться иностранным художникам и артистам лишь по представлению этого комитета. Таким образом, предполагалось не впускать в СССР «людей с реакционными взглядами»¹⁸³. Тут, как и в случае с цензурой, также прослеживаются определенные параллели с дореволюционной практикой. Согласно «Своду уставов о паспортах и беглых» 1857 г., паспорта, необходимые для въезда в Россию, не давали «неблагонадежным», цыганам, «торговцам зельем и дурманом», существовали ограничения для евреев, а у священников брали подписку в том, что они не входят и никогда не входили в орден иезуитов¹⁸⁴.

«Мы вовсе не хотим, чтобы какая-то официальная делегация или комиссия разъезжала по СССР и претендовала на какие-то полномочия по ознакомлению с документами и по осмотру всевозможных предприятий, как это им заблагорассудится, — писал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в апреле 1928 г. по поводу предложения о посещении СССР группой американских банкиров. — Если к нам частным образом едут те или иные банкиры, мы их примем, если только в числе этих банкиров нет нежелательных для нас лиц... Мы не можем заранее поручиться пустить всех лиц...»¹⁸⁵

Особенно болезненную реакцию вызывали попытки тех или иных иностранных общественных организаций наладить

контакты с подобными им организациями в СССР. Например, в 1929–1930 гг. прошла кампания за выезд ряда национальных меньшинств, в частности немцев, а также сектантов из СССР. В Колумбии в марте 1930 г. даже прошел специальный съезд, призвавший ЦИК СССР выпустить всех молокан в Америку и организовавший сбор средств для оказания помощи переселенцам¹⁸⁶. Отношение к подобным инициативам со стороны советских официальных лиц исчерпывающе сформулировано в докладной записке секретаря комиссии по вопросам культов при президиуме ЦИК СССР от 11 мая 1936 г. на имя председателя комиссии П. А. Красикова, в которой особо подчеркивалось, что «они [сектанты — *авт.*] имеют связь с заграницей. Под видом туриста приезжал к ним сектант и делал гнусное дело»¹⁸⁷.

Как отмечает немецкий исследователь В. Деннингхаус, прихожане евангелическо-лютеранской церкви Москвы в 30-е годы все больше рассматривались властью в качестве потенциальных идеологических противников режима. По Москве ходили упорные слухи об их «связях с внешней и внутренней контрреволюцией»¹⁸⁸. В Ленинграде в 1932–1933 гг. был ликвидирован ряд католических организаций, члены которых помимо обязательной «контрреволюционной агитации» обвинялись (и, видимо, не без оснований) в конспиративных связях с рядом иностранных посольств и консульств, а также представителями Ватикана в России¹⁸⁹.

Конечно, речь шла не только о религиозных организациях. В январе 1934 г. органы ОГПУ обнаружили прелюбопытнейший документ, озаглавленный «Открытое письмо московских и харьковских гомосексуалистов г-ну Маринусу Ван-дер-Люббе»¹⁹⁰. В тексте «письма» содержался риторический вопрос и одновременно призыв о понимании к «западной цивилизации»: «Разве мы, третий пол, с нашей нежной душой и чувствами способны на разрушение культуры, порядка, цивилизации... Культурная Европа, а тем более Германия должны понять это». Письмо было переда-

но в Ленинград; ожидалось, что местные гомосексуалисты также его подпишут. В результате несколько человек было осуждено на длительные сроки, в том числе и по политическим статьям¹⁹¹.

Кандидатуры иностранных специалистов, приглашенных в СССР, утверждались на самом верху. Специальное постановление СТО, принятое в августе 1934 г., требовало: «Трудовые договоры учреждений и предприятий с иностранными специалистами, приглашенными на работу в СССР, должны быть утверждены соответствующими народными комиссарами и начальниками центральных управлений»¹⁹².

Политэмигранты получали свой статус, проходя через так называемую «легитимационную комиссию» МОПРа, причем только в 1931–1933 гг. половине обратившихся было отказано (всего за три года статус политэмигранта получили около 1700 человек)¹⁹³.

5 сентября 1931 г. СНК принял постановление «О развитии иностранного туризма в СССР и об обеспечении выполнения программы по интуризму в 1932 г.» План на 1932 г. был определен в 75–80 тыс. туристов и 30 тыс. транзитных пассажиров, причем предполагалось получить значительную прибыль¹⁹⁴. Иностранному туризму рассматривался уже не столько как канал рассчитанной на западное общественное мнение пропаганды, сколько как источник валюты. Однако широкий прием иностранных туристов начался лишь в 1934 г. К нему основательно готовились — открывались курсы гидов, ремонтировались гостиницы и т. д. В ноябре 1935 г. было принято специальное постановление СНК, разрешающее «в целях развития туризма в СССР и привлечения иностранной валюты» в течение 1936 года обмен валюты на территории СССР. Госбанку предписывалось организовать необходимое количество меняльных пунктов¹⁹⁵. Приехавших туристов, как правило, повсюду сопровождали переводчики, предоставленные ВОКСом или «Интуристом», которые должны были в течение 24 часов представить подробные отчеты о пребывании, настроениях и вы-

сказываниях гостей (а одновременно, естественно, и их советских собеседников, хотя официально такая задача перед ними не ставилась). Эти отчеты направлялись руководству ВОКСа, а затем в НКВД¹⁹⁶.

Выступая на совещании по вопросам работы «Интуриста», секретарь ЦК А. А. Жданов подчеркивал: «Общий курс ЦК на то, чтобы не пускать в эти места [т. е. рестораны и гостиницы, предназначенные для иностранных туристов — *авт.*] советских граждан»¹⁹⁷.

Для иностранных моряков, посещавших советские порты, работали специальные клубы. Помимо решения чисто пропагандистских задач, они должны были «проводить политико-воспитательную работу среди иностранных моряков и обслуживать их культурно, *чтобы отвлечь от хождения по городу [курсив мой — авт.]*»¹⁹⁸

Принимались меры, чтобы ограничить общение с иностранцами не только рядовых советских граждан, но и тех, кто должен был заниматься иностранцами «по долгу службы». В мае 1935 г. на предложение руководства Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) установить контакты с вновь созданным в Англии Британским Советом, выполнявшим схожие функции, последовал резкий отказ, подписанный далеко не самым высокопоставленным чиновником Наркомата иностранных дел¹⁹⁹.

В ноябре 1940 г. руководство ВОКС выступило с новой инициативой — взять на себя работу с иностранными корреспондентами. На это последовал следующий ответ начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова: «Зам. наркоминдела тов. Вышинский считает нецелесообразным развивать широкое знакомство и общение иностранных корреспондентов с советскими гражданами. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) поддерживает соображения тов. Вышинского»²⁰⁰.

Изоляция иностранной колонии в России в этот период невольно вызывает аналогии с ситуацией в допетровской Руси²⁰¹. Это касалось и представителей дипломатического

корпуса; так, в январе 1929 г. министр иностранных дел Франции А. Бриан в беседе с полпредом СССР отмечал, что французский посол в СССР «может изучать Советский Союз только на основании советской прессы, ибо он совершенно изолирован от общества и людей»²⁰².

Опять-таки, общее число иностранцев, постоянно проживавших в СССР, остается предметом дискуссии. В частности, по авторитетному мнению С. В. Журавлева, ссылающегося при этом на целый ряд обобщающих работ и монографических исследований, максимальное число иностранцев из индустриальных стран Запада проживало в СССР в 1932–1933 гг. — примерно 35 тыс. иностранных специалистов и рабочих и членов их семей²⁰³. Добавим к этому несколько тысяч политэмигрантов.

По материалам всесоюзных переписей 1926 и 1937 гг. в СССР проживало соответственно 390 тыс. и 190 тыс. иностранных граждан²⁰⁴. В 1926 г. больше всех было граждан Персии (Ирана), свыше 90 тыс. человек, на втором месте — Япония и Китай (свыше 80 тыс. граждан в обоих случаях²⁰⁵). 26 тыс. человек имели турецкое гражданство. Если говорить о странах Запада, то на первом месте неожиданно оказывается Греция (46 тыс. человек)²⁰⁶. Затем идут Польша (10 тыс.), Германия (8 тыс.), Австрия (7 тыс.), Финляндия (4 тыс.), Чехословакия (3,5 тыс.) и т. д. Если же говорить о Западе в целом, то Европу (без Турции) представляло около 100 тыс. человек (в том числе примерно 500 британских и 700 французских подданных), а граждан США насчитывалось всего лишь около 300 человек²⁰⁷.

Но круг общения иностранных граждан, независимо от их статуса, был ограничен. Большей частью они концентрировались в нескольких крупных промышленных центрах и в масштабах страны не могли служить достаточно существенным источником альтернативной информации.

Характерно, что в середине 30-х годов даже к иностранным коммунистам принимались ограничительные меры; так, им запрещено было вести партийную работу в ВКП(б). Со-

гласно директиве ЦК МОРП 1935 г., при распределении политэмигрантов на работу вне Москвы запрещалось оставлять их в портовых и близких к границе городах; в Домах политэмигранта и гостиницах создавалась сеть осведомителей, следивших за их настроениями²⁰⁸.

Как вспоминал известный впоследствии советский разведчик Л. Треппер, «иностранцы коммунисты, учившиеся в Москве, жили своим, очень замкнутым мирком. Нам нечасто представлялась возможность попутешествовать и пообщаться с русским населением»²⁰⁹. По прибытии в Москву их предупреждали о необходимости быть бдительными в отношении советских граждан и «не смешиваться» с ними, так как те могли «оказаться шпионами и саботажниками»²¹⁰.

В 1937–1938 гг. иностранная колония в СССР подвергалась массовым репрессиям. Так, в июле 1937 г. Политбюро предложило НКВД арестовать всех немцев, работающих на оборонных заводах, и часть из них выслать за границу. В августе 1937 г. появилось «Закрытое письмо» НКВД о «фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки» и началась операция против поляков, в том числе политэмигрантов и перебежчиков. В январе 1938 г. было решено продлить операцию по разгрому «контрреволюционных национальных контингентов» — поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев, румын, а также «погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР»²¹¹. В марте 1938 г. последовало директивное письмо отдела руководящих партийных органов, подписанное Г. М. Маленковым, в котором предлагалось срочно, не позднее 15 марта, подготовить списки членов и кандидатов ВКП(б) — «поляков, немцев, латышей, эстонцев, финнов, литовцев, болгар, греков, корейцев, китайцев, японцев, турок, иранцев, чехов, англичан, французов, итальянцев, венгерцев» и пр. — с указанием национальности, подданства, места работы и т. д.²¹²

* * *

В массовом сознании, в том числе и благодаря развернутой системе пропаганды, претендующей на «всемирность», а также успехам советской культурной дипломатии, СССР как правило отнюдь не воспринимался как «закрытое» общество. В газетах постоянно появлялись отчеты о пребывании иностранных делегаций, развернуто цитировались положительные (и, конечно, замалчивались отрицательные) отзывы гостей из-за рубежа о жизни в СССР. «Советские музыканты, певцы, шахматисты завоевывали лавры на международных конкурсах, и росло ощущение принадлежности к большому миру за пределами наших непроницаемых границ», — писал позднее в своих мемуарах В. М. Бережков²¹³. Подобное восприятие мира до сих пор часто воспроизводится в воспоминаниях о тех годах. Вместе с тем в материалах «Гарвардского проекта» утверждалось, что советская молодежь, вообще настроенная к сталинскому режиму гораздо более лояльно, чем представители старших поколений, в числе главных претензий к нему называла, наравне с террором, то, что режим «обманывал их, давая им неверное представление о жизни на Западе»²¹⁴. Разумеется, речь шла о той части советской молодежи, которая в силу различных обстоятельств сама оказалась на Западе и могла оценить достоверность советской пропаганды.

О том, что советский народ, в первую очередь молодое поколение, не знает ничего о внешнем мире, писали многие иностранцы, побывавшие в СССР²¹⁵. Во время советско-финской войны, в январе 1940 г., в Хельсинки вышел на русском языке первый номер газеты «Друг пленных», органа Главного штаба финской армии. Планировалось, что газета будет выходить дважды в неделю, исключительно для советских военнопленных. В передовой статье под многозначительным заголовком «Правда дороже всего на свете» говорилось: «...мы считаем, что главная ваша беда и беда всего русского народа заключается в том, что вы совершенно не

знаете правды об окружающей вас жизни. Ваша власть держала вас отрезанными от всего мира и сообщала вам только то, что считала нужным и полезным. Судьбе было угодно, чтобы попав в плен в свободную страну, вы получили возможность узнать правду, как живут другие народы... Вы узнаете правду и сможете сравнить свою жизнь с жизнью других стран»²¹⁶.

Однако реальная жизнь советского общества была богаче любых схем и обобщений. Представления, бытовавшие в обществе, порой разительным образом отличались от тех, которые рисовала официальная пропаганда, хотя как правило были столь же мифологичны. Достоверная информация проникала иногда самыми неожиданными путями; можно привести множество примеров, когда люди, обладавшие навыками аналитического мышления, как правило представители старой интеллигенции, на основе материалов советской прессы делали самые неожиданные (и достаточно глуповатые) выводы о происходящем в мире²¹⁷.

Любопытно сравнить, как формировался образ СССР в условиях господства другого тоталитарного режима. В служебном циркуляре СД (апрель 1943 г.) отмечалось, что «до периода открытых враждебных действий против Советского Союза, начавшегося 22 июня 1941 г., немецкий народ, за небольшим исключением, узнавал о его социальной и хозяйственной структурах и культурной жизни только из прессы, кино, пропагандистских выступлений и прошедшей цензуру литературы». В результате подавляющее большинство немцев «видело в Советском Союзе бесчеловечную и бездушную систему подавления и представляло народ Советского Союза как полуголодную и тупую массу». Лишь появление многочисленных рабочих с Востока и военнопленных и личные контакты с ними привели, по мнению авторов циркуляра, к определенным изменениям в восприятии России и русских²¹⁸. Если принять на веру выводы данного документа, можно прийти к выводу, что в советском обществе представления о внешнем мире, Германии в том

числе, даже в условиях сталинского режима были более полными и разносторонними²¹⁹.

Период, когда контакты с внешним миром контролировались достаточно эффективно, закончился в 1939 г., когда советские войска вступили на территорию Польши. Увиденное там потрясло многих и, несмотря на все старания пропаганды, рассказы об этом быстро распространялись сначала в армии, а затем и в стране. «Полк, в который я попал после переброски на западную границу страны, участвовал в разделе Польши. Меня поразили трофейные одеяла, которые выдавали даже рядовым бойцам. Они казались признаком неслыханного богатства. И вообще кое-какие слухи насчет более высокого уровня жизни за границей просачивались в нашу среду», — вспоминает известный философ А. А. Зиновьев²²⁰. Тот же эффект произвело и присоединение Прибалтики.

Затем началась Великая Отечественная война. Сначала в Германию были угнаны тысячи советских людей, в большинстве своем молодых. Вот какой они увидели Германию: «...кругом белые дома, обложенные снизу камнем, готические шпили церквей, клумбы с цветами. Вот, говорят, как живет буржуазия! А где живут “труженики”, мы не увидели. Вообще жизнь, открывшаяся из вагона, была так не похожа на ту, в которой пребывали мы и которой гордились, что жилище обыкновенного селянина принимали за палаты буржуя-мироеда»²²¹.

В 1944–1945 гг., в ходе Великой Отечественной войны, Красная армия, перейдя границу, заняла территорию сначала стран Восточной Европы, затем Германии, встретилась с американскими и английскими товарищами по оружию. Миллионы советских солдат увидели настоящую, повседневную жизнь Запада. «Человек, поживший за границей, вряд ли теперь слепо будет верить в советскую “зажиточность”, и эти люди еще “сделают погоду”, так как в их руках есть материал, чтобы опровергнуть “правду” советской жизни», — говорил директор одного из ленинградских рынков²²².

Не впервые в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям в массовом сознании. «Новое знание представляло для режима реальную угрозу, но это знание уже нельзя было просто перечеркнуть, изолировав от общества всех, кто побывал по ту сторону государственной границы. Тогда пришлось бы помимо репатриированных изолировать еще и всю армию», — справедливо отмечает Е. Ю. Зубкова²²³.

Как вспоминал позднее В. Белкин, бывший студентом МГИМО в 1945–1947 гг., «во-первых, среди нас были участники заграничных походов, способные связно изложить свои впечатления. Во-вторых, мы так или иначе в ходе учебы знакомились с литературой, освещавшей экономическое положение зарубежных стран... В книжных магазинах, особенно букинистических, можно было купить по не очень высокой цене множество хороших книг, с помощью которых можно было соотнести жизненные уровни СССР и стран Запада по крайней мере в историческом плане... Не стоит забывать, что мы интенсивно изучали иностранные языки, а число радиоприемников, хоть и медленно, но увеличивалось»²²⁴. И хотя эти воспоминания касаются весьма узкой социальной группы, в первую очередь студентов одного из самых престижных вузов, некоторые черты, отмеченные мемуаристом, были характерны и для общества в целом.

В первые послевоенные годы советское руководство активно пыталось свести к минимуму последствия знакомства многих советских людей с повседневной жизнью Запада (отсюда — идеологические кампании конца 40-х — начала 50-х годов, в том числе «борьба с космополитизмом»).

Обосновывая дальнейшие изменения в сторону все большей «закрытости» советского общества, И. В. Сталин в феврале 1947 г. на обсуждении второй серии фильма «Иван Грозный» проводил такие исторические параллели: «Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пус-

кал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния... Петр I — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустил онемечивание России...»²²⁵

Но все меры, предпринятые в этом направлении, дали лишь ограниченный и временный эффект. Последовавшая робкая десталинизация 50–60-х годов, сопровождавшаяся определенным расширением контактов с внешним миром, а затем и «разрядка» 70-х оставили после себя совершенно иную ситуацию, анализ которой выходит за рамки данной работы.

ГЛАВА 2

«Придут из Китая англичане»: Будущая война в представлении советского общества

В мифологизированном по преимуществу массовом сознании, по образному выражению французского историка М. Блока, всегда правил «Старик Наслышка»¹. Изустная передача была гарантом подлинности и достоверности. Традиционная культура отсекала рациональные, лежащие за пределами понимания, моменты и привносила свои, фантастические трактовки. В огромной степени это относится и к восприятию внешнего мира, в том числе и в межвоенный период, о котором пойдет речь².

Довольно долго мир приходил в себя после Первой мировой войны, и не успели еще излечиться все раны, как на горизонте замаячила Вторая мировая. Некоторые западные историки даже предлагают рассматривать Первую и Вторую мировые войны как одну войну в двух действиях — слишком очевидны были минусы Версальской системы, слишком много нерешенных вопросов оставила Великая война 1914–1918 гг.

Воздействие Первой мировой войны было столь значительным, что позволило ввести новое понятие — «тотальная война», т. е. война, которая не только затрагивает, но и коренным образом меняет ситуацию во всех сферах жизни общества.

Потери на фронтах (10 млн убитых, 20 млн искалеченных, 5 млн вдов и 9 млн сирот), потери, понесенные гражданскими лицами в результате военных действий или бомбардировок (в относительно далекой от театра боевых действий Англии от авиационных бомб погибло свыше

1400 человек); от болезней (только пандемия «испанки» унесла примерно 27 млн человек); от внутренних конфликтов (например, избиение армян в Турции); крах финансовой системы многих стран и одновременно — кратковременное процветание в колониях, сопровождавшееся переходом части функций управления в руки туземной элиты; невиданный рост государственного контроля; формирование военно-промышленного комплекса; массовое вовлечение женщин в производство; даже изменения в организации и проведении досуга — вот что такое «тотальная война»³.

Воспоминания о предыдущей войне и страх перед будущей способствовали попыткам европейской дипломатии изменить традиционные правила игры. Была создана Лига наций, подписан пакт Бриана — Келлога о запрещении войны в качестве орудия национальной политики, созывались конференции по разоружению. Державы-победительницы войны действительно не хотели, мелкие хищники Восточной Европы, оглядываясь на «старших братьев», также держивались от силового метода решения своих проблем; появление же гитлеровской Германии, этого, в прямом смысле слова «уродливого детища Версальского договора», в 20-е годы предугадать было нелегко.

Все вышесказанное относится к Европе, в меньшей степени — к Северной Америке. Но была еще и Советская Россия, в которой последствия мировой войны померкли перед последствиями революции и войны гражданской.

Пока Европа приходила в себя, надеясь, что мировая война не повторится, в советском обществе ожидания новой войны, напротив, с каждым годом усиливались, и так продолжалось по крайней мере до конца 1920-х гг.

Возможность войны с «капиталистическим окружением» в 20-е годы (вопреки расхожим представлениям) ощущалась гораздо более остро, чем в 30-е. Причин для этого много, например, живая память о мировой и гражданской войнах с участием иностранных держав. Комментируя очередные слухи о войне, М. М. Пришвин в июле 1929 г. в днев-

нике упомянул о своем «малодушном состоянии», оправданном предшествующим опытом, и добавил: «Такой маленький человек, трус жизни, воспитанный войной, революцией, голодом, живет в каждом из нас...»⁴

Панические настроения населения подпитывались сообщениями газет, нередко публиковавших заметки, рисунки, содержание которых могло быть истолковано как описание реальных военных действий⁵.

Вообще пропаганда всех уровней не уставала напоминать о «враждебном капиталистическом окружении». В результате в массовом сознании постоянно фигурировали своеобразные «призраки войны», чаще всего не имеющие серьезных оснований, иногда совершенно фантастические, но для многих казавшиеся вполне реальными.

Играли свою роль и особенности восприятия, когда доходившая, например, до деревни, внешнеполитическая информация многократно искажалась и «перекраивалась» по законам мифологического сознания.

Характерный пример содержится в одной из сводок отдела ОГПУ области Коми за декабрь 1926 г.: «Гражданин деревни Рим Жашартской волости Римских Илья Никитич получает газеты и читает среди крестьян только статьи о подготовке к войне со стороны иностранных держав. Темное население, видя это, говорит, что опять скоро будет война»⁶. И таких интересующихся политикой крестьян, как этот житель северной деревни с итальянским названием, фактически формирующих представления односельчан о мире, было немало по всей России. В сводках ОГПУ постоянно встречались утверждения, что «грамотные крестьяне, читая в газетах о военных приготовлениях в Польше, Румынии и Англии находят, что война неизбежна»⁷.

Ключевой проблемой при изучении массового сознания советского общества является определение того, насколько распространены были те или иные зафиксированные высказывания, отношения, оценки. Материалы ОГПУ или источники личного происхождения в лучшем случае свидетельствуют о том, что данное мнение было «широко

распространено» или что о том-то и о том-то «все говорят». Однако подобные утверждения, как правило, ничем не подтверждены, даже если в целом и соответствуют действительности. В лучшем случае можно говорить о спектре настроений и о большей или меньшей их распространенности, как в имеющихся источниках, так и — с меньшей степенью уверенности — в исторической реальности⁸.

Существуют все же некоторые возможности статистически определить настроения тех лет, касающиеся внешнего мира. В частности, мы можем оценить позицию молодежи — социальной группы, особенно подверженной воздействию официальной пропаганды⁹. Это тем более важно, что, во-первых, в молодежной среде как правило воспроизводились взгляды, существовавшие в семье или в ближайшем окружении, в том числе и оценки внешнеполитических событий, и, во-вторых, именно повзрослевшая молодежь 20-х годов в 30-е и последующие годы уже во многом определяла массовое сознание всего общества.

В 1928 г. педагоги-педологи проводили массовый опрос учащихся об отношении к «внешней и внутренней контрреволюции», в частности по вопросам войны и мира, отношений СССР с границей. Вопросы были поставлены так: «Как живут между собой и как должны жить СССР и буржуазные страны?». Отвечая на первый вопрос, только 4,4% опрошенных говорили об исключительно мирных отношениях СССР с буржуазными странами, 77,5% определили их как враждебные, 9,1% — как «реальные» (т. е. борются, но одновременно заключают договоры, торгуют и т. д.)

Но когда речь зашла о том, как *должны* жить между собой СССР и буржуазные страны, картина заметно меняется. 50,5% были настроены миролюбиво, 38,5% говорили о «враждебности» и лишь 4,6% — о «реальной» политике¹⁰.

Интересно, что по мере взросления резко, в два раза, возрастает число «воинственно настроенных». Как отмечает Е. М. Балашов, «с возрастом у школьника усиливалось

ощущение угрозы, исходящей от “империалистических” государств, и формировались вполне устойчивые “оборонные” представления, в основе которых лежало разделение мира на два антагонистических лагеря»¹¹. Исследователь связывает это с воздействием официальной пропаганды. Не отрицая ее роль, можно добавить, что с возрастом школьники все больше социализировались, втягивались во «взрослую» жизнь, в которой, как будет показано ниже, «оборонные» представления (даже независимо от усилий пропаганды) играли весьма существенную роль.

При этом, однако, часто встречались утверждения: «СССР и буржуазные страны должны воевать, но торговать нужно и им, и нам, поэтому надо договоры заключать». Были и такие высказывания, что с «буржуазными министрами» нужно враждовать, а с «угнетенными народами» жить мирно...¹² У крестьянских детей среди наиболее часто встречающихся пожеланий на пятом месте (1,2% опрошенных) стояло пожелание об «уничтожении войны»¹³. И постоянно звучали вопросы: «Почему мы не хотим войны?.. Как СССР готовится к войне?..»¹⁴

* * *

В исторической литературе давно уже изучаются так называемые «военные тревоги» 1927–1929 гг., однако на протяжении всех 1920-х гг. любое событие, происходившее на международной арене и хоть как-то затрагивающее СССР, воспринималось массовым сознанием прежде всего как признак надвигающейся (а нередко — и начавшейся) войны.

Немецкий журналист, побывавший в 1922 г. в СССР, писал: «Услышав, что я из Германии, крестьяне забросали меня вопросами... каково положение в Германии, сколько стоит фунт хлеба, что думают в Германии о России и как полагают, поможет ли России ввоз из Германии...» И тут же главный вопрос: «Немцы-то придут с машинами или с пулеметами?»¹⁵

Даже в относительно спокойные годы, не отмеченные особыми кризисами за пределами СССР, «всякое международное положение Советской власти истолковывается как близкая война и скорая гибель Советской власти» — констатировал информационный отдел ОГПУ в декабре 1924 г.¹⁶ Вот, в частности, что ожидали крестьяне Каргопольского уезда Вологодской губернии от предстоящей якобы войны в марте 1923 г.: «Распространившийся слух по уезду о якобы начавшейся войне с Польшей встречается большинством крестьян сочувственно, говорят, что тогда кончится грабительская политика Соввласти, что тогда коммунистов будут вешать и топить в реках, и что мы, мол, скоро свергнем и сотрем с лица земли проклятых большевиков и ненавистную власть, освободимся от ига жидовской власти, которая устраивает гонения на православную веру, закрывает церкви...»¹⁷

Понятно, что слухи о войне вызывали такие мероприятия, как пробные мобилизации, учет конского поголовья или формирование территориальных частей. Так, например, в газете «Победа», издававшейся в Полоцке, 21 сентября 1926 г. по случаю опытной мобилизации была помещена картинка, на которой призывник шел к пограничному столбу, с подписью: «Да здравствует Варшава». Заголовок этой же газеты был украшен рисунком, на котором красноармейцы со штыками наизготовку двигались к польской границе¹⁸.

Своеобразным ответом на болезненную реакцию населения стало появление в 1927 г. секретного циркуляра Агитпропа ЦК ВКП(б) о работе газет в связи с пробными мобилизациями. Перед прессой ставились следующие задачи: разъяснение роли опытных мобилизаций; борьба с паническими настроениями и кулацкой агитацией, разъяснение пробных мобилизаций как одного из составных звеньев подготовки страны в условиях мирного времени; усиление освещения и разъяснения вопросов международного положения СССР в связи с задачами опытных мобилизаций, выявление миролюбивой политики СССР. Броса-

ется в глаза подчеркивание того, что мобилизация — это мероприятие мирного времени («война — это мир», как писал Дж. Оруэлл). Лишь четвертый пункт циркуляра, «Проверка аппарата редакций газет для работы в условиях действительной мобилизации», напоминал, что это не совсем так¹⁹.

Характерно, однако, что так же — с точки зрения военных ожиданий — оценивались населением, казалось бы, никак, даже косвенно, не связанные ни с внешней опасностью, ни с обороноспособностью страны те или иные действия власти.

Так, снятие колоколов с церквей в ходе антирелигиозной кампании неожиданно напомнило крестьянам о временах Петра: прошел слух, что колокола снимают, чтобы перелить на пушки. Приезд секретаря ЦК ВКП(б) В. М. Молотова в Курскую губернию в 1925 г. крестьяне объяснили «неладными взаимоотношениями с западными государствами, в частности с Америкой, говоря, что что-то уж больно изъездила наша власть, волнует их там, что дела СССР плохи, вот теперь и ездят по местам, чтобы задобрить мужичков, в случае трахнет Америка по голове — то вы, мол, мужички, не подкачайте...»²⁰ А проведение всесоюзной переписи 1926 г. было истолковано так: «Наверно, скоро будет война: перепишут, узнают сколько населения и объявят ее»²¹.

С особенным нетерпением ожидали войны противники Советской власти. Все они, от университетской профессуры и технической элиты, склонных рассматривать любой международный кризис как пролог к интервенции, до жителей отдаленных уголков национальных окраин, например, Бурят-Монголии, где ожидали прихода «царя трех народов, который избавит от налогов»²², связывали с войной неизбежное падение Советской власти.

С этой точки зрения интервенция рассматривалась не только как весьма вероятный, но и как самый благоприятный поворот событий. В 1931 г. арестованные специалисты горнодобывающей промышленности Урала подробно

рассказывали о своих политических взглядах, надеждах и ожиданиях (их показания, кстати, не производят впечатления сфабрикованных). В частности, начальник отдела правления Пермской железной дороги А. А. Троицкий заявил на допросе: «Я увидел, что надежды на мирное «перерождение» бесповоротно рухнули, что социалистический строй крепнет, советское хозяйство бурно растет, что дальнейший его рост определенно угрожает капиталистическому миру. Будучи твердо убежден в целесообразности частной собственности, я видел единственный выход из создавшегося положения: иностранная интервенция, так как знал, что внутренними силами опрокинуть Советскую власть невозможно». О том же говорил инженер Д. А. Антонов: «Мне все время казалось, что попытка построить социализм в одной стране при условии капиталистического окружения заранее обречена на неудачу. Я думал, что вмешательство может легко вылиться в форму вооруженной интервенции, подобной той, которая была в 1918–1920 гг., но более широкой и организованной. Рабочее движение на Западе я считал недостаточно сильным для того, чтобы воспрепятствовать интервенции... Интервенцию и вообще политические осложнения я считал, при курсе, взятом Советской властью за последние годы, объективно неизбежными»²³.

Подобные настроения были распространены в самых широких слоях населения, и, что не менее важно, об этом знали все, кто интересовался политической ситуацией. Так, в августе 1928 г. В. И. Вернадский записывал в дневнике: «Говорят (слухи из разговоров в лесах, где ездил) — в деревнях говорят: вот будет война — расправимся: коммунисты, интеллигенты, попросту город... Деревня пойдет на город...»²⁴ О том же писал и московский историк И. И. Шитц в декабре 1930 г.: деревня «против войны даже ничего не имеет (крестьяне в массе *ждут* войны и от нее — разрешения всего)»²⁵.

Не случайно один из самых известных «невозвращенцев» Г. З. Беседовский был уверен, что в конце 1920-х гг.

«в Москве желали во что бы то ни стало избежать военного конфликта, прекрасно понимая, что такой конфликт неминуемо поведет к революционному взрыву внутри России»²⁶.

По мнению ОГПУ, в советской деревне отношение к будущей войне определялось исключительно социальным положением: «Бедняцкие и середняцкие слои к возможности войны относятся отрицательно, боясь новой разрухи, кулачество же злорадствует»²⁷. Как правило, вина за распространение слухов о войне официальной пропагандой возлагалась на «социально-чуждые» элементы, в частности в деревне — на кулаков и зажиточных. Однако этому противоречит любопытное замечание в одной из сводок о том, что «политическими вопросами интересовалась больше беднота и батрачество, а зажиточные слои интересуются больше экономическими, а особенно налоговыми вопросами»²⁸.

Отношение к войне основной массы населения страны можно проиллюстрировать следующим высказыванием, зафиксированным в 1925 г. в Ярославской губернии: «Вот только было начали перестраиваться, пообзаводиться, а тут все опять отберут, а кто выиграет неизвестно, если весь мир обрушится на нашу Республику, то ее хватит не больше, как на три дня...»²⁹ Похожий вывод делали информаторы ОГПУ и по материалам Коми области в октябре 1922 г.: «Ввиду продолжительной империалистической и гражданской войны население на все такие явления смотрит враждебно и старается заняться сельским хозяйством»³⁰.

Не только у противников власти, но и у многих лояльно настроенных в отношении к ней граждан с ожиданием войны были связаны не только опасения, но и надежды на решение тех или иных внутривнутриполитических проблем. Так, в августе 1927 г. среди строительных рабочих Свердловска ходили такие разговоры: «Лишь бы открылась война, тогда мы перестреляли бы всю буржуазию»³¹. Даже многие члены партии разделяли подобные настроения. Например, в январе 1928 г. были зафиксированы высказывания коммунистов

И. Я. Шарова о необходимости объявления войны для того только, чтобы взяться в первую очередь за ответственных партийных работников, и И. Г. Лувских о том, что в случае войны надо побить сотню нэпманов, а потом и «сволочь» в партии³².

Порой дело даже доходило до таких вопросов, как этот, заданный на партконференции в Копейском районе Челябинского округа в ноябре 1927 г.: «Не являются ли оттяжки войны слишком невыгодными для СССР?»³³ Трудно сказать, что подразумевал спрашивающий; то ли он всерьез воспринял заверения в том, что западный пролетариат восстанет в случае войны против СССР и таким образом начнется мировая революция, то ли устал от ожидания войны, к которой готовили массы (но одновременно не были готовы с военной или экономической точки зрения).

Конечно, было и немало сомневающихся в неизбежности войны, даже среди школьников I-й ступени, у которых встречались подобные сомнения: «Никакой войны не будет, мужиков пугают»³⁴.

Больше всего скептиков, впрочем, встречалось среди старой интеллигенции, особенно тех, кто, как академик В. И. Вернадский, имел возможность бывать на Западе. Так, в августе 1928 г. он записал в дневнике: «Удивляет меня все время везде опасение войны и уверенность, что она неизбежна... когда возвращаешься из-за границы, поражает ожидание войны и соответствующая пропаганда прессы. Реальной опасности нет — но едва ли можно сомневаться, что коммунистическая партия — хорошо ли, худо ли, готовится к войне»³⁵.

Другие представители интеллигенции в отсутствие достоверной и разносторонней информации быстро учились читать советскую прессу «между строк». Так, в ноябре 1930 г. И. И. Шитц отмечал в своем дневнике: «Говорят о войне. Или, лучше сказать, не говорят, а носятся с мыслью о ней, причем газеты так и заливаются криками об “интервенции”. По известиям с Запада (об этом передают через

третьи руки от лиц, там бывших, или “сверху”), там смеются над нервностью большевиков, не собираясь воевать. Но у нас в войне уверены»³⁶.

* * *

Если уверенность в неизбежности (в лучшем случае — высокой вероятности) войны, независимо от отношения к ней, разделялась подавляющим большинством населения, то что касается причин, хода, особенностей новой войны... тут версий было множество, иногда весьма оригинальных.

Подготовка великих держав к совместному нападению на СССР была постоянной темой разговоров. «Чужие державы хотят уничтожить коммунистов и из-за границы к нам никаких материалов не высылают... На западной границе штабные генералы разных государств присутствуют на больших военных маневрах [в Польше — *авт.*] с целью в случае войны с Россией всем организованным фронтом напасть на СССР... Капиталистические страны сговариваются на съезде в Париже — каким путем вести нападение на Республику... Прибывающие делегации из иностранных держав приезжают для того, чтобы снять план местности для того, чтобы легче вести войну...»³⁷ Эти и подобные им высказывания постоянно воспроизводятся в материалах ОГПУ и партийных органов на протяжении всех 20-х годов.

Одна из наиболее очевидных возможных причин войны против СССР — недовольство Запада советским строем как таковым. При этом порой западные страны изображались как благодетели, готовые начать войну исключительно из симпатий к русскому народу. В этой связи упоминалось, например, что «для завоевания симпатии русских масс в России Англия взяла под свое покровительство православное духовенство»³⁸. Иногда выражалась надежда, что нажим Англии заставит предоставить льготы частному капиталу.

Любое поражение революционного движения за рубежом, особенно если оно было связано, как в Китае, с вмеша-

тельством иностранных держав, трактовалось как единая кампания по наведению порядка: «Европейские государства сначала восстановили порядок в Германии, потом в Болгарии, сейчас восстанавливают в Китае и скоро примутся за Россию» — так расценивали ситуацию жители Акмолинской губернии в январе 1925 г.³⁹ О том же, как следует из закрытого письма секретаря Троицкого окружкома в Уральский обком ВКП(б), говорили в феврале 1926 г. южноуральские казаки: события в Китае напрямую связывали с призывом в территориальные части и со дня на день ожидали всеобщей мобилизации. Впрочем, в том же письме делалась любопытная оговорка: «В массе казачества эта агитация не имеет успеха хотя бы уже потому, что сроки «мобилизаций» уже десятки раз проходят и ни в какой мере не подтверждаются»⁴⁰.

Постоянно сообщалось о том, что в цари намечают великих князей — то Кирилла, то Михаила, то Николая Николаевича (последний даже объявил будто бы об отмене всех налогов на 5 лет)⁴¹.

Избрание в 1925 г. нового немецкого президента (им стал П. фон Гинденбург) неожиданно породило целую волну слухов о том, что теперь и в России, которая, как и Германия, пережила революцию, будет избран президент. Новое слово неожиданно стало очень популярным (при этом часто делались оговорки, что президент, в сущности, тот же царь, только выборный, а значит справедливый). «У нас должно быть новое правительство, ибо Германия, Англия и Польша предложили Советской власти до 1 мая снять всех коммунистов, взамен же их избрать президента, в противном случае, если не будет избран президент, а коммунисты не сняты с должностей, то эти государства на Россию пойдут войной, а разбив ее установят выборного президента», — говорил крестьянин-середняк Балашов из Акмолинской губернии⁴².

Следующая возможная причина войны — отказ большевиков от уплаты царских долгов и национализация иностранной собственности. «Франция требует с нас долги, а

нам платить нечем, а раз мы не заплатим — будет война, а если уже будет война, то Франция победит. Вот тогда и вы заживете лучше, и мануфактура будет дешевле, и хлеб появится в достаточном количестве», — уверял односельчан бывший помещик Каверзнев из Калужской губернии⁴³.

Интеллигенция, отнюдь не просоветски, но патриотически настроенная, склонна была в качестве реальной причины будущей войны видеть стремление Запада расчленив Россию. Как отметил в своем дневнике в мае 1929 г. И. И. Шитц, «в газетах даже у нас уже сообщают о новом политическом мотиве, приписываемом Польше, а на деле весьма распространенном на Западе: пока Россия вооруженною рукой держит чужие страны — Кавказ, Ср. Азию, Украину — с чуждыми ей народами, военная опасность на Востоке не устранена. За этим мотивом нетрудно видеть стремление расчленив бывшую Россию, раз что она не идет в ногу с Европой, и расчленив на основе советского учения о самоопределении народностей. Почему, в самом деле, требовать ухода из Египта (ими высоко поднятого) и удерживать Украину, которой место в объединении с Галицией?»⁴⁴ Относясь к числу пассивных, но несомненных противников Советской власти, Шитц не разделял радужных надежд части старой интеллигенции, связанных с ожиданием интервенции. Показательно следующее его утверждение (апрель 1930 г.): «Едва ли найдется “энтузиазм” для защиты нынешней власти. Найдется ли здоровое национальное чувство отбиваться от поляков, — или мы сведены будем к Руси Ивана Грозного, с тем чтобы уже *долго* не подняться?..»⁴⁵ Можно предположить, что это «здоровое национальное чувство» (при отсутствии советского патриотизма как такового) разделялось значительной частью населения.

Иногда причина войны выглядела совсем уж незначительно-прагматической, например: «Советская власть отправивла за границу много различных продуктов, но вместо оплаты западноевропейские державы высадили на Черном море десант, который окружил Одессу»⁴⁶.

Люди более образованные, как, например, некий инженер, руководитель изыскательской партии, прибегали к чисто марксистской аргументации, говоря, что «Англия путем нажима добьется вмешательства в наши дела Польши и Германии и завоюет наши рынки»⁴⁷. Подобные утверждения, кстати, были характерны для официальной пропаганды.

Обобщая настроения населения, информационный отдел ОГПУ утверждал: «Советскую власть в предстоящей войне оправдывают, приписывая обвинение всецело империалистам». Как бы отвечая аналитикам ОГПУ, некий гражданин Цепин заявлял: «Наши много кричат в газетах, что войны мы не хотим, между прочим, сами же эту войну вызывают. Кто возбудил волнения в Китае, по чьей инициативе взорван Софийский собор, конечно, русские коммунисты»⁴⁸.

Естественно, среди активных сторонников Советской власти существовали и другие мнения о возможном начале войны. Так, в письме, отправленном из Ленинграда в Кострому в декабре 1924 г., выдавая «военно-революционную тайну», автор, курсант Объединенной интернациональной школы, писал: «Если бы в Эстонии разгорелось восстание, то я уже шагнул бы по полям Эстонии»⁴⁹. В 1926 г. нередко выражалось недовольство тем, что Красная армия не вмешалась и не ввела войска в Польшу сразу же после переворота Ю. Пилсудского, а также высказывались претензии польским рабочим, которые «спят и дают хлестать себя нагайками»⁵⁰.

В июле 1929 г., комментируя слухи о начале конфликта на КВЖД, М. М. Пришвин писал: «В политике я постоянно ошибаюсь, потому что строю свои суждения по материалам, доставляемым мне больше сердцем, и мой разум при этом осмеливается выступать лишь в согласии с чувством. Потому суждения мои в политике всегда обывательские и неверные. Так, я очень уверился, что события на К.В.Д. [КВЖД — *авт.*] на этот раз кончатся войной. Мне представлялось, что революционное правительство еще способно рискнуть и начать войну, чтобы зажечь “мировой пожар”. Я это думал, потому что в корне своем сам большевик, а в жизни уже давно этого нет: я судил по себе, не считаясь с

тем, что революция давно пережита и “пятилетки”...»⁵¹ Впрочем, уже через месяц его настроение резко изменилось: «Новая тревога войны. Все толкователи событий по обыкновению своему ошиблись, упустив из виду одно обстоятельство. Они говорили, что не будет войны, потому что наши никогда на нее не решатся. В это и уперлись. Между тем ее начинают китайцы или кто-то там за их спиной»⁵².

Тем не менее время шло, а война все не начиналась, и в результате появились новые слухи, объяснявшие на сей раз, в чем причина задержки войны. Большинство из них сводилось к тому, что власти, боясь войны, тайно пошли на уступки Западу: «Советская власть держится только потому, что за все недоразумения иностранцам она платит или золотом, или хлебом в натуре». Иногда упоминались и более серьезные формы платежа; так, время от времени утверждалось, что Англии отдали Архангельск, каменноугольную промышленность Донского бассейна и Урала, а золотопромышленность Сибири и Сахалина передали Японии — «чтоб не нападали»⁵³.

Один из вариантов такого слуха возник в результате очередного учета лошадей: «Сейчас каждый год у крестьян будут забирать лошадей, потому что Советская Россия должна их отдавать англичанам, иначе будет война»⁵⁴. Для российского крестьянина, главной ценностью которого продолжала оставаться лошадь, такое утверждение было, может быть, и естественным; интересно, однако, что ответили бы англичане, если бы им в счет уплаты старых долгов предложили табун крестьянских «сивок» и «гнедков»?..

По мнению некоего кустика Назаренко, «война была бы объявлена еще в мае сего года, но иностранцы, предчувствуя хороший урожай в России, не торопятся с объявлением войны, стараясь закупить у нас хлеб... войну они объявят тогда, когда будет в руках нужное количество хлеба, а теперь под разными предлогами подделываются к СССР»⁵⁵.

Иногда причиной того, что война все не начинается, объявлялась позиция белоэмигрантов, в частности тех же Николая Николаевича и Кирилла, которые «все время хо-

датайствуют перед этими державами [Англией и Америкой — *авт.*], чтобы они пожалели русский народ и не делали войны»⁵⁶.

В дневнике М. М. Пришвина за июль 1930 г. есть любопытное свидетельство о бытовавших в среде интеллигенции объяснений затянувшейся «мирной передышки»: «Говорят, однако, будто европейцы сговорились не трогать нас и дать возможность продолжить свой опыт для примера социалистам всего мира»⁵⁷. И, наконец, наиболее интересная версия была высказана уже в 1931 г. в Вологде, в очереди за мясом, где обсуждали вопрос о войне. Одни говорили, что война этим летом неизбежна, а другие — «что войны не будет, так как капиталисты ждут, пока в СССР народ сам с голоду умрет, доказывая свою правоту тем, что при условии мирной обстановки в следующем 1932-м году будет жить еще трудней, так как у крестьян ничего не осталось, а колхозы в снабжении города сельхозпродуктами не справятся»⁵⁸.

Интересно, что популярный в поздней литературе тезис о вере советских людей в революционный пролетариат Запада, который не допустит войны против СССР, применительно к 20-м годам, не подтверждается: такие высказывания встречаются довольно редко, и только в городах.

В январе 1927 г., во время знаменитой «военной тревоги», московские рабочие интересовались: «Может ли нам помочь Англия, когда на нас будет идти какая-нибудь страна, если не поможет, то почему?..⁵⁹ Каким образом могут поддержать нас английские рабочие в случае войны с СССР?»⁶⁰

Если верить составителям сводок, в Ленинграде летом 1927 г. были «характерны для рабочей массы» следующие мнения: «В будущей войне мы не одиноки, нас поддержит западноевропейский пролетариат»⁶¹.

Осенью 1927 г. среди строительных рабочих Свердловска в связи с рабочими выступлениями в Австрии⁶² был отмечен рост оптимистических настроений относительно ожидаемой войны: «Слухи о войне, имеющие массовую распространенность в середине июля, в настоящее время наблюдаются лишь частично. Особенно успокаивающе подействовали

на рабочих известия о событиях в Австрии... Во время обеденного перерыва десятник Торопов в группе собравшихся рабочих говорил: «Здорово работают наши собратья венские рабочие. Вот они в будущую войну нас поддержат»⁶³.

Встречались утверждения о том, что Красную армию-освободительницу «будут встречать с красными флагами, особенно наши соседи: Польша, Румыния, Болгария»⁶⁴.

Однако все чаще высказывались сомнения в безоговорочной международной солидарности трудящихся, в революционности западного пролетариата: «Мы английским рабочим отчисляли свои последние гроши, а теперь они никакой помощи в трудную минуту не оказывают... хотя бы демонстрации рабочие делали, что ли, а раз молчат рабочие — это буржуазии на руку»⁶⁵.

Звучали и откровенно скептические вопросы, в частности, «в чем конкретно выражается сочувствие западноевропейских рабочих по отношению к СССР?», и такие высказывания, как: «Английские рабочие перешли на сторону Чемберлена»⁶⁶.

Довольно часто в сводках отмечалась «неуверенность в поддержке со стороны иностранных рабочих», которая приводила к выводу: «Теперь капитализм победит. На союз международных рабочих мало надежды»⁶⁷.

Наконец, на Северном Кавказе в 1927 г. встречались высказывания о том, что война будет проиграна из-за отсталости советского оружия и враждебности европейских рабочих⁶⁸.

Намного чаще надежды «на союз международных рабочих» характерны уже для 30-х годов, когда подросли новые поколения, воспитанные исключительно в духе советской пропаганды и идеологии, а ожидания войны потеряли прежнюю остроту.

* * *

В качестве наиболее вероятного противника СССР рассматривались разные (иногда весьма неожиданные) страны. Например, весной 1925 г. в Армавирском округе появи-

лось воззвание, гласившее: «Долой ненужный красный произвол, да здравствует великая священная итальянско-русская война против красных варваров», а в Гомельской губернии листовка, в которой содержался следующий призыв: «Да здравствует Антанта Бельгия, Сербия, Польша, Румыния, Германия, Турция, Норвегия, Китай, Эстония»⁶⁹.

Среди потенциальных противников выделялись две группы — великие державы (Англия, Франция, США, Япония, реже Италия) и непосредственные соседи СССР (Финляндия, Польша, Эстония, Румыния, Болгария, Турция, Китай)⁷⁰.

Когда речь шла о возможных противниках, как правило, проявлялись региональные различия; так, в западных губерниях чаще прочих в качестве противника фигурировала Польша, а на Дальнем Востоке — Япония. Впрочем, встречались самые разные варианты. Например, в августе 1925 г. в Тульской и Тамбовской губерниях ожидали войны с Польшей, в Вологодской — с Польшей и Англией, а в Архангельской и Северо-Двинской — почему-то с Японией и Китаем⁷¹.

Впрочем, вне конкуренции в качестве самого опасного и очевидного противника выступала именно Англия, причем на протяжении всего периода 1920-х годов.

В начале 20-х годов представления о грядущей войне с Англией опирались в основном на воспоминания о недавней интервенции союзников, в частности, на Севере. Так, в апреле 1923 г. в Архангельской губернии были зафиксированы слухи о высадке союзного десанта для захвата Архангельска. С другой стороны, именно признание Англией СССР в феврале 1924 г. рассматривалось крестьянами Коми области как признак укрепления Советской власти⁷².

Постепенная нормализация англо-советских отношений, тем не менее, истолковывалась далеко не всегда благоприятным для власти образом. С 1924 г. постоянно воспроизводятся слухи о том, что какая-то часть Русского Севера будет передана Англии⁷³. Так, в сентябре 1924 г. в Печорском уезде говорили об уступке Англии Архангельской гу-

бернии, в том числе, естественно, и данного уезда. А летом 1926 г. в Архангельском уезде той же губернии прошел слух, что «Вологодская, Архангельская и Олонецкая губернии проданы Соввластью Англии за старые царские долги, что скоро мы все будем под властью англичан...»⁷⁴

Однако время шло, передача северных губерний Англии так и не состоялась, и в связи с обострением англо-советских отношений с весны 1927 г. вновь пошли слухи о войне с Англией. Снова коварный Альбион, так и не получивший, кстати, долги, требовал у СССР три губернии — Архангельскую, Вологодскую и Коми АО, в противном случае угрожая войной⁷⁵.

Иногда ожидания английской интервенции принимали совершенно гротескные формы; так, накануне Первомайских праздников 1927 г. один из крестьян Псковской губернии предупреждал: «Скоро придут из Китая англичане и всех переобрежут...»⁷⁶

Впрочем, ожидаемый приход англичан пугал далеко не всех. Как утверждали одни, англичане нападут и увезут весь лес. Ничего, возражали другие, «пусть придет Англия, худого нам ничего не сделает. Если коммунисты и в дальнейшем будут так руководить, то мы готовы связаться с Англией». «Хорошо бы нас завоевала Англия, — восклицали третьи, — чтобы Чемберлену прилететь сюда, наш брат крестьянин всех коммунистов уничтожит». Но были и другие голоса. «Английские капиталисты знают безнадежность шансов победы [*над*] СССР в случае войны, ибо наш Союз крепок и силен, и при том же, в случае нападения СССР будет поддерживать пролетариат всего мира, поэтому англичане не смеют выступить против нас», — уверенно говорил односельчанам один из крестьян Сысольского уезда Коми АО летом 1927 г.⁷⁷

Характерно, что Германия, противник в недавней Великой войне, в этом ряду встречается крайне редко, и, как правило, лишь в том случае, когда перечисляются практически все соседи СССР и наиболее значимые державы, как в вышеупомянутой листовке. Иногда Германия упо-

миналась как территория, на которой формируются войска белогвардейцев для похода в СССР (на самом деле на территории Германии воинских формирований белой армии не было).

Порой встречались утверждения, что Германия может начать войну против СССР под давлением других держав: «Америка и Англия заставляют Германию начать войну с СССР, на что дают необходимые средства», и т. д.⁷⁸ И лишь в единичных случаях Германия присутствовала в массовом сознании в качестве инициатора новой войны. Вот один из таких случаев: «Тверская губ., Краснохолмская вол., Бежицкий у., быв. помещик Сергеев: ожидается война с Польшей. Скоро будет война с Германией». Характерно, что о войне именно с Германией говорит человек «из бывших», по своему воспитанию и убеждениям принадлежащий дореволюционной эпохе⁷⁹. Но в таких случаях вспоминали, как правило, о международной солидарности пролетариата: «...рабочие Германии дружные, на нас их не скоро натравишь...»⁸⁰

Даже возникавшие время от времени осложнения в советско-германских отношениях массовым сознанием воспринимались относительно спокойно; по крайней мере, они не приводили к выводам о неизбежной в самом ближайшем будущем войне (для сравнения отметим, что после взрыва в Софии слухи о войне с Болгарией держались несколько месяцев). Так, весной 1924 г. после полицейского налета на советское торгпредство в Берлине⁸¹, в сводках Политуправления РВС СССР утверждалось, что «красноармейцы проявляют живой интерес к конфликту с Германией, выражая опасения за могущие получиться осложнения», но настроение вместе с тем «приподнято-революционное. Выражая свое негодование по поводу налета, военморы заявляют, что политика Соввласти слишком миролюбива»⁸².

За весь период с 1922 по 1932 г. лишь однажды Германия фигурировала в массовом сознании в качестве основного источника военной угрозы. Это не было связано с какими-

либо международными или дипломатическими осложнениями или революционными событиями в Германии и представляло собой классический случай проявления мифологической составляющей массового сознания. В апреле 1925 г. на выборах президента Германии победил П. фон Гинденбург. Очевидно, само имя престарелого фельдмаршала вызвало ассоциации с событиями Первой мировой войны и последующей немецкой оккупации. Уже в августе 1925 г. появились сообщения, что один из российских немцев, «носясь с портретом Гинденбурга, убеждает всех в скором приходе последнего на Украину»⁸³. О том, что слухи о войне с Германией основывались на ассоциациях с событиями прошлых лет, свидетельствует записка, подброшенная в почтовые ящики в Псковской губернии в октябре 1925 г. «Скоро посетят Россию кровавые гости: Айронсайд⁸⁴, за ним Гинденбург, а вслед за ними Франция, Англия, Болгария, Латвия и другие страны»⁸⁵. И, наконец, своеобразной кульминацией стал зафиксированный в ноябре в Курской губернии слух о том, что «главки немецкой республики [так в документе; очевидно, имеются в виду «главы» или «глава республики» — *авт.*], находят неправильным введенный в России большевиками порядок, а потому считают пойти войной на Россию и что таковая скоро произойдет»⁸⁶.

Но это исключение не оставило заметных следов в массовом сознании; более того, в отличие от других западных государств, Германия иногда фигурировала в качестве вероятного союзника в грядущей войне (необходимо отметить, что в 20-е годы Веймарская Германия всерьез рассматривалась советским политическим и тем более военным руководством в качестве реального союзника как в мирное время, в вопросах военно-технического сотрудничества и подготовки кадров, так и в случае войны, в частности с Польшей)⁸⁷. Определенную роль играла позиция советской прессы, настроенной по отношению к Веймарской республике довольно дружелюбно. Дипломатические отношения с Германией в 1920-е гг. были явно лучше, чем с другими западными странами; демократическая Германия, еще не

оправившаяся от поражения в войне и последующих социальных потрясений, даже для наиболее параноидальных советских лидеров и идеологов не казалась источником военной опасности; в самой Германии существовали определенные влиятельные слои, в том числе военные, политики, деятели культуры, склонные ориентироваться на союз с Советской Россией, и т. д.⁸⁸ Неудивительно, что порой от Германии ожидали не просто нейтралитета, но и прямой военной поддержки в случае конфликта с западными странами. Например, в октябре 1926 г., когда в очередной раз появились слухи о войне с Польшей, одновременно распространились и утверждения о том, что «приехавшие в СССР немецкие делегаты призывали русских рабочих соединиться с ними для совместной борьбы с Польшей»⁸⁹. И в 1927 г., во время известной «военной тревоги», звучали вопросы: «На какую сторону переходит Германия и намерена ли она через свою территорию пропускать войска?.. Есть ли тайный военный договор между СССР и Германией?»⁹⁰

Разумеется, уровень симпатий к Германии как таковой не стоит преувеличивать; среди просоветски настроенной части российского общества существовало убеждение, что правительство Германии «всецело находится на поводу у капиталистов»⁹¹.

Иногда какое-нибудь рядовое событие, вроде приезда германской делегации, оказывало позитивное влияние на настроения в СССР. Так произошло в августе 1925 г., когда буквально по всей стране ходили слухи то ли о начале, то ли о близости войны (в том числе, как указывалось выше, с Германией), в сводках ОГПУ применительно к некоторым районам Центральной России подчеркивалось: «Население истолковывает приезд делегации как предотвращение скорой войны»⁹².

Любопытно свидетельство И. И. Шитца, отнюдь не склонного доверять официальной пропаганде. В ноябре 1930 г. он записал в дневнике: «Вот, например, как рассуждают молодые специалисты, толковые, образованные, не партийцы, но все же взошедшие на советских дрожжах: интервенция несомненно будет, сомнения нет; вопрос лишь в

том, как скоро и как бы нам быть к ней готовыми; некоторая уверенность в нашей способности *отбиться* у молодежи есть; они не скрывают того, что у нас большую часть играет немецкая подготовка; передают, что часть немцев, живущая мыслью о реванше французам, определенно готовилась заключить с СССР военный союз, что в Россию приезжали штабные немцы, все изучили, всем остались очень довольны, но только, вернувшись в Германию, встретили там резкий отпор у правительственной стороны, которая будто бы остерегается союза с СССР; отголоски этих споров проникли будто бы и в печать (в Германии)⁹³.

Ситуация изменилась лишь после 1933 г., после прихода к власти нацистов, когда Германия постепенно становится наиболее вероятным потенциальным противником, сменив в этом качестве Францию и Польшу, Японию и Англию (об этом речь пойдет дальше).

Наряду с Германией, поразительно незначительное место в ожиданиях войны занимала в 20-е годы Франция. В советской пропаганде она периодически выдвигалась на первый план в качестве потенциального противника, организатора интервенции и т. п. Например, такая стихотворная подпись сопровождала карикатуру М. Черемных 1923 г. «Жирная Америка и тощая Европа»:

Европа смотрит взглядом тусклым,
Товара нет и порван зонт,
И под дождем штыков французских
Европы мрачен горизонт⁹⁴.

«Французские штыки» появились здесь не случайно — именно Франция являлась доминирующей в военном отношении державой Европы, именно Франция и ее восточноевропейские союзники, прежде всего Польша, воспринимались советской военно-политической элитой в качестве источника непосредственной угрозы для СССР. Считалось, что Англия, представлявшая особую опасность в политическом или экономическом отношении, в соответствии с традиционны-

ми российскими стереотипами, предпочитала воевать исключительно чужими руками. Опыт мировой войны, в ходе которой Англия мобилизовала массовую сухопутную армию и потеряла на фронтах свыше 700 тыс. человек, ничего не изменил: привычные стереотипы оказались сильнее исторической реальности. Кроме того, именно Франция являлась основным политическим центром белой эмиграции.

И тем не менее в массовом сознании упоминания о войне между Францией и СССР встречаются достаточно редко и, как правило, только в 1922–1924 гг.⁹⁵ Лишь однажды Франция упоминается в качестве главного организатора войны против СССР: в марте 1925 г. был отмечен слух, что «Францией создан блок против СССР, что решено поставить в русские цари Кирилла и что свержение Советской власти неизбежно»⁹⁶. Конечно, Франция в качестве потенциального противника неоднократно упоминалась и позднее, но обычно — в перечне всех основных капиталистических стран, причем после Англии, Польши, а порой и Америки. Возможно, здесь проявились стереотипы восприятия Франции скорее как потенциального союзника, закрепившиеся еще с 1890-х гг. и получившие подтверждение в ходе мировой войны. Очевидная популярность французской культуры, симпатии к Франции и французам в целом были все же характерны прежде всего для так называемых «образованных классов» и вряд ли могут служить в данном случае объяснением.

* * *

Что касается соседних стран, то, помимо возможности их участия во всеобщей войне, развязанной Западом против СССР, слухи о войне с ними возникали постоянно из-за различных пограничных или иных инцидентов в двусторонних отношениях.

С большинством непосредственных соседей отношения СССР в 20-е годы были по меньшей мере напряженными. Существовали взаимные территориальные претензии (в отношениях с Польшей, Румынией, Эстонией). На польской,

финляндской, румынской границах время от времени возникали так называемые «инциденты», а в сущности — вооруженные столкновения.

При этом соотношение сил в 1920-е гг. складывалось, в отличие от более поздних времен, далеко не в пользу СССР. В случае всеобщей мобилизации в конце 1920-х гг. западные соседи СССР (Польша, Румыния, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония) могли в целом выставить 2,5 млн человек, около 5700 орудий, более 1 тыс. самолетов, почти 500 танков. Полностью отмобилизованная Красная армия могла противопоставить этому лишь 1, 2 млн человек, около 5600 орудий, 700 самолетов, 200 танков, броневтомобилей и бронепоездов⁹⁷. А ведь за спиной потенциальных противников «первого эшелона» был еще и «западноевропейский тыл», прежде всего армии Англии и Франции.

Вместе с тем советская официальная пропаганда зачастую относилась к малым странам Европы без элементарного уважения. Достаточно полистать подшивки журналов тех лет, чтобы найти многочисленные карикатуры, где Польша изображалась в виде то собаки, то свиньи, Болгария в виде уголовника, Румыния в виде кокотки, и т. п. Например, в одном из январских номеров «Крокодила» за 1931 г. была опубликована целая серия откровенно оскорбительных шаржей на лидеров соседних стран — Польши, Чехословакии, Финляндии, Румынии. Финский президент, например, был изображен небритым, с ножом в зубах; польский сейм сравнивался с публичным домом, а маршал Пилсудский — с его хозяйкой, и т. д. В заключение делался вывод:

Вот вам соседи СССР,
чудеснейшие, добрые соседи.
За ними же мосье, милорды и миледи
им помогают на любой манер.
Там тяжесть денежных надбавок,
здесь наводных орудий блеск и шик,
и ясно, что от маленьких державок
ждать надо гадостей больших⁹⁸.

В апреле 1925 г. в Болгарии во время панихиды в Софийском кафедральном соборе взорвались две адские машины. Погибло свыше 150 человек, несколько сотен было ранено, пострадали в том числе и члены правительства. В стране было введено осадное положение, начались массовые аресты коммунистов. Болгарский премьер-министр А. Цанков объявил, что найдены документы Коминтерна о назначенном якобы на 15 апреля восстании, сигналом к которому должны были послужить поджоги и взрывы. Народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин резко отрицал подобные обвинения и охарактеризовал взрыв как «яркое проявление отчаяния народа»⁹⁹.

Постепенно шум вокруг взрывов, по крайней мере за пределами Болгарии, утих, тем не менее несколько месяцев в СССР ходили упорные слухи о том, что война с Болгарией либо на пороге, либо уже идет. «Все иностранные державы по поводу взрыва Софийского собора пришли к соглашению во что бы то ни стало перебить всех большевиков», — считали многие. Причем перспективы Советской России в этой войне оценивались обычно пессимистически. «Болгары не то что наши русские, они сразу возьмут в работу СССР. Ведь Антанта им разрешила иметь до 10 000 войска», — говорили в июне 1925 г. на Северном Кавказе¹⁰⁰.

Еще более распространенные и правдоподобные слухи о войне были вызваны малозначительными пограничными инцидентами. В январе, июне и июле 1925 г. на Ямпольском участке (город в Винницкой обл. на р. Днестр) советско-польской границы часто вспыхивали перестрелки. Наиболее серьезный инцидент произошел 29 июня, когда около 150 польских солдат вторглись на советскую территорию, советская застава была сожжена. 3 и 20 июля произошли новые столкновения, погибли начальник советской заставы и польский капрал. 25 августа был подписан советско-польский протокол о ликвидации инцидента. Польяки вернули имущество, захваченное на заставе, и выплатили около 5900 долларов (эквивалент ущерба в 11,5 тыс. руб)¹⁰¹.

Инцидент был таким образом исчерпан, однако уже в мае слухи о войне были зафиксированы в 18 губерниях, а в сентябре — в 35. «Чаще всего говорят о войне с Польшей, реже — об интервенции со стороны Англии, Франции, Америки», — подчеркивалось в материалах ОГПУ¹⁰². Изменения цен на хлеб, очередной призыв в армию, любое появление в небе самолетов ближайшей авиачасти — все списывалось на войну с Польшей.

Даже представители старой интеллигенции, совершенно не склонные верить советской пропаганде или сочувствовать власти, рассматривали «польскую угрозу» как нечто совершенно реальное. Так, И. И. Шитц весной и летом 1930 г. неоднократно отмечал в своем дневнике: «В Польше порою пахнет каким-то авантюрным стремлением к захвату Украины (она им нужна как рынок для польской промышленности)... опять глухие слухи о войне, опровергаемые официально и на Западе, и даже в ближней Польше. А между тем военные расходы Польши до того выросли, что надо либо разоружаться на две трети, либо — *losschlagen* [все распродать], совсем как это было с Германией в 1914 г... Польские вождедения вертятся вокруг Украины. Поляки сманивают ее *освобождением* от Москвы»¹⁰³.

Поражение китайской революции 1927 г. вызвало слухи о скорой войне еще с одним соседом. В письмах, направленных в «Крестьянскую газету», в марте 1928 г. появились следующие вопросы: «Скоро ли придет в СССР уважаемый Чан Кайши уничтожить наших коммунистов? Куда будут скрываться коммунисты, когда придет Чемберлен или Чан Кайши в СССР, если их за границей не примут?..» Впрочем, эти слухи оказались не слишком устойчивыми; составители следующей, апрельской сводки, отмечали, что «фабрикация слухов перешла в новую стадию. Вместо расчетов на иностранную буржуазию, даже на китайскую, как отмечалось в предыдущей сводке, определенно выступают надежды на сибирское и, видимо, на уральское крестьянство многоземельных округов. Сильно затронутое хлебозаготовками, это крестьянство, по слухам, уже готово к восста-

нию»¹⁰⁴. Другими словами, теперь основной противник находился не вне, а внутри СССР.

* * *

Перечень возможных причин войны и потенциальных противников, которым оперировало массовое сознание, был достаточно широк. Какой же ход и исход войны представлялся наиболее вероятным?

Прежде всего, почти никто не сомневался в поражении Советской России¹⁰⁵. Это кажется удивительным, учитывая исход недавней гражданской войны и интервенции, но, тем не менее, в 20-е годы это было именно так. Эйфория 30-х годов — «малой кровью, могучим ударом, на чужой территории» — в 20-е была совершенно не свойственна большинству населения. Лишь в единичных случаях можно встретить высказывания о том, что «теперь мы отдохнули и не только Польше, а и всей Антанте набьем» (1925) или «довольно, мы теперь отдохнули и можем воевать — или нас побьют, или мы возьмем всемирную революцию» (1927)¹⁰⁶. Характерен повторяющийся мотив «отдыха» — очевидно, после гражданской войны — отражавший состояние страны в целом.

Обычным же был вывод (по-своему соответствовавший духу советской пропаганды): «Война кончится крахом Советской власти, коммунисты будут все перевешаны, и Россия будет представлять из себя западноевропейские колонии»¹⁰⁷. Причем это мнение разделяли люди, которых трудно было заподозрить в малограмотности, полной неосведомленности или непонимании происходящего; так, М. М. Пришвин в июле 1928 г., комментируя очередные слухи о войне, писал в дневнике: «...если война, то Россия станет колонией Европы, если свергнут правительство, то всеобщая резня и в конце опять колония»¹⁰⁸.

Даже среди школьников, особенно I-й ступени, встречались подобные настроения: «Если будет война, то Советской власти будет капут, так как против Советов весь мир»; «Советский Союз очень бедный и не имеет вооружения»¹⁰⁹.

Единственным спасением представлялись переговоры и фактическая капитуляция СССР: «Советская власть наполовину упала, из Польши идет Николай Николаевич со своей армией и забрал несколько городов. За границей в скором времени будут переговоры, где решится судьба Советской власти, так как царь за границей признан, и если на переговорах будет признан царь, то Советской власти не будет, и будут служить в церквах по-старому, будут поминать царя и бывшего патриарха Тихона»¹¹⁰.

Чаще война представлялась как всемирная, «ибо все капиталистические страны вооружились против большевиков»¹¹¹, но иногда в качестве ее инициаторов и основных участников выступали русские белогвардейцы, вооруженные и поддержанные Западом, а порой даже перенесенные на территорию СССР с помощью воздушного флота, например, Америки.

Что касается начала войны, то оно представлялось либо в виде наступления поляков на западной границе (или, соответственно, японцев на восточной), либо в виде англо-французского десанта на Черном или Балтийском море. Все эти сценарии были хороши известны, опробованы в ходе гражданской войны, да и вообще представляются самыми логичными. Но наряду с ними существовали и весьма оригинальные представления, связанные прежде всего с развитием военной техники (о чем, кстати, охотно и подробно писала советская пресса). Так, начало войны описывалось «в виде налета аэропланов на Москву, Ленинград и другие крупные города, которые [аэропланы — авт.] разгонят правительство, так что никакой мобилизации Советская власть сделать не успеет»¹¹².

Иногда грядущая война виделась во всех подробностях, как, например, в Сталинградской губернии в сентябре 1925 г.: «Поляки повели наступление на нашу границу с танками, из которых выбрасывали усыпляющий белый газ, от которого красноармейцы засыпали, поляки у спящих красноармейцев проверяли есть ли у них кресты, и у кого есть, того оставляли живыми, а у кого нет — убивали»¹¹³.

Вообще химическое оружие, в частности газы, в массовых «сценариях» будущей войны занимало особое место. Это объяснялось как воспоминаниями о газовых атаках времен Первой мировой войны, так и стараниями прессы, которая постоянно писала об ужасах химической войны.

Даже Политуправление РККА, проанализировав материалы прессы (преимущественно гражданской), специально отметило «запугивание читателей «ужасами химической войны» в результате преувеличения роли и значения отравляющих веществ в будущих войнах и недооценки других средств поражения». По мнению политработников, это «создает благоприятные условия для панического настроения во время войны, т. е. уже заранее определяет успех применения отравляющих веществ нашими будущими противниками, учитывающими психологию масс и не без задней мысли пускающими сейчас в свою печать всяких “химических уток”» и одновременно «отвлекает внимание от некоторых вопросов обороны, не менее важных, чем вопросы противохимической защиты... основным вопросом, подлежащим освещению на страницах гражданской периодической печати должен являться вопрос о трезвой оценке химической опасности без перегиба палки в ту или иную сторону»¹¹⁴.

Причем (тут уже элемент чисто фантастический, ни в какой реальности или пропаганде не встречавшийся) газы рассматривались как особое, гуманное по сути оружие: «Скоро Англия и Франция пойдут войной на Россию, но народ убивать не будут, а лишь будут усыплять и за это время обезоруживать и убивать коммунистов... Пускают вперед аэропланы, которые выпускают усыпляющие зелья, после чего наши войска обезоруживаются и отпускаются домой... С польской границы Николай Николаевич ведет наступление на пограничные отряды с помощью газа, который на людей не действует, а только оружие приводит в негодность... Уже осаждают Москву, пускают усыпительные газы, и Москва трое суток якобы из-за этих газов уже спала, и у всех коммунистов во время сна отобрали оружие»¹¹⁵.

Более того, народная фантазия заходила так далеко, что предсказала и биологическое оружие, которое в предвоенный период, кажется, всерьез не предполагалось использовать ни в одной армии (секретные японские разработки в этой области, например, относятся уже ко второй половине 1930-х — первой половине 1940-х гг.). Но в СССР уже в мае 1930 г. в одном из районов Омского округа рассказывали о чудесном ребенке, который сразу после рождения потребовал себя окрестить, и в процессе крещения предсказывал, что «в этом году будет самая сильная война, такая война, которая уничтожит весь народ в Советском Союзе (авропланами, газами, орудьями и ружьями). Кроме того с авропланов и вообще будут разбрасываться всякие дурные различные болезни, от которых умрут все мужчины, женщины и дети, но дети пожалуй не все умрут»¹¹⁶.

* * *

Своего апогея «военные тревоги» достигли в 1927–1929 гг., когда буквально вся страна запасалась товарами первой необходимости, а крестьяне придерживали хлеб (что, кстати, повлекло за собой кризис хлебозаготовок, и как результат — знаменитые «чрезвычайные меры», проложившие дорогу массовой коллективизации). Наиболее известная и изученная «военная тревога» относится как раз к 1927 г.¹¹⁷

Осенью 1926 г., на фоне обострения международной обстановки, в частности ухудшения советско-английских отношений, состоялся очередной призыв в армию, а в ряде губерний (в двух округах Урала, Бобруйском округе, Брянской и Вологодской губерниях) прошла опытная мобилизация.

По данным ОГПУ, за небольшими исключениями население везде отнеслось к этим мероприятиям положительно: «Мы, крестьяне, никогда не откажемся дать защитников государству, только налаживающему свою жизнь»¹¹⁸. Однако выводы, сделанные Политуправлением РККА, оказались

более неоднозначными: «Можно считать установленным, что население поднятых [по мобилизации — *авт.*] районов в случае войны Советскую власть безоговорочно поддержит, хотя в массе населения война непопулярна»¹¹⁹.

Именно «мирное» настроение населения, особенно крестьянства, чрезвычайно встревожило и командование армии, и руководство страны. Как подчеркивает М. М. Кудюкина, для быстрого перелома подобных настроений крестьянства было необходимо «проведение решительной политической кампании с лозунгами войны как оборонительной»¹²⁰.

Начало этой кампании было положено выступлениями Н. И. Бухарина и К. Е. Ворошилова на XV московской партконференции в январе 1927 г.

Н. И. Бухарин говорил о враждебности стран Запада и добавил: «У нас нет гарантий, что на нас не нападут. Борьба между нами и империалистами перешла в более высокую фазу, чем раньше»¹²¹. Еще более определенно высказался К. Е. Ворошилов: «Мы не должны забывать, что находимся накануне войны и что война эта далеко не игрушка»¹²². Эти высказывания в сочетании с событиями осени 1926 г. привели к массовой военной истерии, убеждению, что война начнется не позднее весны, в крайнем случае, осени 1927 г.

Московский комитет ВКП(б) в подготовленных информационных материалах отмечал отсутствие «нервозности» в настроении широких рабочих масс. Это подтверждалось целым рядом примеров: «На ф-ке им. Свердлова, за исключением старых работниц, которые говорят о том, что опять настанут тяжелые времена, у остальных настроение бодрое. Рабочие говорят: “Раз надо драться, то будем, они готовятся к войне и мы будем готовиться, нас поддержат западные рабочие...” На “Красной швее”, в связи с неудавшимся фашистским переворотом в Латвии, группа беспартийных рабочих пришла в ячейку, и, крепко ругнув фашистов, ребята заявили: “Нас осилить им не удастся, пусть попробуют сунуться...” На Хамовническом пивоваренном заводе отдельные тов[арищи] предлагают в противовес фашистским переворотам двинуть Красную армию на соседние государ-

ства, ускоряя этим события...» Но тут же упоминались «отдельные случаи заготовки продовольствия со стороны отдельных рабочих»¹²³.

Цитируемая сводка завершалась следующими выводами, которые неоднократно воспроизводились и в других материалах, как партийных, так и подготовленных ОГПУ: «У громадного большинства рабочих и крестьян не чувствуется нервозности, высказываются опасения о неподготовленности к обороне... Среди новых кадров рабочих отмечены отдельные упадочные настроения... Кулацкая верхушка деревни высказывает надежды, что война приведет к свержению диктатуры пролетариата... Заметно некоторое оживление антисоветской агитации в связи с разговорами о войне»¹²⁴.

Впрочем, информационные материалы ОГПУ были все же заметно менее оптимистичны. В них чаще отмечались «панические настроения», массовые закупки товаров первой необходимости¹²⁵, даже отказ крестьян в некоторых районах продавать хлеб и скот на советские деньги. К осени проявились заметные трудности в заготовке хлеба. В результате выросла инфляция, потребительский рынок оказался в крайне напряженном положении¹²⁶.

Слухи о войне порой принимали явственно апокалиптический оттенок. Так, в феврале 1927 г. на Урале ходили слухи об «огненных столпах на небе, какие были перед германской войной»¹²⁷. Конечно, большинство откликов носило гораздо более серьезный характер. Например, селькор Патрушев из Шадринского округа писал в областную «Крестьянскую газету» (выходила в Свердловске): «Из частных бесед об обороне страны народ говорит, что надо бы более готовить для обороны, более расходовать средств на самооборону. Из газет видно, что наши соседи все время приготавливают новые орудия и газы и сильно создают морской и воздушный флот, а мы спим». Любопытно, что автор обзора писем, поступивших в редакцию, по этому поводу отметил «своевременность недавно данного по советской печати указания не преувеличивать значения военной техники в ка-

питалистических странах и не делать вида, что в советской республике ничего не делается в смысле усиления этой военной техники»¹²⁸. Кстати сказать, многочисленные «накладки» в прессе, как местной, так и центральной, приводившие к эскалации «военной тревоги», даже заставили отдел печати ЦК ВКП(б) в августе 1927 г. обратиться в секретариат ЦК с запиской о необходимости созыва совещания Главлитов и их местных органов. Как отмечалось в записке, «необходимость созыва совещания диктуется следующими моментами: 1. Работа цензурных органов приобретает особое значение в связи с *наступившей предвоенной обстановкой* [курсив мой — авт.] Необходимо соответствующим образом ориентировать работников ЛИТов, разобрать ряд вопросов военной и военно-экономической цензуры в целях внесения необходимого единообразия и недопущения прорывов на этом фронте...»¹²⁹ Причем пункт предлагаемой повестки дня «Цензура и военная опасность» стоял сразу за отчетным докладом Главлита. Правда, совещание так и не было созвано.

Историки до сих пор спорят, в какой степени политическое руководство действительно было обеспокоено обострением международной ситуации. Существует мнение, что военная истерия раздувалась исключительно во внутривнутриполитических целях, в качестве средства борьбы с оппозицией. Вместе с тем нельзя не отметить, что во многих документах того времени, в том числе совершенно секретных, сквозит искренняя обеспокоенность ситуацией, искреннее опасение войны. «С каждым днем становится все очевиднее, что существующая ныне паника, которая слышится в каждом публичном выступлении и читается в каждой статье партийных лидеров, не “поддельная”... а на самом деле отражает чувства и эмоции Коммунистической партии и Советского правительства, и эта нервозность успешно передается всему народу», — сообщал в Лондон британский дипломат в январе 1927 г.¹³⁰

В марте И. В. Сталин попытался рассеять тревожные настроения, заявив в выступлении на собрании рабочих ста-

линских железнодорожных мастерских Октябрьской дороги: «Войны у нас не будет ни весной, ни осенью этого года... Войны не будет в этом году потому, что наши враги не готовы к войне, потому, что наши враги боятся результатов войны больше, чем кто-либо другой, потому, что рабочие на Западе не хотят воевать с СССР, а воевать без рабочих невозможно, потому, наконец, что мы ведем твердо и непоколебимо политику мира, а это обстоятельство затрудняет войну с нашей страной»¹³¹. Однако дальнейшие события — убийство П. Л. Войкова, разрыв дипломатических отношений с Англией, переворот в Китае в июле 1927 г. только обострили ожидание скорой войны, усилили военизацию общества и привели к активизации государственной военной пропаганды. 1 июня 1927 г. в связи с разрывом англо-советских отношений появилось обращение ЦК ВКП(б), призывавшее советский народ быть готовым к отражению агрессии. На июльском пленуме ЦК Г. Е. Зиновьев заявил: «Война неизбежна, вероятность войны была ясна и три года назад, теперь надо сказать — неизбежность»¹³². Правда, Сталин, как и в марте, попытался несколько снизить напряжение, говоря о возможности «оттянуть» войну. 28 июля «Правда» опубликовала его «Заметки на современные темы», открывающиеся разделом «Об угрозе войны», написанные в относительно спокойном тоне¹³³. Но практически одновременно, с 10 по 17 июля, разворачивалась всесоюзная «Неделя обороны», которую ЦК ВКП(б) рекомендовал превратить в «большую политическую кампанию»¹³⁴.

Военная тревога набирала обороты.

В одной из сводок ситуация образно характеризовалась как «момент английской волынки», которая «выражалась в посылке ноты Советского правительства, наш ответ Англии и некоторых угроз со стороны Англии разрывом дипломатических отношений. Все население в это время насторожилось и ходили всевозможные слухи о войне, о том, [что] Англия якобы объявляет войну СССР, а вкупе с ней Япония, и предъявила якобы ультиматум, чтобы СССР отдал без боя территорию СССР Японии от Владивостока до гор.

Кургана Уральской области»¹³⁵. Характерна точность, с которой перепуганное население определяло пределы территориальных требований Японии.

Как говорилось в докладной записке по итогам кампании «Наш ответ Чемберлену», проведенной в июне 1927 г. на Ижевском оружейном заводе, существовали различные оценки ситуации среди рабочих-оружейников. Одни предупреждали: «Трудно будет справиться с буржуазией, если она пойдет на рабочий класс войной», другие предлагали: «Фашисты имеют свои кружки по военной подготовке, которые равняются постоянной армии их государства, а нам нужно уметь владеть оружием каждому рабочему». И тем не менее, подчеркивалось в документе, «несмотря на упадочное настроение части рабочих, выше приведенные вопросы и выступления рабочих целиком и полностью подтверждают, что в общем рабочие завода вполне достаточно оценивают серьезность данного момента»¹³⁶.

По всей стране принимались соответствующие резолюции. Вот, например, «постановление», принятое на общем собрании в одном из сел Свердловского округа 27 марта 1927 г.: «В случае объявления нам каких-нибудь военных подготовлений капиталистическими государствами, мы, граждане селения Фирсовского, объявим решительный отпор капиталу и просим все общества других селений поступать так же. Собратьям, рабочим и крестьянам капиталистических государств, просим поддерживать с нами политику мира»¹³⁷. В другом селе того же округа состоялся митинг, и председатель сельсовета с нескрываемым удовлетворением сообщал в окружную газету: «Нужно сказать, что наша деревня не видала еще такого митинга. 300 человек были только взрослые, не считая до 18 лет. А так как 6 марта был последний день масленицы и наше население наместо катания и всяких других штук провело сознательно митинг и меньше увлеклось катанием и пьянкой, а приковало свое внимание к международной обстановке». Интересно, что митинг предварялся массовой инсценировкой, в ходе которой «вражеская пехота» во главе с «Чемберле-

ном» (он же колхозник Пальцев), декламировавшим отрывки из своей знаменитой ноты, была разбита «красной конницей», которой командовал сам «Буденный» (в миру колхозник Зюзин)¹³⁸.

В советской историографии подобные резолюции рассматривались как вполне достоверный индикатор массовых настроений. Современные историки, напротив, склонны их полностью игнорировать. Действительно, чаще всего они составлялись под диктовку работников сельсовета, партийных функционеров низшего звена или каких-нибудь «представителей из района». В результате принятые на бесчисленных митингах и собраниях резолюции на международные темы оказывались так разительно схожи в разных частях страны¹³⁹.

И все же в 20-е годы не все было так просто. Были случаи, хотя и достаточно редкие, когда собрание отказывалось принять готовую резолюцию, ссылаясь на возможные репрессии в случае «переворота». Иногда принимались резолюции, противоположные тем, которые предлагали организаторы собрания¹⁴⁰. Даже в армии, в частности в Белорусском и Приволжском военных округах, были зарегистрированы случаи отказа голосовать за резолюции о военной опасности, потому что «резкие формулировки могут вызвать войну»¹⁴¹.

С другой стороны, массовые инсценировки, подобные вышеописанной, подготовленные самими жителями села, свидетельствуют о том, что порой такие резолюции отражали настроения, действительно существовавшие в это время и в этих местах.

В июле 1927 г. в ходе «Недели обороны», как сообщал в Политуправление Приволжского военного округа Политсекретариат Вотской области¹⁴², «в общественных организациях Вотобласти и среди населения чувствуется подъем, напряженность и воинственное настроение»¹⁴³. В материалах Уральского обкома настроения масс в целом расценивались как здоровые, в пяти районах было собрано на оборону 2000 руб. (фонд «Наш ответ Чемберлену»), создано свыше

20 ячеек Осоавиахима. Вместе с тем в двух поселках вынесли резолюции: «...какой угодно ценой уступок войну предотвратить и самим не вооружаться» [курсив мой — авт.]» Были и такие высказывания — «товарищей слабит», коммунистам конец, скоро их свергнем с помощью Англии, «войны нет, а они с кружками ходят» и т. п.¹⁴⁴

Партийные информаторы сходились на том, что настроение рабочих осенью 1927 г. по отношению к войне было «в целом удовлетворительное».

В одном из документов содержалась любопытная характеристика настроений рабочих по возрастным группам: «Вопрос о войне особенно горячо обсуждала молодежь. Среди ее велись такие разговоры: Наконец-то нам представляется случай расправиться с империалистами. Многие из молодых рабочих выражали желание проситься в войсковые части и на фронт без всяких медицинских осмотров и прохождения различных комиссий. За войну высказывались и рабочие средних возрастов, но при этом выражали опасение, что наш союз в смысле подготовленности в техническом отношении значительно ниже капиталистических государств, а следовательно, пока пролетариат этих государств сумеет организованно оказать противодействие этой войне — мы можем быть побеждены химической войной. Рабочие старших возрастов часто высказываются с боязнью о войне потому, что она опять принесет разорение, будут недостатки и всяческие лишения»¹⁴⁵.

Что же касается крестьянства, то, как писал в закрытом письме, адресованном в ЦК партии, один из секретарей Челябинского окружкома ВКП(б), в сентябре 1927 г., «как общее явление, мнения основной части крестьянства, которые удалось установить при проведении собраний и митингов в основном сводятся к тому, чтобы избежать войны». И далее он приводит такие высказывания: «Лучше откупиться хлебом, налогом, но не воевать... Какой угодно ценой уступок войну предотвратить... Для того чтобы оттянуть войну [крестьянство — авт.], согласно заплатить налог в два раза больше»¹⁴⁶.

К тому же выводу пришли составители информационного сообщения по Уральской области. Подытоживая различные мнения, звучавшие в уральской деревне, они подчеркнули: «Средняцко-бедняцкая группа крестьянства стоит на той точке зрения, что нам, СССР, во что бы то ни стало надо продолжать мирный труд, период мирной передышки... Эти заявления являются продуктом глубокой продуманности создавшегося положения. Все еще чувствуя последствия империалистической и Гражданской войн, бедняцко-средняцкая часть крестьянства дает себе ясный отчет в том, что война в конечном счете приведет к истощению всего народного хозяйства»¹⁴⁷.

Выше уже отмечалось, что принятая в документах ОГПУ социально-классовая градация (настроения бедноты, середняков, кулачества) весьма условна¹⁴⁸. Социальная принадлежность высказываний (а порой и их авторов) определялась по содержанию, а точнее, по отношению к Советской власти. В цитированном выше информационном сообщении содержатся любопытные нюансы. С одной стороны, есть примеры негативных высказываний бедняков и середняков: «Что сейчас говорить о войне, когда наши крестьянские нужды во внимание не принимаются... Вот воевали, воевали, а все пошло насмарку, бедняк остался ни с чем, душат налогами». С другой, в разделе «Настроения кулачества» приводятся слова, вполне по смыслу совпадающие с теми, которые несколькими страницами выше характеризовались как «продукт глубокой продуманности создавшегося положения», например: «Англия скоро объявит нам войну, а тогда все мужицкие труды за годы мирной жизни пойдут насмарку, потому что если будет война, хлеб и скот у крестьян будут брать у крестьян так же, как и брали раньше»¹⁴⁹.

И в рабочей среде, по мнению как ОГПУ, так и партийных органов, «как пораженческого, так и контрреволюционного характера настроения и разговоры наблюдаются исключительно среди тех рабочих, которые ранее состояли в тех или иных политических партиях (главным образом, меньшевики)»¹⁵⁰. Проверить это утверждение не представ-

ляется возможным, хотя, с другой стороны, в нем, очевидно, есть доля истины: в политических партиях состояли рабочие, отличавшиеся более высоким уровнем образования, социальной активности, и, в силу этого, более склонные к критической оценке существующего положения.

В целом, как подчеркивает М. М. Кудюкина, реакцию населения на «военную тревогу» 1927 г. «вполне можно определить как поведение в условиях начинающейся войны. Широко циркулировали слухи не просто об угрозе войны, а о начавшихся военных действиях. Угроза вскоре оказаться на оккупированной противником территории оказывала заметное влияние на принятие решений»¹⁵¹. Примерно о том же пишет Н. С. Симонов: «Судя по характеру поведения, страна оказалась в своеобразных условиях имитации внешней войны»¹⁵².

Любопытно отметить один характерный нюанс — своеобразный «феномен отложенной тревоги». Считается, что к концу 1927 г. ситуация более или менее нормализовалась. Прекратились пугающие выступления советских лидеров, снизился тон прессы. Сводки на первый взгляд демонстрируют некоторое снижение «военных настроений». И тем не менее зимой 1928 г. вновь появляются многочисленные свидетельства о беспокойном настроении в целом ряде регионов, в частности на Урале: «Крестьяне у нас до того перепуганы насчет войны, что только о ней и говорят. Разубедить их почти нет никакой возможности. “Почему, — говорят они, — нет мануфактуры, муки. Да потому, что скоро будет война и хлеб отбирают для войны”. Селькор Фофанов из Кунгурского округа сообщает о некоей пророчице, которая говорит: «Весной этого года будет война и возьмут от 18 до 45 лет всех на войну, а после войны наступит на царство монархий» [так в тексте — *авт.*]¹⁵³

Прошло совсем немного времени, и в ходе конфликта на КВЖД появились слухи о войне с Китаем. В июле 1929 г. власти Северного Китая захватили телеграф КВЖД, закрыли советские учреждения, арестовали более 2 тыс. советских граждан. 18 августа войска Чжан Сюэяна¹⁵⁴ вторг-

лись на территорию СССР. СССР разорвал дипломатические отношения с Китаем; с 11 октября по 20 ноября части Особой Дальневосточной армии отбросили китайские войска, разоружив 8 тыс. человек. 22 декабря был подписан Хабаровский протокол о ликвидации конфликта и восстановлении советского контроля над КВЖД.

Правда, на сей раз слухи о войне возникали большей частью в восточных районах страны. В Центральной России этот конфликт прошел не то чтобы незамеченным, но, во всяком случае, столь острого отклика, как пограничные инциденты с Польшей, не вызвал.

По сведениям политотдела Пермской железной дороги, в августе 1929 г. настроение железнодорожников было «в основном здоровое», однако это не помешало распространению самых невероятных слухов о том, например, что город Чита «занят китайцами, где был бой и убитых тысячами хоронили». Опять превалируют скептические представления о развитии конфликта: «СССР слаб начать войну с Китаем, и КВЖД придется отдать без боя, так как иностранные рабочие за нас не заступятся». Наконец, противники Советской власти вновь ожидали от Китая освобождения от Советской власти: «Долго медлят китайцы с войной, надо бы давно прибить эту сволочь, чтобы не заражали молодое поколение дурацким духом... Раз с Востока начало, а там 15 000 человек русской армии во главе с Семеновым, то и Запад не дремлет, конец коммунистам будет неизбежен»¹⁵⁵. Любопытно, кстати, высказывание относительно «заражения молодежи» — антисоветски настроенные граждане ощущали, как с каждым годом укрепляется за счет смены поколений социальная база режима¹⁵⁶.

Именно по случаю событий на КВЖД ГПУ отмечало «волну энтузиазма» у студентов, которые «все единогласно записались в организованные отряды добровольцев и с охотой проводят военные занятия»¹⁵⁷. Студенты конца 20-х годов по социальному происхождению, жизненному опыту, политическим симпатиям заметно отличались от своих сверстников — современников революции и Гражданской вой-

ны¹⁵⁸. Поэтому такая реакция молодежи, увлеченной революционной романтикой и не представлявшей, что такое на самом деле война, становится с тех пор и надолго преобладающей.

В закрытом письме секретного отдела Вотского облизполкома, направленном для сведения председателям райисполкомов, подчеркивалось: «В связи с конфликтами на КВЖД кулачество Вотобласти своей агитацией и провокационными слухами о якобы начавшейся войне создает паническое настроение...» И далее приводились проявления этого настроения: крестьяне запасались продуктами, дети выходили из пионеров, раздавались угрозы в адрес бедноты и коммунистов, что вызывало у последних ответную реакцию: «Прежде чем идти воевать на фронт, вначале нужно будет перерезать чуждый элемент, а то он перережет наше семейство»¹⁵⁹.

Как пишет И. О. Кузнецов, «глубоко показательно, что особенно масштабная кампания о “военной угрозе” была развернута накануне коллективизации»¹⁶⁰. На самом деле, как отмечалось выше, самой масштабной военной тревогой была все же тревога 1927 г.; на вывод исследователя повлияла скорее всего специфика материала: в Сибири кризис на дальневосточной границе, возможно, действительно воспринимался более обостренно, чем события на Западе, но это вряд ли характерно для страны в целом. Любопытно также, что исследователь воспринимает военные тревоги исключительно как результат планомерных кампаний властей, хотя и признает, что «рассматриваемая акция имела непредвиденные для ее организаторов последствия», в частности, «в небывалой степени способствовала оформлению в более определенное русло оппозиционных настроений»¹⁶¹. На самом деле, как было показано выше, причины военных тревог были гораздо сложнее, и вряд ли возможно жестко привязывать их исключительно к тем или иным мероприятиям властей, скажем, борьбе с оппозицией или подготовке коллективизации, хотя и такие взаимосвязи, несомненно, имели место.

В конечном итоге ни разрыв англо-советских отношений, ни убийства и аресты советских дипломатов, ни высылка из Франции полпреда СССР Х. Раковского, ни конфликт на КВЖД не привели к войне. И после этого в массовом сознании происходит постепенный перелом. Ощущение опасности войны отодвигается на второй план (хотя окончательно, конечно, не исчезает) и вытесняется повседневными заботами.

* * *

Обобщая все, что было сказано о «военных тревогах» 1920-х гг., можно выделить их наиболее характерные черты.

Во-первых, поводом для возникновения «военной тревоги» могли послужить любые международные и внутриполитические события; официальные заявления властей или те или иные пропагандистские кампании в прессе; наконец, просто слухи, возникающие, казалось бы, без видимых оснований. В любом случае, однако, «военная тревога» являлась в большей степени спонтанной реакцией населения, чем результатом целенаправленной политики властей. Даже тогда, когда, как в 1927 г., «военная тревога» была сознательно спровоцирована политическим руководством, ее масштабы, проявления и результаты оказались в значительной степени непредвиденными и даже с точки зрения властей негативными.

Во-вторых «военные тревоги» означали не просто разговоры о войне; как правило, они влияли на поведение населения самым непосредственным образом. Например, начались массовые закупки товаров первой необходимости, тут же, как правило, приводящие к торговому ажиотажу и росту дефицита; задерживались хлебозаготовки; в некоторых районах крестьяне, опасаясь мобилизации, продавали лошадей, в других — отказывались принимать советские деньги; снижалась общественная активность населения, наиболее «неустойчивые» граждане выходили из общественных организаций (пионерской организации, комсомола,

иногда даже из партии)¹⁶²; отмечались случаи уклонения от службы в армии (вообще в те годы достаточно престижной, особенно для выходцев из деревни), некоторый рост дезертирства, попытки красноармейцев перевестись в нестроевые подразделения.

Очевидно, что и в бытовом отношении «военные тревоги» не оставались без последствий (например, они влияли на определение ближайших планов и расходов в крестьянском хозяйстве или планирование бюджета рабочей семьи), но эти, опосредованные их результаты, проследить достаточно сложно, и в любом случае это не является задачей данного исследования.

И. О. Кузнецов, говоря о последствиях военных тревог для крестьянского сознания, отмечает, что «раздувание жупела военной угрозы содействовало усилению в деревне настроений страха, неуверенности, тревоги, паники»¹⁶³. Подобные настроения ярко проявились во время коллективизации и, очевидно, повлияли на ее ход.

Наконец, «военные тревоги» активно использовались для зондирования общественных настроений, в первую очередь, отношения к Советской власти и ее политике и готовности защищать завоевания социализма. Формы этого зондирования могли быть самыми разнообразными (опросы, обзоры писем, анализ материалов информаторов, бюджетные обследования и пр.), но в любом случае его результаты несомненно учитывались в дальнейшем при принятии политических решений самого разного уровня — но и эта тема заслуживает специального исследования¹⁶⁴.

* * *

Своеобразная ирония истории заключается в том, что с начала 30-х годов опасность войны становится гораздо более реальной: в мире появляются силы, заинтересованные в переделе мира любым, в том числе военным способом. Япония начинает широкомасштабную агрессию в Китае, при этом первым шагом явился захват Манчжурии — в резуль-

тате подлинный, а не мнимый очаг войны возникает на границах с СССР. Фашистская Италия самоутверждается в Абиссинии, и Лига наций (как, впрочем, и в случае с Китаем) оказывается бессильна. Наконец, к власти в Германии приходит Гитлер, главным внешнеполитическим тезисом которого был пересмотр итогов Первой мировой войны.

Конечно, все это было известно в Советском Союзе; советская пропаганда постоянно напоминала о нарастании международного кризиса; предпринимались, как в 1935 г., попытки заключить союз с потенциальными противниками Германии. Но все же импульс предыдущей войны заметно ослабел, мирная жизнь (если можно так сказать о жизни советского общества рубежа 20–30-х годов; по крайней мере, жизнь в отсутствии войны) вступила в свои права. Советская власть оказалась достаточно устойчивой. Подрастали и вступали в сознательную жизнь новые поколения, с иным взглядом на мир. Эпоха «призраков войны» уходила в прошлое. Наступила эпоха военной реальности, когда действительно приближавшаяся война порой казалась призрачной.

Снижение уровня ощущения военной опасности отмечали и представители властей. Так, уже в феврале 1929 г. генеральный секретарь Осоавиахима Л. П. Малиновский писал в секретной записке на имя заместителя председателя организации С. С. Каменева, что, «несмотря на растущую и бесспорную угрозу войны, отчасти в связи с известными успехами борьбы Советского Союза за мир, отчасти вследствие сосредоточения усилий на разрешении внутренних задач, представление о непосредственной военной угрозе в сознании масс притупилось»¹⁶⁵.

Ситуация привычной неопределенности ярко описана в дневнике М. М. Пришвина за июль 1929 г.: «Демонстрация возле памятника Ленину... Быть или не быть войне... Кожевников — 90% за войну. Трубецкой — 90, что не будет»¹⁶⁶. Привыкли к войнам, знаем, что никто ничего не знает и не может знать. Если война, то ехать в Переславище не надо, конечно, буду складываться все-таки, потому что 80% все-таки за то, что войны не будет. (Конечно, все от англичан,

захотят — война, захотят — нажмут на Китай, и все успокоится)»¹⁶⁷. Прошло несколько месяцев, и тот же Пришвин в феврале 1930 г. уже с откровенным недоверием комментирует слухи о войне с Англией: «Перемученные люди начинают создавать легенды. Вчера слышал, будто английский посол срочно выехал из Москвы. Сегодня говорят, будто англичане заняли Соловки». А уже в марте он отмечает: «Заметно многие перестали думать о войне, что, по всей вероятности, и более верно: не будет войны»¹⁶⁸.

Подобные высказывания со временем встречались все чаще. Конечно, ожидания войны исчезли не вдруг и не могут быть датированы ни конкретным месяцем, ни даже годом. Тот же Пришвин в июне 1930 г. подмечал: «Вся интеллигенция верит, что будет скоро война, и все о ней говорят»¹⁶⁹. К. И. Чуковский в своем дневнике (запись от 19 ноября 1930 г.) приводит любопытный разговор. Один из собеседников «солидно уверял, будто Запад не хочет воевать с нами, я сказал, что войны не будет, но тут Шк[ловский]¹⁷⁰ вспомнил, что накануне импер[иалистической] войны я тоже уверенно говорил: “войны ни за что не будет”, и он, Шк[ловский], тогда мне верил...»¹⁷¹.

И все-таки уже на рубеже 30-х годов все чаще стали раздаваться уверенные голоса: «прозевали [агрессоры — авт.], теперь нам воевать не страшно»¹⁷². Постепенно, вслед за успехами советской промышленности и хотя и не очень заметным, но все же реальным повышением уровня жизни по сравнению с началом 30-х годов, подобные голоса звучали все чаще. Среди молодежи стали распространяться воинственные настроения, о которых часто вспоминали советские мемуаристы. Но и свидетельства того времени говорят о том же. Так, В. И. Вернадский записал в дневнике в марте 1932 г.: «Говорят, среди коммунистов две партии — молодые хотят войны, считая, что это начало окончательной борьбы против капиталистических стран»¹⁷³.

С другой стороны, длительное ожидание войны привело к любопытному психологическому феномену: война, которой боялись, вдруг стала представляться приемлемым

выходом из создавшегося положения, способом снять накопившееся напряжение. Тот же Пришвин, который на протяжении всех 1920-х гг. писал о войне с явным опасением, в ноябре 1930 г. вдруг стал «утешать» своего приятеля тем, что «скоро должна быть война», а присутствующий при этом его сын заметил: «Я, папа, радуюсь твоему бодрому настроению. — Чем же бодрому? — А вот то, что ты сказал: скоро война...» Прошел год, и в декабре 1931 г. в дневнике Пришвина появляется новая запись: «Суетятся, бегают, война бы поскорей, один конец»¹⁷⁴.

Более того, снижение остроты непосредственной военной угрозы для массового сознания подчеркивается появлением довольно неожиданных суждений об опасности... мира. Так, в октябре 1932 г. на одном из ижевских заводов в ходе подготовки к политдню был задан вопрос: «Если мы получим социализм во всем мире, значит не будет войны, народ не будет уничтожаться, а наоборот будет размножаться, то чем будет питаться, если мало пахотной земли, а население увеличится против посева»¹⁷⁵.

Конечно, можно расценить подобное высказывание как попытку своеобразного эпатажа власти. Однако бытование подобных настроений доказывает такое суждение из непредназначенного для печати дневника А. С. Аржиловского (запись от 31 октября 1936 г.): «...Когда бываю в городе среди массы спящих людей, то всегда думаю одно: только одна хорошая война сократит рост этого муравейника. Иначе сожрем сами себя»¹⁷⁶. О том же писал в августе 1928 г. и В. И. Вернадский: «Каждый год рождается (или подрастает) 10% деревенского населения, которому нет места. Всматриваясь в окружающее, видя количество безработных, детей, связанное с уменьшением площади посева и скота и отсутствием работы в городе, понимаешь значение — стихийное и грозное этого фактора. Оно приведет или к войне и голоду — извечных регуляторов роста населения, или к перемене социального строя в направлении приспособления его к интенсивному росту национального богатства»¹⁷⁷. И практически одновременно, в том же авгу-

сте 1928 г., М. М. Пришвин записал в дневнике: «В отношении современного крестьянского вопроса всякие попытки идеологического подхода (в том числе и мера борьбы с пьянством) являются или недомыслием, или лицемерием. Все решается двумя словами: “давай войну” или “давай фабрику”...»¹⁷⁸

Ослаблению ощущения военной опасности способствовали и реальные успехи индустриализации, и умение властей «продемонстрировать» свою растущую военную мощь. Подобные демонстрации были рассчитаны как для «внешнего», так и для «внутреннего» потребителя. В качестве примеров приведем два эпизода, связанных с военными парадами.

По воспоминаниям редактора «Известий» И. М. Гронского¹⁷⁹, в 1932 г. специальным решением закрытого Пленума ЦК ВКП(б) «было решено показать на параде Московского гарнизона новую технику: стрелковое, артиллерийское вооружение. В воздух было поднято несколько сот самолетов, в том числе 300 тяжелых бомбардировщиков. В японских ВВС аналогичных бомбардировщиков было 116. Я был очевидцем этого мероприятия. Парад заканчивается. Площадь освобождается. Напряженная тишина. И вдруг мимо трибун проносятся танки новейшей конструкции. У японского военного атташе генерала Хато выпал из рук бинокль. Таких танков во всем мире было пока всего семь штук. Мы на параде показали двенадцать. Это был фурор»¹⁸⁰.

Не меньшее воздействие подобные парады оказывали и на рядовых советских граждан. Студент С. Ф. Подлубный 7 ноября 1935 г. записал в своем дневнике (стилистика и орфография источника сохранены): «Вечером как и прошлый год проводилась военная агитация, военный шовенизм если можно так выразиться т. е. показ нечаянный будто бы показ громаднейших танков проезжающих по центральным улицам... Впрочем в этом году учтены не только крупные масштабы демонстрации учтены также психологические мелочи. Но все это вышло как-то естественно без искусства...»¹⁸¹

Конечно, сохранялся и скепсис относительно военной мощи СССР. В ходе обсуждения проекта новой Конституции в Горьковской области звучали и такие вопросы: «Откуда и как наша страна знает о том, что по сравнению с другими странами мы в оборонном смысле сильнее других стран»¹⁸².

В любом случае, об опасности войны не забывали — в том числе благодаря все той же пропаганде, которая не упускала возможности поговорить о вероятной интервенции. Более того, даже и там время от времени проявлялись «мирные настроения», вызывавшие раздражение партийных кругов. Так, в 1932 г. в «Вечерней Москве» появилась статья, посвященная Оттавской конференции¹⁸³, в которой говорилось, что «создание антисоветского фронта стало настолько трудным делом, что даже... Канада и Англия не могут договориться между собой». В обзоре столичной прессы, подготовленном агитмассовым отделом МК, по этому поводу подчеркивалось: автор статьи «сбивает читателя на вывод, будто угроза военной опасности уменьшается, ослабевает. Абсолютно неверный и вредный вывод»¹⁸⁴.

Место «военных тревог» 1920-х гг., которые, несмотря на роль пропаганды, все же были по преимуществу стихийным явлением, в 1930-е гг. занимает «оборонное сознание» — не только (и не столько) характеристика общества, сколько проект власти, формирование в обществе готовности к войне, причем войне победоносной, войне наступательной.

И пропаганда, и искусство ориентировались на известное высказывание И. В. Сталина: «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая “случайность” и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох»¹⁸⁵. И вскоре появляются и «оборонная драматургия», и «оборонная литература», и «оборонный кинематограф»¹⁸⁶.

Советский исследователь так определял в те годы особенность оборонного жанра: «Не вообще советская патриотическая драматургия, а такая драматургия, содержание

которой непосредственно направлено к укреплению военно-оборонной мощи Советского Союза, к воспитанию в народе чувства постоянной мобилизационной готовности»¹⁸⁷. Даже от М. А. Булгакова его партийные доброжелатели пытались в 1937 г. «добиться того, чтобы он написал если не агитационную, то хоть оборонную пьесу»¹⁸⁸.

Одной из самых известных в этом жанре стала пьеса В. М. Киршона «Большой день»¹⁸⁹. О содержании пьесы лучше всего говорит такой монолог одного из персонажей, летчика Голубева: «Вчера без объявления войны фашистская армия перешла наши границы. Авиация противника бомбила советские города. Значительные силы пытались прорваться вглубь и совершить налет на Москву... Мы взяли на себя международные обязательства. Поэтому мы обратились в Лигу наций с предложением предотвратить войну. Мы сказали, что будем ждать сутки. Первое наступление ликвидировано в укрепленных районах. Воздушная эскадра противника разгромлена, только отдельные самолеты ушли домой...»¹⁹⁰

В задачу данной работы не входит анализ официальной пропаганды, в том числе и «оборонных» литературы, театра, кино. Хочется сделать лишь одно принципиальное замечание. В российской литературе последних лет прочно утвердилось мнение, что предвоенная «оборонная» пропаганда сыграла исключительно негативную роль и несет значительную часть ответственности за трагедии и поражения первых военных лет. Так, в последней, очень интересной статье, посвященной этой проблеме, В. А. Токарев приходит к выводу, что западные авторы, «максимально обнажая ужасы и бедствия войны, деморализовали читателя», в то время как советские пропагандистские описания будущей войны, предлагая ее «безопасную и благородную имитацию», оказали «колоссальное демобилизующее [курсив источника — авт.] влияние на советское общество»¹⁹¹. К еще более конкретным и определенным выводам приходит Н. Ю. Кулешова: «В общественном сознании прочно укоренились стереотипы об их [потенциальных противников — авт.] слабости,

легкости победы над ними, непрочности тыла всех капиталистических стран и политической нестойкости их армий. Все это имело отрицательные последствия в ходе кровопролитной советско-финляндской войны 1939–1940 гг., которая, в свою очередь, стала лишь небольшим прологом к всемирной трагедии, разыгравшейся в 1941 году»¹⁹².

Однако, если рассматривать формирование «оборонного сознания» как составляющую социальной мобилизации общества, которой оно, несомненно, являлось, оценка его окажется не столь однозначной. «Наиболее адекватным критерием эффективности сталинской социальной мобилизации необходимо считать, вероятно, Великую Отечественную войну», — пишет О. Ю. Никонова¹⁹³. С этой точки зрения нельзя не отметить, что советское общество в годы войны продемонстрировало весьма высокий уровень психологической готовности, как на фронте, так и в тылу. «О, к каким грозovým испытаньям // Подготовлены были они!» — пел уже после войны о «легендарных боях» Александр Вертинский, выражая характерное для того времени настроение.

Независимо от задач, которые ставились перед пропагандой в то время, она в реальности не столько готовила население к конкретной будущей войне, не столько обучала, если угодно, «ремеслу войны», сколько формировала определенный *психологический тип*, тип *победителя*¹⁹⁴.

Более того, представляется маловероятным, что самые реалистические фильмы о будущей войне смогли бы настолько подготовить население к войне настоящей, что это привело бы к снижению уровня потерь, изменению хода боевых действий, сокращению сроков войны. Это не значит, что пропагандистский подход, заключавшийся в триаде «малой кровью, могучим ударом, на чужой территории» был полностью оправдан. Автор не предлагает изменить оценки наиболее одиозных произведений «оборонного» жанра, заслуженно критиковавшихся и участниками войны, и современными историками, таких, например, как произведения П. Павленко, В. Киршона, Н. Шпанова и др. Речь

идет лишь о том, что, несмотря на все издержки, задачи, стоявшие перед оборонной советской пропагандой, были в целом решены.

* * *

Конечно, и в 1930-е гг., как и в предшествующий период, слухи о войне неоднократно возникали и нередко распространялись по всей стране. «Пахнет порохом, дымит Дальний Восток, неблагополучно и на польско-румынской границе, а поэтому наша задача быть бдительными и на страже, но капиталисты Запада хорошо преуспели по технике», — говорили в Туле в 1932 г.¹⁹⁵

И вместе с тем, при всех сомнениях, скепсисе, недоверчивом отношении к пропаганде, в настроениях (по крайней мере насколько их можно проследить по имеющимся документам) в этот период отношение к военной опасности становится более взвешенным. Война по-прежнему воспринимается как реальная перспектива, но от нее, как кажется, уже не ждут немедленной катастрофы — или немедленного освобождения.

Неясность международной ситуации, недоверие к официальной прессе, отсутствие иных источников информации, реальные опасения войны — все это порождало самую дикую смесь оценок и предположений даже у представителей интеллигенции, казалось бы, как об этом говорилось выше, способных более здраво и разносторонне оценивать обстановку в мире. Заметно, однако, что еще недавно постоянно встречавшееся слово — «убежденность» относительно близости войны сменяются теперь словом «догадки».

Даже слухи о будущей войне, исходящие, казалось бы, непосредственно от представителей власти, порой подвергались сомнению. Так, на одном из собраний работники совхоза задали следующий вопрос: «Приезжал лектор в другой совхоз, говорил: “У нас есть газы, но мы бережем их для войны, которая не сегодня-завтра” — это верно?»¹⁹⁶ Конечно-

но, «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», и трудно понять, что именно *говорил* лектор «в соседнем совхозе», важнее, однако, то, что *услышали* его слушатели и как они *оценили* услышанное.

Сохранился любопытный документ под характерным названием «Сводка о нездоровых и болезненных настроениях рабочих, студентов, специалистов и научных работников г. Перми на 8 октября 1932 г.» В нем говорится: «Вопросы международного характера научных работников интересуют мало и они в этих вопросах рассуждают лишь догадками. Например, проф. Генкель по вопросу о возможности войны говорит, что “Пермь вообще военизирована, но никаких особых военных приготовлений не видно”. Проф. Богословский высказывает, что “вероятно войны не будет, а возможно война уже началась, но только о ней не пишут”. Проф. Хребтов считает, что “война скоро будет, а отсюда сыпняк, смерть, — хоть сейчас и плохо жить, а все же лучше, чем в военное время”. Проф. Ветохин успокаивает себя тем, что его на войну не возьмут»¹⁹⁷.

Судя по содержанию этой сводки, для провинциальной интеллигенции в 1932 г. были характерны настроения, сходные с теми, что отмечались среди столичной интеллигенции двумя годами ранее, в 1929–1930 гг. Привычное, уверенное ожидание войны сменяется некоторой растерянностью. Конечно, для сколько-нибудь определенных выводов материала недостаточно, но все же еще раз подчеркнем: изменения в общественных настроениях происходили в течение длительного периода и с различной скоростью в разных регионах и в разных социальных слоях и группах.

Как и в 20-е годы, любое изменение международной обстановки вызывало оживленную реакцию противников Советской власти (впрочем, в чисто количественном отношении подобные случаи встречаются в документах намного реже по сравнению с предыдущим десятилетием). Так, весной 1932 г. по поводу обострения ситуации на Дальнем Востоке в партком одного из пермских заводов поступило анонимное письмо, содержащее следующий набор «лозунгов»:

«Франция — помощница Америки, и наши руководители — Гойда¹⁹⁸, Деникин, Врангель. Здравствует свободная торговля, свободный рабочий народ... У нас своя программа, долой коммунизм, здравствует колония Англии, а не Россия. Здравствует война... Здравствует Япония — колония Англии, а не Россия. Да здравствует Англия, Япония, Америка. Долой Россию и Китай необразованный»¹⁹⁹. Поразительно, в какой степени чисто советская политическая культура формировала мышление не только сторонников, но и противников Советской власти; вместе с тем бросается в глаза уже привычный набор потенциальных «освободителей» и одновременно — весьма отдаленная связь содержания письма с политической реальностью весны 1932 г.

Не всегда «военная тревога» инициировалась только международными событиями; иногда разговоры о войне вызывались и событиями внутри страны, на первый взгляд не имеющими отношения к внешней опасности. Так, массовая коллективизация и последовавший за ней голод в зерновых районах страны вызвали такие оценки: «Война неизбежна. Белоруссию отрежут. Всем нам висеть на столбиках. Украину тоже отрежут. Недаром мы весь хлеб оттуда выкачали. Приходите, мол, со своим хлебом»²⁰⁰.

В начале 30-х годов самой очевидной опасностью представлялась Япония. Как и в случае с Польшей в 20-е годы, время от времени возникали слухи о том, что война с Японией то ли вот-вот начнется, то ли уже началась. Эти представления были свойственны не только для массового сознания; так, один из иностранных дипломатов писал тогда из Москвы, что все советские руководители, с которыми он встречался, ждали со дня на день нападения Японии²⁰¹.

И, пожалуй, последней «военной тревогой» можно считать отклик на ситуацию в Манчжурии в 1931–1932 гг.²⁰²

В дневнике академика В. И. Вернадского за февраль-март 1932 г. неоднократно подчеркивается: «Опасение войны: вспоминаются рассказы приезжающих из Сибири: население ждет японцев, и ненависть крестьян дошла до этой точки... Кругом встречаешь тревогу — ожидание катастро-

фы — крушения [пятилетнего — *авт.*] «плана», потери Восточной Сибири...»²⁰³ Статья в «Известиях»²⁰⁴, предназначенная, очевидно, для успокоения населения, вызвала у него такую оценку: «Передовая статья: угроза войны и отнятия Восточной Сибири. Начинается смущение. Чувствуется страх перед народным движением. Не очень хорошо и среди рабочих»²⁰⁵.

Но вывод тем не менее был следующим: «Опасение войны. Я не верю в это — разве несчастная случайность. Сейчас война отсюда не будет объявлена, и она может лишь быть междоусобной, т. е. не у нас, а в тех государствах, с какими будет объявлена»²⁰⁶. Другими словами, речь шла уже не о развале СССР в результате войны, а о возможных революционных последствиях в странах-агрессорах.

Массовая реакция населения в этом случае на первый взгляд мало чем отличалась от того, что наблюдалось в предыдущие годы.

Как отмечалось в докладной записке о работе Нижегородской краевой прокуратуры в области реконструкции сельского хозяйства и хозяйственного укрепления колхозов в августе 1932 г., «кулачество в своей агитации использует все меры к дискредитации колхозного строительства, вплоть до использования факторов международного порядка; так, при осложнениях на Дальнем Востоке распространялись слухи, что Япония объявила войну, на которую будут брать всех колхозников без различия возраста и пола»²⁰⁷.

Причем исход войны опять-таки представлялся в пессимистических тонах: «Весной текущего года обязательно у нас с Японией будет война, а японцы всыпят СССР как следует и в Сибири заберут местность по Байкал, а с Запада в свою очередь пойдет на нас Польша... От вас скрывают — война продолжается, вся Сибирь принадлежит Японии... На СССР с востока наступают японцы, ими уже занят Байкал; с Запада Польша и Германия — занят Ленинград; в Москву прибыло много раненых»²⁰⁸.

«Вопросы о возможности войны в массе а/с [антисоветски — *авт.*] настроенных специалистов находят живей-

ший отклик, при этом имеют место высказывания пораженческого характера», — сообщалось в сводке ОГПУ в июле 1932 г. Но в той же сводке приводится высказывание вполне «пораженческого» характера, которое тем не менее замечательно своим скептическим отношением к самой возможности войны: «События на Дальнем Востоке нас не касаются. С нами никто связываться не хочет. У нас подняли шум для того, чтобы побольше денег с нас выкачать. В случае же войны с Японией нам придется очень скверно. Японская армия непобедима. Нам нужно согласиться на любые условия, предложенные Японией, иначе мы поведем русский народ на убой»²⁰⁹.

Любопытны различные мнения о причинах японской агрессии на Дальнем Востоке.

Рабочие одного из вологодских заводов в октябре 1931 г. рассуждали так: «Япония не иначе как зачинщик войны от всего мирового капитала, которая ищет рынка сбыта не только для себя, но и для всего капитала. Этим конфликтом Япония хочет вызвать на войну и Советский Союз. Сама система капитализма этого требует...» Как бы отвечая им, некий счетовод Тяпин утверждал: «Нашим газетам нельзя верить, так как они все говорят ложь и однобоко, т. е. только то, что в их пользу, а остальное умалчивают. Взять хотя бы о событиях в Японии, которая якобы ни за что ни про что вторглась в Китай и захватывает ее части. Между строк все же можно догадаться, что как только в Китае появилась Советская власть, Япония стала враждебно относиться к империалистам [так в документе — *авт.*] и начала их притеснять. По-моему, все делается по указке наших там агентов, которые работают на наши деньги». С этим соглашался и десятник Благовещенский: «Возьмите Китай, там китайские коммунисты обострили так отношения, что потребовалось вмешательство целой Японии, которая вынуждена для защиты интересов своих граждан послать целую армию... часто население подстрекается китайскими коммунистами и, не в обиду будет сказано, при благосклонном участии наших коммунистов, ко-

торые лезут в бутылку, и может загореться, разразится пожар, а в эту кашу безусловно будет втянут наш союз и тогда лишь будет конец»²¹⁰.

Высказывания о том, что виновником войны, вольным или невольным, может стать уже окрепшее Советские государство, встречались все чаще. На одном из московских партактивов в феврале 1932 г. по поводу угрозы войны с Японией была подана следующая записка: «Как понять — конкуренция на мировом рынке с капиталистическими странами некоторыми продуктами. А Ленин говорил, что конкуренция, дележ рынков порождает войну между государствами, а потому будет искусственный вызов войны с капиталистическими государствами, еще не успев завершить наше строительство»²¹¹.

В одной из сводок, подготовленных летом 1932 г. и посвященной настроениям специалистов сельского хозяйства, цитируются следующие высказывания: «Большевики пишут во всех газетах, что иностранцы вооружаются, а вот о том, что мы сами вооружаемся и гоним войска на Дальний Восток, так об этом ни слова не пишут». По мнению другого специалиста, именно советское руководство сознательно вело дело к войне с Японией, надеясь таким образом снизить напряженность внутри страны: «В настоящее время атмосфера настолько сгущена и положение в деревне настолько тяжелое, что единственным выходом из положения является война»²¹².

В том же, 1932 г., произошло очередное повышение цен на хлеб, и сразу же этому было найдено объяснение: «Струсилы они японцев, а он ведь не шутит. Весной на нас пойдет, вот для обороны страны все от нас и отнимают»²¹³. Эти слухи, кстати, не были беспочвенными: именно ускоренное создание запасов хлеба на Дальнем Востоке на случай войны с Японией явилось одной из причин страшного голода начала 1930-х гг.

И вместе с тем сводки весны 1932 г. отмечали, что настроение рабочих, например, в разных районах Урала, здоровое, антисоветских выступлений не выявлено, многие

хотят идти добровольцами в РККА. То же самое — среди крестьянства; в целом настроение здоровое, но «среди колхозников были разговоры: вот-вот война, а без хлеба не навоюешь» (последнее высказывание как раз иллюстрирует отношение к войне, как делу обыденному, житейскому)²¹⁴.

И среди вопросов, заданных на лекциях, собраниях, политднях по этому поводу, преобладают вполне здравые, например, почему разрешили японцам использовать КВЖД; не смогут ли Япония и Китай вытеснить нас с КВЖД, так как мы не сможем воевать на чужой территории; какой проект по разоружению выдвинул СССР на Женевской конференции; сколько в СССР танков, орудий, самолетов; и пр.²¹⁵ И намного реже встречаются упоминания о панических настроениях или массовой закупке продуктов.

В октябре 1932 г. в Подольском районе Московской области на одном из собраний, посвященных итогам сентябрьского пленума ЦК ВКП(б), был задан следующий вопрос: «Не находите ли вы, что в настоящее время если меньше пугает интервенция, то ослаб тыл, так как чувствуется большое недовольство рабочих и колхозников»²¹⁶. И, как бы подытоживая все, что говорилось в народе по поводу военной опасностей, на одном из политдней осени 1932 г. в Москве прозвучала печальная фраза: «Мы войны не боимся, но плохо живем...»²¹⁷

Как известно, Япония избрала менее опасный для себя вариант, развернув широкомасштабную агрессию в южном направлении, и на первый план вновь выдвинулась опасность с Запада.

* * *

«По-видимому, фашизм растет, Гитлер подвигается к Франции и всех посылает куда следует. Он авторитетно действует на массы... Придет время, что Германия покажет и русским коммунистам, Украину определенно возьмет», — такие высказывания были характерны после 1933 г.²¹⁸ Один

из собеседников В. И. Вернадского в ноябре 1934 г. допускал возможность войны, так как «Япония и Германия знают, что время за нас»²¹⁹.

* * *

Весной 1919 г. в Италии появились союзы фронтовиков, или, по-итальянски, «фаши ди комбаттименто». Именно они дали начало фашистскому движению, которое в ноябре 1921 г. оформилось в Фашистскую национальную партию. За этим последовал пресловутый «поход на Рим» и приход фашистов к власти в Италии в октябре 1922 г. С этого времени «фашизм» становится одним из самых употребительных терминов в политической истории первой половины XX века. В советской политической лексике он стал употребляться уже в 1923–1925 гг. в самом широком смысле — помимо итальянских фашистов, были польские, болгарские, румынские и прочие, а также пресловутые «социал-фашисты». Речь идет не только о пропаганде, но и о массовом сознании — в материалах ОГПУ уже применительно к началу 1925 г. упоминаются и «группировка красноармейцев, предполагавшая формирование отряда с целью соединения с польскими фашистами для борьбы с Соввластью», и студенческие «нелегальные союзы теософов и христиан, зараженные фашистской идеологией и ставящие задачей борьбу с идеологическим влиянием комсомола на молодежь». В марте 1925 г. в ежемесячном обзоре ОГПУ о положении в стране есть упоминание о раскрытии антисоветской организации «Орден русских фашистов», которая «группировалась из литераторов, имевших за собой контрреволюционное и уголовное прошлое, в том числе ряд явных дегенератов, кокаинистов и опиуманов». Сообщалось, что целями организации являлись уничтожение марксистской идеологии, свержение Советской власти, установление диктатуры русских фашистов²²⁰. Появлялись даже листовки, написанные якобы от имени фашистской организации. Например, весной 1926 г. в Сталинграде было обнаружено объявление

за характерной, звучащей истинно по-советски, подписью: «Зав. иностранной организацией фашистов», где извещалось о скором взрыве моста, электростанции, водопровода...²²¹ Другими словами, представления о фашизме, как течения, враждебном коммунизму, проникали в самые различные слои советского общества.

Но практически одновременно появляются и другие высказывания, в которых фашизм и коммунизм отождествлялись. Так, летом 1925 г. сообщалось, что некий учитель-толстовец из Московской губернии «ведет агитацию против укрепления военной мощи страны... коммунистов приравнивает к фашистам»²²². Постепенно подобное отождествление становилось обычным аргументом в политических, в том числе внутривнутрипартийных дискуссиях. Например, троцкисты, которых выслали из Харькова зимой 1929 г., кричали, имея в виду сторонников сталинской «генеральной линии»: «Нас, ленинцев, фашисты гонят в ссылку», «Долой фашистов» и т. д.²²³

Однако при всей важности того факта, что термин «фашизм» существовал и даже активно воспроизводился в массовом сознании советского общества задолго до 1933 г., необходимо учитывать, что именно с Германией это понятие не связывалось по крайней мере до начала 1930-х гг., когда, наряду с ситуацией на Дальнем Востоке, события в Германии стали вызывать особый интерес. Так, уже в 1930 г. М. М. Пришвин был уверен, что «новая история будет история борьбы фашизма с коммунизмом»²²⁴.

Приход фашистов к власти в январе 1933 г., хотя и не сразу, привел к изменениям в двусторонних советско-германских отношениях и к серьезным корректировкам в советской пропаганде, которая постепенно стала принимать все более антинацистский (а объективно в некоторой степени и антигерманский) характер²²⁵. Антифашистская направленность пропаганды вызывала определенный отклик у части советского общества, прежде всего интеллигенции²²⁶. В частности особые опасения вызывала антисемитская политика гитлеровцев, их расовые теории, а также стремление к

захвату «жизненного пространства» (впрочем, последнее многие воспринимали как чисто теоретические рассуждения, не придавая им особого значения)²²⁷.

Конечно, для значительной части советских граждан ни «рост фашистской угрозы», ни «предательство германских социал-фашистов», ни даже приход Гитлера к власти почти не представляли интереса, как, впрочем, и другие международные сюжеты. «Несмотря на важность событий в Германии, захват власти Гитлером, террор рабочего движения, гонения на компартию, захват редакции и т. д. среди студентов кормофака²²⁸ разговоров и дебатов не было», — говорится в справке Вологодского ОГПУ. И далее приводится комментарий одного из студентов по поводу поражения германских коммунистов: «Иностранные рабочие не такие дураки, чтобы завоевать голодную свободу, как у нас»²²⁹.

Тем не менее усилия пропаганды начали приносить плоды. Постепенно в массовом сознании формировалось представление о Германии как основном источнике военной угрозы. Комментируя первомайский военный парад 1934 г., сотрудник Омского художественно-педагогического техникума Н. С. Таланкин сделал следующий вывод: «Этим демонстрируется наша сила в виду внешней опасности, чтобы наши обыватели не думали, что наше внешнеполитическое положение плохо, в том смысле, что нам-де не справиться с двойной военной опасностью — с Японией и Германией»²³⁰.

Подобные высказывания встречались все чаще. Так, священник из Челябинской области А. Л. Селиверстов в феврале 1935 г. уверял: «Да все равно им [коммунистам — *авт.*] не сдобровать, они ждут угрозы с востока, а их накроют с запада и охватят со всех сторон, тогда узнают как крестьян душить и из селниц последнюю муку выгребать»²³¹. А калужский техник М. В. Константинов весной 1936 г. по поводу занятия Германией Рейнской зоны предсказывал: «Сейчас в Японии и Германии серьезные дела творятся. Если Германия нападет на Францию, нам придется ей [Франции — *авт.*] помогать, если только не найдут наши каких-либо причин уклониться от этого. А все-таки неплохо было бы поме-

ряться силой, ведь у нас теперь вооружение поставлено хорошо»²³².

Даже такое событие, как высылка из Ленинграда после убийства С. М. Кирова «классово чуждых элементов», воспринималось многими представителями интеллигенции в контексте надвигающейся фашистской угрозы. Студенты Амосов и Буев, в частности, утверждали: «Это вызвано объявлением воинской повинности в Германии и желанием Соввласти превратить Ленинград в военную крепость». Составители информационной сводки сочли нужным подчеркнуть, «что последнее мнение далеко не единичного порядка». Действительно, примерно то же самое говорил инженер завода «Электрик» и др. А сотрудник «Гипротруда» инженер Лебедев делал еще более далеко идущие выводы из происходящего: «Теперь мы живем не в ту пору, когда сгоряча отвечали на индивидуальный террор — массовым террором. Теперь как будто все начинания “плановые”, и последние мероприятия имеют в виду, очевидно, события в Германии: на случай войны насытить тыл сведущими людьми»²³³.

Вместе с тем, приход фашистов к власти расценивался в стране неоднозначно. В частности, многие представители интеллигенции, как отмечалось в материалах ОГПУ, «с интересом и одобрением» следили за политикой Гитлера, как накануне его прихода к власти, так и в первые годы существования «тысячелетнего рейха».

В этой среде нередко звучали сомнения в достоверности того, о чем писали советские газеты или говорили в своих выступлениях партийные деятели. Так, свердловская учительница немецкого языка М. Е. Козопасова, в 1920–1925 гг. жившая в Германии и поддерживавшая переписку с немецкими знакомыми, по словам директора школы, в 1936–1937 гг. высказывала «неумеренно восторженные мнения о Германии», возмущалась тем, что советский журнал на немецком языке «имеет нахальство» писать, что дети безработных в Германии голодают: «Хотела бы я посмотреть хотя бы на одного голодающего ребенка в Германии»²³⁴.

В сводке Омского горкома партии, посвященной итогам проработки закрытого письма ЦК ВКП(б) по поводу убийства С. М. Кирова в феврале 1935 г., отмечалось, что среди студентов Омского института сельского хозяйства идут такие разговоры: «В СССР тяжело живется большинству, и никто еще не доказал, что при германском фашизме хуже, чем при нашей пролетарской диктатуре»²³⁵.

Нередко, впрочем, встречались высказывания о том, что в Германии, в том числе при Гитлере, живется даже лучше, чем в СССР²³⁶. Чаше других говорили об этом немцы (в том числе иностранные специалисты), жившие в СССР и сохранившие связи с родиной. Например, уже в августе 1933 г. в Свердловске появились письма из Германии, в которых писалось, что «радость в отношении к новой системе всеобщая, все воодушевлены перспективами, которые ожидаются в новой Германии. Число участников демонстраций, которые часто бывают, превышает 100 000 тыс. [так в документе — *авт.*], особенно рабочие ожидают улучшения своего материального положения, в связи с этим сбор на различные собрания и митинги так велик, что не требуется особых сил для привлечения. Не так давно по всей Германии проведена кампания оказания помощи 1 1/2 млн немцам, живущим в СССР, которые близки к голодной смерти... например в одной деревне было 200 чел. безработных, теперь они все получили работу»²³⁷. Конечно, слухи об этих письмах тут же расплозились по городу.

Вообще и немецкие граждане, и просто этнические немцы, жившие в СССР, но сохранившие какие-то связи с родственниками или знакомыми в Германии, служили одним из основных каналов получения альтернативной (позитивной по преимуществу) информации о положении в национал-социалистическом рейхе. Конечно, процессы, происходившие в этой среде, вряд ли можно рассматривать как характерные для российской интеллигенции в целом²³⁸.

Были случаи, когда политика национал-социалистов отождествлялась с тем, что происходит в Советском Со-

юзе. Арестованный в 1936 г. в Тюмени директор пивоваренного завода И. В. Людвиг, член ВКП(б) с 1918 г., по данным чекистов, говорил, что «фашизм является большевизмом наизнанку и что большевики и фашисты друг друга стоят... В Германии Гитлер признает чувство национальной гордости — это фашизм, у нас появились слова “родина”, “любить родину”. У нас с другого конца тоже вводится национал-социализм»²³⁹.

Предыдущее высказывание, как и ряд ему подобных, содержит элементы осуждения («большевики и фашисты друг друга стоят»), однако часть интеллигенции одобряла некоторые аспекты внутренней и внешней политики Гитлера, например, решение многих социальных проблем или быстрый рост международного статуса Германии. Те представители интеллигенции, которые были настроены оппозиционно по отношению к существующему строю, одобряли также антикоммунистические репрессии в Германии и антисемитизм германских властей.

Так, вологодский инспектор ОТК, член партии П. С. Непряхин в июне 1936 г. «в разговоре о политике Гитлера высказал свое согласие с политикой Гитлера в отношении того, что коммунисты есть тьма»²⁴⁰. Встречались и такие высказывания: «Гитлер — это великий человек, ему богом суждено победить весь мир, надо помогать Гитлеру. Сталин — это ничтожество». Некто Игнатьев, учитель из Глазовского района Удмуртской АССР, на вечере учителей предлагал: «Выпьем за победу фашизма в СССР!»²⁴¹ В августе 1936 г. специалист Калужской спичечной фабрики Музалев утверждал, что «фашисты уже не настолько глупы, как о них думают. Они, пожалуй, поумнее нас, в Испании они едва ли не победят»²⁴².

Зачастую внимание «органов» привлекали случайные высказывания; так, инструктор ижевского горно Иютин в 1936 г. на вечеринке поинтересовался: «Кто имеет право вступить в фашистскую организацию?» Этот факт тут же был доложен в обком партии²⁴³.

Иногда представления о могуществе немецких фашистов принимали совсем уже анекдотические формы. Например, в 1937 г. техник Ворошиловского химкомбината (Свердловская область) Рассадович, по совместительству преподававший немецкий язык в школе, во время уроков «проводил контрреволюционную фашистскую пропаганду», говоря ученикам: «Лучше учите немецкий язык, он вам пригодится, так как скоро Гитлер придет»²⁴⁴. К сожалению, этот педагогический прием оценили не столько ученики, сколько сотрудники ОГПУ НКВД.

Как фашистскую пропаганду расценили работники НКВД и такое высказывание 16-летнего школьника из Челябинска, по-своему оценившего результаты процесса по делу так называемого «Параллельного троцкистского центра»²⁴⁵: «Своим умом Карл Радек понял, что весь мир стоит перед фашизмом, что фашизм захлестывает весь мир и, естественно, нужно своевременно перейти на сторону фашизма, и он это сделал... Хотя эти люди, как вы говорите, агенты гестапо, но вы мне найдите хотя одного человека в Советском Союзе, который бы равнялся по уму Карлу Радеку»²⁴⁶.

В ходе подготовки к выборам в Верховный Совет РСФСР жительница г. Горького М. О. Демурова в мае 1938 г. на собрании избирателей высказалась так: «Гитлер имеет в Германии большой авторитет, он взял Австрию, и даже никому и не снилось, а сейчас он возьмет Чехословакию и другие подчинит мелкие государства, а затем отберет от Франции Трансваль, ну и с Англией у него не совсем плохие взаимоотношения, а потом может взять и СССР»²⁴⁷. Несмотря на загадочный «французский Трансваль», появившийся, возможно, благодаря какой-то ошибке (или ослышке) информатора, высказывание (расцененное как антисоветское) давало довольно точную, хотя и пессимистическую, характеристику международной ситуации с точки зрения СССР. Публикатор специально отметил, что подобные суждения не стоит относить к «общераспространенным мне-

ниям»; представляется, однако, что подобных высказываний встречалось в те годы немало²⁴⁸.

Можно предположить, что иногда отмечавшиеся нескрываемые симпатии к фашизму, прежде всего среди молодежи, объяснялись желанием пооригинальничать (культуролог, впрочем, в этой связи предпочел бы выделить стремление нарушать культурное табу, особенно свойственное для детей и юношества и характерное для определенного этапа усвоения социокультурной традиции). В партийных документах и материалах НКВД нередко встречаются упоминания о нарисованных «фашистских знаках» (очевидно, свастике). Особенно популярными эти запретные знаки оказались среди студентов. Так, в мае 1936 г. в Свердловске была арестована группа студентов Индустриального института, у которой «имелись связи с фашистами Германии, причем в группе были комсомольцы... носившие на лацканах пиджака фашистские знаки, и открыто, под маркой Мопровской выставки к 1 Маю предлагали выставить для всеобщего обозрения фашистские реликвии»²⁴⁹. И не случайно время от времени в документах НКВД встречаются упоминания о «детских фашистских группах» или о случаях, когда школьники рисовали знаки свастики на партах или даже на спинах товарищей...

Понятно, что и сознательные, хотя и пассивные противники Советской власти, связывали с германским фашизмом определенные надежды — и не только как с силой, способной военным путем победить большевиков, но и как с возможной альтернативой коммунизму как таковому. Уже в 1933 г. ленинградское ОГПУ, внимательно следившее за ситуацией среди так называемых «бывших», отметило и «консолидацию социально-чуждых и враждебных элементов», и «активную концентрацию» бывших членов буржуазных партий, «открыто ориентирующихся на фашизм и высказывающих симпатии Гитлеру»²⁵⁰.

Конечно, трудно доверять материалам НКВД относительно существования в СССР «фашистских организаций»,

особенно после 1933 г. Как правило, подобные дела попросту фабриковались. Так, в феврале 1934 г. Г. Г. Ягода направил И. В. Сталину сообщение об аресте членов «широко разветвленной фашистской организации», именуемой «Российская национальная партия», которая ставила своей конечной целью «свержение советской власти и установление в стране фашистской диктатуры». В состав руководящего «политического центра», по мнению ОГПУ, входили академики историки В. И. Вернадский и М. С. Грушевский, литературоведы Н. С. Державин, В. Н. Перетц и М. Н. Сперанский, химик Н. С. Курнаков, ряд других видных ученых. При этом, как отмечалось в сообщении, «организация была создана по прямому указанию закордонного русского фашистского центра... фашистский центр за границей, сформировавшись на базе евразийского движения, включил в себя панславистские элементы и был тесно связан с французскими интервенционистскими кругами», и лишь с 1932 г. «в связи с усилением фашизма в Германии и затем прихода к власти Гитлера организация ориентировалась на фашистскую Германию»²⁵¹. Очевидно, что не только сама организация и ее «политический центр» были изобретены ОГПУ, но и о фашистской идеологии как таковой авторы документа имели довольно приблизительные представления.

Другим примером может служить дело «молодежной фашистской организации ГитлерЮгенд» в Москве²⁵². Не отставали от столичных чекистов и их провинциальные коллеги: так, в Ленинграде и области только в 1935 г. было раскрыто 9 «фашистских групп», а в 1937 г. там же была ликвидирована «фашистско-террористическая организация», состоящая более чем из 50 человек во главе с «агентом гестапо». На самом деле это были члены городского общества глухонемых...²⁵³

Неоднократно «немецко-фашистские шпионы и диверсанты» фигурировали на печально знаменитых московских процессах.

Но были и другие случаи. Так, в 1934 г. в Воронеже была ликвидирована «фашистская группа» врача-хирурга И. В. Словцева. Среди 14 участников группы были преподаватели, актеры, музыканты и др. В обвинительном заключении говорилось, что «с 1931 г. собирались музыкальные вечера у Словцева по пятницам, занимались пением и музыкой... Оформление фашистской организации состоялось в 1933 г. после прихода Гитлера к власти... Словцев одобрял методы борьбы Гитлера с коммунистами как с “врагами нации”». Деятельность «группы Словцева» сводилась к тому, что ее члены слушали передачи из Германии и Чехословакии, записывали их и пересказывали знакомым. Обсуждая услышанное, они рассуждали о применении идей фашизма в Советском Союзе; один из участников группы был убежден, что «на стороне фашизма культурные люди». Участники группы были приговорены к различным (до 8 лет) срокам заключения. В 1989 г. приговор был отменен Верховным Судом РСФСР, который по материалам дела заключил, что «высказывались личные суждения без цели подрыва или ослабления, свержения Советской власти». Характерно, однако, что в полной реабилитации членам группы было отказано²⁵⁴.

* * *

Как уже отмечалось, в начале 1930-х гг. роль главного потенциального противника перешла к Японии, а с середины 30-х годов — к фашистской Германии. Но одновременно сохранялась инерция враждебного восприятия Англии и Польши.

Например, в апреле 1935 г. некий повар Родионов обратился к докладчику со словами: «Англия и Япония хотят задушить Советский Союз. Ты, тов. докладчик, скажи т. Сталину, чтобы никогда не доверял англичанам»²⁵⁵.

Что же касается Польши, то даже в учебнике географии 1932 г. издания для школ рабочей и крестьянской молоде-

жи в разделе «Ватиканский город» [так в документе — *авт.*] утверждалось, что папа римский «неустанно возносит моления о том, чтобы Бог покарал большевиков, ругает пятилетний план социалистического строительства и втихомолку принимает участие в подготовке военного нападения на СССР капиталистических, особенно католических стран (Франции и Польши)»²⁵⁶. И в массовом сознании встречались высказывания о том, что «с Запада в свою очередь пойдут на нас Польша». Как заявил в феврале 1935 г. мастер одного из пермских военных заводов Пильщиков: «Посмотрите, что делается сейчас за границей: Германия, Польша сколачиваются в военный союз, чтобы идти войной на Восток»²⁵⁷. Подобных примеров можно привести немало.

Конечно, новые реальности давали о себе знать, и в 30-е годы порой встречались рассуждения о будущей судьбе Польши в случае новой мировой войны. Так, в 1933 г. на одном из предприятий Свердловска на партийном собрании, посвященном обсуждению международного положения СССР, один из слушателей поинтересовался: «В свете сегодняшних дипломатических отношений с Германией не меняется ли роль Польши, не вынуждает ли стать буфером для СССР от германского империализма, так как в случае военных событий между Германией и СССР с первых дней объявления войны [означает] Польше свою государственную независимость безусловную потерю» [так в документе — *авт.*]²⁵⁸

Конечно, представления о Польше отнюдь не исчерпывались военной темой. В 1920-е годы, особенно среди этнических поляков, неоднократно отмечались настроения в пользу переезда в Польшу. При этом порой встречались такие высказывания: «В Польше рабочим живется лучше, так как каждый чувствует себя свободным, а если там есть помещики, то ведь в России имеются коммунисты, такие же помещики»²⁵⁹. Многие граждане СССР в течение 20–30-х годов имели родственников в Польше, поддерживали с ними постоянную связь (и пострадали из-за этого в годы «ежов-

щины»). Тем не менее накануне войны большинством политически и социально активного населения Польша скорее воспринималась как потенциальный противник, чем союзник, бывшая часть Российской империи или соседнее, близкое по своим историко-культурным корням, славянское государство.

После заключения между СССР и Германией пакта о ненападении в августе 1939 г. многие советские граждане пришли к выводу, что судьба Польши предрешена. Так, жители Ленинграда, в частности, отмечали, что «Германия в этом договоре развязала себе руки в отношении Польши... Она безнаказанно приберет Польшу к рукам»²⁶⁰. При этом участие СССР в новом разделе Польши мало кем предполагалось. Как предсказывал в беседе с сослуживцами сотрудник Наркомлеса СССР, «Германия пактом о ненападении и торговым договором свяжет [СССР] по рукам и ногам, чтобы в это время разделаться с Польшей». Большинство комментариев носило достаточно отстраненный характер; иногда встречались такие предположения: «В результате договора сильно пострадает Польша, ее сильно пощипают, хотя она заслуживает этого»²⁶¹. Высказывались даже более жесткие оценки: «Польша своим криком и дерзким поведением вынудила Германию выступить»²⁶². Однако подобные настроения вряд ли преобладали. Как вспоминал позднее К. Симонов, «когда началась война немцев с Польшей, все мое сочувствие так же, как и сочувствие моих товарищей по редакции военной газеты, где мы вместе работали, было на стороне поляков, потому что сильнейший напал на слабейшего и потому, что пакт о ненападении пактом, а кто же из нас хотел победы фашистской Германии в начавшейся европейской войне, тем более легкой победы? Быстрота, с которой немцы ворвались и шли по Польше, огорошивала и тревожила»²⁶³.

Вместе с тем вступление советских войск в Западную Украину и Белоруссию и последовавшее присоединение этих областей к СССР было встречено скорее одобритель-

но. Одни рассматривали это как возможность распространения социализма на новые территории, другие же — как восстановление законных границ и интересов России. Академик В. И. Вернадский, в частности, записывал в дневнике в октябре 1939 г.: «...политика Сталина — Молотова реальная, и мне кажется правильной государственно русской»²⁶⁴.

Подобная позиция отнюдь не была исключением. Как подчеркивает В. А. Токарев, отношение таких видных историков, как Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Е. В. Тарле к разделу Польши демонстрирует их поддержку пропагандистских акций сталинского руководства. С одной стороны, большинство из них придерживалось «великорусской» точки зрения, рассматривая Западную Украину и Белоруссию как осколки Киевской Руси и тем самым находя историческую справедливость в их присоединении. Хотя присутствующие им либеральные взгляды не позволяли безоговорочно соглашаться с политикой Сталина, это не помешало им принять самое активное участие в пропагандистской кампании по поводу «воссоединения» Украины и Белоруссии²⁶⁵.

Надо сказать, что эта пропагандистская кампания, которую подготовило и провело советское руководство, в целом достигла своей цели²⁶⁶. Как отмечал К. Симонов, сказались атмосфера напряженности в советско-польских отношениях последних десятилетий. Кроме того, отодвигалась западная граница, было предотвращено соглашение между Гитлером и западными державами, которого так боялось советское руководство. К тому же ни Англия, ни Франция, объявив войну Германии, вопреки своим обещаниям так и не пришли на помощь Польше. Неудивительно поэтому, что Симонов встретил вступление советских войск на территорию Польши «с чувством безоговорочной радости»²⁶⁷.

Те же настроения владели и многими красноармейцами, которые участвовали в походе на Западную Украину и Белоруссию. Один из них в ноябре 1939 г. писал своему другу, тоже красноармейцу, в Ленинградский военный округ: «В этом году и мне пришлось идти в рядах непобеди-

мой славной Красной армии вызволять от гнета помещиков наших братьев украинцев и белорусов». Другой гордо заявлял: «О международной обстановке не забываем и всегда готовы по зову правительства выступить на защиту своих священных границ, а так же для освобождения трудящихся любого государства, которые хотят мирной жизни»²⁶⁸.

Что же касается остальных советских граждан, то одни из них в ходе выборов в ноябре 1939 г. интересовались, на каких основаниях присоединили Западную Украину и Белоруссию, в то время как другие высказывали недоумение: «Почему при определении границ Варшава осталась у Германии»²⁶⁹. И многие приветствовали «освобождение народов западной Белоруссии и Западной Украины от ига капиталистов и помещиков бывшей Польши... ига панских панов [так в документе — *авт.*], которые годами издевались над его [народа] кровной землей и не давали процветать ныне освобожденной нами — советским народом — новой молодой республике»²⁷⁰. Впрочем, среди самих «освобожденных» отмечались и иные настроения — так, некий сельский учитель из Вилейского района заявил, что «Красная армия освободила народ Западной Белоруссии и Западной Украины не от нищеты и бесправия, а от хорошей жизни»²⁷¹. И такие высказывания были отнюдь не единичными.

Как бы то ни было, казалось, «польский вопрос» разрешен историей раз и навсегда. В конце 1939 г. в Свердловске был конфискован весь тираж брошюры «Письмо обкома МОПР», вышедшей тиражом 3000 экземпляров. Как писал начальник местного обллита, это было оправдано тем, что «материал не отвечает действительности (говорилось о германском фашизме и Польше как государстве)»²⁷².

Одно из немногих исключений составлял председатель Оборонной комиссии Союза писателей Всеволод Вишневский, имевший в те годы доступ к закрытой для других информации и регулярно общавшийся с крупными военными деятелями, в том числе с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым. Уже 1 сентября 1939 г. он записал в дневнике:

«Возможно, что в нужный момент мы объявим лозунг “восстановления Польши”, найдем кадры народные, демократические и т. п. в самой Польше, перетянем на свою сторону ряд элементов. Нас предпочтут немцам»²⁷³.

* * *

Подписание в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи произвело в общем позитивное впечатление. Но с самого начала даже в положительных откликах сквозило явственное недоверие к возможным союзникам. «Капиталистам Франции сейчас воевать невыгодно, и, зная какую силу представляет Советский Союз, они заключают договор о взаимной помощи... Договор-то хорош, но как бы нас не обманули. Мы-то за них будем заступаться, а они-то за нас пожалуй нет», — так откликнулись москвичи на сообщении о заключении договора.

Впрочем, высказывалось не только недоверие к союзнику, но и неверие в подобные союзы вообще. «Факт заключения франко-советского соглашения интересен не как фактор мира. Ведь не задержали войны в 1914 г. тройственные соглашения. Не задержит войну и это соглашение. Соглашение интересно как признак того, что военные союзы вновь зарождаются и наступит тот день, когда Советский Союз отбросит мишуру красивых слов о кровавой бойне и призовет нас к последней справедливой войне...» — заявил инженер Московского лампового завода Лошук²⁷⁴.

Постепенно отношение к советско-французскому пакту становилось все более скептическим. В марте 1938 г. академик В. И. Вернадский записал в своем дневнике: «Агитаторы в домовых собраниях указывают, что, конечно, договоры есть с Чехословакией и Францией, но Сталин считает, что больше всего дорога жизнь людей и договоры можно толковать иначе»²⁷⁵.

По-прежнему одной из главных опасностей будущей войны представлялись экзотические виды оружия, в част-

ности отравляющие газы и биологическое оружие. В декабре 1937 г. некий инструктор-ревизор предостерегал руководство Осоавиахима: «Мы в 1942 г. будем иметь 12 000 дегазаторов, а сегодня имеем 6000, это на страну с 200 миллионов жителей, по мысли правительства — тот костяк тыловой обороны, о который должны разбиться газовые волны фашизма?..» Характерен, однако, предложенный им рецепт — создание «Дегазационного управления во главе с начальником большевиком», что даст в результате «полное уничтожение в соцбыту капиталистических крыс и мух, пусть фашизм тогда попробует травить нашу пищу бактериями или заражать наш воздух микробами»²⁷⁶.

Впрочем, предлагались не только средства защиты, но и новые виды вполне наступательного вооружения. Так, некий «изобретатель-орденоносец» А. Майзель по собственной инициативе разрабатывал сразу несколько новых видов оружия, большей частью авиационного, например, «воздушную завесу» (истребитель высыпает множество специальных мелких бомб перпендикулярно строю вражеских бомбардировщиков), многопушечный истребитель, «двойную бомбу» (перед основной бомбой на телескопической штанге помещалась малая, которая должна была как бы «разрыхлить» броню, бетон и пр., повышая таким образом эффективность взрыва основной бомбы), «бомбу с рикошетом» (она должна была рикошетировать от поверхности воды, попадая в неприятельские корабли) и, наконец, воздушные противосамолетные торпеды и мины²⁷⁷.

Очередной всплеск военных ожиданий в 30-е годы был связан с печально знаменитыми московскими политическими процессами 1936–1938 гг. В откликах на решения трибунала постоянно встречались опасения — если обвиняемых приговорят к расстрелу, не осложнит ли это международное положение СССР и не навяжут ли в результате СССР войну²⁷⁸.

Иногда начало войны, хотя бы интуитивно, советские люди представляли себе довольно реалистично. Так, вспо-

миная свои предвоенные ощущения, ленинградка И. Д. Зеленская записала летом 1941 г. в блокадном дневнике: «Все считали Ленинград обреченным городом, городом на юру, слишком открытым и доступным в силу своего географического положения... Казалось всегда, что первые и самые страшные удары обрушатся именно на Ленинград...»²⁷⁹

Вместе с тем некоторые сюжеты, описанные в романах, тем более показанные в фильмах, запоминались и в какой-то степени определяли отношение к меняющейся реальности.

Так, описывая в своем дневнике ситуацию в Москве в начале сентября 1939 г. («Город полон слухов: что закрыта для пассажирского движения Белорусская железная дорога, что закрыто авиасообщение; что мобилизована половина такси, все грузовики и большая часть учрежденческих машин, что закрыты 18 школ (под призывные пункты взяты, или под госпитали, как говорят другие), что эшелоны идут на западную границу и на Дальний Восток...»), Е. С. Булгакова проводит прямую параллель с американским фильмом по произведениям Г. Уэллса о будущей войне. Этот фильм она вместе с М. С. Булгаковым видела на закрытом просмотре в американском посольстве еще в ноябре 1936 г.²⁸⁰

Подписание советско-германского договора о ненападении 1939 г. было встречено со смешанными чувствами. Казалось, что угроза войны отодвинулась. С другой стороны, многие, как сформулировал в беседе с товарищами по работе ленинградский слесарь А. Федоров, понимали, что «договор между СССР и Германией для последней ничего не значит. Она заключила его, чтобы использовать известный промежуток времени и прибрать к рукам Францию, Англию и Польшу, а затем уже напасть на СССР»²⁸¹.

Важно подчеркнуть, что в массовом сознании Советский Союз и в эти годы, как правило, выступал обороняющейся стороной. Изменение настроений на самом верху привело к тому, что летом 1941 г. заговорили о необходимости изменения пропаганды, придания ей «наступательного ха-

рактера». Готовилась очередная кампания, однако развернуть ее попросту не успели²⁸².

Война, которую ждали, которая порой описывалась в пропаганде и представлялась во всех подробностях в массовом сознании, оказалась совсем не такой.

Многие предвоенные иллюзии — о наступательном характере войны «малой кровью и на чужой территории», о революционном взрыве на Западе, свойственные прежде всего молодому поколению, оказались ложными. Более скептическое отношение к этим вопросам поколения старшего оказалось и более реалистичным. 22 июня 1941 г. все рассуждения о предстоящей войне потеряли смысл, предвоенная эпоха кончилась, началась Великая Отечественная война.

ГЛАВА 3

«Враги второй очереди»: Образ союзника

Среди самых устойчивых внешнеполитических стереотипов, характерных для разных культур и эпох, конкретное содержание которых, тем не менее, может меняться самым неожиданным образом, — образ врага¹ и образ союзника².

В течение XX в. Россия дважды в ходе двух мировых войн выступала в качестве участника могущественной коалиции, и «образ союзника» как в годы войны, так и в межвоенный период играл в сознании российского общества важную роль, в том числе при решении внутривосточных проблем.

Для мифологизированного сознания внешний мир представляет собой «темную», или, в лучшем случае, «серую» зону, т. е. область повышенной опасности, враждебную или недоброжелательную по отношению к человеку, где все иное и все неустойчиво³. И, следовательно, *союзник*, также принадлежащий к миру за пределами освоенной территории (т. е. внешнему миру), воспринимается как нечто неустойчивое, сомнительное, потенциально враждебное. Подобное отношение к союзникам фиксируется не только в годы Великой Отечественной войны, но и на других этапах русской (и не только русской) истории.

Отношение к союзникам, реальным или потенциальным, и общая мифологизация представлений о внешнем мире в массовом сознании ярко проявились в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В частности, крестьяне разных губерний были убеждены, что «все англичанка портит дело, она помогает туркам» (Новгородская губерния), что «если бы не помешала «англичанка», то русские непременно бы

взяли Константинополь» (Рязанская губерния)⁴. В народном сознании в качестве союзника России (кроме славян, в частности болгар, и греков, которые тоже считались «славянами»), выступал... Китай: «Китай за нас подымется. Царь Китаю не верит, боится, чтобы не обманул...» — говорили крестьяне⁵. Характерна, при всей фантастичности этих утверждений, нотка недоверия к «союзнику».

Как в общественном мнении, так и в массовом сознании России к началу XX в. традиционным было недоверие к Англии. При этом в исторической реальности в годы самых крупных коалиционных войн, в которых участвовала Россия (в частности, наполеоновские войны, в том числе война 1812 года., Первая и Вторая мировые войны) вследствие различных геополитических и прочих обстоятельств Англия становилась союзником России, что, конечно, действовало на отношение к ней, но затем все быстро возвращалось на свои места⁶. Эта инерция была преодолена лишь в 60–80-е годы нашего века, когда Англия потеряла статус мировой державы. Поэтому, как отмечает В. А. Емец, накануне Первой мировой войны, после того как фактически сложился англо-франко-русский союз, «требовалась решительная ломка стереотипов... в общественно-политическом сознании правящих кругов и целых социальных групп населения»⁷. Эту задачу решал, в частности, министр иностранных дел А. П. Извольский, который первым начал «работать» с прессой в целях изменения общественного мнения. Тем не менее в общественном сознании недоверие к Англии в значительной степени сохранялось, к Франции же отношение было лучше.

В отличие от Второй мировой войны, в 1914–1917 гг. военные действия велись одновременно на Западном и Восточном фронте. Союзники, как водится, склонны были недооценивать усилия друг друга, тем не менее чувство «общего дела» находило свое отражение в массовом сознании.

В годы войны предпринимались целенаправленные усилия по формированию в общественном мнении и массовом сознании «образа врага»⁸. Наряду с этим, хотя, к слову ска-

зять, с гораздо меньшей интенсивностью, пропаганда работала и над формированием позитивного и достаточно наглядного образа союзника. Примеров множество; в частности, в России были изданы открытки с изображением симпатичных солдат в форме стран Антанты с текстами государственных гимнов, причем русский солдат ничем не выделялся в этой серии⁹.

Порой понятие «союзник» принимало более широкий характер; так, в ходе войны в официальных кругах России и части русского общества возникла идея сделать союзниками в борьбе с Германией поляков. Это требовало определенной корректировки политики по отношению к ним, и порой такая корректировка принимала довольно курьезные формы: так, в Большом театре дирекция решила убрать из оперы Глинки «Жизнь за царя» сцену убийства поляками Ивана Сусанина¹⁰.

Конечно, ход многолетней, тяжелой войны не мог не отражаться в массовом сознании и помимо пропаганды. Иногда вспоминали и о союзниках. Так, стабилизация Восточного фронта после русских неудач в Восточной Пруссии и предотвращение взятия немцами Парижа в самом начале войны («чудо на Марне») тут же нашли отклик в частушке, записанной в 1914 г.:

Немец битву начинал
И в Варшаве быть желал;
Шел обедать он в Париж —
Преподнес французик шиш¹¹.

Здесь следует отметить, во-первых, равнозначность событий на Западном и Восточном фронте для автора частушки, и, во-вторых, то, что уменьшительное «французик» носит явно доброжелательный, даже ласковый характер.

Постепенно, однако, по мере усталости от войны в российском общественном мнении все ярче вырисовывается тенденция к подчеркиванию главной роли России в войне и обличению корыстных союзников, стремившихся за ее

счет достигнуть своих целей. Вот что предлагал товарищ председателя тамбовского «Союза русских людей» А. Н. Григорьев Советанию уполномоченных монархических организаций в августе 1915 г.: «Ввиду того, что вся тяжесть войны в настоящее время легла на Россию, просить Англию вновь формируемые ею армии посылать на русский фронт через Архангельск, а также привлечь и японцев к участию в сражениях на нашем фронте»¹². В воспоминаниях британского генерала А. Нокса, относящихся к 1915 г., приводится беседа с генерал-квартирмейстером Западного фронта генералом П. Лебедевым, который «упрекал Англию и Францию за то, что они взвалили основную тяжесть войны на Россию»¹³. После кровопролитных сражений 1916 г. эти настроения усилились. «В народных массах доверие к правительству и *вера в союзников* были окончательно подорваны», — писал начальник штаба 7-й армии генерал-лейтенант Н. Н. Головин [курсив мой — авт.]¹⁴

К концу 1916 — началу 1917 г. подобные взгляды получили широкое распространение, особенно среди нижних чинов и младших офицеров. Как всегда, наиболее негативно оценивалась роль Великобритании, готовой «воевать до последнего русского солдата», для чего англичане «втайне сговорились с начальством, подкупив его на английские деньги». Весной 1918 г. видный российский публицист А. Изгоев отмечал исчезновение симпатий к союзникам и повсеместное распространение «немецкопоклонства»¹⁵.

Вместе с тем в сознании российского общества с самого начала войны присутствовал и такой мотив: союзники не понимают и не хотят понять Россию. Уже в сентябре 1914 г. З. Н. Гиппиус записала в своем дневнике: «Наши счастливые союзники не знают боли раздирающей, в эти всем тяжкие дни, самую душу России. Не знают и, беспечные, узнать не хотят, понять не хотят. Не могут». И позднее, в апреле 1915 г.: «Я люблю англичан. Но я так ярко понимаю, что они нас не понимают (и не очень хотят)»¹⁶. В ходе войны подобные настроения усиливались, получали новые подтверждения и только подогревали недоверие к союзникам.

После Октябрьской революции союзники, фактически встав на одну из сторон в гражданской войне, для победителей (и для значительной части населения) оказались врагами, организаторами интервенции и многочисленных заговоров («дело Локкарта», «дело Рейли» и т. д., и т. п.), и это, разумеется, отразилось в массовом сознании. Для другой же части населения они по-прежнему оставались союзниками, только теперь не против немцев, а против большевиков, как в прошлом, так, вероятно, и в будущем. Любопытно отметить, что в 1920-е гг. чаще всего в роли потенциального противника и возможного «освободителя» от власти большевиков выступала Англия. Германия, недавний враг в мировой войне и ближайший партнер советского правительства в эти годы, в массовом сознании присутствует слабо, в то время как Польша фигурирует достаточно часто, упоминаются также Франция, Япония, США, Китай (этот набор менялся в зависимости от географического положения той или иной губернии).

«Союзники» избирались массовым сознанием, исходя прежде всего из внутрисполитических, а не внешнеполитических рассуждений (или Запад против «коммуны», или рабочие и крестьяне Запада как союзники СССР).

Например, летом 1928 г., ободряя верующих, один из священнослужителей Омского округа заявил: «Мы не одни, у нас есть союзники в лице Америки, Англии и других. Они нам очень и очень много помогают и Вы, граждане, не отказывайте нам в помощи [курсив мой — авт.]»¹⁷ Иногда встречались явно преувеличенные представления об общности интересов Запада и российского крестьянства. Так, в мае 1927 г. один из крестьян Амурского округа уверял, что «Англия предъявила коммунистам — сдаться без боя, и в России поставят президента, которого пожелают Англия или крестьяне России [курсив мой — авт.]»¹⁸.

Любое значительное событие в международной жизни, а иногда просто сообщения газет, приводили к появлению новых предполагаемых союзников. Так, в связи с конфликтом на КВЖД зимой 1930 г. в Поволжье распространился

совсем уж экзотический слух о том, что изъятое у крестьян имущество власти возвратят, так как «коммунисты перепугались китайцев, которые обратно пошли на Россию». Зимой того же года в Архангельской области был зафиксирован лозунг «Долой Советскую власть, даешь поляков». От подобных лозунгов оставался только шаг и до практических выводов: «Как только Англия объявит войну на СССР, то мы в тыл Советской власти пойдем и не оставим в Москве ни одного живого коммуниста...» — говорилось в одном из писем 1927 г. в «Крестьянскую газету»¹⁹.

Новый тип союзника в 20–30-е годы — революционный пролетариат всего мира. Официальная пропаганда всячески поддерживала подобные представления. Так, в информационном письме агитмассотдела Орловского окружкома (июль 1930 г.) подчеркивалось: «День 1 августа в настоящем году совпадает с 16-летием Империалистической войны. В этот день рабочие запада свой гнев против капиталистов-поджигателей войны выразят в массовой забастовке, которая должна показать, что на случай войны рабочие сумеют остановить заводы, фабрики и остановят машины, производящие средства истребления человечества. В этот день громко будет звучать лозунг “Руки прочь от Советского Союза” и т. п.»²⁰

В 1938 г. вышел в свет сборник «Красноармейский фольклор», полностью состоявший из произведений того же жанра, что и частушки о подвигах Кузьмы Крючкова. В одной из вошедших в сборник «красноармейских песен» звучала такая строфа:

К нам из Венгрии далекой,
Из баварских рудников,
Мчатся лавиной широкой
Красных тысячи полков.

В этих словах отразились реальные события — появление Венгерской и Баварской советских республик. Но подобные представления часто экстраполировались и на будущее:

От Петрограда до Вены
Тянется фронт боевой,
Скоро от Темзы до Сены
Встанет гигант трудовой²¹.

В результате возникли и прочно утвердились в массовом сознании соответствующие иллюзии, которые впоследствии мучительно изживались в годы Второй мировой войны. В том же 1927 г. достаточно типичными были такие высказывания: «Пусть Англия идет на нас воевать, а пока рабочие и крестьяне Англии сбросят свое правительство, как было в Германии»²².

Впрочем, советское руководство уже в середине 30-х годов, несмотря на заверения пропаганды о приближающейся победе революции в странах Запада, охваченных тяжелым кризисом, все более испытывало скептицизм относительно ее ближайших перспектив. Еще в 1932 г. М. И. Калинин оптимистично утверждал: «Стабилизация [капитализма — *авт.*] оказалась короче, чем можно было ожидать: накопление революционной энергии идет бешеным темпом, и события, как разбушевавшаяся волна, вновь одно набегают на другое»²³. Но уже в марте 1934 г. тот же Калинин, выступая перед делегацией иностранных рабочих, заявил буквально следующее: «Можете рассказать и то, что я вам сейчас рассказал открыто перед всеми. Калинин сказал, что им [пролетариям Запада — *авт.*] не хочется ставить свои головы на баррикады, им хочется миром завоевать власть, как-нибудь обойти буржуазию»²⁴.

Постепенно у советской политической элиты исчезали и иллюзии относительно масштабов поддержки со стороны западного пролетариата в случае войны против СССР. Если в 1930 г., в обстановке мирового экономического кризиса С. М. Киров записывал: «Союзники наши вне СССР с каждым днем увеличиваются, ибо видят пример и выход в социалистической революции»²⁵, то уже в 1933 г. в черновых записях М. И. Калинина содержится следующее любопытное признание: «Пролетарии Запада нас поддерживают,

но слабо»²⁶. Он же, выступая перед членами иностранных рабочих делегаций, прибывших в Москву на празднование 1 мая 1934 г., заявил: «Мы каждый день ждем нападения от буржуазии, в первую очередь английской, мы не уверены, что английский пролетариат наденет намордник на буржуазию»²⁷. Еще более откровенно он высказался на подобной встрече в ноябре того же года: «Товарищи, я не знаю, ведь вы же разумные люди, ведь вы же должны понять, что против Советского Союза ошетинился весь буржуазный мир... Ведь мы же не можем надеяться, что вы нас поддержите. Что вы нам сочувствуете, что вы, так сказать, морально будете поддерживать — в этом я не сомневаюсь, но ведь ваше моральное сочувствие имеет очень малое значение...»²⁸

Международная обстановка обострялась, и вопрос о союзниках приобрел особое значение. Однако, по мнению советского руководства, страны Запада как таковые могли выступать в качестве полноценных союзников СССР лишь в одном случае — в случае победы там социалистической революции. В тезисах доклада Г. Е. Зиновьева на Пленуме ЦК РКП 22 сентября 1923 г. говорилось, что в случае советизации Германии «союз советской Германии и СССР в ближайшее же время представит собой могучую хозяйственную силу... Союз советской Германии и СССР представит собою не менее могучую военную базу. Общими силами обе республики в сравнительно короткое время сумеют создать такое ядро военных сил, которое обеспечит независимость обеих республик от каких бы то ни было посягательств мирового империализма...»²⁹

Однако после неудачной попытки «подтолкнуть» революцию в Германии, надежд на скорую советизацию Европы не было, и в будущей европейской войне союзниками могли быть только капиталистические страны. В опубликованной в начале 20-х годов брошюре И. И. Вацетиса предполагалось, что в будущей войне столкнутся два блока — Великобритания, Франция, Япония и Америка, с одной стороны, и Россия, Германия, Австрия (страны, оказавшиеся после мировой войны в состоянии внешнеполитической изоля-

ции) — с другой³⁰. Но уже к концу 1920-х гг. ситуация в Европе изменилась, и в опубликованном в 1928 г. исследовании в число потенциальных противников СССР были включены практически все западные страны, за исключением традиционно нейтральных Швейцарии и Швеции, а в качестве потенциальных союзников выступали лишь Китай и колониальные владения³¹. После поражения китайской революции и конфликта на КВЖД в 1929 г. и Китай был исключен из списка возможных союзников.

В результате при разработке планов на 2-ю пятилетку была поставлена задача «обеспечить Красной армии возможность вести борьбу с любой коалицией мировых капиталистических держав и нанести им сокрушительное поражение, если они нападут на СССР [курсив мой — авт.]»³². Даже страны Восточной Европы воспринимались в первую очередь как потенциальные противники.

И после прихода нацистов к власти в Германии и подписания в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи ни в пропаганде, ни в общественном сознании эти страны почти не фигурировали в качестве союзников. Конечно, сам факт подписания подобных договоров произвел позитивное впечатление на общественность. Так, 15 мая 1935 г. прибывшему в Москву для подписания соглашения о взаимопомощи министру иностранных дел Франции П. Лавалю публика, присутствовавшая в Большом театре, устроила «восторженную овацию»³³. Но постепенно эти первоначальные впечатления, ничем не подкрепленные, развеялись практически без следа. В марте 1938 г. академик В. И. Вернадский записал в своем дневнике: «Агитаторы в домашних собраниях указывают, что, конечно, договоры есть с Чехословакией и Францией, но Сталин считает, что больше всего дорога жизнь людей и договоры можно толковать иначе»³⁴. Таким образом, союз с Францией и Чехословакией не достиг цели в военно-дипломатическом отношении и почти не оставил следа в массовом сознании³⁵.

Если политическая элита не доверяла потенциальным союзникам из соображений в первую очередь идеологиче-

ских, то военная элита весьма критически относилась к боеспособности западных армий, чему есть ряд свидетельств. В частности, командарм 2-го ранга А. И. Седакин, занимавший в разное время посты начальника Управления ПВО РККА, заместителя начальника Генштаба, командующего ПВО Бакинского района, вернувшись из поездки во Францию в 1935 г., заявил, что на маневрах «находился рядом с Гамеленом и другими генералами, и я чувствовал, что мне нечему у них учиться, а они, несомненно, чувствовали наше военное превосходство»³⁶. Впрочем, и советские дипломаты скептически относились к идее союза с Западом, исходя из своих представлений о настроениях западной политической элиты. И все эти настроения, бытовавшие «наверху», проникали по различным каналам в массовое сознание.

В общественном сознании в эти годы преобладали антифашистские настроения, но вопрос о возможных союзниках возникал редко. Более того, в документах НКВД зафиксированы позитивные отзывы о Гитлере и его политике. После 1933 г. немецкие фашисты, как наиболее вероятный противник, рассматривались некоторой частью населения как потенциальные союзники против сталинского режима³⁷.

Однако если в начале века враждующие коалиции определились задолго до войны и расстановка сил принципиально не менялась, то в 1930-е — начале 1940-х гг. ситуация складывалась иначе. Во Вторую мировую войну, в отличие от Первой, СССР вступил, не имея союзников (исключая Монголию и Туву). Попытки создать систему коллективной безопасности ни к чему не привели, если не считать советско-французского и советско-чехословацкого договоров 1935 г., так и оставшихся на бумаге. «Советская дипломатия явно не справлялась с непосильной задачей создания эффективного военно-политического союза стран, имевших антагонистические общественно-политические системы», — говорится в современном исследовании³⁸. Впрочем, вряд ли стоит винить во всем советскую дипломатию. Помимо позиций западных стран, делавших почти нереальным заключение с ними действенного соглашения, играло роль и тра-

диционное недоверие высшего советского руководства к европейским державам³⁹. «Союзников у нас не было, — говорил впоследствии В. М. Молотов. — Америка-то была против нас, Англия — против, Франция не отстала бы»⁴⁰.

После подписания пакта Риббентропа — Молотова на роль потенциального союзника, казалось, могла претендовать Германия. Во всяком случае, на Западе противники Германии советско-германское партнерство рассматривали как нечто, весьма близкое к союзническим отношениям (подобная точка зрения существует и в современной российской историографии⁴¹).

Действительно, в 1939–1940 гг. в официальной пропаганде Англия и Франция рассматривались как главные виновники войны, агрессоры, потенциальные противники. Иногда, для «узкого круга», делались весьма откровенные высказывания. 7 сентября 1939 г. в беседе с Г. Димитровым, В. М. Молотовым и А. А. Ждановым В. И. Сталин заявил: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран (особенно Англии)»⁴². В свою очередь А. А. Жданов весной 1940 г. заявил на ленинградском партактиве, что для СССР «приятнее, полезнее и ценнее иметь под боком не антисоветских англо-французских союзников с намерением напасть либо на Германию, либо на Ленинград... [но] страну, которая с нами в дружественных отношениях [Германию — *авт.*]»⁴³

Подобные настроения фиксировались и в различных группах, составлявших советскую номенклатуру, причем порой в еще более недвусмысленной форме. Так, командующий Сибирским военным округом, командарм 2-го ранга С. А. Калинин утверждал, что в 1940 г. неизбежна война СССР, Германии, Японии, Италии против англо-французской коалиции, а по мнению корреспондента ТАСС в Афинах Успенского, после вступления СССР в войну «возможно будет выпустить кровь из мирового паразита — Великобритании». Как полагал Успенский, общие коренные ин-

тересы СССР и Германии состояли в том, чтобы разгромить Британскую империю⁴⁴.

Любопытны рассуждения писателя Ю. Л. Слезкина, зафиксированные в его дневнике. 12 сентября 1939 г. он записал: «Сейчас, когда все говорят о предстоящей войне и почему-то усиленно нажимают на то, что Германия нас предаст и будет воевать с нами, я еще более укрепился в своем первоначальном мнении. Германии нет никакого резона воевать с нами. Ей необходим наш нейтралитет в войне с Польшей». Через несколько дней, 29 сентября, уже после вступления советских войск в Западную Украину и Белоруссию и подписания «договора о дружбе и границе» с Германией, Слезкин пишет: «Если САШт [Северо-Американские Штаты — *авт.*] станет на сторону Франции и Англии и война продолжится — несомненно к нам [СССР и Германии — *авт.*] присоединится Япония (разграничив с нами сферу влияния в Китае), и тогда создастся такой массив территориально-монолитный, что с ним ничто уже не сравнится и ему не противостоит. А какой кулак в сторону английских владений в Азии!»⁴⁵

Даже среди тех представителей интеллигенции, которых трудно заподозрить в особых симпатиях к Советской власти, бытовало мнение, что в войне в Европе нет ни правых, ни виноватых, но в любом случае она выгодна для СССР. К. И. Чуковский приводит такие слова А. А. Ахматовой, сказанные в августе 1940 г.: «Каждый день война работает на нас. Но какое происходит одичание англичан и французов. Это не те англичане, которых мы знали... Я так и в дневнике записала: “Одичалые немцы бросают бомбы в одичалых англичан”»⁴⁶.

Буквально за несколько дней до начала войны И. Ф. Филиппов, представитель ТАСС в Германии и одновременно заместитель руководителя советской резидентуры в Берлине в разговоре с немецким собеседником (который, кстати, оказался осведомителем «бюро Риббентропа» и отразил содержание беседы в своем донесении) утверждал, что возможный «союз между Россией, Америкой и Англией —

это чушь. В России не питают иллюзий относительно буржуазных государств. Россия может полагаться лишь на саму себя»⁴⁷.

Но в общественном сознании фашистская Германия оставалась скорее самым опасным и вероятным противником, чем союзником; пакт 1939 г. и последовавшие за ним соглашения воспринимались в лучшем случае как тактический ход советского правительства, чему имеется достаточно свидетельств. Сохранялась память о союзе с Англией и Францией в Первой мировой войне; с другой стороны, память о прошлой германской войне и немецкой оккупации Украины, образы и представления, внедрявшиеся антифашистской пропагандой 30-х годов, вели к росту антинемецких настроений. Большое впечатление произвела вышедшая в конце 30-х годов книга Эрнста Генри «Гитлер против СССР»⁴⁸.

Даже в период советско-финской войны 1939–1940 гг., когда вопрос о потенциальных противниках и союзниках СССР в Европе был особенно актуальным, в массовом сознании Англия и Франция считались (и не без оснований) союзниками Финляндии, т.е. противниками СССР; что же касается Германии, то отношение к ней было более сложным. Судя по спецсообщениям особых отделов, НКВД и материалам перлюстрации писем, Германия не воспринималась ни в качестве противника, ни в качестве союзника, зато неоднократно упоминалась в качестве примера. Нередко встречались высказывания о том, что Германия, в отличие от СССР, смогла бы одержать победу гораздо быстрее и с меньшими потерями (очевидно, здесь отразились впечатления от немецкого «блицкрига» 1939 г. в Польше). Зато заключение мира с Финляндией в ряде случаев вызвало предположения, что мир был заключен под давлением Германии, так как война с Финляндией мешала СССР снабжать Германию необходимым сырьем.

Финский же народ, на помощь которому, по официальной версии, выступила Красная армия, в зафиксированных высказываниях выступал отнюдь не в качестве потенциаль-

ного союзника, а в качестве объекта освобождения, либо, гораздо чаще, в качестве упорного и фанатичного противника.

Постепенно, в ходе Второй мировой войны, особенно во время «битвы за Британию», в советском массовом сознании, наряду с традиционным недоверием к Англии, складывается уважительное и сочувственное отношение к ее борьбе с фашизмом. Британский журналист А. Верт приводит такие высказывания своих советских собеседников, относящиеся к 1940 г.: «Знаете, сама жизнь научила нас быть против англичан — после этого Чемберлена, Финляндии и всего прочего. Но постепенно, как-то очень незаметно мы начали восхищаться англичанами, потому, очевидно, что они не склонились перед Гитлером»⁴⁹.

Отношение к Франции, которую традиционно воспринимали в России с симпатией, было тем более позитивным и, после ее оккупации нацистами, сочувственным, несмотря на дипломатическое признание правительства Виши и все зигзаги официальной пропаганды.

Что же касается Соединенных Штатов, как заметил американский исследователь Ф. Баргхорн, учитывая общее отношение к США как советского руководства, так и, особенно, широких масс, «было нетрудно “продать” Америку» в качестве союзника⁵⁰.

Повороты в пропаганде и неопределенность в общественных настроениях хорошо иллюстрируются воспоминаниями современника: «...Помню газеты с портретами улыбающихся вождей В. М. Молотова и И. Риббентропа, мамины слезы, чей-то успокаивающий голос: “Это — ненадолго. Там, наверху, соображают”. Еще помню разговоры такого рода: будем ли мы сражаться с Англией?.. Уже с зимы 40-го года пошли разговоры, что Гитлер на нас непременно нападет. Но в окнах ТАСС — плакаты с совсем иным противником. На одном из них изображен воздушный бой; наши самолетики красные, а вражеские — из них половина уже сбита и горит — черные, с белыми кругами на крыльях (белый круг — английский опознавательный знак)»⁵¹. На самом деле на

плакате 1938 г. «Воздушный бой» (авторы В. Дени, Н. Долгоруков, А. Юмашев) были изображены японские, а не английские самолеты⁵². Характерна, однако, ошибка мемуариста.

Впрочем, слухи о войне с Англией продолжали распространяться; особенно сильны они были в толькo что присоединенной Прибалтике. Так, в Литве в ноябре 1940 г. «пустили слух, что вот прилетят английские бомбардировщики и начнут бомбить город Вильнюс, что Советская власть здесь установилась ненадолго и т. д., придут немцы или англичане...» И далее: «Классовый враг использует это недовольство [ростом цен — *авт.*], говоря, что при Советской власти нет товаров, все дорого и что скоро придут немцы, англичане и вернутся поляки»⁵³. Набор потенциальных противников, они же союзники в борьбе против «Советов», представляется для конца 1940 г. совершенно невозможным (немцы и англичане воюют против друга, Польши не существует вообще), но таковы уж законы массового сознания. Соединяя несоединимое, оно тем самым явственно выделяет главное. Для тех дней, пожалуй, это было для Прибалтики разочарование в Советской власти и надежды на восстановление независимости любым путем.

Тем не менее международная ситуация, сложившаяся к весне 1941 г., многих наблюдателей, особенно хорошо информированных, подталкивала к определенным выводам. Писатель В. Вишневский возглавлял Оборонную комиссию Союза советских писателей, редактировал журнал «Знамя», присутствовал на закрытых совещаниях в Главном управлении политической пропаганды Красной армии, общался с крупными военными деятелями того времени, к тому же, зная иностранные языки, постоянно слушал сообщения английского, немецкого, французского радио. Весной 1941 г. в его дневниках появляются записи о возможных вариантах дальнейшего развития событий. Запись от 10 февраля: «Наше выступление против Германии и “оси” — в выгодный момент, в блоке с “демократическим блоком”...» Запись от 15 марта: «Мы выступаем, чтобы доломать Гитлера, в коа-

лиции с “демократиями” Запада. *Вариант наиболее ходовой в общественных разговорах* [курсив мой — авт.]. И вместе с тем (в записи от 3 марта) — «с англо-американским миром — враги второй очереди — возможен компромисс, лет на 10–15»⁵⁴.

Однако ни политическое, ни военное руководство по-прежнему не рассчитывало на каких-либо союзников в будущем столкновении с Германией, которое становилось все более вероятным. Об этом говорит в частности тот факт, что на стратегических играх в Генштабе РККА в январе 1941 г. во вводных союзники СССР не фигурировали (союзником «западных», т. е. Германии, во второй игре выступали «южные», очевидно, Румыния)⁵⁵. В беседе с В. Вишневым в апреле 1941 г. К. Е. Ворошилов «еще раз сказал о полной ненадежности англичан»⁵⁶.

* * *

В военные годы представления о внешнем мире приобретают явственную черно-белую окраску. Мир делится на врагов, которые воспринимаются совершенно по-особому⁵⁷, на союзников и на нейтралов. Нейтралы, впрочем, за редким исключением, привлекают внимание лишь в качестве потенциальных противников или потенциальных союзников.

В первые дни войны, в речи И. В. Сталина 3 июля 1941 г., было сказано о том, что советский народ имеет «верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа [курсив мой — авт.]»; чувственные заявления западных правительств были упомянуты лишь вскользь⁵⁸. Любопытно, что подобная формулировка содержится в очерке И. Эренбурга, написанном еще 22 июня: «У советского народа есть верные союзники — это народы всех поработанных стран — парижские рабочие и сербские крестьяне, рыбаки Норвегии и жители древней Праги, измученные сыновья окровавленной палачами Варшавы»⁵⁹.

Однако уже 12 июля в Москве было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях против гитлеровской Германии, положившее начало оформлению антигитлеровской коалиции. Тон советской прессы и пропаганды стал меняться в благоприятную для союзников сторону. Так, выступая на торжественном заседании 6 ноября 1941 г., Сталин упомянул о существующих в США и Англии демократических свободах и подчеркнул, что «Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз объединились в единый лагерь, поставивший себе целью разгром гитлеровских империалистов и их захватнических армий»⁶⁰.

Громоздкая пропагандистская машина перестраивалась. Агитационно-массовая работа в новых условиях — условиях войны — значительно расширилась, во многих организациях ежедневно проводится читка газет... Лекции по международному положению привлекают массу людей»⁶¹, — отмечалось в докладной записке отдела пропаганды Сталинского райкома партии г. Омска уже в конце июля 1941 г. Вместе с тем процесс перестройки пропаганды был непростым и не слишком скорым, и в октябре 1941 г. в материалах Омского обкома подчеркивалось, что «массово-разъяснительная работа на предприятиях в должной мере, как этого требует военное время, не развернута, редко проводятся квалифицированные доклады и беседы»⁶².

Постепенно значительное место в тематике лекций и бесед заняли сюжеты, связанные с созданием и укреплением антифашистской коалиции. В 1942–1944 гг. в разных концах огромной страны читались такие лекции, как «Общность коренных интересов и укрепление боевого союза СССР, Англии и США в ходе войны»; «Антигитлеровская коалиция великих держав»; «Могучая антифашистская коалиция СССР, Великобритании, США и народов, поработанных Гитлером»; «Боевой союз СССР, Англии, США против гитлеровской Германии и ее союзников»; «О втором фронте в Европе»; «Единый удар с востока и запада потряс до основания гитлеровскую военную машину»; «Уси-

ление роли СССР в антигитлеровской коалиции»; «Война на Тихом океане»; «Борьба за восстановление демократической Польши» и др.⁶³

Порой в этом перечне встречались лекции, тематика которых мало соответствовала задачам укрепления союзнических отношений, например, «Три похода Антанты». Справедливости ради надо сказать, что подобные темы встречаются очень редко. И все же как-то не верится в обычный недосмотр партийного аппарата. Не исключено, что подобные лекции должны были напоминать слушателям о «классовом характере войны».

Подтверждением этому является следующее высказывание заведующего отделом пропаганды одного из свердловских райкомов в сентябре 1944 г.: «В нашей пропагандистской работе мы освещаем вопросы Великой Отечественной войны и подчеркиваем ее народный характер. Это правильно. Но часто мы затушевываем ее классовый характер... Мы обязаны в нашей устной пропаганде подчеркивать и классовый характер. Партийному активу понятно, что не все вопросы мы можем поставить в газете "Правде", в журнале "Большевик" о классовом характере войны. Тут мы связаны» (в документе последнее предложение было помечено от руки двумя вопросительными знаками на полях; видимо, подобные откровенные высказывания не представлялись беспорными даже работникам обкома)⁶⁴.

По подсчетам Н. Д. Козлова, общий объем материалов о жизни союзных стран в газетах и журналах увеличился в среднем в четыре раза, при этом вместо сюжетов об обострении классовой борьбы, росте эксплуатации, агрессивности внешней политики Запада появились более объективные и нейтральные материалы об истории и культуре, системе образования и военной экономике этих стран, их действиях на различных фронтах⁶⁵. Вместе с тем непропорционально большое место занимали публикации о росте авторитета СССР на Западе, о положительных высказываниях в его адрес как западных лидеров, так и рядовых трудящихся, о позитивном восприятии советской культуры и т. д.

Процесс «перестройки» пропаганды в целом и периодической печати в частности потребовал времени. И, в любом случае, масштабы этой «перестройки» удовлетворяли далеко не всех. Так, в августе 1941 г. А. П. Остроумова-Лебедева⁶⁶ записала в дневнике: «В газетах очень скупо и уклончиво дают информацию... Мы так отделены от Европы, от всего мира, такой глухой стеной с абсолютно непроницаемыми стенками, что ни один звук не просачивается к нам без строжайшей цензуры»⁶⁷.

Иногда изменения в пропаганде приобретали самые неожиданные формы. В частности, в сборнике пословиц, выпущенном в 1942 г. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), на первой же странице было приведено несколько пословиц (с пометкой «новая»), говорящих о «близости» Америки и СССР. Одна из них утверждала: «Эка благодать — от Москвы до Америки стало рукой подать»⁶⁸. Среди так называемых «народных» частушек, публикуемых в годы войны, встречались и такие:

С Красной армией на пару
армии союзников
подсыпают немцам жару
с грохотом и музыкой⁶⁹.

Эти изменения, конечно, не остались незамеченными обществом. Московский врач Е. И. Сахарова 6 января 1942 г. записала в дневнике: «Газеты наши стали очень интересны, читаешь их с захватывающим желанием прочесть все, что есть, — и из области наших событий, и сообщения наших могучих союзников. Сегодня очень интересна речь по радио Идена о поездке в СССР, даже не лишена некоторой поэзии»⁷⁰.

Впрочем, отмеченные изменения не стоит преувеличивать. Американская пропаганда, например, в те годы предпринимала усилия по формированию позитивного образа союзника; так, вышел комплект фотоплакатов с изображением английского, канадского, австралийского, русского и

других солдат с общей надписью — «Этот человек твой друг. Он воюет за свободу». Плакаты были явно рассчитаны на образное, эмоциональное восприятие, характерное для массового сознания, причем образ союзника отличался не только привлекательностью, он был персонифицирован. В 1942 г. в Англии вышел альбом карикатур английских и русских (советских) авторов, посвященный соответственно войне с Наполеоном и Отечественной войне с предисловием И. М. Майского⁷¹. В советской же пропаганде военных лет направление, связанное с персонификацией союзников, развития практически не получило (см. об этом ниже).

В настроениях советского политического руководства преобладало недоверие к союзникам. Беседа с корреспондентами в декабре 1942 г., М. И. Калинин, в частности, давал следующие указания: «Будут вас спрашивать о союзниках, как тут говорить? Я говорю, что в драке на других надеяться трудно. Будем бить сами немцев, и союзники у нас будут, а если нас будут бить, трудно ожидать союзников. Во всяком случае нужно быть готовыми к тому, чтобы драться нам, а никому другому»⁷².

Помощь союзников, их участие в войне с общим врагом порой недооценивались советской прессой и официальными лицами; об этом, как правило, не говорил в своих речах Сталин. (Одним из немногих исключений явилось его выступление 6 ноября 1941 г., где было упомянуто о поставках военной техники и стратегического сырья и предоставлении займа СССР.)

Конечно, в какой-то степени это можно было объяснить соображениями секретности. Циркуляром начальника Главлита Н. Г. Садчикова от 27 мая 1942 г. запреты и ограничения, принятые для сведений об РККА, были распространены и на сведения о войсках союзников, в том числе о «полученных от союзных государств конкретных предметах вооружения и боевой техники, независимо от того, сообщалось или не сообщалось об этом в иностранной печати»⁷³.

Более того, иногда последствия публикации подобных сведений оказывались самыми неожиданными. Например,

когда в одной из советских газет появилась написанная, очевидно, с лучшими намерениями заметка о том, что американские трубы, полученные по ленд-лизу, используются при прокладке газопровода Саратов — Москва, американская сторона незамедлительно прекратила поставку труб вообще под тем предлогом, что они используются не для нужд фронта⁷⁴. Но, конечно, большую, если не главную, роль играли соображения идеологические.

Выступая на совещании Совинформбюро в феврале 1943 г., его глава С. А. Лозовский заявил: «В Англии, США, Канаде возникли комитеты помощи Советскому Союзу. Правда, эти комитеты посылали некоторые вещи, например: медикаменты, продукты и т. д. Так вот, эти комитеты посылают запросы с просьбой сообщить им, каким образом оказанная ими помощь воздействовала на победу Красной армии. Это значит, нужно им сообщить, как их 5 банок консервов помогли угробить 300 тыс. немцев под Сталинградом»⁷⁵. В результате гуманитарная помощь союзников воспринималась, в соответствии с существующими стереотипами, как «подарки рабочих и крестьян» США и Великобритании, а порой даже как товары, *закупленные* Советским правительством⁷⁶.

Неудивительно, что и распределение подобной помощи зачастую производилось совершенно безответственно. В начале февраля 1943 г. заместитель председателя СНК СССР А. И. Микоян поручил наркомму финансов СССР А. Г. Звереву произвести обследование состояния учета и хранения подарков на Центральном базисном складе Союзного Красного Креста и Красного Полумесяца в Реутове под Москвой. Там оказалось около 50 вагонов непринятых и неоцененных подарков; принятые же подарки долгое время не распределялись. Так, из 42 тыс. штук шерстяных одеял, поступивших в апреле-августе 1942 г. было выдано нуждающимся чуть больше половины⁷⁷.

Позитивные отзывы о союзниках строго дозировались, даже в специальных изданиях. В начале 1943 г. недовольство партийных инстанций вызвала, в частности, работа

Института мировой политики и мирового хозяйства АН СССР. В частности, по мнению начальника УПА ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова, в ряде изданий Института «некритически, в хвалебном тоне изображается современный общественный порядок в Англии и США, непомерно преувеличивается роль и участие Англии и США в борьбе против гитлеровской Германии». В записке на имя И. В. Сталина Александров подчеркивал, что один автор «в неумеренно восторженных тонах расписывает помощь, которую оказывают Англия и США Советскому Союзу», другой идеализирует Британскую монархию⁷⁸.

В июле 1944 г. Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) отметило как ошибку Главлита разрешение на выпуск в свет статьи об организации производства в машиностроительной промышленности в условиях военного времени, в которой «весьма скупо характеризуются достижения отечественного производства и дается непомерно восторженная оценка успехов производства США и Англии». По мнению составителей процитированной записки, адресованной секретарю ЦК А. С. Щербакову, автор «не только переоценивает достижения Америки и Англии и снисходительно отзывается о наших успехах, но и имеет вредную тенденцию — смазывать различие двух систем»⁷⁹.

В 1944 г. в 49 лозунгах к 23 февраля и 57 — к 1 мая, составленных в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), союзники упоминались лишь по одному разу: «Да здравствует победа англо-советско-американского боевого союза над подлыми врагами человечества — немецко-фашистскими поработителями»⁸⁰.

Подобная позиция советской пропаганды не раз вызывала дипломатические осложнения. Например, в марте 1943 г. посол США в СССР У. Стэндли на специальной пресс-конференции заявил, что советская информация по проблемам ленд-лиза необъективна⁸¹. Через несколько дней «Правда» опубликовала подробный статистический отчет об американской помощи СССР.

Характерно, что советские средства массовой информации на первый план выдвигали поставки продовольствия, хотя по стоимости поставки вооружения и военных материалов их намного превосходили. Необходимый «внутренний» результат был таким образом достигнут: подавляющее большинство советских граждан, лишенных альтернативных источников информации и обладавших достаточно устойчивым, сформированным еще в предвоенные годы набором негативных стереотипов относительно Запада в целом, имело весьма слабое представление о реальном вкладе союзников в войну, о боевых действиях в Северной Африке или на Тихом океане и о гуманитарной помощи (справедливости ради нельзя не отметить, что послевоенная западная историография в свою очередь принижала значение Восточного фронта для общей победы; с другой стороны, в современной отечественной публицистике роль союзников вообще и «ленд-лиза» в частности порой явно преувеличивается). Плохо представляли себе советские люди повседневную жизнь американцев и англичан.

Конечно, были и противоположные тенденции. Как отмечает Ф. Баргхорн, в советской прессе информация о союзниках составляла примерно половину всей международной информации, однако она была подобрана в соответствии с пропагандистскими целями руководства. При этом особое внимание уделялось определенному набору «прогрессивных» политических деятелей (Ф. Д. Рузвельт, Г. Гопкинс и др.), что одновременно отражало авторитарную природу советского режима и оставляло пути отступления в случае изменения политики Запада⁸². В этой связи нельзя не отметить, что советская пропаганда, объясняя причины начала «холодной войны», особое значение придавала смерти Ф. Д. Рузвельта и приходу к власти Г. Трумэна.

Было бы преувеличением утверждать, что усилия союзников совсем не замечались в СССР. Так, в апреле 1943 г. М. И. Калинин, выступая на собрании партийного актива Ленинского района г. Москвы, много внимания уделил проблеме второго фронта. При этом характерно, что основной

причиной задержки открытия второго фронта Калинин объявил сложность этой задачи и объективную неготовность союзников и лишь затем упомянул политические причины, а именно то, что «в Англии имеется, хотя и не столь значительная по численности, по зато довольно влиятельная в правительственных сферах группа людей, настроенная против Советского Союза». При этом он выразил уверенность, что в конечном счете второй фронт будет открыт. «При всем этом должен сказать, что помощь, оказываемая нам союзниками, значительна, и те люди, которые склонны преуменьшать, недооценивать помощь, оказываемую союзниками нашей стране и армии, совершают ошибку. Мы получаем от союзников значительное количество материалов и, разумеется, стремимся получить особенно дефицитные для нас материалы. Но помимо вооружения, боеприпасов, непосредственного сырья для военной промышленности, сами военные действия союзников, хотя и носят ограниченный характер, но все-таки оказывают влияние на общий ход военных дел», — напомнил Калинин, особо отметив изгнание немцев из Северной Африки и бомбежки крупных промышленных центров, которые «безусловно, понижают эффективность работы промышленных предприятий и железных дорог, выводят из строя ряд заводов. К тому же при массированных бомбардировках всегда бывает много жертв среди рабочих, а это, естественно, деморализует их, что в свою очередь отражается на продуктивности работы»⁸³.

При необходимости тон прессы мгновенно менялся в благоприятную для союзников сторону. Так, накануне конференции в Тегеране в СССР была развернута пропагандистская кампания по поводу 10-летия установления дипломатических отношений между СССР и США. По этому поводу новый посол США А. Гарриман выразил В. М. Молотову «большое удовлетворение»⁸⁴.

Еще более активная кампания развернулась после успешного завершения Тегеранской конференции.

«...Тегеранская конференция является величайшим событием наших дней, исторической вехой в борьбе с немец-

ким агрессором. Все усилия немцев по разобщению свободлюбивых народов лопнули. Руководители трех великих держав пришли к полному соглашению в делах войны и мира», — заявил в новогодней речи, опубликованной в «Правде» 1 января 1944 г., председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин⁸⁵.

Как отмечал американский мемуарист Р. Шервуд, реакция советской прессы на Тегеранскую конференцию «свидетельствовала о “почти революционном изменении” в отношении Советов к Соединенным Штатам и Великобритании. Казалось, что вся пропагандистская машина была направлена на то, чтобы вызвать энтузиазм по поводу “исторических решений” в Тегеране...»⁸⁶

Открытие второго фронта в Нормандии также привело к благоприятным комментариям в советской прессе. Как отмечают современные исследователи, это был «период максимально благоприятного отношения к союзникам со стороны государственного руководства и общественности СССР»⁸⁷.

Этот вывод можно подтвердить конкретным примером: в ноябре 1944 г. Челябинский горком ВКП(б) указал, что в качестве иллюстративного материала к докладу И. В. Сталина о XXVII годовщине Октябрьской революции следует использовать данные о высадке союзников, о ходе военных действий, тексты договоров и пр., а также «в крупном плане рекомендуется выполнить портреты руководителей трех великих держав — тов. Сталина, Черчилля и Рузвельта на фоне победоносно развивающихся государственных флагов союзных держав». Подобная наглядная агитация, тем более на провинциальном уровне, в годы войны представляла собой скорее исключение, чем правило⁸⁸.

Успехи союзников воспевал в стихах Демьян Бедный; Илья Эренбург писал в октябре 1944 г.: «Мы не одни теперь в борьбе, и, узнав поближе наших друзей, мы научились их ценить. Наши летчики гордятся своими английскими и американскими товарищами, которые наносят врагу суровые удары. Наши пехотинцы уважают англичан, выдержавших

в Голландии тяжелые бои. Вся наша армия горда победами союзников на Западе, и весть о падении Аахена мы приняли радостно, как нашу победу»⁸⁹.

Вместе с тем коренной перелом в ходе военных действий уже в 1943 г. заставил советское руководство задуматься об очертаниях послевоенного мира и будущем межсоюзнических отношений, что также нашло отражение в пропаганде.

Конечно, некоторые нюансы к тому времени определились. Так, в приказе главы Главлита Н. Г. Садчикова от 10 сентября 1942 г. содержалось указание: «Абиссинию, Албанию, Австрию, Чехословакию и Польшу показывать на географических картах самостоятельными государствами в границах до оккупации их Италией и Германией»⁹⁰. Любопытна, однако, дата приказа — то ли бюрократическая машина просто не поспевала за ходом событий (да и новые карты мира в 1941–1942 гг., видимо, издавались нечасто), то ли советское руководство долго не могло решить для себя, являются ли вышеупомянутые государства самостоятельными и, главное, ставить ли об этом в известность советский народ.

Современные исследователи отмечают появление в 1943 г. «симптомов известной жесткости в отношении союзников, особенно в вопросах, связанных с послевоенными перспективами, с определением судеб стран и народов, освобождающихся от фашистской оккупации»⁹¹. Советская пропаганда получает указания об усилении ее «наступательного характера» — в первую очередь в отношении союзников по антигитлеровской коалиции⁹². По свидетельству очевидца, в декабре 1942 г. руководитель Совинформбюро С. А. Лозовский «собрал писателей, работающих в Совинформбюро, и ругательски ругал перед ними союзников и, в частности, Англию, называя их и некультурными, обманщиками и т. д.»⁹³ Выступления Лозовского произвело настолько большое впечатление, что среди интеллигенции возникли предположения о серьезном конфликте с Англией.

Именно в 1943 г. было решено создать новый двухнедельный журнал «Война и рабочий класс» (с 1945 г. — «Но-

вое время»), чтобы иметь возможность критически высказываться в адрес союзников, не давая повода для официальных претензий. Формально журнал считался профсоюзным изданием, однако фактическим его редактором был нарком иностранных дел В. М. Молотов. Как вспоминает бывший помощник Молотова В. М. Бережков, «я мог видеть, как тщательно не только он [Молотов — *авт.*], но порой и Сталин дозировали критические статьи»⁹⁴.

Одновременно было принято решение закрыть журнал «Интернациональная литература». Каковы бы ни были мотивы такого решения, советской общественностью оно было истолковано однозначно. В своем дневнике (запись от 23 февраля) писатель В. В. Иванов свидетельствует: «Вечером зашел Б. Д. Михайлов⁹⁵. В международной обстановке изменений нет, разве что наши отношения с союзниками становятся все холоднее. Закрыта “Интернациональная литература”⁹⁶, поскольку, мол, этот журнал стал англо-американским — “а это нам не нужно”»⁹⁷.

Интересно, что одной из примет изменения курса по отношению к союзникам Ф. Баргхорн счел появление в советской прессе, начиная с 1943 г., и прежде всего в специальных изданиях, аналитических статей о внутривосточной ситуации на Западе, в частности в США⁹⁸. До этого подобные сюжеты затрагивались лишь вскользь.

Впрочем, справедливости ради нельзя не отметить, что подобные изменения наметились и в пропаганде союзников. Советская сторона имела достаточно подробную информацию о различных планах, разрабатываемых союзниками уже с 1943 г., основная политическая цель которых «сводилась к предотвращению распространения влияния СССР в Европе и обеспечению для США и Великобритании решающего голоса на мирной конференции»⁹⁹.

Вместе с тем советское руководство не стремилось форсировать приближение периода конфронтации, и отсюда — «ряд жестов, адресованных США и Великобритании и призванных в тот момент убедить союзников и всю мировую общественность в том, что Советский Союз готов к комп-

ромиссам в самых принципиальных вопросах, что он идет по пути либерализации политической жизни, по пути создания цивилизованного демократического государства»¹⁰⁰. Речь в данном случае идет о роспуске Коминтерна и некоторой нормализации отношений с церковью.

Довольно осторожно реализовывалось и положение об усилении «наступательного характера» пропаганды. Так, в январе 1944 г. секретарь ЦК компартии Литвы А. Снечук предложил А. С. Щербакову для сбора средств на эскадрилью самолетов «Советская Литва» привлечь литовцев из США, Канады, Южной Америки, причем «не только просвещенные круги американских литовцев, но и проникнуть в литовские массы, находящиеся под влиянием враждебных партий и организаций». Снечкусу просил согласия на проведение такой кампании, однако (видимо, по рекомендации НКВД) было решено от этой идеи отказаться¹⁰¹. Тем не менее весной 1944 г. один из сотрудников советского Генконсульства в Нью-Йорке, литовец П. И. Ротомский (Ротомскис), направленный в США по просьбе Снечкуса специально для работы с местной литовской общиной, регулярно выступал на митингах и собраниях, участвовал в сборе денег в помощь Советской Литве, а главное, разъяснял американским литовцам, за что борется литовский народ, и разоблачал «антисоветских деятелей, которые везде кричат, что литовский народ с оружием в руках выступит против приближающейся Красной армии»¹⁰².

В начале 1945 г. в советской пропаганде появился новый мотив: осуждение раздающихся на Западе призывов к примирению с немцами. В статье «О моральном облике нашего народа», опубликованной в журнале «Большевик» и вскоре изданной отдельной брошюрой, М. И. Калинин специально остановился на этом вопросе. «Ненависть к фашистским извергам мы считаем священной, — писал он. — Но вот один американский журналист, отзываясь в общем положительно о книге Эренбурга “Война”, заметил, что она теряет свою ценность из-за того, что в ней много ненависти к немцам. Это — не случайное мнение. В Америке, как и в

Западной Европе, значительный слой людей избегает острых формулировок и не вносит большой страстности в борьбу с фашизмом. Дескать, умеренность более действенна, и вообще ненависть чужда благородным человеческим чувствам»¹⁰³.

Подводя итог, можно согласиться с мнением Ф. Баргхорна о том, что с 1944 г. советская пропаганда постепенно возвращается к предвоенным представлениям о США и Западе в целом¹⁰⁴.

* * *

В массовом сознании образ союзника предстает в самых различных ипостасях (необходимо оговориться, что речь идет прежде всего о настроениях в советском тылу). Наряду с позитивными представлениями часто встречаются и проявления традиционного недоверия (особенно в отношении Англии), которое лишь усугубилось в предвоенные годы.

Существует точка зрения, что в условиях тяжелой войны усилилось негативное отношение к Западу. «В свете невыносимой жестокости агрессора... бледнела сталинская антикапиталистическая пропаганда. Осознание этого трагическим образом изменило представление русского народа о соседях на Западе в целом. Если страна Гёте способна на нечеловеческую жестокость, то может ли быть страна Шекспира лучше? Отныне русские связывали представление о западной эффективности с бомбардировками мирных городов, сожженными селами, увезенными в неволю соотечественниками, с тотальным истреблением людей. Понадобится еще немало времени, прежде чем в генетическом коде восточноевропейских народов ослабнет это представление», — утверждает А. И. Уткин¹⁰⁵.

Конечно, нельзя исключить, что подобные настроения реально существовали в огромной стране. Однако вывод историка представляется слишком однозначным и обобщающим. По крайней мере, ни в информационных материалах

НКВД — НКГБ, ни в документах партийных органов, ни в опубликованных дневниках и мемуарах таких высказываний не встречается. Что же касается «восточноевропейских народов» за пределами СССР, их отношение к Америке и Англии в послевоенные годы вряд ли можно оценивать таким образом.

В одной из первых работ, посвященных теме восприятия союзников советским обществом, утверждается: «Никаких опросов населения в СССР тогда не проводилось, но по сохранившимся воспоминаниям о войне нет оснований утверждать о наличии каких-либо расхождений общественного мнения с официальной позицией в отношении союзников»¹⁰⁶. Действительно, социологических опросов в современном понимании тогда не существовало, но в какой-то степени их заменяли информационные материалы НКВД, партийных и советских органов, а также доступные сейчас историкам документы личного происхождения.

Основываясь на этой источниковой базе, можно попытаться восстановить спектр настроений, существовавших тогда в советском обществе по отношению к союзникам. Открытым остается вопрос об относительном удельном весе тех или иных настроений; об этом можно судить лишь по частоте упоминаний об этом в документах, отдавая себе при этом отчет, что внимание, например, информаторов НКВД к тем или иным высказываниям далеко не всегда отражает их реальную распространенность.

Тем не менее очевидно, что общественное мнение далеко не сводилось к воспроизведению положений официальной пропаганды. Как будет показано ниже, существовал очень широкий спектр мнений в отношении союзников, от абсолютно позитивных, до резко негативных, иногда неожиданных, иногда весьма — с точки зрения современного историка — обоснованных и рациональных.

Нельзя не согласиться с В. В. Позняковым, который пришел к выводу, что «советской внутренней пропаганде удалось добиться многих из поставленных перед нею целей... ей удалось отделить в массовом сознании советского наро-

да «простых людей» этих стран от их политических и государственных структур»¹⁰⁷. Впрочем, существует и иная точка зрения. Так, А. В. Фатеев полагает, что «советский пропагандистский аппарат, пресса сделали немало для создания позитивного образа союзников по оружию — США, Великобритании. В результате среди значительной части народа, интеллигенции возникли иллюзии относительно возможностей длительного послевоенного сотрудничества с либеральными державами антигитлеровской коалиции»¹⁰⁸. Представляется, однако, что подобные настроения существовали не столько *благодаря*, сколько *вопреки* официальной пропаганде (тем более, что они фиксировались и до войны, хотя высказывались гораздо осторожнее и, как правило, в узком кругу)¹⁰⁹.

Уже в первые дни войны в сводках НКГБ были отмечены высказывания о том, что политика Литвинова, направленная на союз с Англией и Францией, была верной. Характерно, что подобные высказывания проходили по разделу «антисоветских», один из говоривших это был арестован¹¹⁰. Очевидно, «органы» еще не успели осознать новую международную реальность, несмотря на заявления с обещаниями помощи со стороны правительств США и Англии, прозвучавшие 22 июня. Впрочем, в дальнейшем, особенно в 1941–1942 гг., в таких же сводках НКВД сомнения относительно результативности отношений с союзниками, не совпадающие с тоном прессы на данный день, также проходили по разряду «антисоветских»¹¹¹.

Как отмечает, основываясь на ленинградских материалах, Н. А. Ломагин, «сближение СССР с Англией и США в первые недели войны воспринималось населением с большой настороженностью и не являлось существенным фактором в развитии настроений — война с Германией представлялась своего рода дуэлью, в которой «демократии» в лучшем случае будут играть роль честных секундантов». И далее: «Большой интерес к международным событиям, которые в довоенном Ленинграде скорее напоминали мечты и грезы, нежели имели какое-нибудь реальное значение, че-

рез два месяца войны практически полностью исчез, уступив место насущным вопросам борьбы за выживание... По-прежнему по отношению к демократическим государствам доминировало недоверие»¹¹². Действительно, такие настроения были распространены и неоднократно фиксировались в разных регионах, но вряд ли они столь безоговорочно преобладали в массовом сознании.

Любопытно мнение инженера Ладыженского, высказанное в августе 1941 г.: «Надо было начать войну с Германией нам, и тогда, когда Германия воевала с Францией. Сейчас Англия добилась своего, она столкнула своего злейшего конкурента — Германию с идеологически чуждой и по мнению Англии подлежащей ослаблению Россией... Наверно Англия раньше предлагала нам воевать против Германии, тогда бы для последней действительно были два фронта и мы бы победили»¹¹³.

Сразу же вспомнили о том, что уже пришлось пережить народам европейских стран, в частности, Великобритании. Незаметно Отечественная война стала восприниматься как продолжение Второй мировой, причем СССР как бы с самого начала оказывался «на правильной стороне», выступая чуть ли не союзником, преемником в качестве главного противника Германии, и уж, во всяком случае, товарищем по несчастью относительно Англии. Это ощущение хорошо передал в своей документальной прозе С. Кржижановский, назвавший защитные полоски на московских окнах «стеснительной, мешающей и солнцу, и глазу одеждой с чужого лондонского плеча». И добавил: «А там и сама война с лондонских плеч на наши»¹¹⁴.

И все же постепенно осознавалась важность формирования антигитлеровской коалиции. О том, какое значение придавали советские граждане союзу с западными державами, говорит следующий факт. В октябре 1941 г. на предприятиях г. Омска были проведены собрания, посвященные итогам трех месяцев войны. Как отмечал в докладной записке секретарь горкома ВКП(б), «большинство присутствующих интересовали такие вопросы: взаимоотношения меж-

ду Китаем и Японией, позиция Турции и Японии в происходящей войне, чем конкретно помогают Англия и США Советскому Союзу в борьбе с нацизмом, почему Англия активно не выступает против Германии»¹¹⁵. К записке было приложено около 70 вопросов (из заданных 160, т.е. около половины), которые в совокупности дают любопытную картинку «состояния умов» советского тыла начала войны.

Прежде всего, явно доминируют вопросы, связанные с внешнеполитическими акцентами войны, складыванием антигитлеровской коалиции (в значительной степени это было связано с Московской конференцией трех держав, которая состоялась в конце сентября 1941 г. и о которой сообщала советская пресса). Война между Японией и Китаем или позиция Турции, действительно, интересовали многих, но основная масса «внешнеполитических» вопросов пришла все же на взаимоотношения СССР с Англией и США. Более того, позиция Англии была темой для 13 вопросов, 3 вопроса затрагивали Англию и США одновременно, и 4 вопроса относились к политике США.

Что же интересовало в те дни омичей применительно к позициям двух союзных держав? «Почему Англия не посылает сухопутные войска против Германии?.. Почему Англия плохо помогает нам и плохо бомбит Германию?.. Почему Англия не привлечет Турцию на свою сторону?.. Почему Англия не откроет второй фронт на Балканах?.. Почему Англия не высаживает своих десантов на оккупированную зону Франции и не бьет там Германию?» И, конечно, «чем конкретно помогают нам США и Англия... что мы платим за это наличными деньгами?» [курсив мой — авт.]¹¹⁶

Пожалуй, наиболее позитивно союз с Англией и США оценивала интеллигенция. Академик В. И. Вернадский, например, 16 июля 1941 г. отметил в дневнике: «Общее удовольствие, что отошли от Германии, и очень популярен союз с Англией и демократиями»¹¹⁷. В августе 1941 г. на 1-м Все-славянском митинге писатель А. Н. Толстой говорил о «могучей союзнице», «могущественной и свободолюбивой Великобритании»¹¹⁸.

Впрочем, инициативы в этом направлении не всегда встречали однозначную поддержку «сверху». Так, в конце 1941 г. в Алма-Ате С. М. Эйзенштейн по собственной инициативе перерабатывал сценарий «Ивана Грозного». В письме председателю Комитета по делам кинематографии И. Г. Большакову он отмечал: «В Ливонской войне несколько ослабляется самостоятельная роль Польши и заостряется антинемецкая линия... *Вводятся мотивы англофильства Ивана Грозного, его политические связи с Англией и Елисаветой Английской...* [курсив мой — авт.]». Позднее, в письме к А. А. Жданову, Эйзенштейн подчеркивает главный вопрос — нужна ли вообще в сценарии тема взаимоотношений с Англией. Ответ на этот вопрос был получен лишь в сентябре 1942 г.: Большаков «порекомендовал» практически снять английскую тему¹¹⁹.

Порой в официальных выступлениях подчеркивалось единство действий союзников на разных фронтах — так, на антифашистском митинге работников искусства и литературы в ноябре 1942 г. композитор Д. Д. Шостакович заявил, что, «как это делают армии, сражающиеся под Сталинградом и в Африке, должны объединить свои усилия и художники всех демократических стран для того, чтобы помочь армиям, которые завтра встретятся для окончательного разгрома гитлеризма на полях Европы»¹²⁰.

В информационных документах НКВД были отмечены высказывания советских граждан о том, что речь Сталина 3 июля 1941 г. была рассчитана на завоевание симпатии в Англии и Америке, «которых мы объявили союзниками». Были, впрочем, и обратные высказывания, например: «Надеяться на помощь Англии и Америки — безумие»¹²¹. Подобные настроения существовали и в офицерском корпусе. Так, генерал-майор М. И. Потапов, попавший в плен к немцам, на допросе в сентябре 1941 г. безапелляционно заявил, что «русские считают Англию плохим союзником»¹²².

В информационных сводках НКГБ за сентябрь 1941 г. приводятся высказывания москвичей относительно межсоюзнических отношений. Характерно, что все они носят

критический характер. В частности, вступление советских и британских войск в августе 1941 г. в Иран вызвало следующие комментарии: «Наконец-то нашелся фронт, с которого мы можем получать победные сводки. И как ловко, с какой демагогией проделано все это: сначала мы перечислили все наши благодеяния, оказанные Персии, потом уже сделали вывод о взятии ее за горло. Самое же главное — проделали все это в союзе с Англией, спрятавшись за ее спину. За Англией не страшно. Наше командование может драться только на кулаках... Англичане уже одурачили СССР после вступления английских войск в Иран. Они держат под ударом Баку, который раньше или позже будет у нас отобран. Сейчас англичане нами командуют, они добились полностью того, о чем мечтали два года тому назад. Такой результат следует отнести за счет нашего слабого и неквалифицированного руководства и увлечения идеей мировой революции со стороны наших вождей¹²³».

Иногда сама необходимость в создании антигитлеровской коалиции подвергалась сомнению.

Уже 23 июня 1941 г. А. П. Остроумова-Лебедева записывала в дневнике: «Утром была речь Черчилля. Англия обещает нам помогать деньгами и техникой... Мне, лично, их помощь кажется не очень существенной. Истощенный, утомленный народ. Да и многие примеры их помощи: Франция, Греция, Югославия... Неужели развязавшаяся война между нами и Гитлером вызвана коварной политикой Англии?.. Неужели это есть результат... политики «коварного Альбиона»? Неужели это они натравили разъяренного дикого быка — Гитлера на нашу страну?»¹²⁴

В докладной записке Л. П. Берия, поданной И. В. Сталину в сентябре 1941 г., приводились следующие слова одного из работников Наркомата среднего машиностроения: «Я не хочу, чтобы в результате войны победителями оказались Англия и Америка, потому что в верхних слоях опять будут евреи, так как Америка — еврейская страна, и она старается, чтобы в России господствовал еврейский капитал. Пусть лучше владеет Россией Германия и Гитлер»¹²⁵.

Подписание США и Великобританией Атлантической хартии¹²⁶ вызвало следующий комментарий московского режиссера П.: «Соглашение между Рузвельтом и Черчиллем без нашего участия доказывает, что мы только орудие в их руках. Англия добилась своего, мы своей плохой дипломатией и политикой получили разгром, а Англия снова вершит судьбами мира...»¹²⁷

Есть свидетельства того, что союз СССР и демократического Запада негативно оценивался представителями интеллигенции и по другим, противоположным мотивам. Это было связано с их резко отрицательным отношением к советскому строю как таковому. Например, историк С. Б. Веселовский записал в дневнике 20 января 1944 г.: «К чему мы пришли после сумасшествия и мерзостей семнадцатого года? Немецкий и коричневый фашизм — против красного. Омерзительная форма фашизма — в союзе с гордым и честным англосаксом против немецкого национал-фашизма»¹²⁸.

Более развернуто эта точка зрения изложена в дневнике Л. Осиповой, оказавшейся на оккупированной территории и сотрудничавшей с немцами. В феврале 1942 г. она отмечала: «Все упорнее идет шепоток, что союзники, американцы и англичане, оказывают громадную помощь большевикам...» А примерно через год, в январе 1943 г., последовал такой комментарий: «Какое несчастье для русского народа, что ему приходится ждать помощи от немцев, а не от настоящих демократических народов. Но эти демократические народы усиленно помогают большевикам, предают русский народ на издевательство и уничтожение. Неужели они не понимают, какую петлю они готовят на свою собственную голову?.. Говорят, что они понимают только свою выгоду. И этого нет. Всякому русскому колхознику ясно, что выгоднее было бы дать немцам разбить большевиков, а потом вместе с Россией разбить немцев»¹²⁹. Характерно, что помощь союзников здесь явно расценивается как решающий фактор в ходе войны. Трудно сказать, насколько такая точка зрения была распространена; она, например, не встречается

в высказываниях, зафиксированных в НКВД — НКГБ или в других опубликованных письмах и дневниках.

Достаточно распространенным и среди сторонников, и среди противников антигитлеровской коалиции, было скептическое отношение к мотивам поддержки, которую союзники оказывали (или обещали оказать) СССР. Практически никто не сомневался, что союзники заботятся прежде всего о собственных интересах. Как вспоминает известный философ А. А. Зиновьев, «мы знали о том, что западные страны вроде Англии, Франции и США гораздо больше боялись победы гитлеровской Германии, чем нашей... Мы были уверены, что страны Запада, враждующие с Германией, рано или поздно присоединятся к нам в борьбе с Германией и помогут нам разгромить ее»¹³⁰. Московский журналист Н. К. Вержбицкий в ноябре 1941 г. записал в дневнике: «США, сбросившие фигурый листок нейтралитета, помогут во имя спокойствия и невероятных гешефтов»¹³¹.

Вместе с тем для большинства была характерна уверенность в экономической мощи союзников, их превосходстве в ресурсах, особенно с учетом возможностей СССР¹³². Как отмечал по поводу показаний пленных советских офицеров сотрудник «бюро Риббентропа» Г. Хильгер в августе 1942 г., «генерал Власов и особенно полковник Боярский»¹³³ в своих высказываниях преувеличивали военные и экономические возможности США и Англии. *Эти представления являются прямым следствием соответствующей советской пропаганды. Показательно, насколько интенсивно она способна воздействовать даже на критически настроенных людей* [курсив мой — авт.]¹³⁴. Характерна убежденность немца в том, что представления достаточно осведомленных офицеров, занимавших в Красной Армии высокие командные должности, о превосходящем экономическом потенциале союзников объясняется исключительно пропагандой.

Впрочем, одной уверенности в экономической мощи США и Великобритании было недостаточно. Разноречивые отклики вызвал доклад И. В. Сталина 6 ноября 1941 г., где он впервые говорил о реальной помощи союзников. На-

ряду с удовлетворением и надеждами на скорое открытие второго фронта были и такие оценки: «Сталин теперь открыто расписался в полном бессилии СССР в войне с Германией. Из доклада следует понимать, что теперь все зависит от помощи Америки и Англии»¹³⁵.

Даже вступление в войну США было воспринято неоднозначно. 10 декабря 1941 г. в блокадном Ленинграде И. Д. Зеленская записала в дневнике: «Вчера по радио — война между Японией и Америкой. Эта дьявольская война разливается, как океан. Является страх за дальневосточный фронт, за доставку американского вооружения. А с другой стороны, может быть и лучше, как широко вскрытый нарыв»¹³⁶.

Подписание англо-советского и американско-советского соглашений в мае-июне 1942 г. вызвало следующие комментарии: «Договору с Америкой нельзя придавать существенного значения, так как он составлен в крайне запутанных выражениях и предусматривает главным образом выгоды Америки, а не интересы СССР... Договор означает предоставление американским банкирам концессий, а стало быть и расширение частной инициативы внутри Советского Союза... В нашей смертельной борьбе против Германии у нас нет другого выхода, чем этот тесный союз с Англией, но боюсь, что договор все же более выгоден Англии, чем нам. Англия основательно связывает нас по рукам и ногам не только на время войны, но и на послевоенное время...»¹³⁷

Наибольшие опасения в качестве союзника вызывала Англия. Уже в октябре 1941 г. Н. К. Вержбицкий записал в дневнике: «На нас обрушилась военная промышленность всей Европы, оказавшаяся в руках искуснейших организаторов. А где английская помощь? А может быть, английский империализм хочет задушить нас руками Гитлера, обессилить его и потом раздавить его самого? Разве это не логично, с точки зрения английских империалистов? Весь мир знает, как тонко умеет “англичанка гадить” ...»¹³⁸

В записной книжке писателя А. И. Пантелеева¹³⁹ за 1942 г. сохранилась такая запись: «С первых дней мировой

войны 1914 года в Англии стал популярен, стал крылатым циничный лозунг: «Англия будет драться до последнего русского солдата». Не вспомнилась и не пришла ли по душе эта милая шутка отцов выросшим и возмужавшим деткам?»¹⁴⁰.

По свидетельству А. Верта, в СССР в 1942 г. постоянно «делались нелестные сравнения между отчаянным сопротивлением русских в Севастополе и «малодушной» капитуляцией англичан в Тобруке», высказывалось убеждение, что «англичанам верить нельзя» и т. д.¹⁴¹ В военном дневнике известного историка Б. Г. Тартаковского за сентябрь 1942 г. сохранилось упоминание о некоем командире, который во время боя кричал немцам: «Это вам не Англия!»¹⁴²

Отношение к Англии ярко выразилось, в частности, в вопросе, заданном в Архангельской области летом 1944 г.: «На протяжении многих десятилетий Англия проводила политику против России, а в послереволюционные годы являлась одним из главных организаторов и участников интервенции против Советской страны. Можно ли быть уверенным, что теперешний союз СССР с Англией является достаточно прочным»¹⁴³.

Конечно, встречались и иные высказывания. Так, некий писатель в сентябре 1941 г. говорил: «Политическим идеалом является Англия. Черчилль — идеал вождя»¹⁴⁴. Сравнения советских лидеров с Черчиллем в пользу последнего неоднократно фиксировались и в блокадном Ленинграде¹⁴⁵. В частности, применительно к Черчиллю, отмечалось его мужество, готовность как лидера нации взять на себя ответственность за военные неудачи английской армии¹⁴⁶.

Отношение к Америке было в общем иным. «За годы войны жители страны Советов поверили в настоящую, а не временную дружбу с американским народом. Воины и труженики тыла отдавали им заслуженное предпочтение перед другими союзниками. Американцы выполняли обязательства по оказанию помощи Красной армии, успешно воевали на Тихом океане и в Северной Африке, освободили Италию от фашистов, одержали важную победу над немецкими

войсками в Арденнах», — подчеркивает, например, В. Ф. Зима, несколько идеализируя ситуацию¹⁴⁷. На самом деле, конечно, и отношение к Америке на протяжении всей войны оставалось двойственным.

В частности, своеобразным напоминанием о пропаганде и утвердившихся массовых стереотипах предвоенных лет служили довольно распространенные высказывания о том, что «для американцев и англичан одинаково ненавистен гитлеризм и коммунизм», что «Англия изменит нам и воевать придется долго — пока не ослабнет и Советский Союз, и Германия, тогда Англия и Америка продиктуют свои условия и нам, и Германии», что, наконец, «у нас такие союзники, которые в одинаковой степени ненавидят и Германию, и Советский Союз»¹⁴⁸. И вполне логичными выглядели следующие опасения: «Не может ли получиться так же с Англией и Америкой, как получилось с Германией, которая была в дружественных отношениях с нами и в то же время вероломно напала на нас?»¹⁴⁹

Недавно были опубликованы документы о слухах, которые немецкие спецслужбы планировали распускать на оккупированной территории. В секретном циркуляре немецких оккупационных властей от 28 февраля 1943 г. приводились образцы таких слухов. Некоторые из них напрямую затрагивали отношения СССР с союзниками, например: «Рузвельт прислал Сталину телеграмму, в которой он его настоятельно предостерегает от продвижения вперед, так как немцы хотят заманить русских в ловушку. Если Сталин не последует этому совету, Рузвельт угрожает приостановить поставки для России и заключить сепаратный мир с Гитлером... Черчилль полетел на громадном самолете в Турцию и приглашал туда же и Сталина, чтобы предостеречь его против дальнейшего наступления, так как немцы хотят его заманить в ловушку...»¹⁵⁰ Понятна цель распространения этих слухов; можно предположить, что какими-то путями они проникали и в советский тыл. По крайней мере, многие высказывания, которые фиксировались вдали от линии фронта, напоминали образцы немецкой пропаганды.

Порой в обыденном сознании образ союзника сливается с образом врага:

Ты, Германия и Англия,
Чего наделала!
Мою буйную головушку
Без дроли сделала!
Ты, Германия и Англия,
Давайте делать мир!
По последнему милому
Все равно не отдадим!¹⁵¹

Уже в декабре 1944 г. по поводу уступок, сделанных союзниками СССР в польском вопросе, один из поляков, жителей Вильнюса, говорил: «Если бы не Англия, то нынешней войны не было бы и Польша не воевала бы, а теперь Англия, втянув Польшу в такую войну, делает все, что требует советское правительство»¹⁵². Другими словами, ответственность за начало войны связывалась в сознании части советского общества не только с фашистской Германией, но и с Англией.

Многие западные дипломаты и журналисты склонны были считать, что простые люди гораздо более позитивно относятся к Западу, чем официальные власти. Это постоянно подчеркивается в книге Баргхорна, который даже озаглавил один из ее разделов «Русский народ: ахиллесова пята Кремля», имея в виду как раз отношение к Западу, в частности, США. Однако и архивные материалы, и свидетельства многих современников говорят о том, что ситуация была намного сложнее. По словам того же Верта, отношение к союзникам со стороны населения временами было намного более прохладным, чем отношение властей. «Обычно предполагается, что добрый русский народ настроен гораздо больше в пользу Запада, чем его правительство. В тот момент наблюдалось обратное», — заключает он, имея в виду 1943 г.¹⁵³ Это было связано в первую очередь с ожиданиями второго фронта.

Не только в пропаганде, но и в массовом сознании тема второго фронта занимала особое место. Хотя боевые действия против Италии и затем Германии велись союзниками в Северной Африке, а с 1943 г. и на Апеннинском полуострове, т. е. в Европе, в качестве «настоящего второго фронта» советское общество соглашалось признать лишь массированную высадку союзных войск на территории Франции. «Известия из заграницы поступают скудные. Наши доблестные войска фактически один на один с немецкой армией бьют ее, громят, уничтожают и гонят на запад, а союзники ограничиваются операциями на Сицилии...», — писал в дневнике инженер В. А. Лапшин в августе 1943 г.¹⁵⁴

Отсутствие «настоящего второго фронта» было объявлено одной из основных причин тяжелых поражений Красной армии летом 1942 г. По мнению многих, открытие второго фронта означало скорый конец войны, и его ждали постоянно. Так, уже в декабре 1941 г. московский врач Е. И. Сахарова записала в своем дневнике: «Сегодня Англия объявила войну Финляндии, Румынии и Болгарии. Это очень хорошо. Это то, что т. Сталин назвал вторым фронтом. Если активна будет деятельность Англии, то нам, безусловно, станет значительно легче и не будут так дробиться наши военные силы»¹⁵⁵. Политрук Ю. И. Каминский писал домой с фронта в июне 1942 г.: «Поздравляю вас всех с договором 26 мая и соглашением о втором фронте. Это сразу вернет войне ее первоначальные темпы, но только в другую сторону, с нашей земли в Европу»¹⁵⁶.

То, что тема второго фронта была одной из важнейших в массовом сознании, доказывают сохранившиеся перечни вопросов, которые задавали в ходе различных собраний, лекций и бесед в Азербайджанской ССР, Башкирской и Удмуртской АССР, Архангельской, Воронежской, Ивановской, Омской, Ульяновской областях¹⁵⁷. Суммируя их, можно выделить основные проблемы, волновавшие со-

ветское общество применительно к теме антигитлеровской коалиции. Когда и где откроют второй фронт, чем объясняются задержки с его открытием? Выполняют ли союзники свои обязательства в отношении поставок оружия, продовольствия, снаряжения в СССР? Ряд вопросов касался также ситуации на других театрах военных действий, позиции нейтральных стран, движения Сопротивления и т. п.

Часть советских граждан вслед за официальной пропагандой к идее второго фронта относилась скептически. Так, в Ленинграде в ноябре 1941 г. были отмечены такие, например, высказывания: «О втором фронте я думаю, что он будет, но тогда, когда будет крах всей системы. Этого ждет Англия и Америка»¹⁵⁸.

Подобные настроения высказывались не только публично. Так, в январе 1942 г. один из руководителей московской подпольной группы¹⁵⁹ отмечал в своем донесении: «В связи с англо-советским коммюнике о беседах И. В. Сталина и В. М. Молотова с г. Иденом один гражданин у газетной витрины сказал: “Второй фронт не хотят создавать, нам придется самим воевать с немцами, а условия мира хотят диктовать”. Другой откликнулся, сказав: “Да, это такой союзник, что деньгами только расплачивается”»¹⁶⁰. Физик В. С. Сорокин писал в апреле 1944 г. в частном письме: «Наши проклятые союзники собираются продемонстрировать, что они собираются предпринять демонстрацию, что они собираются... (и так далее) предпринять наконец вторжение. Они описывают с величайшей обстоятельностью корабль, который они построили для перевозки войск, искусство своих будущих операций и все, относящееся к делу, из чего следует, что это все одни разговоры»¹⁶¹.

Виновниками в задержке второго фронта считали все тех же англичан, в первую очередь У. Черчилля. Один из собеседников А. Верта в 1942 г. утверждал, что русские должны были быть благодарны Черчиллю уже за то, что он не встал на сторону немцев, и предсказывал, что пока Черчилль остается у власти, второго фронта не будет¹⁶².

Кстати, подобные представления были вполне в духе коммунистического мировоззрения. В январе 1943 г. на одном из номерных заводов Свердловска был задан следующий вопрос: «Не правы ли профашистские элементы Англии, говоря, что действительным врагом Англии является не фашизм, а коммунизм? Ведь конечной целью коммунистов является ликвидация капиталистического строя вообще и в частности в Англии»¹⁶³.

Бомбардировки, которым подвергали союзники территорию Германии, вызывали в общем удовлетворение. Вот как эта нетрадиционная тема преломляется в традиционном народном творчестве:

Ой, яблочко,
Да из Америки,
Довело ты врага
До истерики.
Ой, яблочко,
Да из Британии,
Будет помнить тебя
Вся Германия¹⁶⁴.

Инженер В. А. Лапшин 3 июня 1942 г. записал в дневнике: «Газеты сообщают о бомбежке Кёльна, куда летало 1000 английских бомбардировщиков, сбросивших 10 000 бомб в течение 90 минут. Вот это была бомбежка. Вероятно, камня на камне не осталось от Кёльна. Хороший урок фашистским мерзавцам. На бомбы только отвечать бомбами в тройном размере. Авось почувствуют, что значит бомбить незащищенные города, как у нас, так и в Европе»¹⁶⁵.

Но, конечно, подобные действия, так же, как и кампании в Северной Африке, не могли заменить открытия второго фронта, под которым, вслед за официальной пропагандой, советские граждане подразумевали либо массовое вторжение союзнических войск на континент через Ла-Манш, либо (это особенно характерно для ленинградцев) широко-масштабные боевые действия в Финляндии, упоминались также южная Франция, Италия, Балканы.

Своего апогея ожидания второго фронта достигли летом и осенью 1942 г., в дни Сталинградской битвы, вернее, ее оборонительной фазы.

Тяжелые поражения советских войск весной и летом 1942 г. заставили многих задуматься о перспективах войны и возможных последствиях открытия или, напротив, задержки с открытием второго фронта. К тому же, заключение «Договора о союзе и сотрудничестве» с Англией в мае 1942 г. и появление советско-английского и советско-американского коммюнике, где легко читался намек на возможную высадку союзников в Европе, вызвали многочисленные комментарии и в тылу, и в армии.

Наряду с оптимистическими высказываниями, многие, в том числе и находящиеся на фронте, высказывали крайне скептическое отношение к союзникам. Так, младший политрук Тишкевич по поводу советско-английского договора высказался так: «То не договор, а просто бумага для утешения народа и обмана. Никогда Англия нам не помогала и не будет помогать. Надеяться на то, что будет открыт второй фронт, не приходится»¹⁶⁶.

Как отмечалось в спецсводке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта от 30 июля 1942 г., в которой обобщались материалы военной цензуры, «заключение договора и соглашения между великими державами — СССР, Великобританией и США — о взаимной помощи и об открытии союзниками в 1942 году второго фронта в Европе, среди военнослужащих фронта и их семей вызвало, при временных неудачах на фронте, целый ряд отрицательных суждений и разговоров. Бойцы, командиры и политработники в своих многочисленных документах¹⁶⁷ выражают недоверие к союзникам об открытии ими второго фронта в Европе, а отдельные лица высказываются о невозможности завершения победы над врагом без эффективной помощи со стороны союзников»¹⁶⁸. Другими словами, если верить данной сводке, недоверие к союзникам уже нельзя охарактеризовать как «отдельные настроения»; в данный момент оно преобладало.

Можно привести целый ряд высказываний, иногда весьма красочных, зафиксированных в те дни особыми отделами. Так, некто А. Я. Кузьмин писал на фронт: «Союзники наши наверно только брехать красиво умеют, а пользы с них, как от козла молока. Со вторым фронтом что-то у них темпов не видно. Они все еще пока развлекаются и упиваются своим пташым полетом в поднебесье, что им, судя по их крикливым, восторженным речам, доставляет детское удовольствие. От серьезных дел они далеки. Наземное действие против Гитлера у них, вероятно, и в голове не укладывается, потому что она забита у них детскими восхищениями, да восторгами о стойкости русских. Только и хорошего, что талантливо умеют кричать и восторгаться. Ну, я, например, им все это извиняю, потому что это в их буржуйской телячьей натуре — видеть все в розовом свете...» И, как бы отвечая ему, фронтовик А. К. Чубуков саркастически констатировал: «Ну что ж, пусть терпят русские девушки, англичане и американцы лишний раз передадут по радио, что они целиком с нами, болеют душой, сочувствуют... Это нам очень поможет. Несколько миллионов вооруженной армии до зубов сидят на острове и наблюдают, как обрушиваются на нас дивизии, перевозимые с Запада, как оголяется затылок у немцев, и рассуждают, что в этом году невозможно открыть второй фронт»¹⁶⁹.

Встречались и такие высказывания, авторы которых, как, например, красноармеец Хамитов, точно знали, что требуется для открытия второго фронта: «Черчилль заявил, что Англия и Америка второй фронт откроют только тогда, когда в Советском Союзе будут распущены колхозы и совхозы»¹⁷⁰.

Кажется, именно в эти дни родилось ироническое прозвище американских консервов — «второй фронт». Но почти одновременно, после появления знаменитого приказа № 227 (или, как порой его называли, «Ни шагу назад»), появился еще один вариант «второго фронта» — так некоторые фронтовики называли заградотряды...¹⁷¹

Конечно, и в тылу в эти дни рассуждали о возможности открытия второго фронта. Вот какие вопросы задавали жи-

тели Свердловска в декабре 1942 г.: «Союзники заинтересованы во втором фронте, видя угрозу со стороны фашистской Германии. Но будут ли стоять английские и американские руководители за второй фронт, если начнется разгром немецкой армии, не явится ли тогда идея второго фронта как способ борьбы не с фашистской Германией, а против усиления влияния Советского Союза?.. Не стремятся ли союзники к тому, чтобы мы сами изгнали немцев со своей территории, без военной помощи с их стороны?..»¹⁷²

Писатель А. И. Пантелеев, лежавший в те дни в московском госпитале, записывал разговоры раненых, отмечая «бесконечные разговоры о втором фронте. — Ох, высадить бы полтора миллиончика в Бельгии или в оккупированной Франции. Жестокое дело будет! Красивое дело!..»¹⁷³

И даже после победного завершения Сталинградской битвы, когда исход войны большинству советского народа представлялся гораздо более благоприятным, чем полгода назад, скептическое отношение к перспективе открытия второго фронта продолжало сохраняться, хотя, возможно, и не было столь преобладающим. И в феврале 1943 г. в информационных материалах особых отделов отмечалось «значительное количество фактов отрицательных настроений» по поводу второго фронта, в частности фиксировались мнения, что «Англия и США, заключив с нами союз, оказывают нам слабую материальную помощь, не открывают второго фронта в Европе, добиваются этим самым истощения наших материальных и людских ресурсов в войне с фашистской Германией, а затем объявят нам войну и продиктуют свои условия»¹⁷⁴.

Последний раз тема второго фронта вышла на первый план в связи с Тегеранской конференцией. К тому времени большая часть советского общества поверило в то, что победа может быть одержана и без помощи союзников, тем не менее решения конференции были встречены с одобрением. Так, на одном из оборонных заводов Челябинска выступления на митинге, посвященном итогам встречи в Тегеране, «сводились к выражению надежды, что война будет

закончена в самый короткий срок, что второй фронт теперь безусловно будет открыт, что подтверждается указания тов. Сталина о том, что второй фронт не за горами». И только арматурщик Осипов сохранил привычный скептицизм: «Нельзя верить Англии и Америке, они все время обещали открыть второй фронт и все время обманывают»¹⁷⁵.

Помимо второго фронта, еще два конкретных аспекта отношений с союзниками были зафиксированы в массовом сознании военного времени. Это тема ленд-лиза, поставок продовольствия, снаряжения, военной техники. И кроме того — осмысление перспектив, которые открывал на будущее сам факт возникновения антигитлеровской коалиции.

Инженер Горьковского автозавода В. А. Лапшин в июне 1942 г. писал в дневнике: «Вслед за подписанием договора с Англией опубликовано соглашение с США о помощи материалами, танками, самолетами и пр. Помощь эту мы видим ежедневно у себя. Какие машины собираются сейчас у нас из отдельных собранных узлов... Сколько их собирается каждый день. А какие “Матильды” и “Валентины”. Это реальная помощь»¹⁷⁶.

Поставки продовольствия и обмундирования (независимо от их источника и предназначения, все они связывались именно с загадочным, непонятным, но таким иностранным словосочетанием «ленд-лиз») напрямую затрагивали жизнь многих семей. Одни получали продукты, одеяло или отрез серого солдатского сукна, другие на рынке приобретали поношенную американскую или английскую одежду. Как подчеркивает В. Ф. Зима, «для трудного времени это было событие, которое оставалось в человеческой памяти на всю жизнь. Лауреат Нобелевской премии поэт И. А. Бродский в своих записках упомянул о впечатлении, произведенном на него американскими ботинками, которые в войну носил его отец. Через полвека жительница железнодорожной станции Шумиха (Курганской обл.) А. Н. Герасимова на вопрос, что она знает об американской помощи в войну, с ходу заявила, что хорошо помнит как с самолетов им сбрасывали посылки с консервами и теплыми вещами»¹⁷⁷. Конечно, в

последнем случае речь идет о совершенно сказочном преломлении реальности в массовом сознании. Но то, что подобные легенды, закреплявшие положительный образ союзника, не только возникали, но и существовали весьма долгое время, является весьма показательным.

Прозванная «вторым фронтом» американская тушенка, яичный порошок, другие непривычные продукты надолго остались в памяти как одна из примет военного времени. То, что полученное по ленд-лизу продовольствие стало важной частью не просто повседневного быта, но составляющей всей окружающей предметной среды тех лет, помогает наглядно представить фраза из дневника А. И. Пантелеева (январь 1944 г.): «На путях — бессчетное множество банок изпод американской тушенки. И тут же тучи воробьев, клюющих канадскую пшеницу»¹⁷⁸.

Вместе с тем среди части интеллигенции интерес вызывали прежде всего политические аспекты помощи союзников. Во-первых, она не без оснований рассматривалась как средство предотвращения выхода СССР из войны путем заключения сепаратного мира (как известно, этого союзники боялись вплоть до завершения коренного перелома в войне), и, во-вторых, как средство давления на СССР в вопросах послевоенного урегулирования.

Неплохо информированный благодаря своим многочисленным знакомствам известный писатель В. В. Иванов в своем дневнике 15 марта 1943 г. так прокомментировал публикацию в «Правде» отчета о помощи США: «Оказалось, что не зря наши молчали об этой помощи... Помощь, надо сказать, солидная... Отрицая же помощь или сведя ее к нулю, мы преувеличивали свои силы и заставляли Германию считаться с нами, а значит, и могли заключить сепаратный мир. Теперь, “раззвонив о помощи”, мы лишены возможности заключить мир. Мало того, американцы могут позвать нас на “конференцию” и потребовать “некоторых” политических гарантий»¹⁷⁹.

Что касается остальной части населения, то здесь, наряду с позитивной оценкой ленд-лиза, о чем речь шла выше,

встречались и такие предположения: в результате ленд-лиза и заключенных в годы войны соглашений «все наши ценности союзники заберут, и мы на них работай»¹⁸⁰. Иногда подобные опасения конкретизировались: «Правда ли, что скоро будет съезд союзников — Англии, США и СССР, на котором будет решаться вопрос, сколько мы должны вывезти мяса для Америки, и это мясо в скором времени начнут собирать с колхозников?» — спрашивали жители Башкирской области весной 1943 г.¹⁸¹

* * *

Приближение окончания войны многих заставляло задуматься о перспективах послевоенного переустройства мира.

В 1944 г. на смену вопросам о втором фронте приходят такие — оккупирует ли Красная армия Германию, какой будет послевоенная Европа, что ждет послевоенную Польшу...¹⁸²

Постепенно укрепляется ожидание позитивных изменений после войны, и в значительной степени это было связано как раз с ролью союзников. Предполагалось, что союз с США и Великобританией должен привести к некоторой демократизации советского общества, тем более что продолжение союза военных лет казалось многим необходимым для послевоенного восстановления СССР.

Надо сказать, что в современной литературе порой преувеличиваются эти ожидания, а особенно их распространенность. Так, по утверждению В. Ф. Зимы, «чаяния рабочих, крестьян и интеллигенции сводились к отмене большевистского правления [курсив мой — авт.] и обретению элементарных свобод и прав человека. Горожанам нужна была гарантированная оплата труда, обеспечивавшая прожиточный минимум семьи, 8-часовой рабочий день и ежегодный отпуск. Сельчане страдали и бедствовали от навязанной им государством колхозной системы... Интеллигенция требовала ликвидировать экономический и культурный барьер, отделявший СССР от западных стран»¹⁸³.

Само наличие подобных ожиданий в разных социальных слоях советского общества сомнений не вызывает; очевидно, однако, что «отмены большевистского правления», например, не только ожидали, но и желали далеко не все; горожанам вышеупомянутые права до войны не только гарантировались, но и, как правило, предоставлялись — речь таким образом могла идти лишь о возвращении к условиям мирного времени, без ограничений, введенных в предвоенные годы и тем более в годы войны.

Хорошо еще, что, как считает цитируемый автор, *«никто не думал о радикальных путях решения давно наболевших проблем* [впрочем, это тоже слишком сильное утверждение. Об этом несомненно думали, хотя, видимо, немногие — *авт.*] Люди считали, что правительство СССР, возглавляемое И. В. Сталиным, само убедилось в бесперспективности дальнейшего существования государственного устройства в довоенном виде. Одни рассчитывали на прозорливость Сталина, другие на содействие Запада. Распространялись нелепые слухи о том, что США и Великобритания якобы способны заставить Сталина отказаться от большевизма»¹⁸⁴. Опять-таки, подобные настроения существовали, но были отнюдь не всеобщими.

Нет оснований говорить о «требованиях» (а не надеждах или прогнозах) интеллигенции. По крайней мере, подобные требования никем вслух не высказывались и даже не формулировались. Но надежды на ликвидацию барьера между СССР и остальным миром, конечно, были.

Уже в сентябре 1941 г. в Москве были зафиксированы высказывания, скептически оценивающие перспективы послевоенного урегулирования: «Эту войну мы выиграем, но за ней будет вторая. Кончится первая война, сядут за стол сто дипломатов, в том числе пять наших. И сто будут диктовать условия пяти. Вот тогда и решится вопрос — кто кого...»¹⁸⁵ Еще определеннее высказался московский писатель А.: «Мы можем, конечно, и победить, но что это будет нам стоить? Дело идет к тому, что нам придется валяться в ногах у Англии и Америки...»¹⁸⁶

Одновременно представители московской интеллигенции высказывали опасения (которые, возможно, были одновременно и надеждами) на изменение как внешней, так и внутренней политики СССР после войны. Как уверяла собеседников артистка Х., «у нас должны произойти перемены в области политики. Конечно, Ситрин¹⁸⁷ из Англии очень горячо стал отзываться о союзе СССР с Англией. Однако он, вероятно, рассчитывает, что наши профсоюзы станут желтыми, а их английские не покраснеют».

Артист оркестра И. был еще более безапелляционен: «В настоящей войне возможно поражение Германии, но в СССР все равно будет изменена форма правления под давлением Америки и Англии в сторону создания демократической республики по их образцу. Для этого будут использованы их войска, которые Америка и Англия ввели в пределы СССР»¹⁸⁸.

О том же говорили и в блокадном Ленинграде. Так, режиссер «Ленфильма» Б. в ноябре 1941 г. утверждал, что «войну Россия, как национальное государство, выиграет, но *Советскую власть проиграет* [здесь и далее курсив документа — авт.]... После окончания войны, которая закончится поражением Германии, благодаря усилиям Америки и Англии, *несомненно будет установлена какая-то форма буржуазной демократии*. О социализме придется забыть надолго»¹⁸⁹.

Характерен такой пример: отнюдь не «буржуазный интеллигент», а литовский коммунист, бывший подпольщик, участник войны в Испании, после войны занимавший пост заместителя министра здравоохранения Литовской ССР, В. Г. Мицельмахерис в 1943 г., будучи в эвакуации, говорил: «В будущем вся Европа, в том числе Польша и Прибалтика, будут находиться под английским влиянием, и поэтому английский язык следует изучать как родной язык»¹⁹⁰.

Впрочем, более распространены были ожидания лишь некоторого смягчения в результате союза с демократическими государствами советского режима. В. И. Вернадский 15–16 ноября 1941 г. записал в дневнике: «Невольню дума-

еще о ближайшем будущем. Сейчас совершается сдвиг, и, вижу, многим тоже кажется — огромного значения... Союз с англосаксонскими государствами-демократиями, в которых в жизнь вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы... Впереди неизбежны коренные изменения — особенно на фоне победы нашей и англосаксонских демократий...»¹⁹¹ Позднее, уже в 1942 г., он добавил: «Ясно и то, что 1944 год будет годом огромных изменений. Советский Союз — не сомневаюсь — победит и выйдет из испытаний усиленным. Союз с демократиями усилит у нас свободу мысли, свободу веры, свободу научных исканий. Полицейский режим ослабнет, а м. б. наконец уйдет в историю. После разорения — реконструкция»¹⁹².

Появление в советской прессе большого количества позитивных, даже хотя бы чисто информационных, нейтральных по тону сообщений о жизни стран-союзниц, конечно, не могло не найти отклика в сознании советских людей. Вряд ли соответствующие инстанции не понимали этого (отсюда многочисленные ограничения, например, на распространение журнала «Британский союзник»), но в данном случае сделать ничего не могли.

Уже в 1943–1944 гг. органы НКГБ все чаще отмечали высказывания, в которых сравнивались политические системы и уровень жизни в СССР и странах Запада. «Вот посмотришь на нашу дикую систему и сравнишь ее с американской, так надо сказать, что там люди живут и над ними никто не издевается, сами себе хозяева, их личность неприкосновенна», — говорил в 1944 г. главный металлург одного из ленинградских заводов¹⁹³.

В октябре 1944 г. была подготовлена докладная записка о результатах беседы с научными работниками Уральского филиала Академии наук. В ней особо отмечался интерес научных работников к президентским выборам и вообще избирательной системе в США¹⁹⁴. Хотя ни автор записки, ни те, с кем он беседовал, не делали далеко идущих выводов, трудно предположить, что, читая о выборах по-амери-

кански, ученые не сравнивали их с советской избирательной системой. И можно только догадываться, в чью пользу делались эти сравнения...

Весной 1943 г. в Институт экономики АН СССР была представлена докторская диссертация Н. И. Сазонова¹⁹⁵ «Введение в теорию экономической политики». По мнению автора диссертации, соглашения и договоры с Англией и США «открывают широчайшие перспективы международного экономического сотрудничества»¹⁹⁶. Диссертант выступал за отказ от монополии внешней торговли и привлечение в экономику страны иностранных капиталов. Вывод рецензента: «Автор пытается теоретически обосновать необходимость возвращения России в систему капиталистических государств. *Обстановка, созданная войной, как видно, начинает формировать определенную идеологию, и с этой стороны работа заслуживает внимания*» [курсив мой — авт.]¹⁹⁷.

Материалы диссертации, равно как и рецензии на нее, попали в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), и там предложениям Сазонова была дана весьма жесткая политическая оценка: «Автор представляет собой певца капиталистического строя и проповедника реставрации капитализма в СССР... является мракобесом, восхваляющим реакционный, в том числе и колониальный империализм»¹⁹⁸. В результате автор признал свои «ошибки», а диссертация была снята с защиты.

В справке о настроениях интеллигенции в только что освобожденном Харькове (весна 1943 г.) содержатся любопытные высказывания. По мнению профессора Харьковского университета Терещенко, «в политической жизни страны должны произойти, да, собственно, уже происходят, серьезные изменения (соглашение с капиталистическими Англией и США, роспуск Коминтерна, разделение учебных заведений на мужские и женские, создание комитета церкви, частная торговля и др.). Происходящие изменения должны будут пойти дальше, в частности, в сторону демократизации жизни страны...» Доцент Селигеев в какой-то сте-

пени предвосхитил столь популярную впоследствии теорию конвергенции: «В процессе грядущего восстановления будет происходить то, что можно было бы назвать диффузией: лучшие мысли, идеи западной культуры не только в сфере науки и техники, но и в области морали и политики, в области мировоззрения неизбежно начнут проникать к нам и наложат свою печать на всю нашу жизнь». Любопытен вывод, который сделал автор справки: «Целый ряд ученых, в прошлом преклонявшихся перед западноевропейскими порядками и культурой, не понимая характера антигитлеровской коалиции, впадают в апологетику буржуазно-демократической политики и культуры»¹⁹⁹.

По большей части представители интеллигенции надеялись на эволюционные изменения к лучшему в результате политического взаимодействия СССР со своими союзниками; но встречались и более радикальные предположения. Уже в 1943 г. в материалах НКВД и НКГБ появляются утверждения о том, что «внутренняя оппозиция» переориентировалась в борьбе с Советской властью с Германии на Англию и Америку. Арестованный (и впоследствии расстрелянный) директор ремонтно-строительной конторы ленинградец В. С. Карев, кстати, сын священника, говорил на допросах: «В результате войны СССР и Германия будут настолько обессилены, что им придется полностью капитулировать перед англо-американским блоком. Тогда с помощью Англии и Америки внутренние силы контрреволюции поднимут восстание... если убить Сталина, в правительстве будет замешательство и народ восстанет против советской власти, а в это время нам помогут Англия и Америка»²⁰⁰. Зам. начальника Ленгорпромстроя Л. Г. Юзбашев утверждал: «Мы в основном должны надеяться на вмешательство извне, потому что США и Англия при их могуществе не будут долго нас терпеть, они либо постараются уничтожить этот порядок, либо нас совершенно изолируют»²⁰¹.

Конечно, подобные мнения вряд ли преобладали. Существовали (и, возможно, были более распространены, но реже попадали в материалы НКГБ) гораздо более лояльные

с точки зрения власти настроения. Так, В. Вишневский 28 января 1943 г. записал в дневнике: «Непрерывное обсуждение проектов послевоенного устройства мира. Существует ряд конкретно разработанных планов... СССР должен прийти к “круглому столу”, имея максимальные ресурсы и наиболее выгодные военные и политические позиции. Воля СССР должна быть осуществлена!»²⁰² Уже упоминавшийся В. С. Сорокин писал в частном письме в январе 1944 г.: «Насчет того, что планируют союзники, прочти в № 10–11 “Мирового хозяйства” о том, что они собираются сделать в Европе после войны. Вот уж кто мерзавцы, так это они. Ханжи и бандиты, каких больше не найдешь нигде. Не далее как в 1947 г. мы будем иметь с ними дело»²⁰³.

Изменения политического строя под давлением союзников ожидала не только интеллигенция. Подобные настроения существовали и в городах, и в деревне.

В ноябре 1942 г. красноармеец Евстегнеев (вскоре арестованный) уверенно заявлял: «Наше правительство и партия продались англичанам, если даже будет наша победа, то после войны у нас будет власть англичан, а не советская. В нашей стране создается такое затруднительное положение, что приходится идти на все уступки англичанам. Теперь Советский Союз не сам руководит, а ему диктуют Англия и Америка»²⁰⁴.

Постепенно ситуация на фронтах изменилась к лучшему, но представления об определяющем влиянии союзников фиксировались все чаще, и трудно сказать, чего в них было больше — опасений или надежд.

«Усиленно распространяются слухи о том, что скоро будет у нас введена свобода различных политических партий, а также свобода частной торговли, что будет избран новый царь, что после войны миром будут руководить Америка и Англия и т. д.», — утверждалось в справке о политических настроениях в Свердловске в 1943 г.²⁰⁵

По свидетельству историка Г. И. Мирского, московские рабочие уверенно утверждали, что союзники в обмен на оказанную помощь поставили условие: «Разрешить после

войны свободную торговлю и вольный труд. Многие верили в это и мечтали о грядущих переменах, возлагая надежды именно на Америку и Англию. Путь останется Сталин, пусть останется партия, но главное — вот это: свободная торговля и вольный труд»²⁰⁶.

Зато крестьяне Тихвинского района Ленинградской области в 1944 г. хотели большего: «После войны у нас коммунистов не будет. Партия большевиков должна отмереть и отомрет, потому что наши союзники Англия и Америка капиталисты, поставят дело так, как им нужно»²⁰⁷.

Среди вопросов, заданных весной 1943 г. во время собраний или лекций, в частности, в Башкирской области, есть и такой: «Правда ли, что при заключении договора союзники ставили три вопроса — открытие церквей, введение погон, роспуск колхозов?»²⁰⁸ Подобный вопрос задавали и в Удмуртии: «Правда ли, что Америка требует от нас роспуска колхозов и восстановления церкви?»²⁰⁹

Ликвидация колхозов представлялась особенно вероятной. Вот примеры подобных высказываний: «Некоторые говорят, что колхозов не будет, ибо Америка и Англия оказали свое влияние... Они требуют, чтобы не было больше колхозов, а наши не соглашаются. Возникнет новая война, и нам тоже уж не справиться, заберут нас англичане, и не будет больше колхозов... Скоро дождемся того момента, когда будем работать на себя и жить самостоятельно, без палки. Так хотят наши союзники Англия и Америка»²¹⁰.

Характерно, что в межсоюзнической полемике (в частности, в западных средствах массовой информации) на первый план выступали требования свободы вероисповедания в СССР, а отнюдь не ликвидации колхозов. И этот сюжет нашел отражение в массовом сознании. Некоторое изменение политики в отношении Православной церкви в годы войны комментировалось порой следующим образом: «Наше отношение к духовенству диктуется требованиями союзников — Америки и Англии... Двадцать восемь лет не говорили о попах, а тут заговорили, когда мы стали союзниками Англии... Англия и Америка повернут нас на старый лад...»²¹¹

О механизме зарождения и распространения подобных слухов свидетельствует недавно опубликованный любопытный документ, протокол очной ставки, проведенной следователями НКГБ в мае 1945 г. Некто В. И. Жарков, уже отсидевший 5 лет, являясь безместным священником, в 1944–1945 гг. разъезжал по Горьковской области и организовывал нелегальные богослужения. Беседуя с верующими после одного из них, он, комментируя газетные материалы о заседании Поместного Собора в Москве, заявил: «На днях в Москве проходило заседание церковного синода, которым руководили представители из Америки и Англии. На этом заседании предложили нашему правительству открыть все церкви, а недействующие церкви немедленно восстановить. Поэтому наши руководители и начали кое-где открывать церкви. После окончания войны власти Советской не будут, руководить Россией будут союзники, и народу будет предоставлена свобода»²¹². Попытки обвиняемого несколько смягчить свои слова были опровергнуты показаниями свидетеля, в результате Жарков был вновь осужден, уже на 10 лет, и реабилитирован лишь в 1991 г.

Подобные ожидания, казалось бы, подкреплял роспуск Коминтерна в 1943 г. Независимо от общей — позитивной или негативной — оценки этого решения, причину его практически единогласно видели в стремлении СССР сделать шаг навстречу союзникам: «Это очень тонкое, продуманное и дипломатическое решение, которое безусловно способствует укреплению связи между СССР и союзниками... Нам начинают диктовать, и вообще сейчас мы во многом зависим от союзников... Роспуском Коминтерна мировую революцию похоронили навечно... Компартии на Западе влачили жалкое существование, а теперь и эта система рухнула под нажимом Америки и Англии». И вполне логичным казался следующий вывод: «Коминтерн как неудобная нашим союзникам организация уже распущена, и роспуск этот совпал с пребыванием у нас серьезных представителей от союзников. Надо полагать, что это сделано по их предложению, теперь надо ждать дальнейших изменений в государственном строе в СССР»²¹³.

Приведенные здесь высказывания зафиксированы в Ленинграде, но сохранились справки об отношении к роспуску Коминтерна в Ульяновской и Свердловской областях, которые дают практически идентичную (хотя и менее подробную) картину²¹⁴. А в Удмуртии даже высказывалось предположение, что роспуск Коминтерна приведет и к роспуску коммунистической партии в СССР²¹⁵.

Конечно, наличие подобных настроений рассматривалось как результат плохой пропагандистской работы; в частности, в одной из справок на эту тему, составленной в Свердловске в мае 1943 г., именно в разделе о недостатках подчеркивалось, что инженерно-технические сотрудники оборонного завода «не могли дать вразумительных ответов на вопросы. Так, например: причины роспуска Коминтерна объясняют давлением со стороны союзников на Советский Союз»²¹⁶.

Выступая на партийном активе в сентябре 1944 г., зав. отделом пропаганды одного из свердловских райкомов говорила: «Сейчас за границей усиленно отыскивают факты, которые бы говорили, что не отказываются ли большевики от некоторых старых форм, не делают ли принципиальных уступок? И не только это интересует за границу, но мы имеем целый ряд фактов, которые говорят о том, что у многих наших товарищей (низовых руководящих работников) есть сомнение — не отказываемся ли мы от некоторых взглядов. Это было с целым рядом мероприятий, религией, Коминтерном и т. д.»²¹⁷ Понятно, что с подобным влиянием извне предполагалась борьба, силами прежде всего пропагандистского аппарата.

Не только роспуск Коминтерна, но и гораздо менее значительные и на первый взгляд мало связанные с межсоюзническими отношениями мероприятия власти, как, например, введение погон в Красной армии, вызывали даже у старшего офицерского состава разговоры о влиянии союзников. Так, офицер штаба 21-й армии майор Любомудров заявлял, что «введение погон в армии имеет определенный смысл международного характера... Америка предложила нам при-

вести в порядок офицерский состав». Другой офицер, но уже из штаба 64-й армии, майор Павлик, придерживался того же мнения: «Это все-таки сделано под давлением Англии и Америки». Характерно, что эти высказывания, достаточно нейтральные, рассматривались как примеры «отрицательных» и «антисоветских» настроений. Что касается рядового состава, тут высказывались мнения гораздо более определенные. Так, красноармеец Павлушин уверял своих товарищей, что «Англия и Америка предложили Советскому Союзу открыть церкви, ввести погоны, и эти мероприятия проводятся в жизнь». К еще более радикальным выводам пришел сержант Панасенко, кстати, член ВЛКСМ. Он расценил введение погон как начало изменения государственного строя СССР: «Я думаю, что у нас государственный строй будет таким же, как в Англии и Америке, потому что Советская страна среди капиталистических стран одна существовать не сможет»²¹⁸.

Ленинградец И. И. Жилинский, начальник отделения Управления дорожного строительства Октябрьской железной дороги, в своем блокадном дневнике в январе 1942 г. сделал, пожалуй, наиболее трезвый вывод: союзники «имеют попытку повлиять на внутренний режим в нашей стране в смысле свободы слова и вероисповедания в полном смысле этих терминов на демократических началах. Однако наши в этом, конечно, проявят достаточно увертливости, а Америка и Англия отступят и разрешат нам вариться в собственном соку»²¹⁹.

Иногда в массовом сознании на союзников возлагались совсем уже невероятные надежды. В Ленинграде еще в 1942 г. появились слухи о том, что ведутся переговоры о сдаче города «в аренду» на 25 лет. В результате «скоро будет изобилие продуктов и разных товаров, так как город сдают в аренду англичанам и американцам»²²⁰. Одновременно среди офицерского состава Ленинградского фронта «распространялись слухи о том, что в Москве ведутся переговоры между СССР, США, Англией и Германией об объявлении Ленинграда открытым городом и превращении его в международный порт»²²¹.

Впрочем, о судьбе Ленинграда в других частях страны высказывались в связи с союзниками еще более неожиданные предположения. Так, в Удмуртии лектору был задан вопрос: «Правда ли, что Рузвельт предъявил т. Сталину, чтобы отдали Ленинград немцам, тогда будем помогать»²²².

В июне 1944 г. подобные слухи были зафиксированы в Архангельске, где трудящихся волновал среди прочего такой вопрос: «Правда ли, что благоустраивают города Архангельск и Молотовск [ныне Северодвинск — *авт.*] в связи с передачей их в аренду Англии», а в мае 1945 г. — в Литве: «весь Вильнюс» говорил о том, что Америка забирает весь прибалтийский край сроком на пять лет в счет долгов Советского Союза Америке за оказанную помощь в период войны»²²³.

* * *

Естественно, что все надежды и опасения, связанные с союзниками, оставались все-таки на периферии массового сознания (исключение составляло, как говорилось выше, ожидание второго фронта).

Но были регионы, в которых вопрос о политике союзников оказывался без преувеличения первостепенным. Речь идет о Западной Украине и, в еще большей степени, Прибалтике, где с союзниками связывались вполне конкретные надежды.

Не претендуя на полноту освещения ситуации в Прибалтике и на Западной Украине, скажем несколько слов (на примере Литвы) о том, какую роль представления о союзниках играли в массовом сознании населения этих территорий.

С первых дней освобождения прибалтийских республик от немцев развернулось сопротивление, как пассивное, так и активное, вторичной советизации.

Конечно, важную роль играли формирования, созданные по инициативе и при поддержке немцев и продолжавшие сопротивление в надежде на принципиальное изменения хода войны и возвращение немецких войск. Однако для

большинства противников Советской власти было ясно, что война Германией проиграна и что необходимо найти каких-то иных союзников, без помощи и прямого вмешательства которых борьба против армии-победительницы и огромного СССР, доказавшего свою жизнеспособность, немислима. И такими союзниками могли быть только «демократические державы», Англия и Америка, также оказавшиеся в числе победителей, настороженно относившееся в сталинскому режиму и его растущему могуществу в Европе, а главное, делавшие определенные политические жесты в сторону Прибалтики. Речь идет как о положениях «Атлантической хартии», осуждавших любые аннексии, так и о сохранении на Западе старых дипломатических миссий прибалтийских стран. То, что союзники фактически согласились с оставлением Прибалтики в составе СССР, было либо неизвестно местным националистам, либо горячо ими опровергалось. Так, в декабре 1944 г. по советским учреждениям был разослан «Приказ № 13» штаба армии «Свобода Литвы», в котором сообщалось, что «в Румынии, Болгарии и Югославии установились фашистские власти и изгоняют коммунистов и что Англия и Америка готовы оказать помощь Литве в изгнании Советов и сделать Литву свободной»²²⁴. А по поводу решений конференции трех держав в Ялте в феврале 1945 г., безапелляционно заявлялось: «Крымская конференция — это пыль в наши глаза и обман народа»²²⁵.

С лета 1944 г. постоянным мотивом в информационных материалах ЦК КП(б) Литвы оставались слухи о том, «что Литва будет теперь такая, как во времена Сметоны, так как этому поможет Англия и Америка». При этом признавалось, что «эта агитация до некоторой степени пользуется влиянием среди населения и отражается на проведении мобилизации» (кстати, один из аргументов противников мобилизации заключался именно в том, «что Англия и Америка не дали приказа о мобилизации, что русские это сами выдумали и не надо идти в Красную армию»)²²⁶.

На самом деле ситуация была гораздо сложнее, и если работники ЦК еще пытались делать хорошую мину при пло-

хой игре, в материалах с мест положение характеризовалось намного жестче. Так, в сообщении Зарасайского укома КП(б) Литвы делался такой вывод: «Наша агитмассовая работа мало действительна, а ихняя массовая работа все более распространяется, содержание которой заключается (помощь Англии, приходе литовских войск и изгнание Советов с территории Литвы, о том, что конференция в Сан-Франциско признала старое литовское правительство и независимость Литвы)»²²⁷ [так в документе — *авт.*].

Даже призванные в Красную армию придерживались подобных взглядов. Так, рядовые 50-й запасной Литовской стрелковой дивизии Белецкас и Ожакаускас в ноябре 1944 г. заявляли: «Хотя СССР вместе с союзниками разобьет Германию, война на этом еще не окончится. Советский Союз будет воевать потом с союзниками. Англия и Америка не допустят, чтобы большевизм закрепился в Европе... Большевики нигде не терпят, не только в Германии, но и в Англии и Америке»²²⁸.

Конечно, далеко не все население с радостью ожидало прихода союзников. Так, на собраниях крестьян, получавших землю в соответствии с советской земельной реформой, постоянно звучали вопросы: «Если придут англичане и американцы, не заберут ли землю, которую сейчас получаем»²²⁹.

Что же касается противников Советской власти, они были настолько уверены в скором появлении англо-американских войск, что даже в листовках призывали порой «убивать всех советских активистов, называя их предателями, а красноармейцев не трогать, ибо после разгрома немцев под давлением англичан и американцев уйдут из Литвы»²³⁰.

Своего апогея эти ожидания достигли в начале 1945 г. В материалах КГБ Литвы зафиксированы, помимо оживления деятельности «бандформирований», многочисленные высказывания на эту тему. Как подчеркивалось в «Докладной записке о результатах борьбы с бандитизмом и антисоветским подпольем на территории Литовской ССР за 1 квартал 1945 г.», «антисоветские элементы» распространяли «контрреволюционные провокационные слухи» о скорой

гибели Советской власти, освобождении Литвы от большевиков после разгрома Германии с помощью Америки и Англии, и приводились конкретные примеры: «К весне надо ожидать, что загремит оружие наших лесных братьев и им окажет помощь Англия и Америка, которые освободят нас от большевиков... Сюда придут Англия и Америка, и тогда будем стрелять русских крепче, чем в 1941 г.»²³¹

Однако уже решения Крымской конференции вызвали разочарование. Как говорилось в спецсообщении НКГБ, «литовское население результатами Крымской конференции по польскому вопросу²³² и по вопросу быстрейшего окончания войны довольно. Однако литовские националисты весьма разочарованы и недовольны успешным окончанием работы конференции, отсутствием разногласий среди союзников, а также тем обстоятельством, что вопрос о Прибалтике вообще не обсуждался на конференции»²³³.

Весной и летом 1945 г. в Литве проводилась кампания по сбору подписей под обращением к Сталину. То, что это вызывало саркастические вопросы: «Почему мы не подписываем письма Трумэну и Черчиллю, а только одному Сталину», это бы еще ничего. Прошел упорный слух, что таким образом Советский Союз проводит «скрытый плебисцит», и если будет подписано другое обращение (очевидно, о выходе из состава СССР), то Литва станет независимой республикой²³⁴.

В это же время, в июне 1945 г., отвечая на вопросы следователя НКГБ, участница подполья Э. Гутаускайте объясняла, что она и ее друзья «рассчитывали на помощь Америки, каковая к этому времени подготовит и высадит свои войска на нашу территорию и затем нам поможет свергнуть советские власти и создать литовское независимое демократическое государство»²³⁵. Война к тому времени уже окончилась, но еще несколько лет прибалтийские «лесные братья» и шире — все противники Советской власти в западных областях страны, продолжали ждать новой войны и триумфального появления западных армий. Впрочем, это уже выходит за темы данной работы.

Наиболее симпатичным и близким к реальности образ союзника рисовался в тех случаях, когда основывался на личных впечатлениях. В условиях войны появились элементы так называемой «народной дипломатии». Однако если со стороны союзников это была, как правило, инициатива отдельных лиц или небольших групп (например, мать троих погибших на фронте сыновей, группа английских моряков, лечившихся в советском госпитале), то с советской стороны ответные письма, как отмечает современный исследователь, «составлялись в коллективах, на митингах и общих собраниях трудящихся, публиковались в газетах»²³⁶. Любопытно, что этот же исследователь устроенные для иностранных моряков «встречи со знатными советскими людьми, экскурсии на предприятия и в учебные заведения, посещение госпиталей» расценивает как «общение и контакты *неформального* характера [курсив мой — авт.]»²³⁷ Вообще, именно контакты с иностранными моряками в портах Архангельска, Мурманска, Владивостока всегда приводятся в качестве примера, хотя количественно и территориально они носили ограниченный характер, да и вообще общение с иностранцами не поощрялось даже для тех, кто работал с ними «по долгу службы». Так, выступая на заседании Совинформбюро в январе 1944 г. секретарь ЦК, руководитель Совинформбюро А. С. Щербаков заявил: «Мы предупреждали товарищей и хочу еще раз сделать предупреждение, что всякого рода встречи, беседы, советы должны быть только с разрешения и ведома руководства»²³⁸.

Каковы масштабы этих контактов? Например, в августе 1942 г. в Архангельске находилось 40 английских и американских судов, 14 из них торговые, команды которых составляли не менее 8 тыс. человек. Все население Архангельска в 1939 г. составляло около 280 тыс. человек; другими словами, один иностранец приходился на 30–40 местных жителей. Понятно, что в такой ситуации контакты зачастую носили несанкционированный (и, с точки зрения влас-

ти, предосудительный) характер — вольные беседы, мелкая торговля и т. п.

Были приняты соответствующие меры: увеличено количество милиции и патрулей, особенно в «местах скопления иностранцев», начались высылки из города (женщин высылали за проституцию, беспризорников за спекуляцию). Количество высланных превышало полторы тысячи человек, и, конечно, желаемый результат был в значительной степени достигнут²³⁹.

Контакты рядовых советских граждан с представителями союзников на протяжении почти всей войны происходили на некоторых участках фронта (моряки и летчики на Севере, челночные полеты американцев, французские летчики знаменитой эскадрильи «Нормандия — Неман»), на территории Ирана, и, наконец, в немецком плену. Пожалуй, лишь в последнем случае они были и достаточно массовыми и подлинно неформальными.

В воспоминаниях офицера-политработника рассказывается, что при освобождении Данцигского лагеря им были найдены многочисленные рукописные сборники песен, принадлежавшие содержащимся в лагере советским девушкам. Офицер использовал их для политбесед с бойцами. По его словам, помимо известных в сборниках было много песен, сочиненных в лагере. Они по своей тематике делились на несколько групп, и одну из них составляли песни, где выражалось сочувствие военнопленным из славянских и союзных стран, особенно чехам, югославам, французам²⁴⁰. Необходимо помнить, что в подобного рода фольклоре находит отражение лишь то, что является, хотя бы неосознанно, для безымянного автора жизненно важным.

* * *

В ходе войны был подписан ряд соглашений со странами Восточной Европы, оккупированными гитлеровцами. На территории СССР формировались польские и чехословацкие соединения (армия Андерса в 1941–1942 гг., дивизия

им. Т. Костюшко и чехословацкие части в 1943 г.), впоследствии непосредственно принимавшие участие в боевых действиях, причем, за исключением армии Андерса, на советско-германском фронте. Вместе с тем относительная немногочисленность этих соединений и то, что они снабжались (а частично и комплектовались) в основном за счет ресурсов Советской армии, привело к тому, что массовое сознание, особенно в тылу, зачастую не воспринимало их в качестве полноценных союзников. Рассмотрим отношение к ним на примере, может быть, самом ярком.

30 июля 1941 г. в Лондоне было подписано советско-польское соглашение, восстановившее дипломатические отношения между СССР и Польшей. Подписание этого соглашения одобряли далеко не все; так, московский писатель Б. оценил его как «позорное соглашение» и добавил: «В 1939 г., занимая Польшу, мы называли поляков прогнившей неспособной нацией, даже ссылались на Энгельса. А теперь поляки — наши союзники, славянская кровь, героический народ...»²⁴¹

Тем не менее в соответствии с этим соглашением было решено создать на территории СССР армию из числа польских граждан во главе с генералом В. Андерсом.

Однако летом 1942 г. армия Андерса была выведена из СССР и впоследствии принимала участие в боях на Западном фронте. У большинства советских граждан подобное развитие событий вызвало искреннее недоумение.

Понятно, что и самое активное участие польской армии в боях на советско-германском фронте вряд ли существенно повлияло бы на ход и исход боевых действий. Тем не менее на какое-то время вопрос об этом стал одним из самых часто задаваемых на различных собраниях, лекциях и беседах. Надо помнить, что в это время происходила Сталинградская битва, которая не без основания многими даже тогда рассматривалась как решающая и в ходе Великой Отечественной, и в ходе Второй мировой войны.

В течение 1942–1943 гг. в разных концах огромной страны задавался один и тот же вопрос — участвует ли в боях

польская армия? Почему польская армия не участвует в боях? Об этом спрашивали на рабочих собраниях, на лекциях и беседах в городах Иваново и Свердловске, в Азербайджанской и Удмуртской ССР, в Архангельской и Омской областях...

В январе 1943 г. в Свердловской области распространился слух, что польские войска появились на фронте. Немедленно работники одного из номерных заводов обратились в завком и партийную организацию завода с вопросами: «Где находятся польские войска, которые оказались на нашей территории, воюют ли они сейчас вместе с нашими войсками?.. Это правда, что польские легионы принимают участие в наступлении в среднем течении Дона? Если да, то кто ими командует?»²⁴²

Тем временем отношения между СССР и польским правительством в Лондоне достигли критической точки. Помимо разногласий по поводу армии Андерса, обострился вопрос о советских границах и одновременно — о расстреле польских офицеров в Катыни накануне войны. В результате в апреле 1943 г. последовал разрыв дипломатических отношений.

Надо сказать, что большинство советских граждан тогда поверило официальным разъяснениям правительства, обвинявшего польскую сторону в клевете на Советский Союз. «Катынское дело» представлялось актом бессмысленной жестокости, который в массовом сознании советских людей к тому времени прочно ассоциировалась с немецким «новым порядком». К тому же и материалы, представленные комиссией Бурденко²⁴³, казались достаточно убедительными, особенно при отсутствии каких бы то ни было аргументов другой стороны.

Все же ситуация оставалась достаточно неясной, и во многих районах, как, например, в Омской области весной 1944 г., возникал вопрос — чем объяснить антисоветские настроения польского правительства?²⁴⁴

Вызывала недоумение и позиция союзников, что нашло отражение в вопросах, заданных в июле 1943 г. в Азербайд-

жанской ССР: «Как смотрят союзники на разрыв отношений между СССР и польским правительством?.. Почему Англия и США не приняли мер против клеветы на СССР со стороны польского правительства?»²⁴⁵

В мае 1943 г. на одном из заводов г. Свердловска бригадир женской бригады лакировщиков на вопрос, как она расценивает действия наших союзников, «как бы невзначай промеж себя бросила: “Польша тоже была нашей союзницей, а что получилось”»²⁴⁶.

В этой ситуации вновь вспомнили об армии Андерса. В. Вишневецкий 19 мая 1943 г. записал в дневнике: «Генерал Андерс ждал распада Красной армии и возможности ухода вдоль Каспия в Иран. Тайные антибольшевистские тенденции этой армии стали явными»²⁴⁷. И вопросы, которые задавали по этому поводу рядовые граждане, формулировались уже по-иному. Так, в Удмуртской ССР в июне 1943 г. было зафиксировано 33 вопроса о польской армии, причем один из них звучал так: «Куда делись бывшие польские части и не помогают ли они гитлеровской Германии?»²⁴⁸ Лишь сообщения Совинформбюро о появлении на фронте польской добровольческой дивизии имени Костюшко, впоследствии преобразованной в Первую польскую армию, или «армию Берлинга»²⁴⁹, закрыли эту тему.

Более того, о польских вооруженных силах как бы «забыли». Исключением, впрочем, являлись некоторые районы Литвы с многочисленным польским населением, прежде всего г. Вильнюс²⁵⁰. Там как раз «армия Берлинга» вызывала живой интерес, и часто задавались вопросы: кто вооружил польскую армию — Англия или СССР, стремится ли армия Берлинга к установлению большевизма в Польше и т. д.²⁵¹ Среди живших в СССР поляков, недовольных окончательной передачей Вильнюса Литве и наметившейся советизацией Польши, даже ходили упорные слухи о том, что армия Берлинга совместно с армией Андерса вот-вот объявят СССР войну при поддержке или даже прямом участии союзников. В результате этого будет восстановлена независимая демократическая Польша в границах 1939 г.²⁵²

Позднее многие (хотя далеко не все) польские жители Литвы переехали в Польшу, но в 1944–1945 гг. они (независимо от своего желания) де-факто и де-юре являлись советскими гражданам и таким образом составляли весьма специфическую часть советского общества.

В этой среде «польский вопрос» занимал центральное место среди вопросов послевоенного переустройства, причем то его возможное решение, на котором настаивал СССР, поддерживало лишь меньшинство советских поляков. Так, учитель Ромвальский уверял: «За одно ручаюсь, что 90% польского населения будет голосовать за Запад. Мы, поляки, которые уже видели жизненную “радость” Советской власти, передадим про это другим полякам, еще не знающим советской руки»²⁵³.

В первые дни после освобождения Литвы Красной армией националистически настроенное польское население было уверено в поддержке союзников. Наиболее откровенно высказывались в июле 1944 г. офицеры Армии Крайовой (в разговоре с агентом НКГБ): «Через 2–3 месяца начнется другая музыка с Советами. Как только разобьют Германию, то никакой линии Керзона, никакой советской Польши, ни прочих фантастических дурачеств не останется и следа. Имеем самые хорошие заверения Англии и Америки о наших границах. И если что-нибудь у нас переменится, то это только на нашу пользу. Только могущественная Польша может быть барьером на Востоке»²⁵⁴.

Однако реальная политика союзников никак не оправдывала ожидания поляков. Сначала их разочаровал Черчилль, выступивший в палате общин по польскому вопросу, затем решения Крымской конференции.

Как утверждали авторы «Спецсообщения о настроениях в городе Вильнюс в связи с опубликованием коммюнике о результатах работы Крымской конференции трех союзных держав» в феврале 1945 г., «решения Крымской конференции об установлении границ Польши по линии Керзона было встречено националистической частью польского населения со злобой и неудовлетворенностью. Одновре-

менно часть польской интеллигенции все еще рассчитывает на то, что после победы союзников над Германией возникнут разногласия между Англией, Америкой и Советским Союзом, что приведет к войне между ними, в результате которой СССР будет побежден, а Польша будет восстановлена в своих старых границах... Менее значительная часть поляков, в том числе и интеллигенции, удовлетворена решением польского вопроса Крымской конференцией руководителей трех держав»²⁵⁵.

После Крымской конференции антисоветски настроенные вильнюсские поляки все свои надежды возлагали на конференцию в Сан-Франциско, затем на Потсдамскую, после Черчилля на Рузвельта, а после его смерти на Трумэна... Даже окончание войны в Европе мало что изменило в их настроениях. Уже в середине мая 1945 г. в Вильнюсе были зафиксированы следующие слухи и высказывания: «В Лондон вызывают Сталина на конференцию трех государств. Спор будет из-за Польши. Америка требует, чтобы Польша была восстановлена в старых границах 1939 года, чтобы Красная армия ушла с польской территории... Англия и Америка вооружают немцев и готовятся к войне против России, так что скоро настанет время, когда Москва будет также лежать в развалинах, как и Варшава... Капитуляция Германии еще не является концом войны. В скором времени разгорится война между Англией и Америкой с одной стороны и Советским Союзом — с другой. Английская пресса насыщена антисоветскими статьями, и правительство Англии поощряет это. Советскому Союзу предложено вывести войска с занятых территорий Европы. Против СССР идут 44 государства... В Турции подготовлена польская армия, которая вместе с союзниками выступит скоро против Советского Союза. Япония прекращает военные действия с Англией и Америкой, чтобы действовать против СССР на Востоке»²⁵⁶.

Конечно, среди поляков были и другие настроения. Бывший помещик граф Ю. Комаровский (один его сын был расстрелян немцами, второй воевал в Войске Польском) уверял: «Я рад, что мой сын вместе с Советской армией осво-

бождает Польшу от немецких захватчиков. Я никогда не сомневался в том, что существование польского народа зависит от дружбы с Советским Союзом. Польша вместо мало-значительных восточных территорий получит высококультурные западные земли, а главное — море, но одно жалко, сентиментально жалко двух городов — Вильно и Львова». Некий мастер Федорович признавал: «Мы, поляки, понимаем, что Красная армия освобождает Польшу и при ее помощи Польша будет восстановлена. Мне только неясно, почему Вильнюс передан Литве, так как в Вильнюсе живет всего полтора литовца»²⁵⁷. Но и в этом случае вызывало протест решение о передаче Вильнюса Литве, т. е. фактически в состав СССР.

Были, наконец, среди поляков и те, кто достаточно безразлично относился к политическим вопросам. Как говорил рабочий К. Ростковский, «пусть сам черт будет в польском правительстве, но только скорее бы кончилась война и было бы достаточно работы, чтобы можно было жить. Мне все равно, где быть — в Вильнюсе или в Варшаве, лишь было бы только, что кушать»²⁵⁸. Но такие высказывания скорее были исключением.

Для большинства же остального населения СССР ни Польша в качестве союзника, ни польская армия не представляли уже особого интереса; что же касается судьбы самой Польши, то по поводу Крымской конференции, например, были зафиксированы такие высказывания: «Польшу освобождали мы и значит наше влияние в Польше будет главным»²⁵⁹.

В последний период войны Советская армия, перейдя границу, заняла территорию сначала стран Восточной Европы, затем Германии. В 1944–1945 гг. союзниками СССР стали такие вчерашние противники, как румыны. Но опять-таки в массовом сознании преобладало недовольство «слишком мягкими» условиями перемирия с Румынией (хотя встречались и другие мнения)²⁶⁰. Задавались и такие вопросы: советские войска освободили Румынию, а «кому отойдет освобожденная земля?..»²⁶¹

И своеобразным итогом сложных отношений СССР и союзников и их отражения в массовом сознании явилось заявление лектора ЦК Компартии Литвы в официальном докладе по поводу годовщины Октября осенью 1945 г. о том, что «Америка и Англия не хотели уступать Советскому Союзу германской территории за Берлином, с обеих сторон были подтянуты лучшие войска, все мы ожидали войны»²⁶².

* * *

В годы войны многие западные наблюдатели и отдельные представители советской интеллигенции высказывали надежду на то, что союзнические отношения военных лет помогут преодолеть накопившиеся с обеих сторон предубеждения и продолжить союз уже в послевоенном мире. Особенно подчеркивалась необходимость преодоления закрытости советского общества по отношению к внешнему миру.

На территории Германии в 1945 г. миллионы советских солдат встретились с американскими и английскими товарищами по оружию. Образ союзника стал меняться, конкретизироваться; одновременно размывались, теряя жесткость и однозначность, пропагандистские стереотипы. Непосредственное знакомство с повседневной жизнью европейских народов так же, как в 1813 г., как в годы Первой мировой войны, изменило взгляд на мир у сотен тысяч советских людей.

Нельзя сказать, что союз военных лет не оставил никаких следов в общественном сознании. Как утверждают М. М. Наринский и Л. В. Поздеева, «к союзным народам и армиям сохранялось благожелательное отношение и уважение до конца войны. Однако это был очень тонкий и неустойчивый слой массового сознания»²⁶³. Точнее было бы сказать, что благожелательное отношение к союзникам было характерно для части советского общества; что касается другой его части, там по-прежнему сохранялись негативные стереотипы. Так, в апреле 1945 г. трудящиеся Автозаводского

района г. Горького высказывали опасения, что политика Черчилля может «послужить в ближайшем будущем к новой войне Англии и США против СССР»²⁶⁴. Трудно сказать, какие настроения в итоге преобладали; можно лишь предположить, что существовала определенная корреляция между отношением к Советской власти как таковой и готовностью к восприятию пропагандистских стереотипов, которые эта власть пыталась внедрить в массовое сознание.

И вместе с тем послевоенная история характеризуется прежде всего политикой «холодной войны», в ходе которой негативные довоенные стереотипы относительно друг друга не только возродились, но и были дополнены подозрениями и обидами уже военного времени²⁶⁵.

В годы войны мало кто (это касается и высшего политического руководства) предвидел столь жесткую конфронтацию между СССР и Западом. И тем не менее предпосылки ее, не только в политике, но и в массовом сознании, при всей его противоречивости, существовали в том числе и в период существования антигитлеровской коалиции. «Враги второй очереди», по предвоенному определению В. Вишневого, во второй половине 1940-х гг. превращаются в главных врагов.

ГЛАВА 4

«Большая правда, чем фотография»: Визуальные образы войны в советской карикатуре

Карикатура обладает несомненной ценностью как исторический источник, хотя лишь в самые последние годы в российской историографии появились работы, где она предстает именно в этом качестве¹. Изучение советской политической сатиры (карикатуры в том числе), представлявшей собой «своеобразное сочетание политики, идеологии и собственно популярной литературы»², особенно на протяжении относительно долгого периода, скажем, двух десятилетий, позволяет проследить все зигзаги, повороты, нюансы официальной пропаганды. При этом карикатура выступает одновременно и как содержательный источник, и как яркая иллюстрация, дополняющая исторический анализ.

Но есть и другой пласт исторической реальности, раскрыть который также можно через анализ политической карикатуры. Речь идет о тех образах внешнего мира, которые формируются в массовом сознании.

Информация о внешнем мире, доступная подавляющему большинству советских граждан, была ограничена, каналы ее поступления практически полностью контролировались властями. Тем более это относится к информации визуальной. Помимо немногочисленных и зачастую некачественных фотографий в газетах и журналах, источником ее могла служить лишь кинохроника, которую более или менее регулярно смотрело лишь меньшинство населения, преимущественно в крупных городах. По мнению В. А. Токарева, в межвоенный период «подавляющая часть советского общества, особенно сельские жители, обогащала свой багаж

визуальных образов о мире и внутрисоюзных событиях исключительно благодаря фотограмм и фотографии». Однако тут же он отмечает, что фотоиллюстрации становятся привычным атрибутом советских периодических изданий лишь со второй половины 1920-х гг.³ К тому времени политическая карикатура давно уже превратилась в часть привычной повседневности.

Более того, если фотографии количественно несомненно преобладали в визуальном ряду, связанном с внешним миром, можно предположить, что карикатуры были более важны с качественной точки зрения. Обычная фотография (за исключением художественной) обычно представляет собой всего лишь материал для формирования образа. Карикатура же, как правило — это уже готовый образ, который легко усваивается и не требует почти никаких усилий для восприятия.

Показательно, что в ходе одного из обследований летом 1923 г. «некоторые из опрошенных крестьян высказывали пожелание, чтобы в газетах побольше было карикатур». Конечно, были и другие примеры — так, автор безуспешно попытался познакомить с образцами политической сатиры некую крестьянку: «Показываю ей “Крокодил”, карикатуры. Смотрит с любопытством, но ни одного рисунка не понимает». Понятно, что фотографии в газетах для этой категории крестьян оказались бы еще более сложным материалом⁴.

И поэтому любые официальные сообщения, газетные статьи или радиопередачи о современной жизни за рубежом очень часто вызывали зрительные ассоциации именно с карикатурами, которые публиковались в прессе и, что немало важно, с точки зрения содержания практически повторяли основные темы и сюжеты советской пропаганды. Образ мира, в первую очередь Запада, для значительной части советского общества приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты. Конечно, это в полной мере осознавалось и использовалось теми, кто занимался формированием у советских людей соответствующей картины мира. Более того, гротеск рассматривался как наиболее адекватное отраже-

ние внешнего мира. «В этой борьбе смехом мы имеем право изображать врага карикатурно. Ведь никто не удивляется, когда Ефимов или кто-нибудь другой из карикатуристов ставит Макдональда⁵ в самые неожиданные положения, в которых тот в действительности никогда не был. Мы очень хорошо знаем, что это бóльшая правда, чем лучшая фотография Макдональда, потому что этим искусственным положением, неправдоподобным положением карикатуры выясняет внутреннюю правду ярче и острее, чем какой бы то ни было другой прием», — говорил А. В. Луначарский⁶.

В образном ряду, формирующем представления о внешнем мире, политическая карикатура занимает особое место. С одной стороны, она отличается, как правило, особой емкостью образа, явной эмоциональностью (с ироническим или саркастическим оттенком), и, в ее советском варианте, абсолютной идеологизированностью. «В листовках ли, плакатах, лубочных картинках на печатном поле газетных полос, карикатура всегда четко и ясно разрешала тот или иной политический момент даже перед теми, кто менее всего посвящен в события политического дня. Масса знакомится с политическим моментом еще до прочтения передовицы, до отдельных статей на определенную тему», — подчеркивалось в одной из брошюр того времени⁷. С другой стороны, карикатура — часть повседневности, которая не всегда воспринималась читателями как пропаганда, выступая порой под маской «развлечения», но из-за своей распространенности и особенностей восприятия запоминалась и накладывала несомненный отпечаток на формирование образа иной страны или культуры в целом. «В отличие от западного элитарного подхода к карикатуре, в России она использовалась как особая коммуникация властей с широкими массами населения. Ее злость и простота были достаточно понятны для любого читателя и зрителя», — отмечает современный исследователь⁸. Оставляя в стороне многие нюансы, карикатура формирует упрощенную картину реальности, в свою очередь опираясь при этом на уже существующие установки, представления, стереотипы.

Видный коминтерновец Ф. Кон во введении к одному из альбомов, изданному в 1931 г., так характеризовал советскую карикатуру: «Часовой, вооруженный карандашом и зорко наблюдающий за готовящим новую интервенцию классовым врагом и разоблачающим его приемы»⁹. Необходимо отметить, что термин «политическая карикатура» в СССР межвоенного периода применялся исключительно к карикатуре на международные темы. Карикатуры, посвященные внутренней жизни СССР, независимо от темы и сюжета, таковыми не считались. Порой подобная практика вызывала обоснованные возражения, однако продолжала оставаться общепринятой. В данном очерке мы будем пользоваться именно этой терминологией.

По мнению Б. Ефимова, уже к началу 1920-х гг. карикатура заняла в советской печати такое место, какого она никогда и нигде не имела на Западе, где, по его словам, карикатуры носили по преимуществу развлекательно-бытовой характер и появлялись главным образом в воскресных, спортивных или юмористических выпусках. «Неудивительно, что буржуазная пресса была определенно озадачена активностью советской сатиры, когда “Правда” — газета мирового значения, а вслед за ней “Известия” и другие советские газеты придали карикатуре значение важного и ответственного политического материала, используя ее как острое и сильное агитационное оружие», — писал в своих воспоминаниях Б. Ефимов¹⁰. Тут же он приводит ряд примеров перепечатки советских (в частности, своих собственных) карикатур западными изданиями. По мнению художника, это говорило о «небывалом внутреннем и международном резонансе», который получала советская карикатура.

Вышедшая в 1930 г. брошюра так определяла задачи советской политической карикатуры: «Существует ходкое суждение о том, что карикатура является всемирной историей в эпиграммах. Это несомненно. Но советская политическая карикатура может к этому присоединить и то, что является отличительным для характеристики рабочей карикатуры, это — обличительный жар, который вскрывает и

разит капиталистический мир... Комическое в этой сатире не служит развлечением для читателя нашей прессы, а служит разоблачением, где едким смехом уничтожается притязание врага и открывается путь к постижению истинного смысла политического события»¹¹.

Не случайно вводные статьи (иногда весьма развернутые) к альбомам карикатур, выходившим в 1920–1930-е гг., в ряде случаев писали видные политические деятели, такие как А. В. Луначарский или Феликс Кон. Автором предисловий к двум изданиям карикатур Б. Ефимова, опубликованным в 1932 и 1938 гг., был Е. А. Гнедин¹². «Если бы можно было развернуть рисунки Ефимова в виде фильма, то перед нами открылось бы чудовищное зрелище кризиса капиталистической системы, лицемерной комедии буржуазной дипломатии, зловещей трагедии подготовки империалистической войны», — писал Гнедин в 1932 г.¹³ В предисловии к альбому 1938 г. он особо подчеркивал роль включенных в него рисунков как «политического разоблачения фашистских агрессоров и их пособников» и определял альбом как «своеобразный политический памфлет»¹⁴.

Особенно важна была пропагандистская функция карикатуры в кризисных ситуациях. В 1934 г. в журнале «Крокодил» была опубликована подборка карикатур времен Первой мировой войны (английских, немецких, русских). В редакционном комментарии подчеркивалось: в случае новой войны этой «буржуазной отраве» будет «противопоставлено разящее оружие большевистской сатиры»¹⁵.

Сатирическая печать неоднократно становилась объектом пристального внимания высшего партийного руководства. Так, в мае 1927 г. было принято постановление отдела печати ЦК ВКП(б) «О сатирико-юмористических журналах», опубликованное в журнале «Красная печать». В постановлении констатировалось: «Наличие у семи основных сатирико-юмористических журналов¹⁶ полумиллионного тиража свидетельствует о наличии широкого интереса к литературе этого рода и выдвигает необходимость большего, чем до сих пор, использования ее партией в целях куль-

турного воспитания широких слоев рабочих и крестьян и как оружие критики и борьбы с недостатками и болезненными явлениями во всех областях нашего строительства». Однако, по мнению авторов постановления, задачи, стоявшие перед сатирическими журналами, решались ими неудовлетворительно. Завершалось постановление призывом к существующим журналам стать «органами бичующей политической сатиры», нацеленной «против классовых врагов внутри и за пределами СССР и против враждебной пролетариату (в частности, социал-демократической) идеологии»¹⁷.

В августе 1928 г. последовало постановление секретариата ЦК ВКП(б) «О сатирических журналах», в котором газетному сектору Агитпропотдела ЦК и его заведующему С. Б. Ингулову поручалось не реже, чем раз в два месяца, проводить специальные совещания редакторов сатирических журналов с целью их инструкторования. Одновременно было решено некоторые журналы закрыть, а другим предлагалось перестроить свою работу¹⁸. Речь в первую очередь шла, как подчеркивалось в записке С. Б. Ингулова (которая и явилась поводом для обсуждения вопроса на секретариате), о том, что журналы начали «конкурируя друг с другом, все больше и больше приспосабливаться к своей служилой и интеллигентской аудитории, сбиваться на обывательщину и мещанское зубоскальство и отходить от основных задач советской бичующей сатиры, назначением которой является борьба против проникновения в нашу жизнь, быт и строительство явлений классового перерождения, бюрократизма, идеологической пошлости и стихии нэпа». Характерно, что один из журналов, «Лапоть», рассчитанный прежде всего на крестьянскую аудиторию, критиковался в записке за то, что «вместо активного проведения классовой политики в деревне поверхностно и беззубо острит на международные темы»¹⁹.

И впоследствии (в частности, в 1940–1950-е гг.) принимались специальные постановления ЦК на эту тему, в том числе посвященные работе журнала «Крокодил»²⁰.

Темы карикатур для газеты «Правда» (реже «Известий») иногда задавались «сверху», что же касается журналов, если верить воспоминаниям Б. Ефимова, темы рисунков определялись редакционной коллегией. Их обычно предлагали сатирики-«темисты», темы обсуждались редакцией и только после этого за нее брался кто-то из карикатуристов. Готовая карикатура обсуждалась вновь и после необходимой доработки шла в печать. Этот процесс занимал в среднем две недели²¹. Конечно, иногда публиковались карикатуры, полученные в готовом виде от карикатуристов, не работающих в данном журнале, или даже от читателей (в «Крокодиле», например, время от времени появлялись подборки читательских карикатур), порой перепечатывались рисунки из иностранных журналов.

Для советской политической карикатуры было характерно обилие деталей и многочисленных подписей различного уровня — эпитафия (часто в виде цитаты), определяющего конкретный повод для появления данной карикатуры; названия карикатуры; подписи под рисунком, чаще всего в виде прямой речи действующих лиц; поясняющие надписи на тех или иных элементах рисунка. Не случайно читатели того времени часто в своих письмах подчеркивали, что «любят читать карикатуры»²².

Изучение политической карикатуры позволит лучше понять и проанализировать все зигзаги советской пропаганды в 20–30-е годы, вплоть до начала Второй мировой войны, представить их в виде сменявших друг друга образов, которые пропаганда пыталась закрепить в массовом сознании. Характерной особенностью политической карикатуры являлась повторяемость и узнаваемость нескольких «масок» — империалист (цилиндр, монокль, мешок с деньгами), как правило лишенный национальных примет, но иногда — с явным намеком на английское происхождение; военные (чаще других в форме Франции, Японии, Польши); социал-демократ; полицейский. Вот как, например, характеризует советский искусствовед типичный образ капиталиста в рисунках одного из видных карикатуристов того вре-

мени: «Тип капиталистов в плакатах и журнальных рисунках Черемныха двадцатых и начала тридцатых годов, хотя и имел несколько особый оттенок, в целом мало отличался от изображения капиталиста в работах Моора, Дени и других художников. Это — жирное, хищное лицо с оскаленными клыками, толстая фигура, одетая в черный фрак и белую манишку, это — лоснящийся черный цилиндр на голове, золотые кольца на руках с отточенными, как когти зверей, ногтями. Именно таким долгое время изображали художники капиталиста, как образ хищничества, беспощадности, наглости и чревоугодия»²³.

В подобной роли выступали и наиболее одиозные для советской пропаганды политические деятели. Вскоре искушенный читатель уже безо всяких подписей узнавал тех или иных персонажей, ориентируясь на привычные детали — подбородок Муссолини, монокль Остина Чемберлена, конфедератка и усы Пилсудского, пилотка с кисточкой и характерный профиль Франко.

Говоря о советской политической карикатуре, как и вообще сатире на международную тему, нельзя не отметить еще один важный нюанс. Сатириков нередко критиковали за «копание в мелочах», требовали поднимать принципиальные вопросы общественной жизни, однако здесь любого автора частушек, фельетонов, карикатур подстерегали различные, иногда весьма существенные, неприятные последствия. «Выход был найден. Сатира и юмор взяли за иностранный капитал. Здесь и критика, здесь и мировой масштаб. Да и вся страна жила мировыми проблемами. Слова: Лига наций, Чемберлен, Чичерин, ультиматум и другие — не сходили со страниц газет...» — подчеркивает в своем исследовании советской повседневной жизни 1920–1930-х гг. Г. В. Андреевский²⁴. Но и здесь легко было вызвать неудовольствие соответствующих инстанций, о чем говорит карикатура И. А. Малютина с красноречивым названием «Зачем берлились», опубликованная в «Крокодиле» в январе 1926 г. Речь шла о том, что многие сатирики и карикатуристы занимались только внешнеполитическими сюжетами и

не беспокоили «внутреннего врага»²⁵. Это понимали и сами карикатуристы: Б. Ефимов вспоминает, что один из крупнейших карикатуристов написал шарж на самого себя с красноречивой подписью: «Вяжите меня, братцы, я опять Чемберлена нарисовал». А самого Ефимова коллеги Кукрыниксы изобразили скачущим на любимой (деревянной) лошадке с головой все того же злосчастного Чемберлена...²⁶

В результате в конце 1926 г. на карикатуре Ю. Ганфа «лекарь Крокодил» предлагал Чемберлену: заходите в следующий номер, сейчас я занят внутренними болезнями...²⁷

Политическая карикатура публиковалась в газетах, журналах, в том числе специальных (сатирических или юмористических). Расцвет ее приходится на 20-е годы, когда работали наиболее интересные советские карикатуристы, сложившиеся как мастера еще до революции (в основном вокруг журнала «Новый Сатирикон» — Дени, Моор, Черемных и др.), выходило множество сатирических журналов как в столице, так и в провинции, вплоть до уездных городов. Большинство из них, однако, существовали лишь несколько месяцев. Более или менее стабильными оказались (среди столичных) московские журналы «Смехач» (1924–1928) и сменивший его «Чудак» (1928–1930), ленинградские «Бегемот» (1924–1928), «Пушка» (1926–1929) и «Ревизор» (1929–1930). Однако с 1930 г. количество журналов резко сокращается, вновь возникающие существуют лишь несколько месяцев. В Ленинграде с 1930 г. сатирических журналов практически не издавалось; было два или три журнала в республиках, на языках титульных наций, сохранившиеся до войны. Особняком стоят специализированные журналы «Лапоть» (1924–1933), предназначенный для крестьян, и «Безбожник» (1923–1941)²⁸. Политические карикатуры регулярно печатались также в «Правде», «Известиях», «Труде» (в последнем случае, однако, в основном с 1939 г.), выходили в виде альбомов видных карикатуристов. Но, конечно, наиболее стабильным, популярным и многотиражным среди советских сатирических журналов был «Крокодил», который издавался в Москве с 1922 по 2000 г.

с периодичностью в среднем три раза в месяц. Весьма значительным был и тираж издания — 150 тыс. экз. в 1923 г., 500 тыс. в 1933 г., 275 тыс. в 1939 г. Именно материалы «Крокодила», позволяющие проследить динамику развития советской карикатуры по любым параметрам, положены в основу данной главы.

Внимание советской сатиры к международной тематике то заметно увеличивалось, то снижалось. Это было связано со множеством причин, в первую очередь, конечно, с ситуацией внутри страны и с той оценкой международной обстановки, которая давалась политическим руководством.

Так, если посмотреть материалы «Крокодила» с 1922 по 1939 г., окажется, что наибольшее количество карикатур на международную тематику (180 карикатур в 48 номерах) было опубликовано в 1923 г., когда в СССР всерьез ожидали начало мировой революции. На втором месте — 1936 (обострение международной ситуации, война в Испании) и 1939 (международный кризис, начало Второй мировой войны, советско-финская кампания) годы, когда в годовом комплекте из 36 журналов появилось соответственно 145 и 148 карикатур. На третьем месте — 1932 г., канун прихода Гитлера к власти в Германии (131 карикатура в 36 номерах). А меньше всего внимания внешнему миру «Крокодил» уделял в 1927–1928 гг. — годах завершения нэпа и начала индустриализации (соответственно 26 и 12 карикатур в 48 номерах журнала за год). Даже знаменитая «военная тревога» 1927 г. не изменила ситуации²⁹.

Какие же страны в большей степени привлекали внимание советских карикатуристов? Первое место, безусловно, принадлежало Германии. Из общего числа примерно 1600 политических карикатур, опубликованных в «Крокодиле», более 550 (свыше 30%) так или иначе затрагивают связанные с ней сюжеты.

Великобритания занимает почетное второе место (свыше 300 карикатур или чуть меньше 20%). На третьем месте Франция (более 250 карикатур, примерно 15%), на четвертом Польша (170 карикатур), на пятом и шестом соответ-

ственно Япония и США (166 и 160 карикатур), а затем вновь европейские страны — Италия (130) и, с большим отрывом, Финляндия (около 30 карикатур, причем большая часть — в период советско-финской войны).

* * *

Угроза новой войны всегда была одной из ведущих тем, особенно для политических карикатуристов. То Чемберлен, то Пуанкаре, то «дядя Сэм»³⁰ спускали с поводка огромное бронированное чудовище — войну — огромную, страшную, в противогазе, оцетинившуюся пушками, на танковых гусеницах... Даже, казалось бы, шаг, определенно ведущий к укреплению мира — подписание пакта Бриана — Келлога и присоединение к нему СССР в августе 1928 г.³¹ — так отразился в «Крокодиле»: западные дипломаты на рисунке подписывают пакт, приговаривая: «С удовольствием подписали бы и двумя руками». Но свободна только одна — каждый из них держит за спиной пистолет или бомбу. А на карикатуре М. М. Черемных, появившейся на обложке журнала в начале 1929 г., пакт обсуждали красноармейцы. Один говорил: «С буржуями подписали мирный пакт, значит нам домой». Второй довольно остроумно (хотя и чисто по-советски) отвечал: «С ними, как в загсе — сегодня расписались, завтра драка, буржуйской подписи не верь...»³² Впрочем, карикатуристы лишь следовали общему курсу советской политики — так, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в августе 1928 г., незадолго до того, как СССР присоединился к пакту Бриана — Келлога, подчеркивал в интервью «Известиям», что «в действительные цели инициаторов этого пакта, очевидно, входило и входит стремление сделать из него орудие изоляции и борьбы против СССР... пакт Келлога есть составная часть подготовки войны против СССР». А «всесоюзный староста» М. И. Калинин в марте 1929 г., уже после присоединения СССР к пакту, в публичном выступлении заявил, что пакт «рассчитан на завуалирование перед широкими массами опасности будущей войны»³³.

Не случайно на рубеже 20–30-х годов в «Крокодиле» неоднократно появлялись карикатуры на обывателя, который, сидя в своем уютном домике, не видит и не желает видеть ничего вокруг — а за стенами его дома оскаленные рожи империалистов, рабочие со скованными руками, расстрелянные индусы и китайцы, до зубов вооруженные поляки или французы, пушки, танки, отравляющие газы...³⁴ Ожидали не только войны империалистов против республики Советов; постоянно возникала тема и новой мировой войны, главными участниками которой должны были стать великие державы в самых неожиданных комбинациях — США против Англии, Англия против Франции и т. д.

Как ни странно, в начале 1920-х гг. отнюдь не самый активный участник гонки вооружений, США, становится одной из основных мишеней советских сатириков, клеймивших эту гонку. Так, только в 1923 г. в «Крокодиле» из шести карикатур, посвященных этой теме, пять относились именно к Америке³⁵ (шестая затрагивала Францию и Англию). При этом главный мотив всех опубликованных карикатур отражал даже не столько гонку вооружений как таковую, сколько лицемерие американской внешней политики. Так, провозглашая «мир на земле», американское правительство одновременно наращивало производство боевых самолетов и военных кораблей. По авторитетному свидетельству карикатуриста М. Черемных, госсекретарь США Юз, употребивший это выражение, оказывается, попросту «предал мир земле», содействуя при этом гонке вооружений на море и в воздухе...³⁶

«Виновники» будущей войны уже в конце 20-х годов были названы советскими карикатуристами поименно. В конце 1927 г. появилось произведение Ю. Ганфа «Парад-алле», где на арене играли мускулами чемпионы — причем не чемпионы мира, как подчеркивала подпись, а чемпионы войны. Англию на «чемпионате» представляли О. Чемберлен и С. Болдуин, Францию — Р. Пуанкаре, Италию — Муссолини, Испанию — Примо де Ривера, Польшу — маршал Пилсудский... Германия в этом первенстве участия не при-

нимала³⁷. Прошло два года, и в журнале появилась подборка шаржей, объединенная безапелляционным названием «Виновники будущей войны». Любопытно сравнить персональный состав персонажей двух публикаций. Сохранили свое место в этом не слишком почетном ряду Пуанкаре, Муссолини, Пилсудский, Примо де Ривера. После прихода к власти лейбористского правительства английские консерваторы Чемберлен и Болдуин практически исчезли со страниц «Крокодила». Англию на данной карикатуре представлял бывший министр финансов У. Черчилль, сыгравший определенную роль в разрыве англо-советских отношений в 1927 г. На карикатуре также появились папа римский Пий XI, регент Венгрии М. Хорти, бывшие президент Франции А. Мильеран и премьер-министр Болгарии А. Цанков. Но самое интересное, что в числе виновников будущей войны и при том — впервые на страницах «Крокодила» появился глава национал-социалистической рабочей партии Германии А. Гитлер. Правда, его внешность была еще не слишком известна. Гитлера без подписи узнать на карикатуре невозможно — лицо испуганное, довольно молодое, модные усики с острыми кончиками и модная тирольская шляпа³⁸.

О том, как отзывалась советская карикатура на конкретную международную ситуацию, можно проследить на примере знаменитой «военной тревоги» 1927 г.

В течение первой половины 1927 г. напряженность в отношениях с Англией росла, что вскоре закончилось разрывом дипломатических отношений. Однако, как отмечалось выше, в 1927 г. интерес советских карикатуристов к внешнему миру резко снизился (в 48 номерах журнала «Крокодил» за этот год было опубликовано *всего* 26 карикатур на международную тематику, и 9 из них как раз откликались на советско-английские отношения).

Впервые темы, связанной с ожиданием войны и советско-английскими отношениями «Крокодил» коснулся в апреле, причем дважды: на карикатуре, многозначительно озаглавленной «Рука английского пролетариата остановит руку хищника» страшного вида «буржуй» тянулся к фитилю бом-

бы с надписью «война», а через несколько страниц в том же номере на карикатуре «Силы небесные» читатель видел О. Чемберлена³⁹, который, глядя на небо, покрытое боевыми самолетами, меланхолически произносил: «Небеса свидетель, я думаю только о мире»⁴⁰.

Слухи о войне тем временем распространялись по стране, обыватели скупали сахар и керосин, все чаще встречались разговоры о том, что война уже началась, но коммунисты это скрывают... Но, видимо, этого показалось недостаточно, и в мае в «Крокодиле» появилась карикатура «В норе за самоварчиком», где высмеивался обыватель, не желающий ничего знать о приближающейся войне⁴¹.

Пик интереса сатириков к «военной тревоге» приходится на июль-август. На одной из обложек Крокодил с винтовкой, в военной форме, в противогазе уверенно заявлял: «Воевать не собираюсь, но и другим не советую». На обложке следующего номера все тот же Чемберлен, отпирая замок на цепи, удерживающей чудовище-войну, в каске, в противогазе, на танковых гусеницах, провозглашал: «Я против цепей и насилия. Надо пустить этого зверя на свободу!»

И три следующие карикатуры не обошлись без Чемберлена — на одной он проигрывал красноармейцам партию в шахматы, на другой разглядывал заполнившие небо советские самолеты («Наш ответ Чемберлену»), на третьей — советские рабочие писали письмо Чемберлену (карикатура, конечно же, воспроизводила знаменитую репинскую композицию)⁴².

Последняя карикатура, связанная с темой «военной тревоги», появилась в середине августа. Рабочие на собрании упрекнули оратора: «Что ты все о войне — мы за мир». Оратор же «находчиво» ответил: «Если война, всем миром пойдем». Этим сомнительным каламбуром, по крайней мере для «Крокодила», и завершилась «военная тревога» 1927 г., сыгравшая, кстати, весьма существенную роль в определении и внутренней, и внешней политики СССР на ближайшую перспективу.

Конечно, не только «Крокодил» откликнулся на «военную тревогу». На обложке журнала «Смехач» появилась карикатура «Худой мир», на которой О. Чемберлен, обращаясь к донельзя изможденному ангелу мира, давал ему такой совет: «Вам, дорогой Мир, нужно будет отдохнуть годика два-три. Вы переутомились»⁴³. А в одном из июльских номеров Чемберлен направлялся в Женеву, оседлав измученного голубя мира. В следующем номере карикатурист изобразил обывателей, запасующихся провизией на случай войны⁴⁴.

Необходимо отметить важную черту, характерную для советской карикатуры, проявившуюся при освещении «военной тревоги». Политику Великобритании в отношении СССР определял не только Чемберлен. Премьер-министром в эти годы был С. Болдуин; многие видные консерваторы, например министр финансов У. Черчилль и министр по делам Индии лорд Биркенхед, активно участвовали в антисоветской кампании; знаменитый обыск советских учреждений в 1927 г. организовал министр внутренних дел Дж. Хикс, и т. д. Сам же Чемберлен в отношениях с СССР был сторонником более сдержанной политики⁴⁵. Но в советской карикатуре однозначно доминировала одна знаковая личность — Остин Чемберлен, ставший, как ранее лорд Керзон, олицетворением «британского империализма». Искусственный читатель узнавал его с первого взгляда (в «Крокодиле» за весь период 1924–1929 гг. Чемберлен фигурировал примерно в четырех десятках карикатур, в то время как премьер-министр Болдуин появился лишь 10 раз, да и то, как правило, в многофигурных композициях, часто в компании с тем же Чемберленом, а Черчилль — лишь однажды).

* * *

Опубликованная в первом номере «Крокодила» за 1929 г. карикатура Ю. Ганфа «Буржуазная Европа вкушает мир» как бы подводила итог всей европейской дипломатии 20-х годов. Несмотря на название, картина на рисунке пред-

ставала отнюдь не идиллическая. Вечерний европейский город; в окнах военные, склонившиеся над картами, и фашисты, собравшиеся вокруг стола со свастикой; буржуа внимательно слушают юре и генерала; обыватели тем временем развлекаются, наблюдая канкан и стриптиз. А на улице — рабская демонстрация, в порту военные корабли с флагами США, Франции, Англии, Японии. И над всем этим нависает огромная фигура в форме, противогазе, с винтовкой⁴⁶.

Новая программа вооружений, принятая тем или иным государством, иногда просто очередной бюджет, предусматривающий рост военных расходов, хотя бы в рамках инфляции — все вызывало у карикатуриста и, соответственно, читателя, образ «безумной Европы», увешивающей себя оружием. Уже в 1922–1923 гг. понятие «гонка вооружений» прочно обосновалось среди основных стереотипов, внедрявшихся советской пропагандой, в том числе и средствами политической сатиры⁴⁷. Время от времени появлялись карикатуры, на которой небо покрывали боевые самолеты, а море — боевые корабли, так, что даже акулам некуда было деться⁴⁸.

Любые, достаточно, впрочем, робкие и безрезультатные, попытки западной дипломатии ограничить гонку вооружений заранее вызывали скептическое отношение советских сатириков. Идеи демократического пацифизма, достаточно актуально звучащие и сегодня призывы воспитывать отвращение к войне и насилию, начиная со школы и т. п. — все это являлось лишь благодатным материалом для карикатуристов⁴⁹.

В 1931 г. была опубликована карикатура под несколько неожиданным названием: «В школе Лиги наций». Ангел мира входил в школу Лиги наций ребенком с оливковой ветвью в руках, а выходил в виде здорового детины в военной форме, вооруженного до зубов, держащего в руках баллон с отравляющим газом и план нападения на СССР. За плечами у бедного ангела появились крылья от бомбардировщика со свастикой. Автор особо подчеркивал, что учителями в этой школе были О. Чемберлен и А. Бриан⁵⁰.

Надо сказать, что ангел мира, несмотря на подчеркнутый антиклерикализм советской пропаганды, появлялся на страницах «Крокодила» довольно часто. Иногда он представлял собой лишь украшение, ширму, за которой скрывалась война со всеми своими атрибутами. Но порой он предстал и в военной форме, с винтовкой. Его давили танками, протыкали штыками, резали на куски буржуазные дипломаты... Если же автор карикатуры был в хорошем настроении, он заставлял очередного ангелочка просто поиграть с оружием⁵¹.

Логичное завершение эти сюжеты нашли в карикатуре, появившейся уже в 1940 г., после начала Второй мировой войны, на которой у закрытых дверей Лиги наций тощий, оборванный ангел мира просил подать ему на вооружение⁵².

Конечно, угроза новой войны СССР с «капиталистическим окружением» была постоянной темой карикатуристов в эти годы. Надо сказать, что советские сатирики демонстрировали уверенность в нерушимости «священных рубежей социалистического отечества», уверенность, которую в общем-то не разделяли ни советское руководство, ни, особенно в 1920-х гг. — подавляющее большинство населения страны⁵³. Время от времени появлялись сюжеты, намекавшие на помощь западного пролетариата в войне против СССР. Так, на рисунке «Небывалая стратегия» два французских военных обсуждали стратегию Красной армии, новизна которой заключалась в следующем: «Авангард у нее в Москве, а тыл — в каждой стране»⁵⁴.

В 1930 г. появились две карикатуры со сходным сюжетом. На одной из них, принадлежащей М. Черемных и помещенной на обложке «Крокодила», огромный, краснощекий красноармеец с винтовкой в руке иронически поглядывал на хищную «империалистическую» руку, тянущуюся к карте пятилетки. Характерна запонка на белоснежном манжете империалиста — на ней совмещены английский и американский флаги, буквы СД (то есть социал-демократы) и свастика. А с одного из когтей капала кровь, и надпись по-

ясняла — «КВДЖ» (имелся в виду, конечно, известный конфликт 1929 г.)⁵⁵. Изучив карикатуру, внимательный читатель мог сделать вывод о том, кто считался главным противником СССР.

Вторая карикатура поразительно совпадает по сюжету с первой⁵⁶. Б. Ефимов также изобразил улыбающегося красноармейца с винтовкой на фоне знамени с надписью «Пятилетку в 4 года!» Перед ним бессильной злобой исходили на сей раз уже семь голов (не рук!) на преувеличенно длинных шеях (намек на «гидру империализма»?). Перечень почти совпадал. Как бы в порядке значимости, сверху вниз, шли: британский империалист (цилиндр одновременно напоминал имперскую корону), немецкий фашист в каске со свастикой, социал-демократ, папа римский Пий XI, китайский военный, французский военный, и, наконец, маршал Пилсудский. Таким образом, появились четыре новых персонажа и исчез американский империализм. Но относительно трех «главных» врагов (фашист, социал-демократ, Великобритания) расхождений не было⁵⁷.

На протяжении 20-х и начала 30-х годов тема будущей войны, при всей ее важности, все же оставалась на втором плане по сравнению с внутривосточными сюжетами европейской жизни — кризисы, революционное движение, репрессии, тяжелое положение трудящихся и т. д. Да и «виновники будущей войны» иногда подбирались по очевидно случайному принципу.

В 1933 г. к власти в Германии приходит Гитлер, и постепенно тема фашистской агрессии выходит на первый план. Только в «Крокодиле» за 1933–1939 гг. этой теме было посвящено более 200 карикатур, кроме того, они регулярно публиковались в других журналах и газетах, в альбомах известных карикатуристов, например, Б. Ефимова или Кукрыниксов.

На первых порах преобладала тема перевооружения Германии. Немецкие дипломаты изображались на фоне пушек, генералы просили разрешения построить уже готовые к полету бомбовозы, голубь мира в немецком варианте был при-

способлен для фотографирования неприятельских позиций и разбрасывания бактерий⁵⁸. Выход Германии из Лиги наций в октябре 1933 г. был расценен карикатуристами как первый шаг к войне — вслед за немецким дипломатом двинулся в путь скелет в противогазе, с винтовкой в руке⁵⁹. Не обошлось, конечно, и без выпадов в адрес мирового империализма: в полном соответствии с официальной советской пропагандой уже в 1933 г. «добрыми феями» Адольфа Гитлера были объявлены магнаты Уолл-стрита, Англии, Франции и Рура⁶⁰.

Вскоре появились сюжеты, связанные уже с конкретными территориальными претензиями Германии — относительно Австрии или Саарского бассейна. Что же касается антисоветских заявлений гитлеровского руководства, они были прокомментированы следующим образом. Стоящий перед картой пятилетки огромный симпатичный тевтон с мечом предостерегал противного штурмовика с дубиной: «У них есть кое-что, чего не было даже у Рима»⁶¹.

Ряд карикатур отражал наметившееся сближение Германии и Японии. «Брак по любви... к чужим территориям» — так называлась карикатура Б. Ефимова 1936 г., на которой японец, с вождением рассматривавший глобус, покрытый немецкими и японскими флажками, сжимал в объятиях огромную Германию в тевтонском рогатом шлеме, с длинной белокурой косой и с неизбежными усами⁶².

Особый сюжет этих лет — германо-итальянское сближение, ось «Берлин — Рим». Муссолини и Гитлер фигурируют в целом ряде карикатур. На одной из них тевтон Гитлер и римлянин Муссолини «на потребу богу войны» куют ось для колесницы Марса. На другой — проект статуи германо-итальянской дружбы, изображающей Гитлера в роли всадника, а Муссолини, соответственно, лошади. И наконец, оба союзника изображены голодными волками на европейской дороге (Муссолини, впрочем, опять не повезло — ему, по аналогии с античной легендой, досталась роль волчицы, хотя бы и капитолийской)⁶³.

Однако настоящей темой дня стала, конечно, немецко-итальянская интервенция в Испании. Только в «Крокодиле» появилось свыше 30 карикатур на эту тему. Вышел и специальный альбом Б. Ефимова⁶⁴.

Немецкие «добровольцы» в Испании на фоне трупов и руин, гитлеровские генералы в штабе Франко, жертвы немецкой авиации — все эти сюжеты постоянно повторялись в советской карикатуре в 1936–1938 гг. В этой серии карикатур Гитлер и его союзник Муссолини выглядели опасными и могущественными злодеями, зато генерала Франко авторы карикатур то загоняли под стол, за которым сидели немецкие «советники», то заставляли чистить сапоги Гитлеру и Муссолини, а на одном из рисунков Франко — в роли туземца в юбочке из листьев — целовал ноги немцу-колонизатору⁶⁵.

Почти столь же презрительно изображались в карикатурах на испанскую тему Великобритания, Франция и их политика невмешательства: немцы и итальянцы стригли когти британскому льву, наступали ему на хвост, а тот предлагал им одну уступку за другой.

Если Гитлер и его союзники на фоне своих испанских сателлитов или западноевропейских дипломатических партнеров выглядели весьма грозно, то на фоне СССР они же становились подчеркнуто жалкими, уродливыми, бессильными. Подобные карикатуры с соответствующими надписями, например, «Видит око, да зуб неймет», регулярно появлялись в «Крокодиле». У Гитлера были «коротки руки», чтобы схватить глобус с изображенным на нем СССР; фашистская свинья беспомощно ковырялась у высокого советского забора; немецкий фашист за школьной партой учит уроки истории (Ледовое побоище), географии (где находится озеро Хасан), арифметики (рост производства в СССР)⁶⁶.

Оккупация Австрии, ввод войск в Рейнскую демилитаризованную зону, угрозы в адрес Чехословакии и Польши — все отражалось в материалах советской сатиры. Если на карикатурах 1925 г. Германия выступала в качестве прижи-

валки в «польском коридоре», то на рисунке 1937 г. лакеем в Данцигском коридоре оказывался уже поляк, зато в комнатах уютно устроились хозяева-нацисты⁶⁷. А польский министр иностранных дел Ю. Бек, изображенный в виде собачонки, униженно ждал подачек с немецкого стола⁶⁸.

Германия предстает то в образе свирепого кабана (1936), то в образе паука, подбирающегося к нейтральным странам (Голландия, Бельгия, Швейцария, 1937), то в образе волка из сказки о Красной шапочке — только Красных шапочек на рисунке четыре, это Австрия, Венгрия, Румыния, Югославия (1937)⁶⁹.

И все более жалко и беспомощно выглядят перед лицом агрессора «умиротворители» — и британский лев, и Джон Буль, и француженка Марианна, и их восточноевропейские союзники.

Время от времени к ним присоединялся и дядя Сэм. Так, на одной из карикатур 1938 г. с красноречивым названием «Кто как борется за мир» Америка, глядя на заповоливших международную арену многочисленных хищников (кобра со свастикой, тигр, волк) и парочку грабителей (фюрер и дуче), а также частокол японских штыков на восходящем солнце, заявляет: «Мой небоскреб с краю, ничего не знаю»⁷⁰.

Конечно, в карикатурах отражалась и такая тема, как стремление Запада повернуть агрессию Германии на восток. На рисунке Б. Ефимова (1938) несколько европейских политиков (в том числе Чемберлен и Даладьё) заклинали духа, выпущенного из бутылки — в тевтонском шлеме со свастикой, с мечом, с челкой и квадратными усиками на черепе, призывая его повернуть на Восток⁷¹.

В новой международной ситуации по новому переосмысливаются привычные сюжеты, связанные с образом Европы-«дома» и Европы-«оркестра»⁷². На двух композициях, принадлежавших кисти Ю. Ганфа, предстает Европа, разделенная на несколько достаточно определившихся групп. Это — государства агрессивные, государства нейтральные, государства, проводившие «политику умиротворения».

Первая из карикатур, появившаяся в конце 1937 г., воспроизводит сюжеты пьесы М. Горького «На дне». В переполненной ночлежке Франко и японский офицер нанимали нищих белогвардейцев, журналист из «Фелькише Beobachter» торговал тухлыми утками, немецкий фашист жарил пушки вместо масла, помешанный чиновник немецкого общества любителей чужих колоний грыз карту мира, немец и итальянец играли в карты на Австрию, Муссолини штопал тогу, побитый самурай считал шанхайские убытки, гестаповец платил «троцкистам», в форточку лезла ученица гестаповца, Польша, и, глядя на все это, кричал, сидя на жердочке, попугай из Лиги наций⁷³.

Уже накануне Второй мировой войны получила свое логичное завершение и тема «Европа-оркестр» в многофигурной карикатуре с красноречивым названием «Ансамбль международной свистопляски». Эту карикатуру, как и предыдущую, можно долго «читать» и подробно пересказывать. На сей раз Европа предстает в виде не столько ансамбля, сколько сборного эстрадного представления, организованного не слишком разборчивым импресарио. Муссолини поливает водой Джона Буля; Италия режет на куски Албанию; британскому льву в хвост забили ось «Берлин — Рим»; Джон Буль и Марианна держат перед фашистом бумажный обруч; Германия крадет у Румынии нефть; нейтралы поют: «А мы просо сеяли», агрессоры же (Япония, Германия, Италия) отвечают им: «А мы просо вытопчем»; итальянские финансы поют романсы; Франко слушает японца, немца, итальянца; немецкий фашист дирижирует Румынией...⁷⁴

В 1938–1939 гг. появляется ряд карикатур, посвященных агрессивным намерениям Германии относительно Чехословакии, как до, так и после подписания Мюнхенских соглашений, и Польши. Однако уже в июне 1939 г. рисунков на международные, особенно европейские темы становится все меньше.

В первые месяцы Второй мировой войны советская пропаганда находится в состоянии полной неопределенности⁷⁵. Неожиданный для абсолютного большинства поворот во

внешней политике СССР, обозначенный пактом Риббентропа — Молотова, привел к растерянности в обществе, в том числе и среди карикатуристов. Мгновенно (и уже до 22 июня 1941 г.) исчезают все карикатуры, изображающие Германию. Тема Англии и Франции во второй половине 1939 г. возникает лишь несколько раз, в связи с тяготами войны для рядовых европейцев. Доминирует сначала польская тема (поражение Польши и «освободительный поход» Красной армии, ликование польского народа, преобразования на бывших польских территориях), позднее — финская, связанная с советско-финской войной.

В 1940 и первой половине 1941 г. карикатуры на европейские темы вновь возвращаются на страницы «Крокодила» и других изданий. Их основные герои — Англия, Франция, польские эмигранты, финны. Время от времени достается Румынии и Швеции. Большая часть карикатур посвящена международной тематике⁷⁶, ходу войны и тяготам военного быта в воюющих странах (Италия и Германия в этом ряду, конечно, отсутствуют). А дядя Сэм занялся любимым делом, бизнесом: продавал оружие и считал барыши, заработанные на войне...

Пройдет еще полгода, и начнется Великая Отечественная война. Германия, Италия и их сателлиты теперь предстанут перед читателем в «образе врага», в то время как США и Англия, а также Франция и Польша, пусть и оккупированные, будут рассматриваться в качестве союзников.

* * *

Фактически единственным сатирическим изданием в годы войны был «Крокодил», выходивший с периодичностью в среднем 4 раза в месяц (хотя карикатуры регулярно появлялись и в других изданиях — «Правде», «Известиях», «Огоньке» и пр.)

С июня 1941 по май 1945 г. вышло 180 номеров «Крокодила», в которых союзникам было посвящено около 50 карикатур, причем публиковались они крайне неравномерно.

Так, в июле-декабре 1941 г. появились лишь две карикатуры, посвященные этой теме. В частности, на рисунке Б. Ефимова «Сквозняк» из дверей с надписями «Запад» и «Восток» в кабинет Гитлера влетали бомбы, самого Гитлера сдувало сквозняком (на столе лежал лист с текстом: «Благодаря моему гению Германия избавлена от войны на два фронта»). А на карикатуре Ю. Ганфа «Охота на льва в ливийской пустыне», помещенной на обложке последнего за год номера журнала, Гитлер и Муссолини бегали по кругу, а за ними следом крался симпатичный британский лев⁷⁷.

Далее по годам карикатуры, связанные с образом союзника, распределялись так — 11 в 1942, 4 в 1943, 21 в 1944 и 9 в первые месяцы 1945 г. Другими словами, в 1942 г. эта тема представлялась значимой, хотя и второстепенной, в 1943-м ее значение падает почти до нулевой отметки, в 1944-м — явный пик интереса (причем большинство карикатур появилось после высадки союзных войск в Нормандии). Что касается 1945 г., то динамика выглядит следующим образом — если до конца войны на 17 номеров журнала, как уже отмечалось, пришлось 9 карикатур, то на первые послевоенные месяцы вышло 26 карикатур в 23 номерах. Конечно, в значительной степени это объясняется прекращением потока антинемецких карикатур, переполнявших страницы «Крокодила» в дни войны, и, тем не менее, несомненен интерес к проблемам послевоенного сотрудничества со странами антигитлеровской коалиции.

Советская пропаганда тщательно дозировала позитивные и критические публикации, посвященные союзникам. И поэтому карикатуры, затрагивающие проблемы антигитлеровской коалиции, делились на две большие группы.

Первую группу составляли карикатуры, острием своим направленные против фашистской Германии и, соответственно, подчеркивающие единство антифашистской коалиции. Примером могут служить рисунки Н. Долгорукова «Подписано... так и будет!», на котором штык с изображением советского, английского, американского флагов срубал голову Гитлеру, и Б. Ефимова «Двусторонний салют»,

где был изображен все тот же Гитлер, которого с двух сторон добивали прикладами, опять же с изображением соответствующих флагов (оба рисунка относятся к 1945 г.). Характерно, однако, что в этой группе карикатур практически не встречаются изображения союзников как таковых (ни рядовых солдат, ни политических или военных лидеров). Союзники представлены либо государственными символами (обычно флагами), либо в виде некоей стихийной силы (исключение составляют лишь карикатуры, посвященные боям в Нормандии). В этом отношении возникает странный контраст — изображения фашистских лидеров, солдат и офицеров, а также союзников Германии постоянно встречаются на страницах «Крокодила» и других изданий. Да и в западной пропаганде, как упоминалось выше, образы советских солдат нередко встречались.

Объяснение этому найти нелегко, тем более, что до войны в советской политической карикатуре присутствовали, причем в большом количестве, изображенные с откровенным сочувствием западные трудящиеся, рабочие и крестьяне, революционеры, угнетенные народы колониальных стран... Может быть, существовали опасения, что именно в годы войны, в условиях существования антигитлеровской коалиции, симпатии к «простым людям» (в том числе солдатам и рабочим) на Западе будут распространяться на Запад в целом?⁷⁸

Значительная часть карикатур демонстрировала согласованность действий, единство союзников в боях на суше и на море, а также обреченность фашистской Германии.

Например, на рисунке Б. Ефимова «Тучи сгущаются», опубликованном в мае 1942 г., фашистские лидеры затаились в окопе в форме свастики; с востока летел орудейный дым, с запада — огромная туча самолетов⁷⁹.

Один из повторяющихся сюжетов — Гитлер, слушающий тревожные звонки с востока, юга, запада; гадающий по трем картам, откуда ударят союзники; советуемый о том же с золотым петушком... Второй сюжет — фашисты, которым с двух сторон угрожают то клещи, то штыки союзников⁸⁰.

Другая часть карикатур была посвящена теме бомбежек немецкой территории союзной авиацией.

Так, на карикатуре «Посылка из Лондона» немецкий офицер посылал жене посылки из Варшава, Парижа, Белграда, все время обещал посылку из Лондона, и, наконец, оттуда прилетает бомба⁸¹.

Обыгрывалось словосочетание «английская соль», немецкие представления о «порядке» и т. д. — все это увязывалось с бомбежками. Одна из карикатур представляет собой редкое исключение — на ней появляются реальные, живые союзники, причем не политики, не генералы, а трое кокетливых, симпатичных работниц, одетых в комбинезоны, береты, на высоких каблучках, снаряжающие очередную авиабомбу⁸².

Следующий сюжет, нашедший отражение в «Крокодиле» в 1941–1943 гг. — война в Африке. В частности, в конце ноября 1942 г. появилась целая подборка, связанная с переломом в ходе африканской кампании (в конце октября 1942 г. англичане разбили армию Роммеля у Эль-Аламейна, в начале ноября в Марокко высадились американские войска). Основные сюжеты — немцы и итальянцы, убегающие по пустыне, сдающиеся в панике кактусу, Муссолини, пытающийся потушить Средиземное море...⁸³ Но и здесь нет ни одной фигуры английского или американского солдата, летчика, моряка.

Летом 1944 г. несколько карикатур были посвящены высадке союзных войск в Нормандии (фактически речь идет о двух сдвоенных номерах, 23–24 и 25–26, охватывающих вторую половину июня и первую половину июля).

Так, на одной из карикатур с многозначительным названием «Суд идет», помещенной на обложке номера, был изображен скорчившийся Гитлер, которому справа угрожал штыком советский солдат, а с запада — два солдата союзников (оба почему-то в английской форме). Помимо того, что впервые в «Крокодиле» появились фигуры союзных солдат, карикатура (ее автором был К. Елисеев) характерна еще и цветовым решением. Прежде всего бросается в глаза яркий,

темно-красный советский солдат. Гитлер нарисован желтым и тоже довольно заметен. А вот союзники... они изображены бледно-зеленой краской и производят впечатление бесплотных теней. Трудно предположить, что подобный выбор красок случаен⁸⁴.

И прочие карикатуры из этой серии персонифицированы — парашютисты высаживаются на пейзаже Милле, симпатичный американский пятизвездный генерал⁸⁵ ищет и не находит пресловутого «Восточного вала», английские солдаты в окопе обсуждают отступление немцев.

Что касается боевых действий в Италии и на Тихом океане, они не нашли никакого отражения в советской карикатуре, по крайней мере, в «Крокодиле». В отношении Дальнего Востока это легко объяснить — СССР старательно подчеркивал свой нейтралитет, опасаясь раздражить Японию. Что же касается Италии, можно лишь предположить, что эта кампания (в отличие от африканской) не вызвала никакого сочувствия у советского руководства и рассматривалась одновременно и как отвлечение сил от главной задачи — открытия второго фронта во Франции, тем более, что боевые действия в Италии велись довольно вяло, и как попытка союзников (в частности, Черчилля) опередить Красную армию на Балканах и вообще в Восточной Европе.

Любые осложнения в отношениях с союзниками вызвали изменение тона советской прессы, в том числе появление критических карикатур. Особенно «благодарной» для официальных карикатуристов оказалась тема задержки «второго фронта». Так, в 1942 г. в «Известиях» было опубликовано несколько карикатур Б. Ефимова на эту тему, в частности «Гитлер собирает [войска на Восточный фронт — авт.], Черчилль наблюдает», «Пришивание последней пуговицы» (Черчилль и Эйзенхауэр неторопливо пришивают пуговицы к мундирам)⁸⁶. Особое раздражение союзников вызвала карикатура «Совещание военных экспертов», на которой были изображены английские генералы «Авдругпобыют», «Стоитлирисковать», «Ненадоспешить», «Давай-теподождем», «Какбычегоневышло». Впрочем, там же при-

существовали генералы «Смелость» и «Решимость», которые настаивали на открытии «второго фронта»⁸⁷.

Начиная с конца 1943 г. выходит целая серия карикатур, посвященная профашистским настроениям в США. Герои этой серии не только узнаваемы, но, как правило, названы по имени. Большинство карикатур обличают небезызвестного газетного магната У. Р. Херста, который, по мнению авторов, «продался» Геббельсу, вещает с его голоса и т. п. Одна из карикатур от имени Колумба даже предлагала закрыть для Херста и его единомышленников Америку⁸⁸.

Если с Херстом все было ясно (его правые взгляды никогда не являлись секретом), то выбор второго персонажа для данной серии объяснить труднее. Им оказался известный журналист и дипломат У. К. Буллит. Известна «миссия Буллита» в Советскую Россию в 1919 г.; позднее он сыграл видную роль в установлении дипломатических отношений между СССР и США, в 1934–1936 гг. был первым американским послом в Москве. В годы войны Буллит занимал должность посла по особым поручениям, являлся личным представителем Рузвельта на Ближнем Востоке, позднее специальным помощником морского министра, в 1944–1945 гг. был одним из представителей США во французской армии. Казалось бы, нет никаких оснований причислять доверенного сотрудника Рузвельта к сторонникам Гитлера и врагам СССР; тем не менее, дважды Буллит предстает на страницах «Крокодила» именно в этой роли⁸⁹. Объяснением может служить сюжет второй карикатуры, на которой Буллит торгует клеветой на СССР — очевидно, его критические высказывания вызвали раздражение в Москве⁹⁰. А любая критика в адрес СССР автоматически рассматривалась советской пропагандой как играющая на руку Гитлеру.

Еще один повторяющийся сюжет — эмигрантское польское правительство в Лондоне. Главная мысль нескольких карикатур на эту тему — «реакционное» правительство никого в Польше не представляет. Хотя именно польский вопрос был, может быть, самым болезненным в межсоюзни-

ческих отношениях, позиция британского, тем более американского правительства в этой связи никак не затрагивается.

В конце 1944 — начале 1945 г. несколько карикатур затронули тему освобождения Франции, которая, таким образом, возвращалась в число союзников. Главным персонажем этой серии была Марианна, символ Франции, которая выгоняла из своей квартиры непрошенных гостей, присутствовала на казни Лавалья и т. п.⁹¹ Англо-американские союзники в этой связи не упоминались; нельзя не вспомнить саркастическое замечание Баргхорна о том, что в советской прессе тех дней освобождение Парижа было приписано французским партизанам и победам Красной армии⁹².

В карикатурах, посвященных освобождению Франции, возник еще один сюжет, связанный с перспективами послевоенного развития. На рисунке буржуа, возвращающийся в освобожденную Францию, осведомляется у встречающих его франтиреров относительно немцев. Уверившись в их изгнании, он удовлетворенно замечает: «Я отдохнул, теперь начну наводить порядок»⁹³.

Карикатуры, которые публиковались в «Крокодиле» в первые месяцы 1945 г., были посвящены большей частью послевоенным проблемам и при этом отличались откровенно критическим настроем. Главная мишенью являлись «мирренческие» настроения на Западе, прежде всего в Англии. Особый сарказм вызвали высказывания по этому поводу небезызвестной леди Астор, ставшей героиней четырех карикатур; на одной из них она подводит к женщине с убитым ребенком на руках немецкого солдата с автоматом, с окровавленными руками, и предлагает помириться⁹⁴. Другие британские «миротворцы» жалели немцев — им так жарко было работать у печей крематория, их бросили вывезенные из Восточной Европы работники (кстати, именно сюжет о работниках завершает ряд карикатур военных лет).

И первые послевоенные карикатуры летом 1945 г. во многом продолжали уже наметившиеся линии — они разоблачали клеветующих на СССР реакционных журналистов; леди Астор и ее единомышленников, призывающих к при-

мирению с немцами; эмигрантское польское правительство. Некоторые карикатуры, впрочем, выпадали из этого ряда — они были посвящены Потсдамской конференции и победе над Японией.

Очевидно, что в целом советская карикатура в годы войны повторяла основные линии официальной пропаганды. Вместе с тем, абстрактные политические характеристики и оценки приобретали на страницах «Крокодила» и других изданий эмоциональный, образный характер, что облегчало их восприятие и усвоение. Как отмечает А. В. Дмитриев, «из-за использования визуального канала воздействия или критически нацеленного на отдельную важную тему символа политическая карикатура становится действенным средством формирования общественного мнения. Ее апелляции к эмоциям вообще трудно противостоять»⁹⁵. Именно поэтому не стоит недооценивать роль политической карикатуры в формировании образа союзников в годы войны.

* * *

В своих воспоминаниях старейший советский карикатурист Б. Е. Ефимов со знанием дела утверждает: «Образная форма карикатуры понятнее, эмоциональнее и, главное, нагляднее любой литературной формы, так как сатирический рисунок конкретизирует явления и ситуации, приближает их к глазу читателя, переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов»⁹⁶.

С этим согласно и большинство исследователей. Как отмечает А. В. Дмитриев, «из-за использования визуального канала воздействия или критически нацеленного на отдельную важную тему символа политическая карикатура становится действенным средством формирования общественного мнения. Ее апелляции к эмоциям вообще трудно противостоять, и *ее воздействие довольно заметно до нашего времени* [курсив мой — авт.]»⁹⁷.

К сожалению, имеющиеся источники не позволяют проиллюстрировать эти положения конкретными примерами.

Упоминания о политических карикатурах в мемуарах или дневниках современников встречаются крайне редко; никаких материалов, фиксирующих визуальные образы мира в массовом сознании советского общества в межвоенный и даже военный период, не существует. И тем не менее можно предположить, что образы внешнего мира, созданные советской карикатурой 20–30-х годов (в гораздо меньшей степени — в годы войны), во многом определили внешнеполитические стереотипы значительной части советского общества тех лет.

«Война — это наихудший способ получения знаний о чужой культуре»: Вместо заключения

Вторая мировая война многое изменила в представлениях о внешнем мире.

Прежде всего, как справедливо заметил Г. А. Бордюгов, «если, к примеру, после Первой мировой, быть может, война и воспринималась как фактор нормализации жизни, то после Второй мировой, затронувшей все сферы жизни людей, война постепенно вытесняется на периферию, идея войны уступает место идее мира, которая становится почти нормативной»¹. Действительно, «идея мира» (выраженная в массовом сознании устойчивой поговоркой, «лишь бы не было войны») на несколько десятилетий стала для народов СССР, прежде всего русского народа, чем-то вроде национальной идеи.

Далее, сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции, особенно среди представителей интеллигенции, расценивалось как начало нового этапа взаимоотношений СССР и ведущих стран мира. Оставили след не только межсоюзнические отношения, сопровождавшиеся изменениями в пропаганде, а в ряде случаев — прямыми контактами советских граждан с союзниками, но также и личные впечатления от увиденного в Европе в 1944–1945 гг., которые резко контрастировали с советской действительностью и весьма разнились от удручающих картин западной жизни,

тиражируемых официальной пропагандой. Не впервые в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям в массовом сознании. Конечно, по меткому выражению С. Лема, «война — это наихудший способ получения знаний о чужой культуре», но для многих советских граждан он оказался единственно доступным².

В первые послевоенные годы советское руководство активно пыталось свести к минимуму последствия знакомства многих советских людей с повседневной жизнью Запада (отсюда — идеологические кампании конца 40-х — начала 50-х годов, в том числе «борьба с космополитизмом»). Но такие меры давали лишь ограниченный и временный эффект.

В течение следующего этапа, с конца 1950-х по 1985 г., в СССР постепенно рушились преграды в области международного общения, происходило неформальное налаживание контактов советских граждан с иностранцами, создавалась атмосфера доверия, ширилось количество неформальных общественных организаций. Другими словами, возникали элементы гражданского общества. Это, а также появление альтернативных источников информации о западном мире, привело к постепенной эрозии устоявшихся внешнеполитических стереотипов. Как уже отмечалось, именно в это время они в значительной мере (хотя, конечно, далеко не полностью) вытесняются инокультурными стереотипами. Теперь, например, Италия вызывала ассоциации не столько с Муссолини и фашизмом, сколько с Феллини и Данте, Англия — не с Чемберленом или Черчиллем, а с Шекспиром, футболом и «Битлз», и т. д. Конечно, здесь сыграло свою роль и повышение уровня массового образования в СССР, но не только.

Происходит почти незаметный, но постоянный по своей динамике процесс открытия советского общества внешнему миру. Нарастает количество фильмов, книг, разнообразных выставок; все больше советских людей выезжает за рубеж в туристические поездки, в командировки, все боль-

ше проникает, с одной стороны, реальная информация о жизни на Западе, а с другой — представление 30-х годов о Западе как об антимире, где все «не так», где все не по-человечески и все страшно, сменяется обратным мифом: этот Запад для значительной части населения уже предстает сказочным миром, где все не просто по-иному, но и намного лучше, чем у нас.

И вместе с тем опасения войны, сформированные в первую очередь памятью о Великой Отечественной, продолжали доминировать в массовом сознании. В эту эпоху трудно найти следы предвоенных иллюзий или особые разногласия относительно предполагаемого противника. В качестве такового рассматривались США, НАТО, Запад в целом; сама же гипотетическая война почти однозначно воспринималась как катастрофа.

С 1985 г. начинается сложный, противоречивый, но довольно быстрый, и, как тогда казалось, необратимый процесс ликвидации стереотипов «холодной войны» как на Западе, так и в СССР. Столь же противоречивым являлось становление новых внешнеполитических приоритетов в мире, которое определило более трезвый, хотя и не лишенный предубеждений, взгляд Запада и России друг на друга в связи с попытками установить баланс глобальных и национальных интересов.

«Минусы» сменяются «плюсами»; появляется новое, почти повсеместное определение «цивилизованные страны», из числа которых СССР, а затем и Россия, автоматически исключались. От Запада ждали кредитов, инвестиций, гуманитарной помощи, и в результате — резкого повышения уровня жизни.

В 1994 г. социологи подсчитали баланс симпатий и антипатий граждан России в отношении ведущих зарубежных стран. На первом месте оказалась Франция с оценкой +60 (т. е. превышение позитивных оценок над негативными составило 60%), за ней следовали Великобритания (+53), США и Япония (+48), Германия (+43)³.

Но, как записал однажды в дневнике М. М. Пришвин, «красота далеких стран непрочная, потому что всякая далекая страна рано или поздно должна выдержать испытание на близость»⁴.

Близкое знакомство с реальным Западом, а главное, результаты «перестройки» и последовавших за ней «рыночных реформ» привели к тому, что инверсия произошла еще раз, и вновь возродились традиционные стереотипы, демонизирующие Запад, порой отдающие средневековым и мало свойственные даже позднему советскому обществу.

О масштабах и скорости этой вторичной инверсии свидетельствует, в частности, такой пример. В 1994 г. на вопрос «Вы согласны, что Россия всегда вызывала у других государств враждебные чувства, что нам и сегодня никто не желает добра?» ответили «совершенно согласен» и «скорее согласен» 42% опрошенных, а «целиком не согласен» и «скорее не согласен» — 38% (т. е. мнения разделились почти поровну; затруднились с ответом 20%). В 1995 г. этих точек зрения придерживались соответственно 66 и 27% при 7% воздержавшихся. Другими словами, всего за год вчера еще расколотое общественное мнение определилось и в результате поддержало по сути изоляционистское отношение к внешнему миру, прежде всего Западу⁵.

Особенно наглядно эти изменения получили отражение в отношении к США, главной и единственной ныне супердержаве, своего рода олицетворению Запада и одновременно традиционному «потенциальному противнику» последних десятилетий.

Если в 1995 г. положительное отношение к США высказывали 77,6% респондентов, то в 2002 г. лишь 38,7, а в 2003-м — 24%; с другой стороны, негативное отношение к США в эти же годы демонстрировали 9, 45,5 и 55,7% соответственно.

Но не менее важна динамика отношения в эти же годы к другим странам Запада. Так, количество положительно воспринимающих Англию уменьшилось с 1995 по 2003 г. с 76,6

до 50,5%, а доля ее противников выросла с 4,2 до 20,6%. Те же показатели относительно Франции составляют 78,9 и 74% относящихся положительно, 3 и 5,2% — относящихся негативно; относительно Германии — 69 и 62,2% относящихся позитивно, 11,5 и 14,6% — относящихся негативно. Другими словами, общая тенденция ухудшения отношения прослеживалась, хотя и в гораздо меньшей степени, в отношении Англии, и была почти незаметна применительно к Франции и Германии⁶.

Если взять самые последние данные (август 2007 г.), то эти тенденции стали еще более определенными: так, США и Великобритания занимают высокие места в списке потенциальных противников (антирейтинг США в 2006 г. составлял 45%, в 2007 г. снизился до 26%, но по-прежнему остается самым высоким; Великобритания с 7% антирейтинга оказывается на третьем месте наряду с Прибалтикой и Украиной). Зато Франция и Германия прочно обосновались в списке самых дружественных стран — Германия на втором месте с позитивным рейтингом 14% в 2006 и 12% в 2007 г.; Франция в 2006 г. занимала третье место⁷.

Следовательно, вышеупомянутая «ретроградная инверсия избирательна и непрочно; более того, она скрывает вполне реальный, хотя далеко не всегда осознаваемый, процесс восприятия западной системы ценностей, продолжающий сходные процессы советской эпохи в гораздо более благоприятной для этого внешней среде⁸. Можно сказать с большой долей уверенности, что она затрагивает прежде всего внешнеполитические стереотипы; однако одновременно идет процесс формирования инокультурных стереотипов, а личный опыт знакомства с внешним миром способствует их превращению в образы.

Если говорить о перспективе, отношение к Западу будет меняться скорее в благоприятную сторону. Но главное, оно будет определяться не столько стереотипами, сколько какими-то реальными событиями и реальным пониманием того, каковы российские национальные интересы. Другое

дело, что в массовом сознании представление о наших подлинных интересах может быть самым неожиданным и самым причудливым. Речь идет о мотивации. Т. е. российское общество будет руководствоваться не тем, что Америка враг или друг России, а тем, что Америка делает в данный момент и какой результат это будет иметь для России. И хотя стереотипы внешнего мира как таковые сохранят свою значимость, они будут гораздо более противоречивы, гораздо более сложны и гораздо более разнородны. И общей тенденцией будет их постепенное превращение в образы внешнего мира, подкрепленные не только информацией, полученной из различных источников и таким образом изначально разносторонней, лишенной однозначной эмоциональной или смысловой окраски, но зачастую и личным опытом — опытом общения с иностранцами, опытом посещения тех или иных стран, опытом работы и жизни в этих странах наконец.

Отсутствие всеохватывающей пропаганды, многообразие источников информации, а главное, возможность реальных контактов и просто смена поколений, ведут к тому, что процесс размывания старых стереотипов ускоряется, Запад в значительной степени теряет свою «мифологическую составляющую», по крайней мере, в глазах значительной части российского общества.

И, вместе с тем, вышесказанное отнюдь не отменяет определенных закономерностей, связанных с особенностями восприятия «Иного», со стереотипизацией как массового, так и индивидуального сознания.

Так, если говорить о сознании отдельного человека, вопрос о том, в какой степени возможно освободиться от стереотипов, остается открытым. Если речь идет об преодолении всех стереотипов как формы мышления, то это, конечно, невозможно. С другой стороны, в отдельных узких (профессиональных) сферах деятельности их влияние может быть сведено к минимуму. Что касается массового сознания, тут можно говорить лишь о преобладании на данном этапе тех или иных тенденций.

Очевидно, однако, что процесс формирования, эволюции, воспроизводства стереотипов и возникновения образов является постоянным, и представления об «Ином», по крайней мере в исторически обозримой перспективе, будут оставаться столь же сложными, противоречивыми и разнохарактерными.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» 1927 г. в документах

1. Информационная справка о настроениях рабочих и крестьян по вопросу о войне (За период с 15 января по 8 февраля 1927 г.)¹

*8 февраля 1927 г.
т. Мандельштам*

Доклады тов. Бухарина и Ворошилова на 15 Губпартконференции вызвали среди различных слоев населения Москвы и губернии усиленные разговоры о войне, которую в большинстве случаев ожидают весной текущего года.

На основании полученных материалов можно судить, что нервозности в настроении широких рабочих масс, за некоторым исключением, нет. Приводим некоторые факты:

I. Настроения рабочих в городе.

На ф-ке им. Свердлова, за исключением старых работниц, которые говорят о том, что опять настанут тяжелые времена, у остальных настроение бодрое. Рабочие говорят: «Раз надо драться, то будем, они готовятся к войне и мы будем готовиться, нас поддержат западные рабочие». Старики говорят: «Пойдут сперва партийцы и молодняк, а если надо будет, то и мы пойдем».

На «Красной швее», в связи с неудавшимся фашистским переворотом в Латвии, группа беспартийных рабочих пришла в ячейку, и, крепко ругнув фашистов, ребята заявили: «Нас осилить им не удастся, пусть попробуют сунуться».

На Хамовническом пивоваренном заводе отдельные тов. предлагают в противовес фашистским переворотам двинуть Красную Армию на соседние государства, ускоряя этим события.

На «Красной розе» некоторые рабочие боятся, что в результате войны мы потеряем завоевания Октября и в связи с этим написали письмо английским рабочим.

Молодые партийцы спрашивали у секретаря ячейки, чем мы можем быть полезны во время войны. Один член партии с 1925 года отказался пройти партийную перепись, мотивируя тем, что «скоро начнется война и я, как коммунист, буду мобилизован в первую очередь, а я этого не хочу, так как должен подкреплять свою семью» (по материалам Хамовнического райкома).

Отмечаются отдельные случаи заготовки продовольствия со стороны отдельных рабочих.

На фабрике «Гознак», фабрике «Красное знамя» (Бронницкого уезда), табачная фабрика «Красная звезда», фабрика им. Ланцуцкого (Московский у.), Октябрьская фабрика (Воскресенского у.), Глуховская, Истошинская и Ново-Богородская ф-ки (Богородского уезда), Дулевский фарфоровый завод (Орехово-Зуевского у.), Высоковская фабрика (Клинского у.), Краснопресненская трехгорная м-ра Краснопресненского района, «Пролетарский труд» на целом ряде проводимых собраний на предприятиях на темы «Три года без Ленина» и об итогах 15 Губпартконференции — рабочие интересовались вопросом о войне и задавали такие вопросы:

«Будет ли война или нет, а то идут слухи, что как будто бы будет война».

«Когда можно ожидать войну, из-за чего будет война и как мы подготовлены к войне».

В некоторых записках проскальзывает интерес такого содержания:

«Как скоро можно ожидать военной угрозы со стороны прибалтийских стран и в каком их соединении» (19 января 1927 г., курсы В.Ш.В.С.).

«Может ли нам помочь Англия, когда на нас будет идти какая-нибудь страна, если не поможет, то почему» (клуб имени Бухарина, 21 января).

«Каким образом могут поддержать нас английские рабочие в случае войны с СССР».

Очень много записок, в которых чувствуется беспокойство о нашей готовности. Так, на заводе «АМО» спрашивают рабочие тов. Угланова, выступавшего там:

«Скажите, как обстоит дело об укреплении наших границ, и что делается в этом направлении».

«Прошу пояснить о наших запасах, как то — снаряжения, амуниции, оружия и на какой высоте считается наша химия».

«Почему Тульский оружейный завод не работает. Ведь угроза войны перед нами всегда и недостатка не должно быть в оружии. И производятся ли 25-зарядные винтовки».

«Какие строятся у нас военные суда».

«При будущей войне будут ли у нас применяться газы и есть ли производство их».

«Сколько самолетов построено в СССР».

Не забывают и об усилении военной общественности; так, несколько записок спрашивают докладчиков:

«Будут ли организованы на заводах и прочих предприятиях военные кружки».

«Сколько имеется у нас в России военных кружков и какие».

«Ты вот говоришь, что опасность войны нарастает с каждым днем, а после этого вытекает вопрос, почему же наша партия так плохо обращает внимание на общество Авиахим и кружки военных знаний, нужно кинуть больше активных партийцев на эту работу, привлекая рядовую массу к работе».

Есть записки, которые ставят вопрос так:

«Если начнется война, то могут ли наши дать отпор нашим военным оружием против иностранных государств» и

«Каковы перспективы нашего строения социализма, могут ли рассчитывать на дальнейшее строительство социа-

лизма, если будет война, и есть ли у нас козырь победы социализма и каковы надежды в будущей войне в победе пролетариата».

«Если будет война, то будут ли брать добровольцев».

Но, наряду с вопросами о нашей готовности к войне, о военной мощи, о необходимости широкой общественности, способствующей обороне страны, есть отдельные вопросы, характеризующие упадочные настроения, а также и антисоветские.

«Все равно, так или же иначе, все равно рабочий класс только те будут воевать, кто удовлетворен жизнью в настоящее время. Было дело, когда на войну шли добровольно, но теперь найдутся очень мало, а то, может, и никто. Боролись мы против царизма, против эксплуататора, и теперь приходится вести борьбу против своих. Довольно втирать очки рабочему классу, в особенности чернорабочему» (завод «АМО»).

«А за что мы пойдем воевать. Мы прослужили в Красной Армии 6 лет, а теперь безработные по полтора года» (клуб «7 ноября» Рогожско-Симоновского района).

«Воевать рабочие и крестьяне не против, но в первую очередь должна послать в бой жидов и коммунистов... Удушливыми газами нас не пугайте, для нас Англия и Польша хуже жидовской власти не будет» (записка подана на 1 ситценабивной фабрике 1 Московского хлопчатобумажного треста из сводки ОГПУ № 9 с 29 января по 1 февраля 1927 г.).

В 24 хлебопекарне у большинства рабочих такое настроение:

«Служить будем, а драться нет; докомандовали и валили, а наши дела сторона».

А вот настроения безработных:

«Безработица у нас будет все время расти, потому что на фабриках заставили работать на трех станках, повысили производительность, зарплату не повысили, а количество занятых рабочих понизили. Новых фабрик не строят. Скоро нам придется объявлять войну машинам, потому что проводимая рационализация производства уменьшает число работающих. Выход только один — делать другую револю-

цию или начинать воевать, чтобы перебить побольше народу. Это и думают, наверно, и большевики сделать, так как они заговорили о войне. Только ничего им не удастся сделать. Никто воевать за них не будет. Пусть только возьмут старых солдат, дадут им винтовки в руки, они покажут им, как разъезжать на автомобилях, сидеть на бархатных креслах и заниматься агитацией... Сейчас же начнется погром жидов и коммунистов... Никто из рабочих сейчас не доволен коммунистами и все точат на них зубы».

Все слушавшие с ним соглашались.

(из выступлений безработных на секции текстильщиков).

II. Настроения в деревне

Середняки и бедняки в своих выступлениях в связи с перевыборами Советов указывают:

«Хотя война и нежелательна, но если нападут, надо давать решительный отпор» (Обольяновская волость, Дмитровский уезд).

«Что же, придется воевать, пойдем» (Бронницкий уезд).

Некоторые из них опасаются, что:

«Не будем ли мы биты, если извне будут наступать капиталисты, изнутри — кулаки» (Ильинская волость, Егорьевский уезд).

«Советская власть делает ошибку, сокращая вооружение, когда сама признает, что буржуазный мир вооружается» (Клинский уезд)

Кулацкая верхушка деревни высказывается за дезертирство и угрожает расправой с коммунистами в тылу.

В Бронницком уезде Виленской волости, с. Петровское, кулак в чайной говорил: «Большевики опять хотят воевать. На фронт пойдут одни комсомольцы, а мы опять дезертировать будем. Если будет война, то большевики снова введут военный коммунизм, но если придут забирать хлеб, то мы будем принимать свои меры, это не 18-й год».

В Коломенском уезде, в г. Коломне торговец говорил: «Коммунистам скоро крышка, не сегодня — завтра война будет. Вот тогда в тылу мы расправимся с коммунистами».

III. Выводы

Из информ. материалов, характеризующих отношение к войне, нужно отметить:

1. У громадного большинства рабочих и крестьян не чувствуется нервозности, высказываются опасения о неподготовленности к обороне.

2. Среди новых кадров рабочих отмечены отдельные упадочные настроения.

3. Кулацкая верхушка деревни высказывает надежды, что война приведет к свержению диктатуры пролетариата.

4. Заметно некоторое оживление антисоветской агитации в связи с разговорами о войне.

Орграспред. информ. стат. п/отд. М. К. ВПК(б).

ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 430. Л. 128–130 об.

2. Из материалов к отчету по письмам в «Крестьянскую газету» (Свердловск) за март 1927 г.

Просим поместить нашу резолюцию протеста

Мы, гр-не дер. Косой Брод (Полевского района, Свердловского окр.), собравшись на митинг 6 марта в количестве 300 чел. и заслушав сообщение т. Курьянова «О ноте Чемберлена советскому правительству», протестуем против вмешательства в наши внутренние дела, особенно в печать, а также выпадов против наших вождей. Мистер Чемберлен, в вашей ноте нет ни одного доказательства, что Советский Союз нарушил торговый договор. А если вам не нравятся наши речи и статьи, то нам не нравится, как существуют Чемберлены и К^о, которые совместно с социал-демократами и капиталистами ездят на шее рабочих и крестьян всего мира. Мы знаем, что разрыв торгового соглашения движет дело к войне и к ухудшению положения рабочих и крестьян Англии. Так пускай же этот разрыв ляжет виной на твердокаменных консерваторов и К^о во главе с Чемберленом. Политика сов. правительства «есть наша политика», политика

мира. Но если Чемберлены зарвутся, то пускай помнят, что мы не забыли, как держать винтовку. Мы не одни. С нами сейчас пойдут рабочие и крестьяне всего мира. Так не протягивайте же руки к Советскому Союзу, а то останетесь не только без рук, но и без головы.

Долой вмешательство в наши внутренние дела, мы сами умеем управлять без указчиков.

Да здравствует Красная Армия, защита СССР. Да здравствует тыл Красной Армии — военизация населения. Да здравствует ЦИК СССР, исполняющий волю рабочих и крестьян. Да здравствует наша руководительница ВКП.

Копия верна. пред. с/совета (подпись). М. П.

Примечание. До вынесения этой резолюции была поставлена массовая инсценировка, план которой прилагается. Нужно сказать, что наша деревня не видала еще такого митинга. 300 человек были только взрослые, не считая до 18 лет. А так как 6 марта был последний день масленицы и наше население вместо катания и всяких других штук провело сознательно митинг и меньше увлеклось катанием и пьянкой, а приковало свое внимание к международной обстановке.

Курьянов Пав. Ар.

План проведения инсценировки «Нота Чемберлена», массовая с привлечением населения

1. Общее руководство поручить т. Зюзову Давыду.
2. Перед проведением инсценировки сделать доклад: «Нота Чемберлена Советскому правительству», докладчик Курьянов П. А.
3. До наступления проехать по улице верхом Чемберлену с нотой на груди, выкрикивая отдельные фразы из ноты совправительству.
4. Конная армия Буденного — защита СССР. Будет атаковать нападающих на нее армию Чемберлена, т. е. блок всех капиталистов. Общее руководство конной армией поручить т. Курьянову, командармом «Буденным» назначить Зюзева Осипа Арт.

5. Устроенный вал представляет границы СССР, за которой находятся нападающие — пешая армия Чемберлена и К°.

6. Действие происходит так: на наступающих пеших, конница бросается в контратаку, ее цель — отбить противника.

7. Перед переходом конницы в контратаку Чемберлен войдет на вал и предъявляет ноту сов. правительству, исполняет Емельянов М.

8. Все плакаты и афиши поручить написать Зырянову.

9. После инсценировки подвести итог и вынести резолюцию протеста.

10. Силы распределить следующим образом:

Общее руководство — Зюзев Давыд.

Общее руководство конницей — Курьянов.

Командир конницы — Зюзев Осип Арт.

Командир пехоты («Чемберлен») — Пальцев.

КОМИССИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ: Зюзев, Емельянов, Курьянов, Зырянов.

ЦДОСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 43–44.

3. Докладная записка о проведении кампании «Наш ответ Чемберлену» по Зав[одскому] райкому²

Ижевск, май-июнь 1927 г.

В обком ВКП(б)

После разрыва дипломатических сношений Англии с СССР райком приступил к проведению кампаний в следующем:

I. ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

1) В момент разрыва дипломатических сношений Англии с СССР проведены митинги у проходных ворот завода.

2) Был создан актив членов организаций Осоавиахима, где проработали план проведения кампаний «Наш ответ Чемберлену».

3) В период проведения кампаний ставились доклады о войне и военной опасности в связи с разрывом дипломатических сношений.

II. ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ И ХАРАКТЕР ВЫСТУПЛЕНИЯ

1) Вопросы:

а) Будет ли война, если будет, то кто первый объявит войну — Англия или СССР.

б) Кто бросил бомбу в Ленинграде.

в) Имеется ли связь убийцы Войкова с Англией.

г) Не поздно ли начали говорить об усилении обороноспособности нашей страны.

д) Как фашисты ведут подготовку к войне.

Примечание: на всех собраниях задаваемые вопросы носили однообразный характер.

2) Выступления рабочих:

а) Фашисты имеют свои кружки по военной подготовке, которые равняются постоянной армии их государства, а нам нужно уметь владеть оружием каждому рабочему.

б) Советское правительство должно требовать от Польши ответственность за убийство тов. Войкова.

в) Нужно усилить охрану нашего завода, т. к. завод является военным.

г) Мы должны ответить наступлению буржуазии усилением воздушного флота, поднятием производительности труда и следить, чтобы в наши ряды не прошли шпики и т. д.

III. УПАДОЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ ЧАСТИ РАБОЧИХ И НЕДОСТАТОК ПРОВЕДЕНИЯ КАМПАНИЙ

1) Упадочное настроение рабочих выражается в следующем:

а) Война началась, а большевики скрывают, это видно из того, что нет товаров на рынке.

б) Трудно будет справиться с буржуазией, если она пойдет на рабочий класс войной.

в) Отчисление %% на усиление воздушного флота не будут ли лежать так же, как собранные деньги на гордумурт³.

г) Война будет, подработаем.

д) Уход рабочих с собраний и искание выхода, как бы отчислить поменьше процентов.

2) Недостатки в проведении кампаний:

а) Недостаточно ознакомление членов партии с данным вопросом и проведением кампании.

б) Позднее вывешивание объявлений (в отдельных случаях невывешивание совсем).

в) В ячейках отдельные члены партии, несмотря на то что находились на работе, не знали о предстоящих собраниях (после требовали проведения собрания об отчислении процентов).

ВЫВОДЫ.

Подводя итоги проведения кампаний, нужно отметить следующее: несмотря на упадочное настроение части рабочих, вышеприведенные вопросы и выступления рабочих целиком и полностью подтверждают, что в общем рабочие завода вполне достаточно оценивают серьезность данного момента, что подтверждается единодушным постановлением об отчислении %% и в части мастерских однодневным заработком на постройку самолета «Наш ответ Чемберлену».

*Отсекретарь райкома ВКП(б)
Зав. АПО РК*

ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 741. Л. 36–36 об.

4. Из информационной сводки ЦК ВКП(б) № 43 от 27 июня 1927 г.

III. Отношение рабочих и крестьян к военной опасности

1. Отношение рабочих к военной опасности.

В материалах ряда парткомов (Московского, Ленинградского, Брянского, Николаевского, Грозненского, Владимирского, Орловского и Красноярского) отмечается, что последние события — разрыв с Англией, убийство т. Войкова, взрыв в Ленинграде и проч. — вызвали среди рабочих бурю возмущения и негодования. Подавляющее большин-

ство рабочих, одобряя мирную политику советского правительства, заявляют о своей готовности дать отпор посягательствам империалистов.

Московская губ.

«Разрыв с Англией, убийство т. Войкова, взрыв в Ленинграде и др. события сильно взволновали широкие массы рабочих и крестьян. По всем районам и уездам, на фабриках и заводах, в волостях и деревнях обсуждались эти вопросы. Во всех принятых резолюциях, отчетах и записках сквозит ясное понимание создавшейся опасности в международном отношении». «Абсолютное большинство рабочих считают линию советского правительства правильной».

Рабочие заявляют:

«Костью ляжем за свою власть».

«При первой же мобилизации сами пойдем добровольно».

«Вызовут на войну — драться будем до конца».

«Мы, беспартийные рабочие, готовы в любую минуту».
(Инф. сводка МК по 1.VII.27 г.)

Ленинградская губ.

«Настроение основной массы рабочих в связи с конфликтом с Англией выдержанно бодрое, а иногда и боевое».

«Уж ежели войну объявят, возьмемся за винтовки и будем защищаться и защищать Советскую власть, ибо она хоть и плоховата, но наша — всегда можем ее одернуть». (Инф. сводка Севзапбюро № 8 от 22.VI.27 г.)

Наиболее характерны для рабочей массы следующие мнения:

«В будущей войне мы не одиноки, нас поддержит западноевропейский пролетариат», «если нужно, возьмемся за винтовки и грудью встанем на защиту СССР» (ф. им. Бебеля), «необходимо дать должный отпор зарвавшимся насильникам» (ф-ка «Трудовой путь»). (Инф. сводка Ленинград. ГК 2.VI.27 г.)

Брянская губ.

«Советская власть взяла правильную линию, что не объявляет войны, но если нам объявят, то будем обороняться».

В выступлениях и в предложениях рабочих говорится о полной готовности идти на защиту СССР в случае, если капиталистический мир объявит войну союзу. (Инф. сводка № 3 Брянск. ГК от 2.VII.27 г.)

Луганский окр. (УССР).

Общие толки масс такие: «Если придется воевать, то остановки за луганскими рабочими не будет, если война будет — на фронт пойдем».

«Случаев отрицательной критики со стороны рабочих всем не было». (Сводка № 4 Луганск. ОК от 18.VI.27 г.)

Николаевский окр. (УССР).

«Последние события — англо-советский разрыв, убийство т. Войкова, взрыв в Ленинграде — вызвали большой подъем настроения рабочих. Выступления и резолюции носили характер решительной поддержки мирной политики правительства и партии и требований самой решительной борьбы со всеми проявлениями контрреволюции, как внешней, так и внутренней». (Сводка Никол. ОК о настроениях масс 25.VI.27 г.)

Грозненский окр.

«У абсолютного большинства рабочих отмечается полное отсутствие уныния, полное сознание пролетарского долга, готовность выступить на защиту государства». (Зап. Грозн. ОК о настр. масс в связи с разрывом с Англ. от 5.VII.27 г.)

Владимирская губ.

«Провокационные выпады капиталистической Англии против СССР вызвали горячее возмущение и негодование среди рабочих масс, что нашло свое подтверждение в многочисленных резолюциях протеста и выступлениях». (Инф. сводка Владимирск. ГК от 1.VII.27 г.)

Орловская губ.

Рабочий с электростанции заявил: «Мы все возьмем в руки оружие и в прах превратим буржуазную свору. На за-

щиту советской власти мы, рабочие, пойдем, как один». (Из св. о настроен. трудящихся масс. Орловск. губ. от 15.VI.27 г.)

Красноярский окр. (Сибирь).

Среди большинства рабочих имеются такие разговоры: «Довольно, мы теперь отдохнули и можем воевать — или нас побьют, или мы возьмем всемирную революцию». (Инф. сводка Красноярск. ОК № 18, 20.VI.27 г.)

Наряду с одобрением со стороны большинства рабочих мирной политики советского правительства, имеются заявления отдельных рабочих, высказывающие недовольство нашими «уступками», «слабым» реагированием на провокационные выступления империалистов и требующие «решительных действий». Так,

Ленинград.

«У незначительной части рабочих есть убеждение, что мы трусим, отписываемся нотами и что даже пойдем на уступки основных завоеваний революции, лишь бы избежать войны. На 3-де «Кр. гвоздильщик» рабочие говорят: «Довольно миролюбия, нужны решительные меры». На заводе «Электроаппарат» были разговоры: «Довольно продемонстрировать, давайте винтовки». (Инф. сводка Ленингр. ГК о настроен. раб. в связи с угрозой войны от 23.VII.27 г.)

«Среди отдельных рабочих наблюдаются выступления с выражением недовольства нашими уступками и миролюбием в ответ на явно провокационные выступления Англии» (зав. «Кр. путиловец», 4-й хлебозавод ЛСПО, зав. «Красная заря»).

«Нас всюду кроют, и в Китае, и в Англии, а мы все молчим, надо давно объявить войну» (Информсводка Севзапбюро № 8, 22.VI.27 г.).

Москва.

«До каких пор мы будем терпеть издевательства над нашей страной» (Заявление рабочего Ростокинской фабрики) (Инф. сводка МК, 1.VII.27 г.)

Николаевский окр. (УССР).

«Среди незначительной части рабочих проявляется нетерпение. В выступлениях отдельные товарищи требовали,

чтобы правительство перешло от дипломатии к решительным действиям военного порядка» (Инф. сводка Николаевск. окр. от 25.VI.27 г.)

Брянская губ.

«Доколе мы будем терпеть, нас бьют, а мы молчим» (Св. № 3, Брянск. ГК от 1.VII.27 г.)

Ив. Вознесенск. губ.

«На митингах в Шуе в рядах рабочих были слышны разговоры, что напрасно наше правительство так слабо реагирует на эти налеты. Нужно бы ему энергичнее давать протесты вплоть до отозвания наших представителей и не давать наших заказов» (Инф. сводка № 12, Ив. Вознесенск. ГК по 10.VI.27 г.)

Оренбургская губ.

«Отдельные группы рабочих (мукомолы и др.) выражали сомнение: «Не слишком ли мы уступчивы, пожалуй, нужно бы было взять линию покруче» (Зап. Оренбург. ГК о настроен. масс в связи с разр. с Англ., 28.VI.27 г.)

Бийский окр. (Сибирь).

«Часть рабочих рассуждают так: «Занимаемся бюрократической перепиской (ноты) с буржуазией, нужно с ней разговаривать винтовкой (лесозавод, махор. ф-ка)» (Инф. св. № 16 Бийск. ОК, 30.VI.27 г.).

Возможность войны у отдельных рабочих вызывает боязнь иностранной техники, неуверенность в поддержке со стороны рабочих Запада, опасение голода и неверие в победу над империалистами. Наиболее отсталая часть рабочих (Брянск. губ.) поддается панике, старается запастись продуктами на случай войны.

Грозненский окр.

«Войны не хочется потому, что Англия технически сильнее нас и мы безусловно потерпим крах» (Водоканал) (Зап. Грозн. ОК о настро. масс в связи с разр. с Англией от 5.VII.27 г.).

Николаевский окр. (УССР).

«Небольшая часть рабочих и некоторая часть исключенных членов партии настроена пораженчески. Они гово-

рят: «Нас раздавят как мух; куда нам драться с такими странами, как Англия и т. д. Этим разговорам значительно способствует имеющийся на заводе контрреволюционный элемент» (Св. Никол. ОК от 25.VI.27 г. о настроен. бесн. масс в связи с международ. событ.).

Сев. Зап. обл.

«Возможность войны у отдельных рабочих вызывает паническое настроение, неуверенность в поддержке со стороны иностранных рабочих. Некоторые говорят: «Теперь капитализм победит. На союз международных рабочих мало надежды» (Информ. св. Севзапбюро № 8 22.VI.27 г.).

Брянская губ.

«О настроении панического характера в связи с последними международными событиями говорят факты закупки продуктов. Например, рабочими Ивосской и Чернятинской стекольных фабрик со дня разрыва с Англией происходит усиленная закупка продуктов первой необходимости: соли, муки, сахара и т. п. Есть рабочие, которые закупили по 20–25 п. муки и пудов по 5 соли» (Сводка № 3 Брянск. ГК от 1 августа 1927 г.).

Ряд партийных комитетов отмечают усиление антисоветской агитации на предприятиях, как со стороны явно враждебных советской власти элементов (бывш. офицеры и проч.), так и со стороны отдельных антисоветски настроенных рабочих. Были случаи распространения антисоветских воззваний, листовок и присылки анонимных писем.

Кузнецкий округ (Сибирь).

Некоторые из рабочих Химзавода, наиболее отсталые и антисоветски настроенные, «используют китайские и английские события в целях агитации за избиение коммунистов и хозяйственников». Среди рабочих они ведут такую агитацию:

«В Китае расстреливают коммунистов, надо братья за них и у нас». «С Англией конфликт, скоро будет война, надо приниматься за наших коммунистов и хозяйственников».

Этими же рабочими на Химзаводе было расклеено такое воззвание:

«Товарищи рабочие и крестьяне Сибири! Нэпман и спец, вот кто хозяин в СССР, бывшие жандармы, торговцы, офицеры и прочая сволочь захватили власть в свои руки. Они блаженствуют, катаются на рысаках, растрачивают народные деньги, пот и кровь рабочих, а рабочие по-прежнему живут в конурах, за свой труд получают гроши. Пора, товарищи рабочие, напомнить о себе. Если наши вожди пошли в ногу с врагами трудящихся, то мы их заставим помнить о нас. Все на борьбу с врагами трудящихся. Да здравствует красный террор. ЦИК Красных террористов Сибири».
(Прот. № 17 бюро Кузнецк. ОК от 28 июня 1927 г.)

Вознесенская губ.

«За последнее время, кроме провокационных слухов, зарегистрированы случаи подбрасывания записок с целью создания паники среди населения. Так, близ поселка Кучина была поднята валяющаяся на земле загрязненная записка следующего содержания: «Середа — ожидай пожара на той неделе, когда пойдут со смены, мы выпустим 10 бомб, погубим весь народ, дело будет в среду или четверг, война — все равно. Долой Советскую власть». Кроме того, в почтовом ящике была обнаружена подобного характера записка: «Почта, телефон: берегись взрыва, враг ваш — абонент телефона, который был 22 июня вечером первый раз, храните телефоны». (Инф. св. № 14 Ив.-Возн. ГК, 10 июля 1927 г.)

Ленинград.

«Антисоветская агитация в мае возросла до 103 случаев (в апреле отмечено 40 случаев), что стоит в связи с последними событиями». «Антисоветские выступления в связи с этим отмечены на предприятиях: Трубочный завод, Северо-судостроительная верфь, Кр. путиловец, Электросила, зав. им. Егорова, ф-ка Бела Кун, ф-ка «Скороход», Лесопильный зав. Кроме того, были обнаружены листовки на некоторых предприятиях; так, на гос. литографии «Печатный двор» найдено стихотворение антисемитского характера. Такие же летучки обнаружены на з-де «Вагранка» и зав. им. Семашко. В последнем летучка широко распростра-

нялась, переписывалась и перекидывалась из цеха в цех». (Инф. св. СЗВ № 8 от 22 июля 1927 г.).

Красноярский окр. (Сибирь).

В редакцию «Красноярский рабочий» поступило анонимное письмо такого содержания:

«Я, как рабочий, уже более двадцати лет в железнодорожных мастерских. Правда, беспартийный, хочу сказать и предсказать, потому что я знаю своих рабочих.

Мы, рабочие, включая рядовых коммунистов, воевать не хотим, а потому наше правительство, которое во время империалистической войны бросило нам, рабочим, лозунг “долой войну”, обязано обеспечить мирную жизнь, нам этот мир обещали на красных знаменах, и мы шли за этот мир тяжелой борьбой, и мы будем стоять за мир и за Советскую власть. Но если наша власть не сумеет обеспечить нам мир, который обещала, клянусь чем хотите, товарищи, что Советской власти у нас не будет, потому что не только крестьянин, но даже 90% ленинского призыва воевать не пойдут, потому что войны нам надоели.

Наше правительство, не зная броду, а лезет в воду, но начинает, как и старое правительство, не спрашивать воли народа, действует самостоятельно, пусть отвечает за свои действия, правительству никто не давал права в азартной игре бросать народ в жертву войны. Поверьте мне, что это не только мои одного слова, так мыслят много партийных, но только не высказываются вслух». (Инф. св. Сибкр., 25 июня 1927 г.)

Владимирская губ.

«На ф-ке “Свободный пролетарий” Вязниковского уезда со стороны рабочего было заявление такого характера: “Увидим, как коммунисты штанами затрясут, а мы в стороне, ведь не всех рабочих вешать будут. Я не пойду на войну, а если уже прикажут, то толку из меня мало будет” (Инф. сводка Владимирск. ГК от 1 июля 1927 г.).

Брянская губ.

«Среди отдельных рабочих имеется недовольство коммунистами, выливающимся у некоторых в очень резкие вы-

ступления, как против коммунистов, так и против соввласти, например: 1) «Ну что же, если нам объявят войну, то пойдем воевать, но только заставим с собой идти и директоров фабрик на войну»; 2) «На случай переворота в СССР я в первую очередь пойду против коммунистов и буду резать каждого из них беспощадным образом». (Заявл. рабоч. Знеборской ф-ки, барышник, б. меньшевик). (Сводка № 3 Брянск. ГК от 1 июля 1927 г.).

Луганский окр. (УССР).

«Отмечено 5 случаев выступлений антисоветского характера. Например: “Будет война и мы тогда покажем коммунистам и жидам”.

Эти настроения исходили от лиц, явно враждебных советской власти, бывших офицеров и т. д.» (Сводка № 4, Луганск. ОК от 18 июня 1927 г.).

2. Отношение крестьян к военной опасности

В материалах ряда партийных комитетов (Сев.-Зап. бюро, Брянского ГК, Сибкрайкома, Николаевского ОК, Рязанского ГК, Волынского и Новосибирского ОК) отмечается, что основная масса бедняцко-средняцкой части деревни войны не хочет, мирную политику Советской власти вполне одобряет, но вместе с тем заявляет о своей готовности в случае необходимости выступить на защиту Советской власти.

Сев.-Зап. обл.

«Основная масса середняцко-бедняцкой части деревни выражает полную поддержку соввласти и высказывает необходимость защищать ее в случае нападения. Например, в селе Титовке Старосельской волости 75-летний старик выступил и заявил: «Я стар, не коммунист, хожу в церковь, но заявляю всему сходу, что первый пойду на войну и задушу своими старыми руками всех тех, кто хочет нам мешать мирно жить». (Сводка № 3 Брянск. ГК от 1 августа 1927 г.).

Сибирь (Омский окр.)

Общий тон выступлений крестьян проникнут нежеланием войны, боязнью разрухи и т. д. «Нужно просить наше правительство, чтобы оно приняло все меры, чтобы войны

избежать, пускай прибавит лучше больше налога и откупится от “англичанки”». Нежеланием воевать проникнуты и многие резолюции, выносимые на сельсходах. Сообщают также о многочисленных выступлениях середняков, заявляющих. «Когда нас начнут колотить, мы не дадим себя в обиду».

Рубцовский окр.

«В Локтомском районе Рубцовского округа крестьяне заявляли: “Мы не забудем плетей Колчака, мы покажем им”». (Инф. св. Сибкр. от 25 июня 1927 г.)

Новосибирский окр.

«Два середняка говорят: “Мы воевать не хотим, но свободу всегда отстоим, не за царя будем воевать, а сами за себя”». (Св. Новосибир. ОК, 10 июня 1927 г.)

Барнаульский окр.

«В Залесовском районе в некоторых селах имеются разговоры крестьян, что “Мы еще не прочь повоевать с буржуями, если они нападут на нас”». (Инф. св. № 15 Сибкрайкома, июнь 1927 г.)

Бийский окр.

«Если только объявят войну и пойдут на СССР буржуи, то в нашей стране силы хватит и мы пойдем защищать нашу родную Советскую власть. Но все же войну никак не нужно бы». (св. Бийск. ОК от 1 июня 1927 г.)

Николаевский окр. (УССР)

«В с. Константиновка крестьяне в беседе целиком одобрили политику партии по отношению к новой угрозе войны как политику мира. Это мнение является общим среди крестьянства, за исключением кулацкого контрреволюционного элемента». (Сводка Николаевского ОК о полит. настр. беспарт. масс в связи с межд. полож. от 25 июня 1927 г.)

Рязанская губ.

На объединенном пленуме ГИКа и горсовета в своем выступлении крестьянка — член ГИКа — сказала: «Выступающие говорили относительно войны. Хоть слушать это волнует, не хочется идти, а придется пуститься, чтобы защищать свободу родную. Нужно в деревне готовить народ к

обороне. Мужики не хотят ходить под плеткой барина. А насчет женщин — душой говорю, они лучше, чем другой мужчина пойдут в окопы, если нужда в этом будет». (Инф. св. Рязанск. ГК, УП — 27 г.)

Волынский окр. (УССР)

На сходах со стороны селян были такие заявления: «Що, кого, кого, а Польшу-то бити будемо». (Новоград-волын. р-н)

«Пора вже було бы дати прочухатись капиталистам» (Ярынский район). (Инф. отчет Волын. ОК от 5 июля 1927 г.)

Наряду с заявлениями бедняцко-средняцкого большинства деревни о готовности в случае войны выступить на защиту СССР, в отдельных случаях имеются выступления антисоветского характера, говорящие о наличии кулацкого влияния в деревне.

Костромск. губ.

«В Большесольской и Шунгенской волостях настроение крестьян, пожалуй, у большинства не в пользу Советской власти, некоторые крестьяне говорили: “Давайте принимать резолюцию, что мы на все готовы, а когда дадут в руки оружие, мы еще посмотрим, куда и на кого идти”». (Инф. сводка Костром. ГК, июнь 1927 г.)

Сибирь (Барнаульск. окр.)

«Имеются случаи безразличного отношения бедноты к вопросам международного положения (Косих. р-н Барнаульск. окр.). Беднота, будучи слабо развита, слабо разбирается в вопросах, есть случаи поддержки выступлений кулацкой точки зрения». (Инф. св. Сибкр. от 26 июня 1927 г.)

Красноярский окр.

«Мы пойдем воевать, но будем воевать и с теми, которые получают кругленькие ставки». (Инф. сводка № 18 Красноярск. ОК, 20 июня 1927 г.)

3. Настроение среди бывших партизан

Материалы Сибкрайкома отмечают наличие воинственного настроения среди бывших партизан в ряде округов. Такое настроение имеется в некоторых местах и среди членов партии.

Сибирь.

«В значительном числе партизанских районов настроение воинственное. Есть целые села, настоятельно требующие “начать отпор”». (Пироговский р-н, Красноярск. окр.)

«Весьма распространены разговоры: “Придет война, справимся со всеми гадами, потом пойдем на защиту Октября” (Кусковский р-н, Томск. окр.). Уже сейчас возможность такой расправы намечается рельефно. Ячейкам приходится сдерживать такие попытки со стороны партизан. В дер. Волынка (Богот. р. Ачин. окр.) один высказывающийся против сов. власти был избит крестьянами».

«В Уярском р-не Красноярск. окр. (Партизанский р-н) убийство Войкова создало такое настроение, когда партизаны готовы были разорвать имеющийся антисоветский элемент». (Инф. сводка Сибкр. от 25 июня 1927 г.)

«Члены партии в отношении международного положения настроены нетерпеливо и воинственно». (Золосовен. р-н Барнаульск. окр.)

«В партийной среде, особенно среди бывших партизан, сильно распространены настроения за скорую войну» (Рубцовский окр.). (Инф. св. № 15 Сибкрайк. 2 июля 1927 г.).

4. Отклики рабочих и крестьян на расстрел 20 белогвардейцев

В инф. сводках партийных комитетов Ив. Вознесенского ГК, Грозненского ОК, Николаевского, Лубенского ОК (УССР) и Бийского ОК (Сибирь) отмечается, что расстрел в Москве 20 белогвардейцев встретил одобрение как среди рабочих, так и среди крестьянских масс.

Ив.-Вознесенская губ.

«По поводу расстрела 20 белогвардейцев рабочий Петрищевской м-ры заявил: “Если бы такие расстрелы делали почаще, тогда бы контрреволюционных выступлений было меньше”».

«Аналогичное мнение высказывали рабочие ф-ки Зарядье и НИВМ». (Инф. св. № 14, Ив. Возн. ГК от 13 июля 1927 г.)

Грозненский ОК (СККР)

Рабочие нефтеперегон. з-дов старых и новых промыслов по поводу расстрела 20-ти заявили: «Давно бы пора так поступать с гадами» (Запис. Грознен. ОК о настроении масс, 5 июля 1927 г.)

Николаевский окр. (УССР)

«Ознакомившись с приговором о расстреле 20 контрреволюционеров, крестьяне всецело это одобряют, говоря, что еще нужно лучше “почистить”, у нас еще есть много генералов, помещиков и князей». (Сводка Николаевского ОК о настроен. масс 25 июня 1927 г.)

Лубенский окр. (УССР)

«Расстрел 20-ти бедняцко-средняцкие массы селянства целиком одобряют. В некоторых селах высказывались за усиление репрессий по отношению к контрреволюционерам». (Св. Лубен. ОК о настр. масс, 24 июня 1927 г.)

Бийский окр. (Сибирь)

«В беседах крестьяне говорили: “Надо усилить террор. В Москве расстреляли 20 контрреволюционеров, надо всю контрреволюцию расстрелять”». (Тогульск. р.). (Инф. св. № 16 Бийск. ОК от 5 июля 1927 г.)

5. Антисоветские настроения в деревне в связи с угрозой войны

Ряд парткомов отмечают факты, показывающие усиление деятельности антисоветских элементов в деревне в связи с угрозой войны. Наряду с распространением всевозможных слухов, наводящих иногда панику на крестьянское население, антисоветский элемент ведет агитацию против Советской власти и партии, призывает крестьян к избийению коммунистов (Сибирь, Карачаевск. окр., ОККР), к восстанию в случае возникновения войны (Сев. Зап. обл., Оренбургск. губ.). Были случаи поджога хозяйств коммунистов (Новосибирск. окр.), разгрома сельсоветов (Оренбург. губ.)

Сев. Зап. обл.

«В деревне за последнее время отмечается усиление антисоветской агитации. Всего случаев антисоветской агита-

ции в деревне за май месяц отмечено 174 (в апреле — 134). Эта агитация исходит главным образом от торговцев, зажиточных крестьян и духовенства.

Усиление антисоветской агитации в связи с осложнениями в международной обстановке отмечают также Новгородский и Псковский ГК. Отчасти этой причиной объясняется паническое настроение среди некоторой части крестьян, усиленно заготавливающей хлеб, соль, керосин на случай войны (Псковская, Ленинградская и Череповецкая губ.). В последней имел место случай, когда крестьяне не уходили на заработки из-за ожидания мобилизации». (Инф. св. Севзапбюро № 8 от 22 июня 1927 г.).

«Деятельность антисоветского элемента в связи с угрозой войны выражается: а) в распускании сеющих панику слухов о походе всех держав против СССР, о начавшейся мобилизации, о восстаниях и т. д., б) в надеждах на приход белых и восстановление “старых порядков”, в) в открытой агитации за неявку на мобилизацию и восстание против Советской власти в случае объявления войны. Во многих случаях эти разговоры сопровождаются призывами к избитию коммунистов». (Справка Севзапбюро об откликах к-н на угрозу войны от 25 июня 1927 г.)

Сибирь (Бийский окр.)

«В с. Булахино на Троицу организовали пикник 15 человек (поп, дьякон, 5 кулаков, секретарь с/с, бывш. член ВКП и др.) и провели собрание. Договорились, как действовать в известную минуту. Говорят: оставим только трех коммунистов, пока не поздно, пусть присоединяются, посмотрим, чья возьмет». (Инф. св. Бийск. ОК от 1 июня 1927 г.)

Славгородский, Омский и Томский окр.

«Военная опасность вызвала в деревне усиление распространения различных слухов. Распространен слух о готовящемся перевороте и о том, что коммунистов будут убивать (с. Бострово, Славгородского окр.). В Омском округе Калачинского района прошел слух “о мобилизации до 40 л.”. В Томском округе, дер. Кусково, ходит слух, что “война должна быть внутренняя не больше 5–6 дней, чтобы покончить

с коммунистами”. Источниками слухов является кулачество, муллы, баптисты и их агитация. Источниками контрреволюц. агитации в некоторых районах является письменная связь с эмигрантами заграницы, в частности из Китая. Последние в своих письмах выражают надежды «прибыть домой». (Инф. св. Сибкр. о настр. масс в связи с межд. обстан. 2 июля 1927 г.)

Новосибирский окр.

«В одной деревне Каменского р-на неизвестные лица подожгли дом секретаря партячейки, который был докладчиком на собрании. В той же деревне бывший эс-эр распустил слухи о письме, в котором будто бы говорится, что подожгут с трех сторон. В связи с этими слухами некоторые крестьяне стали вывозить из села свои вещи. На другой день подожгли хутор “Новая жизнь” и сожгли хозяйство трех коммунистов. По селу ходят слухи, что очередь осталась за другими». (Св. Новосибирск. ОК о разъясн. камп. межд. полож., 13 июля 1927 г.)

Оренбургская губ.

«Распространением слухов занимаются главным образом кулаки, попы и бывшие белые офицеры. Эти группы возлагают надежду на то, что с началом войны Советская власть падет. Поэтому некоторые из них делают вывод, что нужно самим готовиться к восстанию внутри, готовиться к срыву мобилизации. Некоторые из них настолько осмелели, что допускают демонстративно хулиганские выходы против партийных работников на селе. В селе Перовском Оренбургского уезда ночью произвели налет на помещение с/совета, порвали портреты вождей и все обязательные постановления и приказы.

Вся эта работа ведется белогвардейцами-казаками под руководством есаула Пущаева, который прибыл в п. Перовск. недавно из Китая». (Зап. Оренбург. ГК о настроен. масс о межд. полож. от 28 июня 1927 г.)

Карачаевский окр. (СККр)

«В ауле Хасаут Мало-Карачаевского округа один из наиболее антисоветски настроенных кулаков два раза высту-

пал в мечети перед сходом г-н. Сущность его выступления сводилась к следующему:

Китайская революция подавлена, армия разбита и бежит в СССР, размещаясь по крупным городам Союза. В самом ближайшем будущем империалисты придушат и СССР.

Исходя из этого, самая ближайшая задача аула установить в данный момент бдительное наблюдение за ячейками ВКП(б) и ВЛКСМ, чтобы к приходу белых не дать им скрыться и выдать как противников белых».

«Этим же кулаком была создана “коллегия” из реакционных представителей кулачества и дворянства, которая составила списки коммунистов и комсомольцев, коих при перемене строя необходимо предать смертной казни.

Слух и решения этой группы быстро распространился по аулу и вызвал паникерство среди части комсомольцев и коммунистов». (Сводка Карачаевск. ОК от 1 июля 1927 г.)

Саратовская губ.

«На собрании крестьян в с. М.-Сордобе (Петров. у.) во время доклада о международном положении раздавались враждебные, демагогические выкрики кулаков, которые на собрании взяли верх и пункт резолюции по докладу, говорящий о готовности трудящихся СССР к защите своего государства, не приняли. На собрании другого общества этой же М. Сордобы крестьяне под давлением кулаков совершенно отказались от резолюции. Аналогичные явления отмечены в Вольском уезде — в селе Гавриловке резолюцию по докладу отклонили, не приняв даже доклад к сведению лишь потому, что выступил зажиточный крестьянин, который сказал: “Сейчас такое опасное время, когда нужно быть осторожным, и если мы примем к сведению, это значит, мы принимаем резолюцию и идем воевать”». (Инф. сводка № 2 Саратовск. ГК, УП — 1927 г.)

Материалы Винницкого и Херсонского парткомов отмечают усиление деятельности банд.

УССР (Винницкий окр.)

«В связи с политическими событиями в местечках Винницкого округа создалось паническое настроение. Паника

усилилась особенно потому, что в ряде мест за последнее время были бандитские нападения на дорогах.

Особенно тяжелое впечатление произвело на еврейское население убийство 8 ливерантов на дороге. Причем 2 ливерантов-христиан убийцы отпустили и даже не ограбили, а евреев всех до одного зверски убили. Местечко стало говорить об организации самообороны». (Письмо секр. евр. секции при Винницк. окркоме, 30 июня 1927 г.)

Херсонский окр.

«В последние дни в связи с событиями появились банды, совершившие несколько нападений и убившие 10–12 человек на дорогах». (Письмо секр. райкома евр. района Калининдорф. в Херсонск. округе от 13 июля 1927 г.)

6. Влияние антисоветской агитации на коммунистов, комсомольцев и пионеров в деревне

Материалы партийных комитетов — Московского, Саратовского, Оренбургского ГК, Сибкрайкома и Б.-Монгольского обк. отмечают отдельные случаи выходов из комсомола и пионеротрядов под влиянием антисоветской агитации и различных слухов о войне. Антисоветская агитация иногда оказывает влияние и на отдельных членов партии (Оренбург. губ.).

Московская губ.

«В связи с последними событиями отмечено несколько случаев выхода из комсомола из-за боязни, что если будет война, то их первых возьмут. Крестьянин Лобановской волости требовал выхода из комсомола своего сына, говоря, что будет война, тебя возьмут, а хозяйство мое подымать некому. Одновременно с этим отмечается, что служащие, ранее подавшие заявление в комсомол, теперь занимают выжидательную политику» (Бронницкий уезд). (Инф. св. МК ВКП(б) по 1 июля 1927 г.)

Саратовская губ.

«В селе Б. Камышинке (Петров. у.) разбегаются отряд юных пионеров ввиду того, что скоро начнется война. В разных селах Сердобского уезда имеются два случая добро-

вольного выхода из КСМ и 11 — из пионеров. Часть пионеров после разъяснения вернулись в организацию». (Инф. сводка № 2, Саратовск. ГК, июль 1927 г.)

Сибирь (Бийск. и Красноярск. окр.)

«Наличие панического настроения у крестьянства выражается и в случае выходов из отрядов пионеров и комсомола. В Смоленском районе Бийского окр. вышли из отряда 5 пионеров и поступило заявление от комсомольцев “мы не хотим быть комсомольцами”.

В Балахтинском р-не Краснояр. окр. были 2 случая выхода из комсомола, в Пировском районе — вышли из отряда 9 пионеров. Однако такого рода явления не носят массового характера». (Инф. св. Сибкр., под 2 июля 1927 г.)

«В с. Алтайском Бийск. окр. одна пионерка настоятельно просила вожатого выписать ее из пионеров, мотивируя тем, что скоро придут китайцы, сначала будут вешать пионеров, а потом и остальных». (Инф. св. Сибкрайкома № 15 по 8 июня 1927 г.)

Бур.-Монгольская область

Под влиянием различных слухов о войне две пионерки с. Горячинска вышли из организации. На вопрос вожатого о причинах выхода заявили: «Говорят, что скоро будет война и всех пионеров будут убивать». (Инф. св. Бур.-Монгол. ОК от 28 июня 1927 г.)

Оренбургская орг-ция

«Секретарь ячейки ВКП(б) станицы Краснохолмской получил от своего односельчанина-белогвардейца письмо из Китая, в котором тот пишет, что скоро увидимся, намекает на приход белых. После этого письма секретарь ячейки начал подлаживаться к кулакам и антисоветским элементам на селе». (Записк. Оренбургск. ГК о настр. насел. в связи с разр. Англ. отнош. от 28 июня 1927 г.)

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 12–23.

**5. Закрытое письмо от секретаря
Челябинского окружного комитета ВКП(б).
По вопросу: о политнастроениях⁴**

Секретно
28 сентября 1927 г.
Центральному комитету,
копия Уральскому областному комитету ВКП(б)

Некоторые моменты из политнастроений рабочих и крестьян нашего округа нами были освещены в посланных Вам бюллетенях.

Ставя целью настоящим письмом дать несколько обобщенный материал по поставленному вопросу, считаем нужным включить в него ряд фактов, характеризующих политнастроения различных групп населения, по времени относящихся к проведению парторганизациями округа собраний и митингов, посвященных разрыву англо-советских отношений и убийству тов. Войкова.

За отсутствием в нашем распоряжении общеокружных цифровых данных, мы не можем указать на количество проведенных по округу по этому вопросу собраний и митингов и о количественном охвате ими населения, однако считаем нужным отметить, что разъяснению населению этих вопросов парторганизациями было уделено значительное внимание. Так, в городских центрах, помимо собраний и митингов по предприятиях, по решению бюро ОК дважды были проведены общерайонные митинги по трем городским районам и затем общегородской митинг в связи с убийством тов. Войкова. По большинству сельских местностей также были проведены митинги и собрания.

Судить о том, насколько был проявлен интерес массы к событиям в связи с разрывом отношений с Англией, можно хотя бы по тому, что, например, в городских районах помещения, в которых проводились митинги, не могли полностью вместить собравшегося количества участников. Прочими показателями политнастроений за данный период являлись проводимые компании, как то — «Неделя обороны»,

«О разъяснении с/х налога», митинги с протестом против казни Сакко и Ванцетти⁵.

Основываясь на ряде материалов и фактах по результатам проведения упомянутых выше кампаний и митингов, общая характеристика политического положения нами может быть дана такова:

а) что политическое настроение подавляющего большинства рабочих и основной части крестьянства (бедняки, середняки) в общем ЗДОРОВОЕ;

б) что наряду с общими положительными сторонами в политнастроении населения, события в международном положении последнего времени, в момент разрыва англо-советских отношений, заметно окрылили выступления с выпадами против Советской власти и партии кулацко-зажиточной части населения и антисоветского элемента, проявление антисоветской активности со стороны кулацко-зажиточной части деревни и антисоветского элемента идет как по линии участвовавших случаев выступлений с демагогической критикой правительственных мероприятий, так и по линии открытого выражения недовольств партией и Советской властью.

В подтверждение сделанного нами вывода, не останавливаясь на подробной характеристике всех тех положительных сторон, которые мы имеем в политсостоянии, о чем нами частично было дано освещение в последнем нашем бюллетене, намерены ниже сего остановиться на освещении отношений населения к вопросам военной опасности вообще и привести ряд известных нам фактов из отрицательных моментов.

Период с момента известия о разрыве англо-советских отношений до развертывания парторганизациями разъяснительной работы по этому поводу, для ряда населенных пунктов сельместностей был характерен тем, что факт разрыва был понят за факт немедленного возникновения войны. Такому пониманию обстановки способствовали ряд объективных причин (как то временный недостаток товаров) и пущенные со стороны антисоветского элемента разного рода провокационные слухи. В силу сказанного во мно-

гих местах население начало спешно запастись продуктами первой необходимости и т. п. на случай возможной войны. Малейшая заминка в деятельности кооперативов, обуславливающаяся временной нехваткой товаров, принималась населением за факт возникновения войны. В результате разъяснительной работы подобные мнения населения изживаются, но все же временные перебои в снабжении товаров, при запоздалой по этому поводу газетной информации, населением даже города принимаются за признаки осложнений в связи с приближением войны.

При проведении собраний и митингов как общее явление сообщение об осложнениях международной обстановки крестьянами выслушивались с большим вниманием. Как сообщает ряд секретарей деревенских районов, голосование резолюций на указанных митингах и собраниях, выражающих протест и возмущение против выпадов английской буржуазии — проходило с большим единодушием.

В ряде мест крестьянами поднимался вопрос: почему наше правительство терпит всякие нападки и не принимает каких-либо иных мер с буржуазией. Вообще же, как общее явление, мнения основной части крестьянства, которые удалось установить при проведении собраний и митингов в основном сводятся к тому, чтобы избежать войны.

«Лучше откупиться хлебом, налогом, но не воевать».

«Какой угодно ценой уступок войну предотвратить».

«Для того, чтобы оттянуть войну, согласно заплатить налог в два раза больше».

«Какими путями избежать войны».

Наряду с общим нежеланием войны, крестьянство проявляет интерес и о том, насколько мы сумеем справиться с буржуазией в случае ее похода на нас; как на типичные в этом отношении, можно указать на разговоры:

«Как наша страна готовится к войне».

«Способны ли мы противостоять Англии».

«Какое количество у нас армии».

«Как реагируют рабочие и крестьяне буржуазных государств по вопросу войны с нами».

Следует особо подчеркнуть, что на основании вышеизложенного ни в какой степени нельзя судить (как это неправильно может быть понято) о нежелании крестьянства вообще, когда это потребуется выступить на защиту своего государства или о неверии в собственные силы. Приведенные мнения характерны лишь тем, что крестьянство солидаризируется с линией нашего правительства и партии «За мир, за мирную политику». Говоря же вообще о том, насколько крестьянство готово выступить на защиту страны, мы можем указать в этом отношении только на положительные факты. Вот, например, одно из характерных выступлений — середняка.

«Пусть знает Чемберлен, что нам дорога Советская власть и мы ее будем защищать».

Содержание принятых резолюций на общих собраниях и митингах также выражают готовность населения в момент, когда это потребуется, выступить на защиту Советской власти. Насколько было серьезное голосование резолюций, видно хотя бы по такому факту:

В п. Звягинском Варламовского района, при принятии резолюции по докладу о международном положении один из граждан выступил, заявив, «что собранию не надо выносить никакой резолюции, а то в случае переворота нам за эту резолюцию попадет».

Несмотря на такое заявление, собрание резолюцию вынесло.

В нашем распоряжении пока не имеется законченных итоговых данных о результатах проведения «Недели обороны страны» по всему округу, но судя по ряду отдельных сообщений из районов, данная кампания прошла успешно и в смысле разъяснения населению международной обстановки, и в смысле отношения к кампании населения как по материальному участию, так и в общем удовлетворительном отношении.

Как нами уже было сказано выше, за этот период участились случаи антисоветских выступлений. Эти выступления, не будучи массовыми явлениями, а отдельными еди-

ничными случаями, в основном характерны тем, что кулаки и антисоветский элемент более открыто начинает выражать свое недовольство властью и партией, пророча последним скорую и неизбежную гибель:

«Будет война, перережем коммунистов», «коммунисты думают, что мы пойдем воевать, нет, не пойдем. Пусть воюют одни коммунисты», «какая может быть революция, пусть кому нужно, воюют, а мы не пойдем, нам Советская власть ничего не дала, а только последнее обобрала налогом», «только бы открылась война, а там песенка спета».

Вот типичные разговоры антисоветского элемента, отмеченные большинством районных организаций деревни.

В своей антисоветской деятельности кулаки прибегают и к чисто провокационным действиям, стараясь при всяком удобном случае внести разного рода панику в здоровое настроение населения. Так, отмечают такие факты:

«Война уже идет. Не пойдут деньги, рублики, тройки и пятерки».

«Война начались, уже раненых везут с фронта». «Англия изобрела снаряды, в одну минуту Москвы не будет», «война началась, будут отбирать скот».

В результате подобной деятельности наблюдались случаи действительной продажи скота, во всяком случае, в среде крестьянства существует тенденция к продаже хороших лошадей по тем соображениям, что их все равно отберут.

Иногда кулаку в своей деятельности удается перетянуть на свою сторону середняка, а в особенности это отмечается по районам с составом казацкого населения. Приводим характерное выступление одного казака — середняка:

«Война началась, а нам не объявляют, потому что знают, что мы воевать не пойдем, а будем давить местную власть и коммунистов».

Вообще же наиболее ярко выраженное недовольство со стороны кулацко-зажиточной части отмечается преимущественно по казачьим районам. Характерные разговоры в беседе одного из кулаков — казака:

«Советская власть хороша, кто ее будет хаять, но она хороша без коммунистов. Казачество живет пока лишь тем, что пока еще живы старики, они выступают против коммунистов, если бы нас не было, одна молодежь ничего не сделала бы, душили бы нас тогда коммунисты».

Как сообщает секретарь Миасского райкома (казачьего), в религиозные праздники, в разгар пьянки населения, много идет разговоров о войне, в итоге которых антисоветско-кулацкий элемент приходит к выводу: «Бей коммунистов». Отмечаются отдельные случаи, когда эти разговоры разделяются середняками и отдельными «обиженными» бедняками.

Настроения в связи с с/х налогом

Из наиболее характерных мнений и требований по вопросу о с/х налоге следует указать на такие:

«Почему увеличен налог в этом году». «При обложении учитывается ли обстановка сельского хозяйства, т. е. расход на инвентарь, машины, ремонты и т. д.» «Налог надо брать с излишков, учитывая все его расходы». «Крестьянин платит два налога, платит отдельно за лошадь, которая пашет и косит, создавая самым этим доходность крестьянского хозяйства».

Эти типичные мнения главным образом зажиточной части и отдельных середняков.

Характерные требования зажиточных по вопросу об обложении налогом. Вот, например, выступления одного из зажиточных:

«Дайте примерно на нашу деревню 3000 руб. налога, а мы сами найдем объекты обложения и более правильно сделаем».

Не менее характерным представляется мнение, выявленное из вопросов и такого порядка:

«Платят ли рабочие и служащие налог, получающие свыше 1000 руб. в год, и как они помогают государству при накоплении средств внутри страны».

«Рабочие и служащие получают жалование, почему и крестьянину при учете объектов обложения тоже не положить жалование».

Говоря вообще о настроениях в связи с налогом, нужно признать, что настроение большинства населения в общем удовлетворительное. Ход поступления налога в сравнении с прошлым годом это подтверждает.

Настроения отдельных рабочих

Настроение рабочих, как нами указано было выше, в общем — здоровое.

Это можно было бы подтвердить целым рядом фактов, в частности по отношению рабочих к тем же проводимым кампаниям в городе и на копиях.

Правда, отдельные недовольства рабочих были и есть, и все они возникают на материальной почве, проявляясь главным образом в моменты пересмотра норм выработки.

Из характерных по этому вопросу фактов можем указать на следующие:

а) На плужном заводе «Колощенко» в июне месяце были пересмотрены нормы выработки в сторону их повышения, ввиду несоответствия зарплаты с ростом производительности труда. Пересмотру норм предшествовала значительная подработка и разъяснение этого вопроса, в ходе которых особых массовых недовольств не выражалось. Однако проведение этой меры на первое время не могло не отразиться болезненно на производстве, выразившись в понижении производительности труда. Так, если до пересмотра норм в июне месяце на одну рабпиденщину механ. сборного цеха выработка составляла 32 плуга, то после пересмотра в течение июля и до 10 августа выработка понизилась до 22 плугов.

С 10 августа положение выправилось.

б) Отмечаются факты выражения недовольства отдельных рабочих и такими мероприятиями, как выдача премий администрации. В данном случае, как сообщает секретарь железнодорожного коллектива, рабочие говорят «Вот куда идет наш материал и наши расценки». Но все эти факты являются единичными, на основании которых говорить сколько-нибудь об общих массовых недовольствах мы не можем. Правда, в текущем месяце в середине строительных работ (50 чел.) сезонников — работающих на постройке домов,

мы имели волынку на почве требований с их стороны выдачи заработка вперед при наличии их солидного забора раньше этого. В результате отказа в их требовании 12 основных рабочих покинули работу, уехав без предупреждения.

Из фактов антисоветской деятельности в среде рабочих мы можем указать на изоляцию по линии органов ГПУ шести рабочих с 3-го участка службы тяги Омск. ж/д ст. Челябинск.

По времени работы на производстве указанные рабочие являются старыми рабочими. Двое из них состояли раньше в партии, один бывший эс-эр, подвергавшийся аресту при Колчаке, один уже в 21 г. подвергался аресту за призыв к забастовке, двое из рабочих активно участвовали при эвакуации мастерских к Колчаку и один бывший начальник милиции.

Антисоветская работа указанной группы велась систематически в продолжение изрядного времени.

В перевыборную кампанию горсоветов деятельность их, например, выразилась в призыве рабочих к бойкоту перевыборов (призывали рабочих не ходить на перевыборные собрания), и наиболее ярко антисоветская деятельность обнаружилась в момент разрыва англо-советских отношений, выразившись в внедрении в рабочие массы идей поражения, в критике правительственных мероприятий, в особенности по рабочему вопросу, в критике членов правительства и пр.

Говорить о том, что эта группа сколько-нибудь крепко была связана с рабочими, нельзя, т. к., за исключением единичных случаев, отзывы большинства рабочих о изоляции их с производства являются одобрительными.

Характеризуя настроения рабочих, нельзя не сказать, что начавшаяся проработка решений пленума ЦК в парторганизациях находит некоторое отражение и на рабочей массе. Мы пока не имеем проверенных данных, но существует определенное предположение партработников о том, что скрытая работа оппозиционных партийцев переносится на настроение рабочих.

Как утверждает руководитель ж.д. партколлектива, при бывшем недавно из одного свердловского университета, коммунистом ведется вербовка среди несознательных рабочих коммунистов и молодежи за взгляды оппозиции.

Вообще, говоря о наличии в нашей организации оппозиционно настроенных партийцев, то следует сказать, что их, как выявила проработка решений пленума ЦК, насчитывается очень небольшое количество, из которого числа большая цифра падает на указанный ж.д. партколлектив.

Высылая при этом сводку о проработке решений августовского объединенного пленума ЦК и ЦКК, мы специально не останавливаемся на состоянии парторганизации, т. к. указанная сводка позволяет прийти к выводам, что абсолютное большинство организаций стоит на верной платформе большинства ЦК и партии.

Зам. отв. секретарь ОК: (Усачев).

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 87. Л. 109–116.

5. Информационное сообщение № 1 о политическом состоянии Уральской области⁶

Июнь-август 1927 г.

Общее политическое настроение рабочих удовлетворительное.

Основным моментом, определяющим политическое настроение широких рабоче-крестьянских масс Урала, является их отношение к войне.

Недовольства среди рабочих, имевшие место в течение последних месяцев, объясняются следующими причинами: во-первых, хозяйственными и финансовыми затруднениями промышленности, которые (затруднения) на рабочих отразились в форме несвоевременной и неполной выдачи заработной платы; во-вторых, не всегда правильным и умелым чисто административным подходом хозяйственных организаций в области проведения таких важнейших меро-

приятий, как рационализация производства, удешевление себестоимости, режим экономии и т. д.; в-третьих, «крестьянскими настроениями»: в группе новых рабочих, пришедших на завод из деревни, а также и среди части кадровых рабочих, еще не потерявших связи с деревней, которые вследствие чего летние отпуска провели в деревне, чувствуется влияние деревни; в-четвертых, бюрократизмом, волокитой, не всегда достаточной чуткостью и вниманием со стороны профсоюзных, хозяйственных и других организаций к нуждам, запросам, настроениям и предложениям рабочих, в частности к вопросам улучшения условий труда и технической безопасности.

Отношение к войне беспартийных масс

В связи с последними политическими событиями (разрыв англо-советских отношений, убийство Войкова и т. д.) почти во всех округах: проводились собрания рабочих и крестьян, на которых рассматривались вопросы международного положения и прорабатывалось воззвание ЦК ВКП(б) по поводу военной опасности. Материалы собраний и других источников характеризуют политические настроения в следующем виде:

Политические события вызвали большое оживление среди рабочих. Вопросы международного положения обсуждались весьма активно.

Разрыв англо-советских отношений и убийство т. Войкова всеми рабочими рассматривалось как неизбежность и близость войны. В связи с этим на митингах и собраниях настроения большинства рабочих проявилось в таком духе:

«Войны мы не хотим, нам нужен мир, но защищать октябрьские завоевания мы всегда готовы» (Златоуст, Тагил, Челябинск, Свердловск).

«До каких же пор сов. правительство будет терпеть подлости и нападки капиталистов» (Тагил).

«Наше терпение имеет предел» (Челябинск).

«Протестуем против провокаций английских капиталистов, заявляем, что трудящиеся СССР не хотят войны, но если она будет, — готовы встать на защиту СССР» (Ирбит. ОК).

Выступавшие рабочие одновременно говорили о необходимости немедленной подготовки к войне. Это стремление получило свое практическое разрешение в «неделю обороны». По данным по 1 сентября с. г. по всей области поступило на постройку Уральской эскадрильи «Наш ответ Чемберлену» 160.000 руб. За исключением отдельных случаев, отчисление носит единовременный характер, не превышая 2 процентов заработка. Есть случаи и продолжительных отчислений; так, Ирбитский окружком сообщает, что рабочие станции АЗАНКА⁷ постановили отчислять от заработка в фонд «Наш ответ Чемберлену» полпроцента в течении всего 1927 года.

Настроение рабочих по возрастным группам

О настроении рабочих по возрастным группам, имеются сведения от Златоустовского окружкома, который по этому вопросу сообщает следующее: «Вопрос о войне особенно горячо обсуждала молодежь. Среди ее велись такие разговоры: Наконец-то нам представляется случай расправиться с империалистами.

Многие из молодых рабочих выражали желание проситься в войсковые части и на фронт без всяких медицинских осмотров и прохождения различных комиссий.

За войну высказывались и рабочие средних возрастов, но при этом выражали опасение, что наш союз в смысле подготовленности в техническом отношении значительно ниже капиталистических государств, а следовательно, пока пролетариат этих государств сумеет организованно оказать противодействие этой войне, — мы можем быть побеждены химической войной.

Рабочие старших возрастов часто высказываются с боязнью о войне потому, что она опять принесет разорение, будут недостатки и всяческие лишения».

Отрицательные настроения среди рабочих наблюдаются как циничные явления. Все они сводятся к следующему:

«В случае войны рабочие на таковую не пойдут, т. к. они убедились в прелести Советской власти, которая сама стре-

мится затеять войну, видя безвыходность своего положения» (Челяб. ОК).

Рабочий Златоустовского механического завода среди группы рабочих говорил:

«Пусть теперь меня позовут на войну, что из меня получится? Защищать я, как и многие другие, не буду. Нет больше дураков, довольно позащитали и хватит, а что мы за это получили? Ничего. Много хуже живем, чем при царском режиме».

В том же заводе рабочий мартеновского цеха среди группы рабочих сказал:

«Соввласть рабочим опротивела, т. к. инициативу рабочих сводят на нет. Рабочий живет в настоящее время гораздо хуже, чем при царе. Для рабочего двери кругом закрыты, куда бы он не пошел. Среди самих коммунистов начался раскол, скоро будет война, Советы раздавят, а на место их из-за границы придет Чернов⁸ и тогда легче будет рабочему и крестьянину».

«Это власть не рабочих, хотя у власти и партийцы, но они добились хорошего жалования и спасают свое благополучие». (Челяб. ОК).

«В случае войны пусть воюют одни коммунисты, а мы будем их бить сзади» (Златоуст. ОК).

«В Москве убит Рыков, скоро приедут к нам в Оимский завод и перебьют всех коммунистов» (Златоуст. ОК).

«Если будет с Англией война и рабочим дадут в руки оружие, то в первую очередь расправимся с коммунистами» (Златоуст. ОК).

«Почему так долго нет войны? Все равно пойдем воевать, это не житье при Сов. власти. Но воевать пойдем не на Англию, и сначала надо побить своих (коммунистов). Внутри СССР не пройдет без войны» (Свердловский ОК).

«Вы слышите, как врет докладчик, одурачивает нашего брата. Но теперь мы умны и воевать не заставишь. Вначале мы перебьем тех, кто растащил по карманам всю Россию (коммунистов). Крестьяне и рабочие воевать не пойдут. Прет их Англия, потому они и обращаются с призывом. Мы

готовы перебить вас, воевать же с Англией не пойдем, она нам друг и союзница» (Свердловский ОК).

Причем надо отметить то, что как пораженческого, так и контрреволюционного характера настроения и разговоры наблюдаются исключительно среди тех рабочих, которые ранее состояли в тех или иных политических партиях (главным образом, меньшевики).

В связи с последними международными политическими событиями и оживлением контрреволюционных элементов в центре СССР (взрыв делового клуба в Ленинграде, заговор в Москве) отмечаются случаи провокации и на Урале — такого характера:

«В Златоустовском округе неизвестным гражданином был вызван по телефону Усть-Катавский завод и ответившему по телефону с завода предложено было предупредить партийную организацию и рабочих о том, что война объявлена. Предупреждение это было сделано от имени секретаря обкома т. Шверника⁹, разговаривавшего якобы из окружка.

Такой же разговор был с жел. дор. станции Усть-Катав с Юрюзанью.

Подобные случаи имеют реальные последствия. Юрюзань — часть лесозаготовителей оставили работу, торопясь до объявления мобилизации.

Такие же разговоры у возвратившихся в деревню были и среди группы строителей ст. Златоуст» (Из докладной записки Злат. ОК).

Надежды на китайскую революцию

На этом вопросе мы останавливаемся только в связи с международными осложнениями. Обсуждая вопрос о военной опасности, рабочие тесно связывают вопрос китайской революции с вопросом защиты нашего пролетарского государства. Видя в китайской революции своего союзника, рабочие высказывали такие взгляды:

«Нас полторы сотни миллионов, да в Китае 400, это составит громадную силу. Нужно совправительству разрешить русским добровольцам поехать в Китай» (Злат. ОК).

В связи с такими настроениями рабочие предлагали ускорить победу китайской революции вооруженным вмешательством с нашей стороны:

«Если нам выгодна победа китайской революции, почему бы нам не использовать момент (а такие, вероятно, были) и оказать Китаю помощь военной силой» (Злат. ОК).

Эти настроения нашли свое отражение также и в многочисленных просьбах рабочих об отправлении их в Китайскую армию (Надеждинск).

Антисоветские настроения среди рабочих

Выше мы уже приводили отдельные случаи недовольства рабочих. Как эти, так и другие недовольства, о которых мы будем говорить ниже, возникали, главным образом, на почве плохого материального положения, сокращения штатов, отсутствия «равенства» и различных недочетов некоторых организаций.

Антисоветские настроения, за исключением одного случая, носили характер «кулуарных» разговоров, имевших отклики в небольших группах рабочих. Они сводятся к следующему:

«Плохо стало жить при соввласти, раньше жилось лучше, сейчас живут хорошо коммунисты, да и инженеры» (Злат. ОК).

«В Китае творится по-хорошему: коммунистов начали бить, а теперь весной у нас начнется война и нашим коммунистам не устоять: сломят себе голову» (Челяб. ОК).

«Парторганизации жмут рабочего, дойдет это до того, как было раньше, когда царь жал рабочий класс и его убрали. Оппозиция говорит надо гнать бюрократов палкой, а ничего не делается. Кругом рабочих обманывают» (Дробянский завод).

Открытое антисоветское настроение было проявлено одним рабочим Злат. механич. зав, на рабочей конференции, который сказал следующее:

«Рабочий класс в настоящее время превращен в мишень, которую информируют, но которой не дают участвовать активно и самостоятельно в строительстве своей жизни,

хозяйства. Нам обычно говорят только после того, что делается и что уже проведено в жизнь. Нами опять управляют господа инженеры и техники, получающие сотни рублей в м-ц, а с рабочего только и знают, что дерут налоги и всячески стремятся урезать его зарплату».

Как реагировала на это выступление рабочая конференция, нам неизвестно, т. к. сведений от окружного комитета не получено.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 31. Л. 18–22.

7. Из информационного сообщения о политическом состоянии Уральской области

Сентябрь 1927 г.

Настроение крестьян.

Последние международные политические события внесли заметное оживление в жизнь всех социальных групп уральской деревни.

В связи с создавшейся обстановкой в ряде округов, в наиболее крупных селах и деревнях были проведены широкие собрания крестьянства на тему о международном положении. По сведениям окружных комитетов, эти собрания были немногочисленные (160–400 чел.) Незначительность посещения собраний объясняется тем, что крестьянство занято было полевыми работами. Собрания по сообщениям ОК прошли оживленно. Но наряду с этим некоторые окружкомы отмечают, что на этих собраниях крестьяне большое внимание уделяли также и вопросам местного характера, волнующих крестьянство (Златоуст).

Как настроена уральская деревня в связи с последними политическими событиями? По имеющимся в нашем распоряжении материалам видно, что сейчас в деревне протекает ряд следующих процессов: во-первых — некоторое обострение классовой борьбы, во-вторых — оживление антисоветских и контрреволюционных настроений; в-третьих — рост антагонизма между городом и деревней

и в связи с этим разговоры об организации «Крестьянского союза»; в-четвертых — некоторое увеличение недовольства на почве тяжести налогов и слабости (недостатков) работы отдельных низовых советских общественных (ККОВ, кооперация) и др. организаций. Анализируем эти процессы.

Отношение к войне.

Основная масса крестьянства Урала — беднота и середняки — в общем настроена против войны. Среднячко-бедняцкая группа крестьянства стоит на той точке зрения, что нам, СССР, во что бы то ни стало надо продолжать мирный труд, период мирной передышки. Вот что говорит эта группа по данному вопросу.

«Нам война не нужна, она разорит нас и произведет вновь разруху, от которой мы еще не успели оправиться» (Свердловск).

«Пусть соввласть возьмет последнюю корову, пусть на нас наложит больше налога, но только не начинают войну, а то опять разоримся и долго не поправимся» (Свердловский ОК).

«Война нам не нужна. Теперь мы направляем свое хозяйство сами по себе. Власть для нас хороша... Было бы хорошо, если бы партия и правительство пошли на все уступки и избежали бы войны, пусть с нас возьмут по 20 руб. налога специально для откупа от войны, это будет легче, чем война. Если я уплачу, то этим я знаю, что спасу своего сына, брата, зятя и т. д.» (...).

Эти заявления являются продуктом глубокой продуманности создавшегося положения. Все еще чувствуя последствия империалистической и гражданской войн, беднячко-средняцкая часть крестьянства дает себе ясный отчет в том, что «война в конечном счете приведет к истощению всего народного хозяйства». И поэтому беднота и середняки по существу целиком поддерживают постановления последнего (июльского) пленума Центрального комитета ВКП(б) в вопросе о «хозяйственно целесообразной связи с капиталистическими государствами».

На воззвание Центрального комитета по поводу угрозы войны основная часть бедняцко-средняцкой массы деревни как в выступлениях, так и постановлениях, ответила так:

«Ну что же, если нам капиталисты навяжут войну, пойдем воевать» (Златоуст, Сарапул и Ирбит).

Общее настроение середняков и бедняков переплетается с недовольствами на почве тяжести сельхозналога и недостаточной чуткости, по их мнению, со стороны соввласти к нуждам крестьян. Отдельные настроения среди бедняков и середняков имеются такого характера:

«Рабочему есть смысл воевать, а мы ничего не получили хорошего, нашего брата крестьянина можно использовать как угодно: в мирное время как источник доходов, а в военное время как вооруженную силу. Крестьянство свыклось со своей долей, но может быть перелом, значит, власти надо облегчить положение крестьян» (Курганский ОК).

«Что сейчас говорить о войне, когда наши крестьянские нужды во внимание не принимаются» (Злат. ОК).

«Власть и партия мало обращают внимания на деревню, у нас много бюрократизма, мужика давят налогами. Сейчас вот ругают Зиновьева, Каменева, Лашевича, так как они в этих вопросах правы» (Кунгур. ОК).

«Вот воевали, воевали, а все пошло насмарку, бедняк остался ни с чем, душат налогами» (Тюмень, Сарапул, Шадринск, Свердловск, Златоуст).

В отношении тяжести налога беднота и середняки говорят следующее:

«Советская власть с мужика дерет 7 шкур» (Шадринск, Кунгур).

«Облагают нас непосильно, работа наша соввластью не ценится, рабочим дан свободный труд, а мы живем у власти батраков» (по 5 округам).

«Прошлый год говорили, что нынче налог будет легче, а вышло наоборот: в прошлом году платили 38 руб. с десятины, а теперь 43 руб.» (Шадринский ОК).

Некоторые из середняков, ссылаясь на тяжесть налога, высказывали мнение о необходимости сократить посевную площадь.

«В прошлом году засевали 3 дес., а нынешним посев две, нет смысла больше сеять, все равно идет государству» (Курган, Шадринск).

Наблюдавшееся местами недовольство среди бедноты и середняков на почве недочетов местных организаций (ККОВ, советов) сводятся к следующему:

«Государство с нас берет налог, а куда он идет — никому не известно. Нашему сельсовету нисколько не отпускают и никаких улучшений в деревне не производится» (Тюмень, Ишим и Челябинск).

Недовольство бедняцко-середняцкой группы деревни в связи с посевной кампанией по сравнению с прошлым годом значительно усилилось. Причина этому та, что при распределении семсуды был допущен ряд ненормальностей. Так, например: в некоторых округах (Челябинск) ссуда невозвратившим ссуды прошлых лет и имеющим недоимку по сельхозналогу не выдавалась, в силу чего значительная часть бедняцких хозяйств семенной ссудой не удовлетворена. Отмечен также ряд случаев, когда семсуда попала зажиточным мужикам и кулакам (Ишим, Шадринск, Ирбит, Златоуст, Челябинск). По этому поводу недовольство бедноты и середняков было высказано в таком духе:

«Советская власть слабо контролирует работу по распределению семян» (Челябинск, Шадринск).

«Ссуды получили брат да сват членов распределительной комиссии» (Ишим, Шадринск, Тюмень).

Семенная ссуда в текущем году, как и в прошлом, по некоторым округам была доставлена несвоевременно. Типичные выражения недовольства крестьян по этому поводу были такие:

«Наши земорганы недостаточно заботятся о крестьянстве и не учитывают его возможности и удовлетворения его потребностей» (Ирбитский ОК).

Антисоветские и контрреволюционные настроения среди бедноты и середняков, возникавшие на почве тяжести налогов и тяжелого материального положения, были единичными явлениями по всем округам Уральской области.

«Прислушайтесь к тому, о чем судят мужики: собственности ни на что нет, живется плохо. В голодный год взяли с церковей золото, купили мужикам семян, а они до сих пор еще от них ревут. Хорошо живется только коммунистам и служащим. Если будет война, скорее произойдет новая революция в России» (Челябинск).

«Скоро и на нашей улице будет праздник, в Китае революция провалилась, погибнет и русская» (Курган).

«С каждым годом крестьянам становится все тяжелее. Придется брать пики да делать восстания и отбирать все у коммунистов» (Ишим. ОК).

«Нам вашей власти не надо, хоть какую давай, только не коммунистов» (Челяб. ОК).

Пораженческие настроения среди бедняцко-средняцкой части крестьянства отмечаются как единичные явления. Все они сводятся к следующему:

«Нам соввласть ничего хорошего не дала, нечего ее и защищать» (Челябинский ОК).

«Вот придет Англия, тогда мы с вами (коммунистами) и расправимся. Вам тогда не придется служить и получать большое жалование» (Ирбит. ОК).

Среди бедноты и середняков имеются отдельные настроения панического характера. Они создаются главным образом из представления о большой военной силе Англии, слабого вооружения и низкой военной техники СССР. В некоторых случаях в связи с такими настроениями у бедняков создается отрицательное настроение к Советской власти, так и партии. Заявления паникеров сводятся к следующему:

«С объявлением войны Англией Советскому Союзу не устоять. Всем коммунистам будет могила, т. к. у них нет боевых припасов, и Англия раздавит Союз с первых шагов» (Троицкий ОК).

Настроения кулачества

В отношении войны кулачество настроено пораженчески. По всем материалам, которые имеются в нашем распоряжении, типичны такого рода заявления:

«Вот мы говорим о международном положении, ну а если пойдем воевать — за что? нам много мать (соввласть) обещала. С землей и лесом до сих пор не устроились. Кровь что-то у нас не нагревается на призыв» (Златоустовский ОК).

«Если нас мобилизуют, то мы повернем штыки против коммунистов».

«Если война будет, то конец коммунистам» (Челяб. ОК).

«Все равно не возьмет сила коммунистов, потому что весь мир против Советов, да и мы, народ, от них ничего хорошего не видим, кроме налога» (Свердловск).

«Скоро крышка соввласти. Как только начнется война, так и начнется наше избавление» (Ишим, Троицк).

Сообщения и слухи о возможности войны создают среди кулачной и зажиточной части деревни надежды гибели Советской власти и коммунистов. В связи с этим за последнее время среди зажиточной части крестьянства наблюдаются случаи агитации за укрытие объектов обложения, не сдачу сельхозналога по тем соображениям, что раз будет война, раз погибнет Советская власть, значит, платить налоги будем напрасно. Наряду с этим существует и боязнь войны, так как таковая, по их мнению, неизбежно принесет последствия в виде того, что у крестьян отберут весь хлеб, разорят хозяйство и что в случае войны коммунисты будут расправляться с кулаками. Это характеризуется такими явлениями.

«Англия скоро объявит нам войну, а тогда все мужицкие труды за годы мирной жизни пойдут насмарку, потому что если будет война, хлеб и скот у крестьян будут брать так же, как и брали раньше» (Курганский ОК).

«Я очень боюсь коммунистов, т. к. в случае войны они примутся за нас. Нужно уехать в Сибирь, там меня никто не знает, и там дожидаться прихода белых» (Кунг. ОК).

Классовая борьба в деревне, рост активности бедняцко-среднезажиточного блока возбуждают большое недовольство и угрозы со стороны кулацко-зажиточной части деревни по адресу бедноты. Кулаки пытаются уничтожить в бедноте всякую активность. Мобилизуя все силы и средства, они

натравляют против бедняцкой части крестьянства все население деревни. Угрозы по адресу бедноты носят такой характер:

«В гражданскую войну били белых, а если теперь начнется — будем бить бедных» (Ирбитский ОК).

«Скоро начнется война, а вы, беднота, отцарствовали, а когда нас будут забирать на войну, то мы вам первым всадим пулю в лоб» (Ирбит. ОК).

Оживление антисоветских настроений среди кулачества конкретно выразилось в следующем: в некоторых округах кулаками были сорваны собрания крестьян, созванные по вопросам землеустройства. Кулаки (Ишимский ОК) открыто начали выступать на собраниях и настаивать на своих требованиях. В результате этого отмечен ряд случаев отказа населения от передела и землеустройства (Тюмень, Кунгурский ОК). Пользуясь наличием опасений небольшой части крестьянства, как из бедняков, так и из середняков, в том отношении, что Советский Союз не сможет устоять против своих врагов, кулаки повели усиленную агитацию о скором падении Советской власти и начали организовываться. Приведем пример: на общем собрании крестьян дер. Муратовка (Злат. ОК) кулачество, закрепив свое влияние над частью середняков, присутствовавших на собрании, пыталось сорвать выступление секретаря партячейки криками:

«Долой соввласть, не признаем такой власти».

Аналогичные явления наблюдались в Сарапульском, Тюменском и Ишимском округах.

Организации групп кулачества отмечено 5 случаев. Эти кулацкие группировки, встречая поддержку со стороны зажиточной части крестьян и отдельных середняков, на собраниях отдельных деревень, стараясь парализовать бедноту и ослабить бедняцко-середняцкий блок, выставляют требования о ликвидации ККОВ (Ишим), парторганизации «как не нужной и много тратящей бесполезно денег организации» (Челябинский ОК) и проявляют стремление ликвидировать сельскохозяйственные товарищества с целью

организации своего кулацкого кооперативного объединения (Златоустовский ОК).

На организованный отпор бедноты, которую поддерживала большая часть середняков, кулаки давали такой ответ:

«Вы, беднота, потише, осторожней действуйте против нас, а то вам не поздоровится» (Шадр. ОК).

«Откомандуете скоро, скоро вас поставим к стенке» (Кунг. ОК).

Один случай выступления кулаков против бедноты отмечен такого характера: на одном собрании крестьян (Чел. ОК) бывший торговец, кулак, казак при обсуждении резолюции по вопросу о сельхозналоге выступил и сказал:

«Никакой резолюции принимать не надо, если хороша соввласть бедноте, то пускай она принимает, а она (власть) нас задавила налогами».

И когда резолюция, одобряющая действия советского правительства по вопросу сельхозналога, была принята, этот же кулак выступил вторично и заявил:

«Принимайте себе на шею».

Характерным моментом в организации кулачества следует отметить то, что во главе большинства этих групп стоит бывшее белое офицерство (Ишим. ОК). Оно (офицерство) воодушевляет кулаков, питает их надежды на скорую и неизбежную гибель соввласти.

Контрреволюционная агитация и открытие действий со стороны кулацкой части деревни были единичными явлениями. Новое в разных контрреволюционных слухах за последнее время является следующее:

«Началась война, но коммунисты из боязни об этом умалчивают».

«В Китай приехал Николай Николаевич и оттуда с белыми войсками двигается в Россию на большевиков через Сибирь».

«Николай Николаевич прислал воззвание к казакам, где говорится, что не в далеком времени он приедет в Россию и казачество пойдет с ним» (Троицк, Челябинск).

Циркулирующие слухи местами дали повод к открытому выступлению кулаков против бедноты. Так, например, в В.-Камском округе группа кулаков пришла к заключению необходимости избавить бедноту, а в Кунгурском округе кулаками избит один бедняк.

Антагонизм между городом и деревней

Антагонизм между городом и деревней за последнее время заметно усилился. Участились случаи выступления на этой почве. В основном суждения в этом отношении сводятся к следующему:

«Рабочие в городе живут хорошо, они много зарабатывают».

«Все говорят о рабочем, а крестьянин как был в кабале у рабочих, так и остался».

«Часто говорят о смычке с крестьянством, а фактически этой смычки нет, т. к. крестьянина и в профсоюз даже не принимают».

«Надо деревне отделиться от города, пусть городские поживут без деревни, тогда с нами считаться больше будут».

«Правительство у нас не рабоче-крестьянское, а рабочее».

На почве роста антагонизма между городом и деревней в ряде округов (Челябинск, Ишим, Курган) отмечены выступления за организацию крестьянского союза. Разговоры по этому поводу велись в таком духе:

«Нам, крестьянам, надо создать свой союз, свою организацию. Тогда правительство будет с нами так же считаться, как и с рабочими».

Однако эта агитация, проявленная главным образом со стороны зажиточной части крестьянства, среди широких масс крестьянства никакого успеха не имела и сочувствием не пользуется.

8. Из информационной сводки об итогах перевыборов Советов по Ишимскому округу Уральской области

Осень 1927 г.

...Перевыборная кампания у нас совпала с моментом английской волынки, которая выражалась в посылке ноты Советского правительства, наш ответ Англии и некоторых угроз со стороны Англии разрывом дипломатических отношений. Все население в это время насторожилось и ходили всевозможные слухи о войне, о том, [что] Англия якобы объявляет войну СССР, а вкупе с ней Япония, и предъявила якобы ультиматум, чтобы СССР отдал без боя территорию СССР Японии от Владивостока до гор. Кургана Уральской области. Эти семейные кривотолки, доказывающие недостаточную осведомленность населения, дали на каждом предвыборной собрании и на райсъездах Советов массу вопросов о войне и отношении к нам Англии и Японии. В этих политических вопросах звучало нежелание войны. Некоторые даже заявляют, что «нам сейчас воевать рановато, надо поднять благосостояние страны» и т. п. Но все население имело, по крайней мере, мнение такое, что в случае войны воевать надо и защищать Советский Союз от буржуазии. Например, задают вопросы (Гольшмановский и Ламенский районы): «Как реагирует Советская власть, выйти победителем войны будущего», отношение СССР с Японией, «настроение армий буржуазных стран», не явилось ли малое оказание помощи английским горнякам основной причиной ликвидации забастовки и т. д. По отзывам уполномоченных, ездивших на райсъезды и отчетные собрания, видно, что политическими вопросами интересовалась больше беднота и батрачество, а зажиточные слои интересуются больше экономическими, а особенно налоговыми вопросами...

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ О формировании подобных представлений в ходе российской истории см.: Борисов Ю. С., Голубев А. В., Сахаров А. Н. История. Россия и Запад // Образ России. Русская культура в мировом контексте. М., 1998. С. 21–37.

² Обзор литературы по данной проблеме см.: Зак Л. А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976; Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

³ Этот термин был предложен еще в 1960-е гг. (наравне с «дипломатическими стереотипами»). См.: Зак Л. А. Указ. соч. С. 76–103. С середины 1990-х гг. он широко включается в научный оборот. См., например: Голубев А. В. Запад глазами советского общества (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104–120; Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века; и др.

⁴ О разнице между образами и стереотипами см.: Егорова Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12.

⁵ См.: Голубев А. В. Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98–116.

⁶ Замятин Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003. С. 183.

⁷ Василенко А. А. Образ Германии в интеллектуальной среде России 30–40-х гг. XIX в. Автореф. канд. дисс. Омск, 2007. С. 18.

⁸ Цит. по: Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 — март 1918 г.) Екатеринбург, 2000. С. 110.

⁹ Шафир Я. Газета и деревня. М.; Л., 1924. С. 19.

¹⁰ О формировании и функционировании «образа врага» в российском обществе первой половины XX в. см.: Сенявская Е. С. «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 75–85; Она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 36–75; Россия и Запад... С. 235–274. Об «образе союзника» см.: Голубев А. В. «Царь Китаю не верит...» Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 317–355; Россия и Запад... С. 275–290; Сенявская Е. С. От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. Вып. 6. Магнитогорск, 2006.

¹¹ Подробнее об этом см.: Поршнева О. С. Указ. соч.; Россия и Запад... С. 53–67.

¹² Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. Кн. 4. М., 1999. С. 227.

¹³ Там же. С. 225.

¹⁴ Подробнее см.: Голубев А. В. Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.) М., 1994. С. 187–204; Он же. Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.) М., 1999. С. 7–33.

¹⁵ Пуанкаре Раймон (1860–1934), президент Франции в 1913 — январе 1920 г., премьер-министр в 1912 — январе 1913, 1922–1924 и 1926–1929 гг., неоднократно занимал пост министра. Проводил милитаристскую политику (прозвище «Пуанкаре-война»), один из организаторов интервенции в период Гражданской войны в Советскую Россию.

¹⁶ Правильно — Эррио. Эррио Эдуар (1872–1957), лидер французской партии радикалов. С 1916 г. неоднократно занимал пост министра. Премьер-министр в 1924–1925, 1926, 1932 гг. Правительство Эррио установило дипломатические отношения (1924) и подписало договор о ненападении (1932) с СССР. В 1947–1954 гг. председатель Национального собрания, в 1905–1955 гг. (с перерывом) мэр Лиона.

¹⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. Кн. 4. С. 118.

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 24, 43.

¹⁹ См. об этом: Голубев А. В., Яковенко И. Г. Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1. С. 119–135.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 467. Л. 1.

²¹ Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 16. Л. 367–368.

²² Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 235.

²³ Там же. Т. 13. С. 283

²⁴ Там же. Т. 7. С. 282.

²⁵ Айрапетян М. Е. Этапы внешней политики СССР (1917–1941). М., 1941. С. 93.

²⁶ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 9; Д. 23. Л. 101.

²⁷ Россия и Запад... С. 302.

²⁸ См.: Голубев А. В. Великобритания в сознании советского общества на рубеже 1920–30-х годов // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994. С. 43–44; Он же. «Наш зловещий враг»: Британия в сознании советского общества 20–30-х гг. // Проблемы исторической психологии и взаимодействие мировоззрений в истории. Орел, 2000. С. 68–70.

²⁹ Документы внешней политики СССР. Т. XI. М., 1965. С. 303.

³⁰ Международное положение и угроза новой войны. Ростов н/Д, 1931. С. 12.

³¹ Подробнее см.: Голубев А. В. «Царь Китаю не верит...»

³² Цит. по: Фирсов Ф. И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 22.

³³ О формировании «образа врага» в послевоенную эпоху см.: Фатеев А. П. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999.

³⁴ Неужин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997; Он же. «Если завтра в поход...» Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М., 2007; Россия и Запад... С. 69–120.

³⁵ Багдасарян В. Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–46; Комков Г. Д. Патриотическое воспитание советских людей в предвоенные годы (1938 – июнь 1941) // История СССР. 1980. № 3. С. 3–18; Он же. Политическая пропаганда и агитация в годы тяжелых испытаний // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 36–61; Кузнецова М. В. Если завтра война: оборонные фильмы

1930-х годов // Историк и художник. 2005. № 2. С. 17–26; Кулешова Н. Ю. «Не нынче — завтра грянет бой»: образ грядущей войны и ее участников в литературе 1930-х годов // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. М., 2001. С. 247–267; Она же. «Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181–191; Она же. Армии капиталистических стран в 1930-е годы: два взгляда советской пропаганды // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 194–215; Невежин В. А. Размышления писателя о грядущей войне // Армия и общество. 1900–1941 гг. Статьи, документы. М., 1999. С. 270–293; и др.

³⁶ Исключением являются несколько статей, посвященных «военной тревоге» 1927 г. (см. главу 2), где тема массового сознания, впрочем, рассматривается в качестве второстепенной, а также две работы М. М. Кудюкиной: Кудюкина М. М. Угроза войны глазами красноармейцев в 1920-е годы // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.) Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 277–284; Она же. Красная армия и «военные тревоги» второй половины 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 153–174; а также тезисы О. А. Гайлит: Гайлит О. А. Предчувствие войны в деревенских слухах 1930-х годов // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск, 2005. С. 151–152.

³⁷ Шинкарчук С. А. Общественное мнение в Советской России в 30-е годы (по материалам Северо-Запада). СПб., 1995.

³⁸ Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda & Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997.

³⁹ См.: Голубев А. В. «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998. Вып. 2. М., 2000. С. 286–323; Он же. «В осажденной крепости» (к вопросу о предпосылках «холодной войны») // Советское общество: будни холодной войны. М.: Арзамас, 2000. С. 40–56; Он же. Угроза войны в массовом сознании советского общества 1920–30-х гг. // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 403–410; Он же. «Все капиталистические страны соединились против большевиков...» Российская провинция и представления о военной угрозе в 1920-е годы // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.) Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 284–290; Он же. Война и мир как фактор городской повседневности 1920-х годов // Город как феномен культуры. Ч. 2. Челябинск, 2006. С. 300–306; Он же. «Если весь мир обрушится

на нашу Республику»: призраки войны в советском обществе 1920–30-х годов // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 111–124.

⁴⁰ Дружба О. В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов н/Д, 2000. С. 7–19.

⁴¹ Интересен отзыв о мемуарах известнейшего ученого, принадлежащий одному из его учеников: «В первых воспоминаниях он был как бы пролетарий, во второй редакции он был из купцов, золотошвеев, в третьей книге он вдруг стал старообрядцем, а в последней оказался уже крайне богомольным и набожным человеком». Цит. по: Известия-Неделя. 2006. 29 декабря. С. 29.

⁴² Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1984. С. 42.

⁴³ Измозик В. С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 33. Особый размах система перлюстрации получила в годы войны — так, только за ноябрь 1941 г. военная цензура проверила 5 132 374 письма (то есть 100% всех писем), причем было конфисковано 6912 писем (0,13%), частично вычеркнут текст в 56 808 письмах (1,1 %). См.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 158, 165.

⁴⁴ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и инструкция о создании и функциях «Бюро содействия» впервые частично были опубликованы С. А. Красильниковым. См.: Красильников С. А. Политбюро, ГПУ и интеллигенция в 1922–1923 гг. // Интеллигенция, общество, власть: опыт взаимоотношений (1917 — конец 1930-х гг.) Новосибирск, 1995. С. 53. Полный текст см.: В. И. Ленин: «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист» // Источник. 1996. № 1. С. 115–119; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 24–27.

⁴⁵ Цит. по: Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 232.

⁴⁶ См.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995; Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. В 2-х кн. СПб., М., 2002. Кн. 1. С. 169.

⁴⁷ Цит. по: Платова Е. Э. Студенчество России в переходную эпоху. СПб., 2001. С. 134.

⁴⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. 1927. Д. 32. Л. 41.

⁴⁹ В последние годы появился ряд фундаментальных публикаций, в которые вошли подобные документы. См., в частности:

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4 т. Т. 1–2. М., 1998–2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. Т. 1–5. М., 1999–2004; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. 1–7. М., 2001–2002; и др. Источниковедческую характеристику подобных сводок см.: Борисова Л. В., Виноградов В. К., Ивницкий Н. А., Кондрашин В. В. Информационные материалы ВЧК-ОГПУ за 1918–1922 гг. как исторический источник // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... М., 1998. Т. 1. С. 23–53.

⁵⁰ Рожков А. Ю. Первая смерть вождя. Болезнь и кончина В. И. Ленина в общественном восприятии // Россия XXI. 1995. № 5–6. С. 131.

⁵¹ Подробнее см.: Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. С. 197–198.

⁵² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1984. С. 159.

⁵³ См.: Измозик В. С. Глаза и уши режима. СПб., 1995. С. 86, 90.

⁵⁴ Козлов В. А., Семенова Е. А. Социология детства (обзор социолого-педагогических обследований 20-х годов) // Школа и мир культуры этносов. Вып. 1. М., 1993. С. 47–48. Результаты этого обследования проанализированы во 2-й главе.

Глава 1

¹ Рассматривая процесс проникновения информации как вариант взаимодействия культур, А. Ю. Саран в качестве областей такого взаимодействия выделяет «обмен идеями; обмен материальными предметами и технологиями; перемещения людей, представляющих разные культуры, в ареалы иной культуры». См.: Саран А. Ю. Государственные и общественные институты как каналы взаимодействия культур на рубеже 1920–30-х гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 267. Для нашего анализа, однако, нет необходимости разграничивать сферы обмена идеями и сферу обмена технологиями и/или материальными предметами. Ясно, что речь в обоих случаях идет прежде всего об обмене информацией.

² Подробнее см.: Голубев А. В. «Мировая республика» или «закрытое общество»? (СССР в 1920–30-е годы) // Россия и современный мир. 2003. № 3. С. 123–147; Он же. «Добро пожало-

вать, или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная история. 2004. № 4. С. 32–53.

³ Павлова И. В. Становление советской системы информационной блокады // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Новосибирск, 2000. С. 40, 45.

⁴ Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 165.

⁵ См., напр.: Шишкин В. А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.) СПб., 1999. С. 101.

⁶ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 90.

⁷ Об инфраструктуре, предназначенной для развития культурных и общественных связей, см.: Голубев А. В. Советская культурная дипломатия 1920–1930-х годов // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 339–354.

⁸ Подробнее см.: Голубев А. В. «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии. М., 2004. С. 176–177.

⁹ Сенявская Е. С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 8.

¹⁰ Подробнее см.: Голубев А. В. Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11–12. С. 114–132.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 508. Л. 11. Образ осажденной крепости был близок не только советскому руководству, но и многим достаточно критически настроенным гражданам. Так, М. М. Пришвин уже в ноябре 1930 г. так характеризовал ситуацию в стране: «Ближе всего к жизни в осажденной крепости, когда очень мало остается запасов, и все начинают ссориться между собой из-за продовольствия и думать постоянно: “поскорей бы конец”. В то же время начальники, вопреки общему упадку, малодушию, ропоту, вопреки собственному домашнему неверию, на людях вслух гораздо громче, чем раньше, твердят о возможности достижений в недалеком будущем...» На первый взгляд, в данном случае речь идет в первую очередь о внутреннем положении в стране, которое, однако, о чем Пришвин писал неоднократно, было обусловлено в том числе и внешними факторами, в частности, военной опасно-

стью. См.: Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. Кн. 7. СПб., 2006. С. 278.

¹² Высочина Т. Е. К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствоведение на пути преодоления мифов и стереотипов. М., 1990. С. 96–97.

¹³ Кузмин М. А. Дневник 1934 г. СПб., 1998. С. 95.

¹⁴ Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. С. 135.

¹⁵ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 2. С. 144.

¹⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. Кн. 6. М., 2004. С. 432.

¹⁷ В 1950–1951 гг. сотрудники Гарвардского университета опросили несколько тысяч так называемых «перемещенных лиц». Материалы этих опросов легли в основу многих социологических и политологических работ о сталинском обществе, изданных в США в 1950–1860-е гг.

¹⁸ См.: Кодин Е. В. «Гарвардский проект». М., 2003. С. 143.

¹⁹ Бернштейн М., Гельмонт А. Наша современность и дети: Педологическое исследование о социальных представлениях современных школьников. М.; Л., 1926. С. 174.

²⁰ Примеры этому см.: Голубев А. В. Формирование образа внешнего мира в СССР. 30-е годы // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999. С. 178–208; Он же. «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998. Вып. 2. М., 2000. С. 286–323; Он же. «В осажденной крепости» (к вопросу о предпосылках «холодной войны») // Советское общество: будни холодной войны. М., 2000. С. 40–56; Он же. «Царь Китаю не верит...» Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 317–355; Он же. «Призраки войны» и реальность // Знание-сила. 2001. № 7. С. 12–22; и др.

²¹ LYA. F. K-1. Ap. 3. B. 49. L. 31.

²² Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929... С. 351.

²³ Цит. по: Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 — март 1918 г.) Екатеринбург, 2000. С. 110.

²⁴ Шафир Я. Газета и деревня. М.; Л., 1924. С. 19.

²⁵ Большаков А. М. Деревня 1917–1927 гг. М., 1927. С. 300.

²⁶ Название города Салехард до 1933 г.

²⁷ Цит. по: Дробот В. Великий перелом (учительство о себе). М., 1925. С. 66.

²⁸ ГАОО. Ф. Р-693. Оп. 1. 1921–1930. Л. 12, 74.

²⁹ Так в документе; по смыслу — «не пропущено».

³⁰ Блюм А. В. Цензура в СССР. Документы 1917–1991. Bochum, 1999. С. 113.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 289. Л. 5; Цакунов С. В. Нэп: эволюция режима и рождение национал-большевизма // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 88.

³² История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 427–428.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 76 об.; Д. 182. Л. 9 об.

³⁴ Там же. Д. 199. Л. 60.

³⁵ Там же. Д. 182. Л. 85.

³⁶ Там же. Д. 180. Л. 55.

³⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 130. Л. 22.

³⁸ Зеленов М. В. Главлит и историческая наука в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 25.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 288. Л. 22.

⁴⁰ Зеленов М. В. Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 131.

⁴¹ Цит. по: Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Краснодар, 2002. Т. 1. С. 290.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 198. Л. 159.

⁴³ «Социалистический вестник» издавался с 1921 г. сначала в Берлине, затем в Париже и, наконец, в Нью-Йорке под редакцией Ю. Мартова, Р. А. Абрамовича. Выступал в качестве официального органа заграничной делегации РСДРП (меньшевиков).

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 171. Л. 37–38.

⁴⁵ Там же. Д. 551. Л. 143.

⁴⁶ Там же. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Л. 178, 180, 184.

⁴⁸ К счастью для исследователей, работники Уральского обкома пренебрегли этим строгим указанием.

⁴⁹ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1251. Л. 1 об.

⁵⁰ «Возрождение» — периодическое издание, выходило в Лондоне (в 1926–1935 гг. как еженедельная газета, в 1936–1940 гг. как еженедельник). Редактор — П. Б. Струве; «Дни» — газета, выхо-

дила в 1922–1933 гг., до 1925 г. в Берлине как ежедневная, затем в Париже как еженедельная. Редактор — А. Ф. Керенский; «Последние новости» — ежедневная газета, выходила в 1920–1940 гг. в Париже. Среди редакторов — П. Н. Милюков. Одна из самых авторитетных газет русского зарубежья; «Руль» — ежедневная газета, выходила в 1920–1931 гг. в Берлине. Редактор — И. В. Гессен.

⁵¹ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1655. Л. 23–24.

⁵² Там же. Д. 1898. Л. 23.

⁵³ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 588.

⁵⁵ Куликова Г. Б. СССР 1930-х гг. глазами видных представителей Запада // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 183.

⁵⁶ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... С. 149.

⁵⁷ Илизаров Б. С. Образ Сталина — взгляд из XXI века. СПб., 2006. С. 24.

⁵⁸ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 80.

⁵⁹ См.: Гареев М. А. Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 20.

⁶⁰ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 11. Л. 140.

⁶¹ Чуковский К. И. Дневник (1901–1929). М., 1997. С. 161, 162, 256–257.

⁶² Соловьев А. Г. Тетради красного профессора. 1912–1941 гг. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV. М., 1994. С. 187.

⁶³ См.: Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1922. № 1. Ст. 5.

⁶⁴ См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1922–1952. М., 2000. С. 89. Бюро международного книгообмена (точнее, Бюро по книгообмену с зарубежными странами АН) было создано в октябре 1922 г.

⁶⁵ Цит. по: Перченков Ф. Ф. Академия Наук на «великом переломе» // Звенья исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 200.

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 62. Л. 53.

⁶⁷ Френкель З. Г. Записки о жизненном пути // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 76.

⁶⁸ Очевидно, имеется в виду «The Times Weekly edition», еженедельное обозрение прессы, издававшееся с 1877 г.

⁶⁹ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 231, 246.

⁷⁰ Американская газета, издается с 1851 г.

⁷¹ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 358.

⁷² В 1970–1980-е гг. автору много приходилось работать в отделе специального хранения (в просторечии спецхране) ИНИОНа с материалами зарубежной прессы. В газетах и журналах, и без того скрытых от большинства читателей, нередко встречались вырезанные места. Как правило, речь шла о материалах, посвященных советскому политическому руководству. Можно предположить, что существовал более высокий уровень допуска, и имевшие его могли читать «Times» или «Observer» без купюр. Поговаривали и о так называемом «втором спецхране», существование которого, однако, работниками библиотеки отрицалось.

⁷³ Вернадский В. И. Из писем разных лет // Вестник АН СССР. 1990. № 5. С. 95.

⁷⁴ Week-end в Болшево, или еще раз «вольные» письма академика В. И. Вернадского // Минувшее: Исторический альманах. № 23. СПб., 1998. С. 319.

⁷⁵ Блюм А. В. Цензура в СССР... С. 279–280.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 199. Л. 69.

⁷⁷ В качестве примера можно привести опубликованные дневники тех лет: Куллэ Р. Мысли и заметки. Дневник 1924–1932 годов // The New Review-Новый журнал. Кн. 189. 1992; Мендельсон Н. М. Дневник московского интеллигента // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006; Шитц И. И. Дневник великого перелома (март 1928 – август 1931). Paris, 1991; и др.

⁷⁸ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 294. В ходе первого тура президентских выборов в Германии весной 1932 г. П. фон Гинденбург получил 18,6 млн голосов, А. Гитлер — 11,3 млн, а лидер коммунистов Э. Тельман лишь 5 млн голосов. Пик популярности КПП приходится на ноябрь 1932 г., когда на выборах в рейхстаг коммунисты получили 6 млн голосов (но все же не 8, как иногда писала советская пресса).

⁷⁹ Цит. по: Лившин А., Орлов И. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002. С. 124.

⁸⁰ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1354. Л. 21.

⁸¹ На корме времени: интервью с ленинградцами 1930-х гг. СПб., 2000. С. 259.

⁸² Елагин Ю. Б. Укрощение искусств. М., 2002. С. 55.

⁸³ О формировании визуального образа внешнего мира см. в главе 4.

⁸⁴ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. X. М., 1965. С. 528.

⁸⁵ Цит. по: Шишкин В. А. Указ. соч. С. 102.

⁸⁶ Блюм А. В. Цензура в СССР... С. 315.

⁸⁷ Пленум проходил с 13 по 16 апреля 1927 г. В информационном сообщении о пленуме более чем скупое говорилось: «Заслушав и обсудив сообщение Политбюро о решениях, принятых им в связи с последними международными событиями (события в Китае и др.), Пленум одобрил политику Политбюро по международному вопросу». Другими словами, решение о недопустимости дискуссий по поводу китайской революции было секретным. См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 168.

⁸⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 448. Л. 20.

⁸⁹ Чугров С. В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С. 40.

⁹⁰ Пальгунов Н. Г. Тридцать лет (Воспоминания журналиста и дипломата). М., 1964. С. 5–6.

⁹¹ ГАСО. Ф. Р-579. Оп. 2. Д. 17. Л. 9. Чжан Цю-Лин (правильно — Чжан Цзолинь, 1876–1928) — китайский генерал. В годы Синьхайской революции (1911–1913) стал фактическим правителем Манчжурии. В 1926–1927 гг. возглавлял так называемую «армию умиротворения», объединившую войска милитаристов Северного и Восточного Китая. В 1928 г. был взорван в собственном поезде агентами японской разведки. «Мукденцы» — сторонники Чжан Цзолиня.

⁹² ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 22. Л. 40.

⁹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 1626. Л. 183.

⁹⁴ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 22. Л. 8.

⁹⁵ Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. Июль 1929 г. — май 1941 г. М., 1985. С. 80.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 444. Л. 114.

⁹⁷ Седиков Николай Александрович (1891–1977) — сын политического ссыльного. Окончив профессиональную школу в г. Благовещенске, работал в телеграфных учреждениях дальневосточных городов. С 1917 г. активный участник профсоюза работников связи. Затем заместитель председателя исполкома Зейского горного округа (1919–1920), начальник отделения кадров политотдела 2-й Амурской армии (1920–1922), заведующий отделом кадров Центросоюза (1923), управляющий делами англо-русского акционерного общества «Аркос» (Лондон, 1924–1927), заместитель начальника отдела кадров Наркомторга СССР и

представитель этого ведомства в Латвии (1927–1929), руководитель отделов кадров Внешторга СССР и Наркомзема РСФСР (1930–1933). С 1933 г. в аппарате ЦК ВКП(б). С 1938 г. по болезни на пенсии.

⁹⁸ Седиков Н. А. «Старики» в Отечественной войне // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006. С. 471.

⁹⁹ Цит. по: Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2002. С. 248.

¹⁰⁰ Подробнее см.: Горяева Т. М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М., 2000.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 100. Л. 119.

¹⁰² См.: ВОКС в 1930–1940-е годы // Минувшее: Исторический альманах. 14. М.; СПб., 1993. С. 317–318.

¹⁰³ КПСС в резолюциях... М., 1985. Т. 6. С. 181.

¹⁰⁴ См.: Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1935. № 5. Ст. 366.

¹⁰⁵ КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 169.

¹⁰⁶ Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994. С. 44–45.

¹⁰⁷ Чуковский К. И. Дневник (1901–1929)... С. 265.

¹⁰⁸ Цензура в царской России и Советском Союзе. Материалы конференции. М., 1995. С. 162–164.

¹⁰⁹ Общество и власть Российская провинция. Т. 3. Июнь 1941 г. — 1953 г. М., 2005. С. 733.

¹¹⁰ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1498. Л. 21 об.

¹¹¹ Цит. по: Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998. С. 226.

¹¹² ЛУА. Ф. 1771. Ар. 2. В. 383. Л. 122.

¹¹³ Блюм А. В. Цензура в СССР... С. 291.

¹¹⁴ ЛУА. Ф. 1771. Ар. 2. В. 383. Л. 84–86.

¹¹⁵ Блюм А. В. Цензура в СССР. С. 315.

¹¹⁶ См.: Tininis V. Komunistinio rezimo nusikaltimai Lietuvoje 1944–1953. T. 3. Vilnius, 2003. P. 168–169.

¹¹⁷ Цензура в царской России и Советском Союзе... С. 9.

¹¹⁸ Там же. С. 10.

¹¹⁹ История советской политической цензуры... С. 36.

¹²⁰ Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 45.

¹²¹ Там же. С. 413.

¹²² Главрепертком — Комитет по контролю за репертуаром, создан постановлением СНК СССР в феврале 1923 г. при Главлите. Состоял из трех членов — председателя (от Главлита) и двух членов (от Главполитпросвета и НКВД). На Комитет возлагалось разрешение к постановке драматических, музыкальных и кинематографических произведений и составление и публикация списков разрешенных и запрещенных произведений. В апреле 1928 г. ГРК был переподчинен Главискусству при Наркомпросе, в 1934 г. преобразован в Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром при Наркомпросе.

¹²³ История советской политической цензуры... С. 298.

¹²⁴ Там же. С. 65–67, 10, 313.

¹²⁵ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–579. Оп. 2. Д. 34. Л. 1–110.

¹²⁶ История советской политической цензуры... С. 311, 326.

¹²⁷ Чуковский К. И. Дневник (1901–1929)... С. 265–266.

¹²⁸ Блюм А. В. Цензура в СССР... С. 90.

¹²⁹ Цит. по: Общество и власть... С. 114–116.

¹³⁰ ЦГАУР. Ф. Р–195. Оп. 6. Д. 54. Л. 60–61.

¹³¹ История советской политической цензуры... С. 319.

¹³² Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 45.

¹³³ ГАСО. Ф. Р–579. Оп. 3. Д. 18. Л. 29.

¹³⁴ Цит. по: Совершенно секретно. 1990. № 8. С. 12.

¹³⁵ Невежин В. А. Синдром наступательной войны... С. 45; ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 75. Л. 38.

¹³⁶ Цит. по: Шишкин В. А. Указ. соч. С. 159.

¹³⁷ СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.

¹³⁸ Измозик В. С. Первые советские инструкции по перлюстрации // Минувшее: исторический альманах. 21. СПб., 1997. С. 162–164.

¹³⁹ См.: Izmozik V. S. Voices from the Twenties: Private Correspondence Intercepted by the OGPU // The Russian Review. Vol. 55. April 1996. P. 288. Существуют очень интересные воспоминания бывшего советского цензора, в которых система перлюстрации, в том числе международной корреспонденции, описана во всех подробностях; к сожалению, они относятся уже к первым послевоенным годам. См.: Авзегер Л. Я вскрывал Ваши письма... Воспоминания бывшего тайного цензора МГБ // Источник. 1993. № 0. С. 41–57.

¹⁴⁰ Общество и власть. Российская провинция. 1930 — июнь 1941 г. Т. 2. М., 2005. С. 417–418.

- ¹⁴¹ Иванов В. А. Указ. соч. С. 32.
- ¹⁴² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы (ТСД). Т. 2. С. 155.
- ¹⁴³ Иванов В. А. Указ. соч. С. 41–42, 46–47.
- ¹⁴⁴ Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932. Сборник документов. Новосибирск, 1999. С. 144–145.
- ¹⁴⁵ Иванов В. А. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁴⁶ ЦДООСО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1310. Л. 100.
- ¹⁴⁷ Саран А. Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг. Орел, 2003. С. 83, 291.
- ¹⁴⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 144. Л. 133.
- ¹⁴⁹ См., напр.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2714. Л. 99.
- ¹⁵⁰ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 16. Л. 117–119.
- ¹⁵¹ История советской политической цензуры... С. 86.
- ¹⁵² ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 940. Л. 56; ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3350. Л. 48.
- ¹⁵³ См.: Общество и власть... С. 182–183.
- ¹⁵⁴ Об ограничениях, существовавших в этом отношении до революции, см.: Мэтьюс М. Ограничения свободы проживания и передвижения в Советском Союзе (до 1932 г.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 26–27.
- ¹⁵⁵ См.: Павлова И. В. Указ. соч. С. 44.
- ¹⁵⁶ История советской политической цензуры... С. 422.
- ¹⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 345. Л. 50.
- ¹⁵⁸ Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 год... С. 70.
- ¹⁵⁹ ДВП СССР. Т. ХУП. М., 1971. С. 773.
- ¹⁶⁰ Павлова И. В. Указ. соч. С. 44–45.
- ¹⁶¹ РГАЭ. Ф. 4083. Оп. 11. Д. 113а. Л. 20.
- ¹⁶² Агабеков Г. Секретный террор. М., 1998. С. 12.
- ¹⁶³ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 70.
- ¹⁶⁴ Протоколы Политбюро, относящиеся, в частности, к поездкам за границу советских ученых, собраны и опубликованы В. Д. Есаковым. См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952. М., 2000.
- ¹⁶⁵ Сталинское Политбюро в 30-е годы... С. 72.
- ¹⁶⁶ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б)... С. 97, 192.
- ¹⁶⁷ См.: Вайль Б. Судьба Александра Улановского // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 158; Старков Б. А. Запад глазами со-

трудников ОГПУ // Россия и Запад. Сборник статей. СПб., 1996. С. 205.

¹⁶⁸ Улановские Н. и М. История одной семьи. М., 1994. С. 102.

¹⁶⁹ Цит. по: Кузьмин М. С. Деятельность партии и советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917–1932). Л., 1971. С. 28.

¹⁷⁰ Сталин И. В. Сочинения. М., 1955. Т. 13. С. 121.

¹⁷¹ Соловьев А. Г. Указ. соч. С. 178.

¹⁷² Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 26–27.

¹⁷³ История советской политической цензуры... С. 68–69.

¹⁷⁴ См., например: Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электrozавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.

¹⁷⁵ Лельчук В. С., Пивовар Е. И. Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 75.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 1. М., 1924. С. 259.

¹⁷⁸ Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929. С. 70–71 (таблица «Миграция через границы СССР за 1925–1927 гг. по подданству»).

¹⁷⁹ Там же. Насколько неполны наши сведения о масштабах посещения СССР, говорит следующий пример. По данным ВОКС, за эти же годы (1925–1927) в СССР побывало лишь 3180 человек в составе делегаций и примерно 2300 человек в индивидуальном порядке (т. е. примерно в 10 раз меньше, чем по данным справочника). См.: Куликова Г. Б. «Технология гостеприимства» в Советском Союзе (1920–1930-е годы) // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг. М., 2004. С. 149.

¹⁸⁰ Иванов В. А. Указ. соч. С. 171.

¹⁸¹ См.: Некоторые аспекты функционирования индустрии туризма. М., 1998. С. 23; Орлов И. Б., Крессова М. Д. Иностраный туризм в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х годов: проблемы становления «Freemen Industry» // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг. М., 2004. С. 163.

¹⁸² См.: Россия победоносная. Беседа с Исааком Макбрайдом // Иностранная литература. 1987. № 11. С. 189.

¹⁸³ Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. М., 1975. С. 89.

- ¹⁸⁴ См.: Мэтьюз М. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁸⁵ ДВП СССР. Т. XI. М., 1965. С. 256–257.
- ¹⁸⁶ См.: Эмиграция оренбургских немцев 1929 г. и ее итоги // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 197–203; ТСД. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 932.
- ¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1883. Л. 2.
- ¹⁸⁸ Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 440.
- ¹⁸⁹ Иванов В. А. Указ. соч. С. 56–57.
- ¹⁹⁰ Немецкий гомосексуалист, обвиненный в 1933 г. в поджоге рейхстага.
- ¹⁹¹ Иванов В. А. Указ. соч. С. 59–61.
- ¹⁹² СЗ СССР. 1934. № 45. Ст. 358.
- ¹⁹³ См.: Журавлев С. В., Тяжельникова В. С. Иностранная колония в Советской России в 1920–1930-е годы (постановка проблемы и методы исследования) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 181.
- ¹⁹⁴ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 159.
- ¹⁹⁵ СЗ СССР. 1935. № 58. Ст. 476.
- ¹⁹⁶ Образцы таких отчетов см.: ВОКС в 1930–1940-е годы // Минувшее. Исторический альманах. № 14. М.; СПб., 1993; «Основная цель его приезда...» Отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934–1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3.
- ¹⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 817. Л. 6.
- ¹⁹⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Л. 1.
- ¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 749. Л. 130.
- ²⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Л. 39. См. также: Невежин В. А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 29.
- ²⁰¹ См.: Проезжая по Московии: Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов. М., 1991; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... Гл. 1.
- ²⁰² ДВП СССР. Т. XII. М., 1967. С. 50.
- ²⁰³ Журавлев С. В. «Маленькие люди»... С. 29.
- ²⁰⁴ Статистический справочник СССР за 1928 год... С. 40–41; Материалы Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. // Архивы Урала. 1996. № 2. С. 198.
- ²⁰⁵ Большое количество граждан Японии объясняется, очевидно, тем, что здесь учитываются прежде всего корейцы. В межвоенный период Корея официально входила в состав Японии, а

корейская эмиграция в СССР всегда была очень многочисленной (по американским данным, только в 1930-е годы в СССР эмигрировало 170 тыс. корейцев). См.: Журавлев С. В. «Маленькие люди»... С. 29.

²⁰⁶ Возможно, значительная часть этнических греков, живших в Российской империи, поспешила в годы революции и гражданской войны принять греческое гражданство.

²⁰⁷ Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 год... С. 40–41.

²⁰⁸ Журавлев С. В., Тяжелникова В. С. Указ. соч. С. 181.

²⁰⁹ Треппер Л. Большая игра: Воспоминания советского разведчика. М., 1990. С. 43.

²¹⁰ Блейк О. Московские будни — 1937 // Коммунист. 1991. № 3. С. 93.

²¹¹ Девис Р., Хлевнюк О. В. «Развернутое наступление социализма по всему фронту» // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 136–137; Иванов В. А. Указ. соч. С. 169.

²¹² ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 74. Л. 7.

²¹³ Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 262.

²¹⁴ Кодин Е. В. Указ. соч. С. 127.

²¹⁵ В частности, А. Кестлер и А. Жид. См.: The God that Failed. N. Y., 1965. P. 54; Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 78.

²¹⁶ Друг пленных. 1940. 27 января. С. 1.

²¹⁷ Подробнее об этом см.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... С. 145–168.

²¹⁸ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. Каталог. Berlin, 1992. С. 183–184.

²¹⁹ См. например: Голубев А. В. Фашизм глазами провинциальной российской интеллигенции 1930-х годов // Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX — начало XXI в.) Омск, 2003. С. 372–374.

²²⁰ Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М, 1999. С. 196.

²²¹ Ларин О. Тогда меня звали Вольдемар и Вилли // Новый мир. 1995. № 5. С. 159.

²²² Цит. по: Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. В 2-х книгах. Кн. 1. СПб., М., 2002. С. 122–123.

²²³ Зубкова Е. Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 95; Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 18–55.

²²⁴ АОМ. Ф. 2. Д. 21. Оп. 1. Л. 6–7.

²²⁵ Цит. по: Марьямов Г. Б. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 85.

Глава 2

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 77.

² Подробнее о восприятии внешнего мира массовым сознанием см.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

³ См.: Ходнев А. С. «Великая война» в зарубежной историографии: концепция тотальной войны // Преподавание истории в школе. 2000. № 10. С. 16–20; Сыч А. И. О некоторых социально-психологических последствиях первой мировой войны // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 109–113.

⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. Кн. 6. М., 2004. С. 109–110.

⁵ См.: Кудюкина М. М. Угроза войны глазами красноармейцев в 1920-е годы // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.) Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 278–279

⁶ ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы (По материалам информационных сводок ВЧК–ОГПУ). Сыктывкар, 1995. С. 130.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 187. Л. 71.

⁸ Некоторые исследователи подвергают контент-анализу такие достаточно репрезентативные источники, как письма в органы власти и в газеты или материалы перлюстрации. Это позволяет выделить количество писем, где затрагивались те или иные проблемы или процентное соотношение высказываний «за» и «против» существующего порядка вещей. См., например: Лившин А., Орлов И. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; Частные письма середины 1920-х годов (из архивов Политконтроля ОГПУ) // Нестор. 2005. № 1(5). С. 27–92; и др. Однако внешнеполитические сюжеты в подобных материалах встречаются крайне редко и не могут служить основанием для сколько-нибудь обоснованных подсчетов.

⁹ Подробнее см.: Балашов Е. М. Контуры будущего гражданина: новые и традиционные элементы в явлениях детского сознания, 1917–1920-е годы // Нестор. 2001. № 1(5). С. 150–192.

¹⁰ Цит. по: Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: становление «нового человека». СПб., 2003. С. 217.

¹¹ Там же. С. 184.

¹² Козлов В. А., Семенова Е. А. Социология детства (обзор социолого-педагогических обследований 20-х годов) // Школа и мир культуры этносов. Вып. 1. М., 1993. С. 48–49.

¹³ Рыбников Н. А. Крестьянский ребенок. Очерки по педологии крестьянского ребенка. М., 1930. С. 57.

¹⁴ Козлов В. А., Семенова Е. А. Указ. соч. С. 49.

¹⁵ Глазами иностранцев, 1917–1932. М., 1932. С. 209.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 4 об.

¹⁷ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 54.

¹⁸ См.: Кудюкина М. М. Угроза войны глазами красноармейцев в 1920-е годы... С. 278–279.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 448. Л. 17.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 187. Л. 20; Д. 188. Л. 1.

²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 32. Л. 6.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 42.

²³ Биографии специалистов, работающих в горнодобывающей промышленности (по материалам архивно-следственного дела) // Архивы Урала. 1995. № 2. С. 57; 1996. № 1. С. 61, 62.

²⁴ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 87.

²⁵ Шитц И. И. Дневник «великого перелома» (март 1928 — август 1931). Париж, 1991. С. 258.

²⁶ Беседовский Г. З. На путях к термидору. М., 1997. С. 286.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 114.

²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 92. Л. 283.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 57.

³⁰ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 43.

³¹ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1121. Л. 70.

³² Там же. Ф. 4. Оп. 6. Д. 69. Л. 13–14.

³³ Там же. Оп. 5. Д. 87. Л. 133.

³⁴ Цит. по: Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Т. 1. Краснодар, 2002. С. 145.

³⁵ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 76, 87.

³⁶ Шитц И. И. Указ. соч. С. 248–249.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 75, 57.

³⁸ Там же. Д. 181. Л. 88.

³⁹ Там же. Д. 187. Л. 9.

⁴⁰ ОГАЧО. Ф. П-170. Оп. 1. Д. 173. Л. 28. Данное письмо опубликовано: Общество и власть. Российская провинция. Челябинская область. Документы и материалы. Т. 1. 1917–1945. Челябинск, 2005. С. 214–216.

⁴¹ Самым экзотическим оказался слух, зафиксированный летом 1925 г. в Новониколаевской (позднее Новосибирской) губернии о том, что настоящая фамилия председателя Совета народных комиссаров А. И. Рыкова — Романов, Михаил Александрович, что он скрывался в Англии, «теперь попал к власти и скоро станет на престол...» См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 122.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 71.

⁴³ Там же. Д. 188. Л. 58.

⁴⁴ Шитц И. И. Указ. соч. С. 114.

⁴⁵ Там же. С. 179, 181.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 108.

⁴⁷ Там же. Д. 189. Л. 85.

⁴⁸ Там же. Л. 71, 106.

⁴⁹ Частные письма середины 20-х годов... С. 74.

⁵⁰ Цит. по: Кудюкина М. М. Красная армия и «военные тревоги» второй половины 1920-х годов // Россия и мир глазами друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 158.

⁵¹ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929... С. 431.

⁵² Там же. С. 447.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 103; Д. 188. Л. 40.

⁵⁴ Там же. Д. 188. Л. 72.

⁵⁵ Там же. Д. 189. Л. 106.

⁵⁶ Там же. Д. 180. Л. 108.

⁵⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. Кн. 7. М., 2006. С. 149.

⁵⁸ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 26. Л. 154.

⁵⁹ Это единственный случай, когда Англия упоминается в качестве возможного союзника; из контекста следует, что спрашивавший имел в виду, скорее всего, английских рабочих.

⁶⁰ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 430. Л. 129 об.

⁶¹ ЦДОСО. ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 12.

⁶² 14 июля 1927 г. Венский уголовный суд оправдал участников разгона рабочей демонстрации, в ходе которого погибли двое рабочих, в январе того же года. В результате 15 июля в Вене началась всеобщая забастовка, массовые демонстрации рабочих. Полиция применила оружие, начались уличные бои, приведшие к многочисленным жертвам. Выступление было подавлено.

⁶³ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1121. Л. 70–71.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 17.

⁶⁵ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 262. Л. 140.

⁶⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 87. Л. 133, 174.

⁶⁷ Там же. Д. 26. Л. 14

⁶⁸ См.: Баранов А. В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 187.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 182. Л. 16 об.; Д. 188. Л. 59.

⁷⁰ Характерно, хотя и неудивительно, что в этом отношении массовое сознание почти буквально воспроизводило представления советской военной элиты. См.: Минц М. М. Будущая война в представлениях военно-политического руководства СССР в 1927–1941 гг. Автореф. канд. дисс. М., 2007. С. 16.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 71.

⁷² ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 60, 68.

⁷³ Эти слухи оказались на редкость устойчивыми: они, в частности, были зафиксированы в Архангельске в июне 1944 г. Трудящихся города волновал среди прочего такой вопрос: «Правда ли, что благоустраивают города Архангельск и Молотовск [бывший и будущий Северодвинск — *авт.*] в связи с передачей их в аренду Англии». См.: Голубев А. В. Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004. С. 444–445.

⁷⁴ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 80, 119.

⁷⁵ Там же. С. 145.

⁷⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. 5. 1927 г. М., 2003. С. 369.

⁷⁷ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 146, 148, 152.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 85; Д. 181. Л. 88.

⁷⁹ Там же. Д. 180. Л. 108.

⁸⁰ ВОАНПИ. Ф. 1858. Д. 26. Л. 140.

⁸¹ 3 мая 1924 г. немецкий коммунист, бежавший из под ареста, пытался укрыться в советском торгпредстве в Берлине. Полиция провела в торгпредстве обыск, попутно ознакомившись со всеми находившимися там документами. Советская сторона расценила это как грубое нарушение принципа дипломатического иммунитета и заявила официальный протест. Инцидент был официаль-

но урегулирован лишь в конце июня, когда германская сторона согласилась подтвердить экстерриториальность применительно к одному из зданий торгпредства. См.: О'Коннор Т. Э. Г. В. Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 гг. М., 1991. С. 143–144.

⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 347. Л. 19; Д. 346. Л. 6.

⁸³ Там же. Д. 189. Л. 121.

⁸⁴ Э. Айронсайд — британский генерал, с октября 1918 г. по сентябрь 1919 г. — главнокомандующий союзными экспедиционными войсками на Севере России. В августе 1925 г. был в Польше на военных маневрах.

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 126.

⁸⁶ Там же. Д. 180. Л. 101.

⁸⁷ См.: Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000.

⁸⁸ Об идеологии этих кругов см.: Заиченко О. В. Образ России в консервативной прессе Веймарской республики: на материале журнала «Ди Тат» // Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 50–65.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200-А. Л. 144.

⁹⁰ Цит. по: Россия и Запад. С. 142.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 346. Л. 88 об.

⁹² Там же. Д. 189. Л. 33.

⁹³ Шитц И. И. Указ. соч. С. 249.

⁹⁴ Крокодил. 1923. № 3. С. 536.

⁹⁵ См., например: «Совершенно секретно»... Т. 1. 1922–1923 гг. М., 2001. Ч. 1. С. 188; Ч. 2. С. 689, 826, 833; Т. 2. 1924 г. М., 2001; С. 187; Т. 3. 1925 г. М., 2002. Ч. 1. С. 219–222, 237; Ч. 2. 619; и др.

⁹⁶ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. С. 219.

⁹⁷ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 64.

⁹⁸ Крокодил. 1931. № 3. С. 6.

⁹⁹ Правда. 1925. 22 апреля; Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 8. М., 1963. С. 242–243.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 149, 121.

¹⁰¹ ДВП СССР. Т. 8. М., 1963. С. 502.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 55.

¹⁰³ Шитц И. И. Указ. соч. С. 179, 181, 188.

¹⁰⁴ ЦДОСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1357. Л. 124, 142.

¹⁰⁵ Столь же пессимистических взглядов придерживалось и военно-политическое руководство СССР; так, в конце 1926 г. зам. наркома по военным и морским делам М. Н. Тухачевский представил в Совет труда и обороны доклад «Оборона Союза Советских Социалистических республик», который заканчивался выводом: «Ни Красная армия, ни страна к войне не готовы». См.: Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР... С. 65.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 34; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 13.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 71.

¹⁰⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929... С. 129.

¹⁰⁹ Цит. по: Рожков А. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 145.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 183. Л. 20 об.

¹¹¹ Там же. Д. 188. Л. 39.

¹¹² Там же. Д. 180. Л. 96.

¹¹³ Там же. Д. 189. Л. 114.

¹¹⁴ Цит. по: Кудюкина М. М. Красная армия и «военные тревоги»... С. 159–160.

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 195. Л. 59 об.; Д. 188. Л. 70; Д. 189. Л. 88.

¹¹⁶ ЦДНИОО. Ф. 425. Оп. 1. Д. 287. Л. 20.

¹¹⁷ О «военной тревоге» 1927 г. см.: Баранов А. В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 175–193; Кудюкина М. М. Запад в представлении российского крестьянства в конце 20-х годов // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 60–68; Она же. Война, которой не было: военная угроза 1927 г. // Homo Belli — человек войны в микроистории и истории повседневности. Нижний Новгород, 2000. С. 261–262; Нежинский Л. Н. Была ли военная угроза СССР в конце 1920 — начале 1930-х годов? // История СССР. 1990. № 6. С. 14–30; Николаев Л. Н. Угроза войны против СССР (конец 20 — начало 30-х гг.): реальность или миф? // Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 63–90; Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1922–1941. М., 2001. С. 47–50; Симонов Н. С. «Крепить оборону страны Советов»: «Военная тревога» 1927 года и ее последствия // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–161; Sontag J. P. The Soviet War Scare 1926–27 // The Russian Review. Vol. 34. N 1. P. 66–77; и др.

¹¹⁸ «Совершенно секретно»... Т. 4. Ч. 1. М., 2001. С. 638.

¹¹⁹ Цит. по: Кудюкина М. М. Угроза войны глазами красноармейцев... С. 279.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Правда. 1927. 9 января.

¹²² Там же. 14 января.

¹²³ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 430. Л. 129.

¹²⁴ Там же. Л. 130 об.

¹²⁵ В одной из сводок даже приводились конкретные цифры: «...со дня разрыва с Англией происходит усиленная закупка продуктов первой необходимости: соли, муки, сахара и т. п. Есть рабочие, которые закупили по 20–25 пудов муки и пудов по 5 соли». См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 15.

¹²⁶ См. подробнее: Симонов Н. С. Крепить оборону.... С. 157.

¹²⁷ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 10. Подробнее о подобных настроениях см.: Гайлит О. А. Вести, пророчества, чудеса: К вопросу о религиозных сюжетах в слухах 1920–1930-х годов // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 142–149.

¹²⁸ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 10.

¹²⁹ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 52–53.

¹³⁰ Цит. по: Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 48.

¹³¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 9. М., 1948. С. 170.

¹³² Цит. по: Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс... С. 60.

¹³³ См.: Сталин И. В. Сочинения. Т. 9. М., 1948. С. 322–330.

¹³⁴ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс... С. 61.

¹³⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 92. Л. 283.

¹³⁶ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 741. Л. 36–36 об.

¹³⁷ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 45.

¹³⁸ Там же. Л. 43–44.

¹³⁹ Можно сравнить, например, резолюции, принятые по разным поводам в Орловском округе в 1927 и в Луганском округе в 1929 г. См.: ГАОрлО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 2014; РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 85. Д. 359.

¹⁴⁰ См. например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 95; Д. 182. Л. 6 об.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 87. Л. 60; и др.

¹⁴¹ Кудюкина М. М. Красная армия и «военные тревоги»... С. 167.

¹⁴² Вотская автономная область возникла в феврале 1921 г. В 1934 г. была преобразована в Удмуртскую АССР.

¹⁴³ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 741. Л. 51.

¹⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 87. Л. 60–61 об.

¹⁴⁵ Там же. Д. 31. Л. 19–20.

¹⁴⁶ Там же. Д. 87. Л. 111.

¹⁴⁷ Там же. Д. 31. Л. 63–64.

¹⁴⁸ Ряд историков, в частности, А. В. Баранов, придерживаются другого мнения. Они подчеркивают, что «на эмпирическом материале 1927 г. подтверждается гипотеза о сословно-классовой сегментации политического сознания земледельцев Юга России... Зажиточные крестьяне и казаки, часть служащих, “нэпманы” проявили неприятие советской практики властвования и надеялись на успешную войну ради свержения режима. Средняцкая толща крестьянства и часть казачества была настроена пацифистски и, скорее всего, осторожно ждала исхода событий. Наконец, третий тип настроений характерен для бедняцких слоев “иностранцев” крестьян, для рабочих и маргинальных групп. Это — антиэпохальный экстремизм и желание воинственно защищать “подлинную” советскую власть от перерождения». См.: Баранов А. В. Указ. соч. С. 189. Проблема, однако, в том, что социальная принадлежность носителей той или иной позиции, отмеченная в материалах ОГПУ, которые использует Баранов, далеко не всегда соответствовала действительности.

¹⁴⁹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 31. Л. 64, 67. Впрочем, не ОГПУ принадлежит сомнительная честь условного деления крестьянства на антагонистические социальные группы в зависимости не от реального социального статуса, а от взглядов и высказываний. Как отмечает американский исследователь Я. Коцонис, еще до революции в деревенском обществе «в атмосфере навешивания ярлыков и взаимных обвинений нередко возникали ссоры между различными группами сельских жителей... при этом каждая сторона называла другую “кулаками” и “подкулачниками”, торговцами или “богатеями”». См.: Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006. С. 247

¹⁵⁰ Там же. Л. 21.

¹⁵¹ Кудюкина М. М. Война, которой не было: военная угроза 1927 г. // Homo Belli — человек войны в микроистории и истории повседневности. Нижний Новгород, 2000. С. 262.

¹⁵² Симонов Н. С. Крепить оборону... С. 157.

¹⁵³ ЦДОСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1357. Л. 41.

¹⁵⁴ Чжан Сюэлян (1898–2001) — китайский военный и политический деятель, сын Чжан Цзолия. В 1928 г. после гибели отца стал правителем Северо-Восточной провинции (Манчжурия), в декабре 1928 г. признал правительство Чан Кайши, в 1931 г. без

сопротивления оставил Манчжурию. Со своей армией принимал участие в борьбе с Красной армией Китая (1935–1936). В декабре 1936 г. добился от Чан Кайши обещания совместной с коммунистами борьбы против японцев, после чего был отдан под трибунал и приговорен к тюремному заключению. Когда в 1949 г. правительство Чан Кайши потерпело поражение в гражданской войне и вынуждено было покинуть Китай и отправиться на Тайвань, они забрали с собой и Чжан Сюэляна. Лишь в 1993 г. суд Тайваня за давностью лет отменил приговор трибунала. Чжан Сюэлян умер на Гавайях в возрасте 101 года в октябре 2001 г.

¹⁵⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 297. Л. 194, 196.

¹⁵⁶ Об этом подробнее см.: Голубев А. В. Сталинизм и советское общество // Проблемы российской истории. Вып. 6. Магнитогорск, 2006. С. 348–376.

¹⁵⁷ Цит. по: Лютов Л. Н. Политические настроения провинциальной интеллигенции в освещении ОГПУ. 1928–1929 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 118.

¹⁵⁸ Подробнее см.: Платова Е. Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху 1917–1927 гг. СПб., 2001; Рожков А. Ю. Указ. соч.

¹⁵⁹ Реализация политики советского государства в отношении крестьянства в конце 1920-х — начале 1930-х годов на территории Базезинского района Удмуртской республики // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 78.

¹⁶⁰ Кузнецов И. О. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Учебное пособие. Новосибирск, 1992. С. 73.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² В одной из информационных сводок ЦК ВКП(б) за июнь 1927 г. этому явлению был даже посвящен специальный раздел. См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 21–22.

¹⁶³ Кузнецов И. О. Указ. соч. С. 73.

¹⁶⁴ О влиянии «военной тревоги» 1927 г. на последующую политику советского руководства см., например: Симонов Н. С. Крепить оборону... С. 161.

¹⁶⁵ Цит. по: Никонова О. Ю. «Просим считать нас мобилизованными», или война как фактор социальной мобилизации // Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 234–235. Малиновский Лев Павлович (1897–1938), генеральный секретарь Осоавиахима, позднее начальник Главной инспекции Главного управления ГВФ при СНК СССР. Репрессирован, посмертно реабилитирован; Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936), командарм 1 ранга. В 1917 г. полковник Генштаба, коман-

дир полка, затем начальник штаба корпуса. С 1918 г. в Красной армии, в 1918–1919 гг. командующий Восточным фронтом, с июля 1919 по март 1924 г. главком Вооруженных сил Республики. Позднее на высших штабных должностях, в 1927–1934 гг. заместитель наркома обороны.

¹⁶⁶ Кожевников, Трубецкой — знакомые М. М. Пришвина.

¹⁶⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929... С. 429–430.

¹⁶⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931... С. 31, 49.

¹⁶⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931... С. 136.

¹⁷⁰ Шкловский Виктор Борисович (1893–1984), русский писатель, литературовед.

¹⁷¹ Чуковский К. И. Дневник (1930–1969). М., 1995. С. 20.

¹⁷² ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 26.

¹⁷³ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 312.

¹⁷⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931... С. 282, 576.

¹⁷⁵ Общество и власть. Российская провинция. Т. 2. 1930 — июнь 1941 г. М., 2005. С. 509.

¹⁷⁶ Аржиловский А. С. Дневник 36–37-го годов // Урал. 1992. № 3. С. 141. Аржиловский Андрей Степанович (1885–1937) происходил из крестьян Тюменской губернии. Был членом земской управы, при Колчаке входил в состав гражданской следственной комиссии. В 1919–1923 и в 1929–1936 гг. находился в заключении, в перерыве успел попасть под раскулачивание. Писал и печатался в газетах, даже в лагере. После освобождения по болезни жил в Тюмени, работал счетоводом на деревообрабатывающем комбинате. В сентябре 1937 г. арестован и расстрелян. Дневник сохранился в архиве НКВД и в 1990-е годы был дважды опубликован, в том числе в переводе на английский язык. См.: *Intimacy & Terror. Soviet Diaries of the 1930s*. N. Y., 1995. P. 111–165.

¹⁷⁷ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 83.

¹⁷⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929... С. 188.

¹⁷⁹ Гронский (Федулов) Иван Михайлович (1894–1985). Журналист, литературный критик. Член ВКП(б) с 1918 г. Участник Гражданской войны, партийный работник. С 1925 г. в «Известиях», заместитель редактора, и. о. главного редактора. В 1931–1934 гг. главный редактор «Известий», одновременно в 1931–1934 гг. редактор «Красной нивы» и «Нового мира» (1931–1937). В качестве главного редактора «Известий» принимал участие в заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). В 1932–1933 гг. был председателем Оргкомитета по подготовке 1-го Всесоюзного съезда писателей. Весной 1937 г. был уволен из «Нового мира» за публика-

цию материалов «врагов народа», работал главным редактором издательства Академии архитектуры и профессором истории литературы в Московском пединституте, в июле 1938 г. был арестован, осужден к 15 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах. Заключение отбывал в тюрьмах и лагерях Воркуты. В марте 1954 г. освобожден и реабилитирован. Позднее работал в ИМЛИ им. Горького.

¹⁸⁰ Гронский И. М. Из прошлого... Воспоминания. М., 1991. С. 147–148.

¹⁸¹ Цит. по: Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 251.

¹⁸² Общество и власть. Российская провинция... Т. 2. С. 435.

¹⁸³ Конференция британских доминионов проходила в Оттаве в июле-августе 1932 г. На ней были заключены соглашения о введении предпочтительных тарифов в торговле между Англией и доминионами.

¹⁸⁴ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 22. Л. 40.

¹⁸⁵ Цит. по: Чалая З. Оборонная драматургия (опыт исследования нашей творческой работы в свете задач современности). М.; Л., 1938. С. 3.

¹⁸⁶ См. об этом: Кулешова Н. Ю. «Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181–191; Кузнецова М. В. Если завтра война: оборонные фильмы 1930-х годов // Историк и художник. 2005. № 2. С. 17–26; Токарев В. А. Пропагандистский образ будущих войн (советская антиципация кануна Второй мировой) // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 498–534; и др.

¹⁸⁷ Чалая З. Указ. соч. С. 8.

¹⁸⁸ Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 146.

¹⁸⁹ Киршон Владимир Михайлович (1902–1938), драматург. Член РКП(б) с 1920 г. Окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова (1923), с 1925 г. один из лидеров РАППа. В мае 1937 г. исключен из состава правления Союза писателей. Арестован в августе 1937 г., обвинен в принадлежности к «троцкистской группе в литературе», расстрелян в апреле 1938 г. Реабилитирован в ноябре 1955 г. Пьеса «Большой день», впервые опубликованная отдельным изданием в 1936 г., была тут же перепечатана «Новым миром» (1937, № 2) и поставлена в январе 1937 г. в театре Красной армии, в феврале в БДТ (Ленинград), в апреле в театре им. Вахтангова, затем во многих театрах страны.

¹⁹⁰ Киршон В. Большой день. Фантастическая пьеса в 5 актах, 6 картинах. М.; Л., 1936. С. 63.

¹⁹¹ Токарев В. А. Образ будущей войны (Советская антиципация 1939 года) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 140.

¹⁹² Кулешова Н. Ю. Армии капиталистических стран в 1930-е годы: два взгляда советской пропаганды // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 21.

¹⁹³ Никонова О. Ю. Указ. соч. С. 258.

¹⁹⁴ Попытку дать историко-психологическую характеристику фронтового поколения предприняла в своих работах Е. С. Сенявская. См.: Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; Она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

¹⁹⁵ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 23. Л. 58 об.

¹⁹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 241. Л. 75.

¹⁹⁷ Там же. Л. 83.

¹⁹⁸ Очевидно, имеется в виду Р. Гайда. Гайда Радола (1892–1948) — чешский политический деятель, военачальник, один из организаторов восстания Чехословацкого корпуса (1918), командовал Сибирской армией у Колчака. С середины 1920-х гг. один из руководителей фашистских организаций в Чехословакии. Сотрудничал с гитлеровцами, казнен по приговору чешского Народного суда.

¹⁹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 242. Л. 36–37.

²⁰⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 227.

²⁰¹ См.: Haslam J. The Soviet Union & the Threat from the East, 1933–1941. Moscow, Tokyo & the Prelude to the Pacific War. Lnd., 1992. P. 145.

²⁰² 18 сентября 1931 г. после так называемого «Маньчжурского инцидента», а именно взрыва на Южно-Маньчжурской железной дороге, японская Квантунская армия оккупирует г. Мукден, а затем всю Южную Маньчжурию. В марте 1932 г. на территории Маньчжурии было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го. 26 января 1932 г. японская морская пехота высадилась в Шанхае. Однако части китайской армии оказали неожиданное сопротивление. Ожесточенные бои продолжались до начала марта; в июне 1932 г. при посредничестве западных держав было официально подписано соглашение о прекращении военных действий и выводе японских войск из Шанхая. «Удивительно, при всей яркости моего резко отрицательного отношения к войне, я чувствую, что защита Шанхая есть великое положительное событие в жиз-

ни Китая и человечества», — 26 февраля 1932 г. записал в своем дневнике В. И. Вернадский. См.: Вернадский В. И. Дневники 1926–1934... С. 254.

²⁰³ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 240, 256.

²⁰⁴ Статья в «Известиях» (4 марта 1932 г.) называлась «Советский Союз и Япония». В ней подчеркивалось, что СССР твердо придерживается нейтралитета в китайско-японском конфликте. Статья заканчивалась многозначительной фразой: «Советский Союз не позволит кому бы то ни было нарушить неприкосновенность советских границ, вторгнуться в его пределы и захватить хотя бы малейшую часть Советской земли». По-видимому, оценка Вернадского была близка к истине.

²⁰⁵ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 271.

²⁰⁶ Там же. С. 275.

²⁰⁷ Общество и власть. Российская провинция... Т. 2. С. 316.

²⁰⁸ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 162. Л. 41; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3. М., 2001. С. 425, 780.

²⁰⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 227.

²¹⁰ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 26. Л. 174, 175, 191.

²¹¹ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 14. Л. 43.

²¹² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 226–227.

²¹³ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 23. Л. 19.

²¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 241. Л. 5–6.

²¹⁵ Там же. Л. 60, 70.

²¹⁶ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 78.

²¹⁷ Там же. Д. 23. Л. 199.

²¹⁸ Там же. Д. 126. Л. 202; ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 308. Л. 359.

²¹⁹ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 350.

²²⁰ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. М., 2002. С. 45, 48, 191.

²²¹ Там же. Т. 4. Ч. 1. М., 2001. С. 250.

²²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 46.

²²³ Цит. по: Саран А. Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг. М.; Орел, 2003. С. 160.

²²⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931... С. 261.

²²⁵ Так, в начале 1930-х годов ситуация в Германии становится ведущей темой для советской политической карикатуры. См.: Голубев А. В. Межвоенная Европа глазами советской карикатуры // Европа. 2003. Т. 3. № 3 (8). С. 125–169. О позиции советско-

го руководства см. подробнее: Голубев А. В. Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11–12. С. 114–132.

²²⁶ Подробнее см.: Голубев А. В. Советская интеллигенция и внешний мир: уроки 1930-х годов // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. М., 1996. С. 120–131.

²²⁷ См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов российского общества первой половины XX в. М., 1998. С. 95, 149, 159–160.

²²⁸ Имеется в виду кормовой факультет Вологодского молочно-хозяйственного института.

²²⁹ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 303. Л. 71, 74.

²³⁰ ЦДНИОО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 61. Л. 210.

²³¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 250. Л. 89. Характерно, что за это высказывание Селиверстов был арестован по статье 58 пункт 8 УК РСФСР. В данном пункте речь шла о «совершении террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций и участие в выполнении таких актов».

²³² ГАКО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 26. Л. 4.

²³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Д. 2714. Оп. 5. Д. 2714. Л. 59, 81, 96.

²³⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 289. Л. 144.

²³⁵ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 243. Л. 5.

²³⁶ См., например: ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 303. Л. 91–92; Д. 940. Л. 18.

²³⁷ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 107. Л. 69.

²³⁸ О том, как немецкие граждане, жившие в СССР, воспринимали перемены на родине, см. в частности: Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского «Электrozавода» в советском обществе 1920–1930-х годов. М., 2000.

²³⁹ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 857. Л. 2.

²⁴⁰ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 744. Л. 30.

²⁴¹ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2238. Л. 64.

²⁴² ГАКО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 26. Л. 142.

²⁴³ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2238. Л. 57.

²⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 104. Л. 65.

²⁴⁵ 23–30 января 1937 г. в Москве состоялся второй показательный процесс по делу «Параллельного троцкистского центра» («процесс 17-ти»). 13 подсудимых из 17 были приговорены к высшей мере наказания. Среди главных подсудимых — Г. Л. Пятаков, Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков.

²⁴⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 98. Л. 200.

²⁴⁷ Общество и власть. Российская провинция... Т. 2. С. 90.

²⁴⁸ Там же. О распространенности подобных суждений можно судить по отдельным, доступным для исследователя, информационным документам НКВД тех лет.

²⁴⁹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 777. Л. 9.

²⁵⁰ Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 99.

²⁵¹ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 489–490.

²⁵² См.: Общество и власть в 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998. С. 187–188.

²⁵³ Иванов В. А. Указ. соч. С. 104, 161.

²⁵⁴ См.: Саран А. Ю. Указ. соч. С. 189–190.

²⁵⁵ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 67. Л. 64.

²⁵⁶ Варжанский С. Л., Синицкий Л. Д. География капиталистических стран для седьмого и восьмого годов обучения ФЭС и третьего года обучения ШКМ. М., 1932. С. 127.

²⁵⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 144. Л. 130.

²⁵⁸ Там же. Д. 404. Л. 105.

²⁵⁹ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. М., 2002. С. 231.

²⁶⁰ Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945. СПб., 1996. С. 7–8.

²⁶¹ Там же. С. 6.

²⁶² Цит. по: Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 19.

²⁶³ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 79.

²⁶⁴ Вернадский В. И. Дневник 1939 г. // Дружба народов. 1992. № 11–12. С. 25.

²⁶⁵ Токарев А. В. В фарватере советской пропаганды 1939 (к стратегии выживания старшего поколения историков) // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Пермь, 2002. С. 199–200.

²⁶⁶ Подробнее об этом см.: Небезин В. А. Польша в советской пропаганде 1939–1945 гг. // Россия и внешний мир. диалог культур. М., 1997. С. 69–88; Он же. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939–1941 гг. М., 1997. С. 67–80.

²⁶⁷ Симонов К. Указ. соч. С. 80.

²⁶⁸ Зензинов В. М. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию. 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. С. 332, 356.

- ²⁶⁹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 756. Л. 63 об.
²⁷⁰ Советская повседневность... С. 15, 21.
²⁷¹ Цит. по: Невежин В. А. Синдром наступательной войны... С. 100.
²⁷² ГАСО. Ф. Р-579. Оп. 3. Д. 18. Л. 29.
²⁷³ Вишневский В. «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939–1941 гг. // Москва. 1995. № 5. С. 105.
²⁷⁴ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 67. Л. 127–129.
²⁷⁵ Вернадский В. И. Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. № 2. С. 244.
²⁷⁶ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 10. Л. 66 об.
²⁷⁷ Там же. Д. 19. Л. 134–138
²⁷⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 3, 41, 106.
²⁷⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 4 об.–5.
²⁸⁰ Дневник Елены Булгаковой... С. 284.
²⁸¹ Иванов В. А. Указ. соч. С. 244.
²⁸² Подробнее см.: Невежин В. А. Синдром наступательной войны... Он же. «Если завтра в поход...» Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М., 2007.

Глава 3

¹ О формировании и функционировании «образа врага» в российском обществе первой половины XX в. см. работы Е. С. Сеньявской: «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 75–85; Она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 36–75; и др. Итоги многолетних исследований она недавно подвела в фундаментальной монографии «Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества» (М., 2006). См. также: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 235–274; Фатеев А. П. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999; и др.

² Об образе союзника см.: Голубев А. В. «Царь Китаю не верит...» Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 261–293; Он же. Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941–1945 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет,

задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 334–345; Он же. Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004. С. 126–146; Колдомасов И. О. Эволюция образа союзника в советском обществе военных лет: от катастрофы к «великому перелому» // Проблемы российской истории. Вып. 7. Магнитогорск, 2006. С. 335–358; Наринский М. М., Поздеева Л. В. Взаимные представления: Имиджи, идеалы, иллюзии // Союзники в войне 1941–1945. М., 1995. С. 326–347; Сенявская Е. С. От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. Вып. 6. Магнитогорск, 2006. С. 318–347; и др.

³ См. об этом: Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

⁴ Буганов А. В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С. 180.

⁵ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1960. С. 235.

⁶ Подробнее см.: Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982; Орлов А. А. Русские и англичане друг о друге (1787–1815) // Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997. С. 216–229; Гелла Т. Н. Англия конца 60-х — начала 70-х годов XIX века глазами русских // Россия и Европа в XIX–XX в.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 155–165; Сергеев Е. Ю. Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX — начале XX века // Там же. С. 166–174; Рудая Е. В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 годах // Там же. С. 175–183; и др.

⁷ Емец В. А. А. П. Извольский и перестройка внешней политики России (соглашения 1907 г.) // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 344.

⁸ См. напр.: Сенявская Е. С. «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX вв... С. 75–86.

⁹ Тиражи подобных изданий были так велики, что еще в 1940–1941 гг. в Ленинграде из продажи изымались открытки с изображением «серии гимнов союзных держав царской России». См.: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 500.

¹⁰ Фалькович С. М. Влияние культурного и политического факторов на формирование в русском обществе представлений о Польше и поляках // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 192.

¹¹ Симаков В. И. Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т. д. Пгр., 1915. С. 9.

¹² «Борьба наша проиграна». Документы правых. 1914 – февраль 1917 г. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 44.

¹³ Цит. по: Россия и Запад... С. 277.

¹⁴ Цит. по: Нелипович С. Г. Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 года: война на истощение? // Отечественная история. 1998. № 3. С. 48.

¹⁵ Россия и Запад... С. 65, 277.

¹⁶ Гиппиус З. Н. Петербургские дневники. 1914–1919. М., 1990. С. 27, 33.

¹⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. Т. 1. М., 1999. С. 360.

¹⁸ Трагедия советской деревни... С. 73–74.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 138.

²⁰ ГАОрлО. Фонд П–48. Оп. 1. Д. 316. Л. 105.

²¹ Красноармейский фольклор. М., 1938. С. 112, 114.

²² Цит. по: Россия и Запад... С. 278.

²³ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 468. Бл. 3. Л. 40.

²⁴ Там же. Д. 481. Л. 24.

²⁵ Там же. Ф. 80. Оп. 14. Д. 18. Л. 47.

²⁶ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 469. Л. 15.

²⁷ Там же. Д. 481. Л. 12.

²⁸ Там же. Д. 508. Л. 9.

²⁹ «Назначить революцию в Германии на 9 ноября» // Источник. 1995. № 5. С. 134.

³⁰ Вацетис И. И. О военной доктрине будущего. М., 1923. С. 48–49.

³¹ Будущая война. М., 1928. С. 35–36.

³² Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 44.

³³ См.: «Основная цель его приезда...» Отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934–1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 139.

³⁴ Вернадский В. И. Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. № 2. С. 244.

³⁵ Подробнее см.: Орлов Б. М. В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х годах // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 40–53.

³⁶ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 8.

³⁷ См.: Голубев А. В. Немецкий фашизм глазами провинциальной российской интеллигенции 1930-х годов // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004. С. 24–30; Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda & Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997. P. 96–98.

³⁸ Иванов Р. Ф. Сталин и союзники: 1941–1945 гг. Смоленск, 2000. С. 37.

³⁹ Подробнее см.: Голубев А. В. Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11–12. С. 114–132.

⁴⁰ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 45.

⁴¹ См., например: Случ С. З. Советско-германские отношения в сентябре-декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну. Отечественная история. 2000. № 5. С. 46–58; № 6. С. 10–27.

⁴² Цит. по: Наринский М. М. Кремль и Коминтерн в 1939–1941 годах // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 15.

⁴³ Цит. по: Невежин В. А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 26.

⁴⁴ Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 122.

⁴⁵ Цит. по: Корочкова О. Ю. Дневник Ю. Л. Слезкина: внешнеполитические коллизии в оценках русского писателя // Проблемы российской истории. Вып. 7. Магнитогорск, 2006. С. 482–483.

⁴⁶ Чуковский К. И. Дневник (1930–1969). М., 1995. С. 155.

⁴⁷ Цит. по: Вишлев О. В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 163.

⁴⁸ См., например, дневник ленинградки И. И. Зеленской: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 4 об.

⁴⁹ Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 64–65.

⁵⁰ Barghoorn F. C. The Soviet Image of the United States. A Study in Distortion. N. Y.; L., 1969. P. 37. Об образе США в советской пропаганде и в общественном сознании в межвоенный пери-

од см. также: Фролова Н. С. «Восхитительный и пугающий дялюшка Сэм»: образ жизни американцев в 20-е годы через советскую призму // Проблемы российской истории. Вып. 1. Магнитогорск, 2002. С. 356–371; Она же. «Сумасшедший дом и его обитатели» — политическая система США в оценке советских обозревателей 1930-х гг. // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 369–391; Rogger H. How the Soviets See Us // Shared Destiny. Boston, 1985. P. 107–146.

⁵¹ Лабас Ю. Черный снег на Кузнецком (война глазами восьмилетнего москвича) // Родина. 1991. № 6–7. С. 36.

⁵² См.: Долгоруков Н. А. Страницы жизни. Записки-воспоминания. Л., 1963.

⁵³ F. 1771. Ар. 1. В. 181. Л. 30, 36.

⁵⁴ Вишневский В. «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939–1941 годов // Москва. 1995. № 5. С. 107.

⁵⁵ Бобылев П. Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 г.? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 6–7.

⁵⁶ Вишневский В. Указ. соч. С. 108.

⁵⁷ См. примечание 1 к данной главе.

⁵⁸ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 16.

⁵⁹ Эренбург И. В первый день. 22 июня 1941 // От Советского Информбюро... 1941–1945. Т. 1. М., 1984. С. 22.

⁶⁰ Сталин И. В. Указ. соч. С. 33.

⁶¹ ЦДНИОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 75. Л. 256.

⁶² Там же. Л. 135 об.

⁶³ ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 120. Л. 39; ЦДНИОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 75. Л. 59; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3904. Л. 19, 90; ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3713. Л. 1–2; ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1651. Л. 71.

⁶⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1657. Л. 86.

⁶⁵ Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 1995. С. 64–65.

⁶⁶ Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871–1955), график, народный художник РСФСР (1946), действительный член Академии художеств СССР (1949).

⁶⁷ Цит. по: Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. В 2-х кн. Кн. 1. СПб.; М., 2002. С. 226.

⁶⁸ Пословицы. Вып. 1. М., 1942. С. 1.

⁶⁹ Цит. по: На привале и в бою: сборник солдатского творчества периода Великой Отечественной войны. Омск, 2005. С. 91.

⁷⁰ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 671.

- ⁷¹ Klingender F. D. *Russia — Britain's Ally. 1812–1942.* L., 1942.
- ⁷² Цит. по: Михаил Иванович Калинин: Краткая биография. М., 1980. С. 278.
- ⁷³ ГАСО. Ф. Р-579. Оп. 3. Д. 21. Л. 10.
- ⁷⁴ Лебедев И. П. «Кобры» летят к фронту. Авиационный ленд-лиз в годы Великой Отечественной войны. М., 1992. С. 61.
- ⁷⁵ Цит. по: Иванов Р. Ф., Петрова Н. К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны: 1941–1945. Воронеж, 1995. С. 197–198.
- ⁷⁶ См. об этом: Позняков В. В. Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы второй мировой войны. 1939–1945 гг. // Ялта. 1945. Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 175.
- ⁷⁷ Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М., 2000. С. 105.
- ⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 203. Л. 65–74.
- ⁷⁹ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 88.
- ⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 184. Л. 29–34; 50–57.
- ⁸¹ Поздеева Л. В. Советский Союз: геополитическая дипломатия // Союзники в войне 1941–1945. М. 1995. С. 377.
- ⁸² Barghoorn F. C. Ibid. P. 44–49.
- ⁸³ Калинин М. И. Статьи и речи (1941–1946 гг.) М., 1975. С. 265–268.
- ⁸⁴ Поздеева Л. В. Указ. соч. С. 379–380.
- ⁸⁵ Калинин М. И. Указ. соч. С. 333.
- ⁸⁶ Цит. по: Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голль: Политические портреты. Минск, 1991. С. 213.
- ⁸⁷ Наринский М. М., Поздеева Л. В. Указ. соч. С. 329.
- ⁸⁸ ОГАЧО. Ф. П-192. Оп. 5. Д. 237. Л. 111.
- ⁸⁹ Эренбург И. Весна в октябре. 1944 // От Советского Информбюро... 1941–1945. Т. 2. М., 1984. С. 312
- ⁹⁰ ГАСО. Ф. Р-579. Оп. 3. Д. 21. Л. 20.
- ⁹¹ Терещук А. В. СССР, его союзники и противники в годы второй мировой войны: международно-правовые и нравственные аспекты взаимоотношений // Россия и Запад. СПб., 1996. С. 221.
- ⁹² О советской пропаганде в годы войны подробнее см.: Козлов Н. Д. Указ. соч.; Невежин В. А. Из истории культурных связей СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.) // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1990. С. 202–226; Поздеева Л. В. Межсоюзнические перегово-

ры о координации пропаганды (1941–1944 гг.) // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 144–151; Позняков В. В. Указ. соч.; Наринский М. М., Поздеева Л. В. Указ. соч.; и др.

⁹³ Иванов В. В. Указ. соч. С. 93.

⁹⁴ Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 255.

⁹⁵ Михайлов (Вильямс) Борис Данилович (1895–?) — в 1920-е годы работник Коминтерна, затем заведующий иностранным отделом газеты «Правда», редактор «Журнал де Москву».

⁹⁶ «Интернациональная литература» — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Начал выходить в 1928 г. как «Вестник иностранной литературы», в 1931–1932 гг. издавался под заголовком «Литература мировой революции», с 1933 по 1943 г. — «Интернациональная литература». Журнал выходил на русском, английском, немецком и французском языках. О его роли в развитии международных культурных связей см.: Первухина К. М. Европейская культура в советской периодике 1930-х годов: журнал «Интернациональная литература» // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 116–128. В 1955 г. издание было возобновлено под названием «Иностранная литература».

⁹⁷ Иванов В. В. Московские тетради. Из дневников военного времени // Дружба народов. 2001. № 8. С. 109.

⁹⁸ Barghoorn F. C. Ibid. P. 86.

⁹⁹ См.: Титков А. Э. Союзники-соперники (к истории антигерманского союза СССР с США и Великобританией в 1941–1945 гг.) // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 308.

¹⁰⁰ Терещук А. В. Указ. соч. С. 222.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 184. Л. 4.

¹⁰² LYA. F. 1771. Ap. 7. B. 84. L. 6–7.

¹⁰³ Калинин М. И. Указ. соч. С. 434–435.

¹⁰⁴ Barghoorn F. C. Ibid. P. 69.

¹⁰⁵ Уткин А. И. Вторая мировая война. М., 2002. С. 252–253.

¹⁰⁶ Наринский М. М., Поздеева Л. В. Указ. соч. С. 327.

¹⁰⁷ Позняков В. В. Указ. соч. С. 175.

¹⁰⁸ Фатеев А. В. Указ. соч. С. 29.

¹⁰⁹ См., например: Голубев А. В. Советская интеллигенция и внешний мир: уроки 1930-х годов // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. М., 1996. С. 120–131; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в со-

знании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

¹¹⁰ Москва военная... С. 50–52.

¹¹¹ См., например: Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 (Из Архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб., 1996. С. 23, 44, 48–49 и др.

¹¹² Ломагин Н. А. Неизвестная блокада... Кн. 1. С. 216, 228.

¹¹³ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 52. Д. 33. Л. 74.

¹¹⁴ Кржижановский С. Москва в первый год войны // Кржижановский С. Собр. соч. Т. 3. СПб., 2003. С. 501.

¹¹⁵ ЦДНИОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 75. Л. 135.

¹¹⁶ Там же. Л. 136–139.

¹¹⁷ Вернадский В. И. «Коренные изменения неизбежны...» Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 204.

¹¹⁸ Москва военная... С. 74, 75.

¹¹⁹ Цит. по: Рошаль Л. М. «Я уже не мальчик и на авантюру не пойду...» Переписка Эйзенштейна с кинематографическим руководством // Киноведческие записки. № 38. М., 1998. С. 146–147, 152.

¹²⁰ История советской радиожурналистики: Документы. Тексты. Воспоминания. 1917–1945. М., 1991. С. 14.

¹²¹ Москва военная... С. 68–69.

¹²² Вопиющая некомпетентность // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 58.

¹²³ Недремлющее око спецслужб // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006. С. 549, 550.

¹²⁴ Цит. по: Ломагин Н. А. Неизвестная блокада... Кн. 1. С. 219.

¹²⁵ Москва прифронтовая. 1941–1942. М., 2001. С. 629.

¹²⁶ Декларация глав правительств США и Великобритании, подписанная 14 августа 1941 г. В ней в общей форме говорилось о целях войны против фашистской Германии и ее союзников, о послевоенном устройстве мира, в частности об отказе от территориальных захватов и праве народов избирать себе форму правления. 24 сентября 1941 г. на Лондонской межсоюзной конференции СССР объявил о присоединении к основным положениям Атлантической хартии.

¹²⁷ Недремлющее око спецслужб... С. 555.

¹²⁸ Веселовский С. Б. Дневники 1919–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 78.

¹²⁹ Из дневника Лидии Осиповой о жизни в пригородах Ленинграда (22 июня 1941 – 1944 гг.) // Ломагин Н. А. Неизвестная блокада... Кн. 2. Документы, приложения... С. 459, 468.

¹³⁰ Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 231.

¹³¹ Москва военная... С. 489.

¹³² См. напр.: Жилинский И. И. Блокадный дневник (осень 1941 — весна 1942 г.) // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 4.

¹³³ Боярский Владимир Ильич (1899–1945), полковник, командир 41-й стрелковой дивизии. Попал в плен в мае 1942 г. под Харьковом. В сентябре 1942 г. командовал созданной немцами так называемой «Русской национальной народной армией» в Белоруссии, затем участвовал в создании РОА. В мае 1945 г. был повешен чешскими партизанами.

¹³⁴ Цит. по: Вишлев О. В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 196.

¹³⁵ Международное положение глазами ленинградцев... С. 14.

¹³⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.

¹³⁷ Международное положение глазами ленинградцев... С. 52–53.

¹³⁸ Москва военная... С. 477.

¹³⁹ Пантелеев (Еремеев) Алексей Иванович (1908–1987), советский писатель.

¹⁴⁰ Пантелеев А. И. Из старых записных книжек (1922–1947) // Пантелеев А. И. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. Л., 1985. С. 409.

¹⁴¹ Верт А. Указ. соч. С. 339.

¹⁴² Тартаковский Б. Г. Из дневников военных лет. М., 2005. С. 50.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 262. Л. 116.

¹⁴⁴ Недремлющее око спецслужб... С. 554.

¹⁴⁵ См., например: Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. С. 282.

¹⁴⁶ Там же. С. 297.

¹⁴⁷ Зима В. Ф. Указ. соч. С. 186.

¹⁴⁸ Международное положение глазами ленинградцев... С. 49, 53, 75.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 100.

¹⁵⁰ См.: Пропаганда немецких спецслужб на оккупированных землях // <http://www.svoboda.org/programs/hd/2005/hd041605.asp>.

¹⁵¹ Эти частушки были записаны в 1943 г. в Никольском районе Вологодской области. См.: Частушки в записях советского времени. М.; Л., 1965. С. 164.

¹⁵² I.YA. F. K–1. Ар. 10. В. 10. Л. 78.

¹⁵³ Верт А. Указ. соч. С. 480.

¹⁵⁴ Общество и власть. Российская провинция. Т. 3. Июнь 1941 — 1953 г. М., 2005. С. 835.

¹⁵⁵ Москва военная... С. 666.

¹⁵⁶ Речь идет об англо-советском договоре о союзе и сотрудничестве от 26 мая и об англо-советском и американо-советском коммюнике относительно второго фронта от 12 июня 1942 г. Цит. по: Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 166.

¹⁵⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 119, 247, 255, 262; ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3786, 3790.

¹⁵⁸ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада... Кн. 1. С. 252.

¹⁵⁹ Подобные группы были созданы осенью 1941 г., на случай занятия Москвы немцами, тогда же перешли на нелегальное положение и, в ожидании немецкой оккупации, занимались отслеживанием настроений горожан. Донесении этих групп отложились в ЦАОДМ, частично опубликованы в сборниках «Москва военная» и «Москва прифронтовая».

¹⁶⁰ Москва прифронтовая... С. 467.

¹⁶¹ Данный абзац в письме написан по-английски, возможно, автор опасался цензуры. Цит. по: Сорокин В. С. Из военных лет // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново, 1995. Вып. 2. С. 163.

¹⁶² Верт А. Указ. соч. С. 264.

¹⁶³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1651. Л. 27 об.

¹⁶⁴ Русский советский фольклор. Антология. Л., 1967. С. 401–402.

¹⁶⁵ Общество и власть. Российская провинция. Т. 3... С. 789.

¹⁶⁶ Цит. по: Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 149.

¹⁶⁷ Как вспоминал бывший советский цензор Л. Авзегер, ему сразу же объяснили, что «в нашем служебном лексиконе не должно существовать слова “письмо” или “письма”... Мы работаем не с письмами, а с документами. Все, что мы читаем, просматриваем, посылаем на оперативную проверку, — все это документы, с которыми работает наша организация». Авзегер свидетельствует: «Никогда позже я не слышал из уст сотрудников ПК [политконтроля — *авт.*] слово “письмо”, они просто не употребляли его, словно боялись, что само слово может бросить тень на их особого рода тайную деятельность, а потому всегда говорили “документы”, и это правило здесь соблюдалось довольно строго». См.: Авзегер Л. Я вскрывал Ваши письма... Воспоминания бывшего тайного цензора МГБ // Источник. 1993. № 0. С. 46.

- ¹⁶⁸ Сталинградская эпопея... С. 159.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 160, 223–224.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 397.
- ¹⁷¹ Там же. С. 191.
- ¹⁷² ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1651. Л. 71, 76.
- ¹⁷³ Пантелеев А. И. Из старых записных книжек... С. 407.
- ¹⁷⁴ Сталинградская эпопея... С. 395.
- ¹⁷⁵ ОГАЧО. Ф. II–92. Оп. 5. Д. 168. Л. 55 об.
- ¹⁷⁶ Общество и власть. Российская провинция. Т. 3... С. 790.
- «Матильды» и «Валентины» (правильнее «Валентайны») — типы английских танков, поставляемых в СССР по ленд-лизу.
- ¹⁷⁷ Зима В. Ф. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁷⁸ Пантелеев А. И. Январь 1944 (из старого путевого дневника) // Пантелеев А. И. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. Л., 1984. С. 149.
- ¹⁷⁹ Иванов В. В. Указ. соч. С. 113.
- ¹⁸⁰ Международное положение глазами ленинградцев... С. 124.
- ¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 126.
- ¹⁸² ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3929. Л. 94 об. –95.
- ¹⁸³ Зима В. Ф. Указ. соч. С. 185–186.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 186.
- ¹⁸⁵ Недремлющее око спецслужб... С. 554.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 557.
- ¹⁸⁷ Ситрин Уолтер (1887–1983), деятель английского профсоюзного движения, в 1926–1946 гг. генеральный секретарь Британского конгресса трейд-юнионов, одновременно в 1928–1945 гг. председатель Амстердамского интернационала профсоюзов.
- ¹⁸⁸ Недремлющее око спецслужб... С. 555, 556. Неясно, что имел в виду автор высказывания, говоря о войсках союзников, введенных в СССР; возможно так была расценена совместная советско-британская оккупация Ирана: многие воспринимали этот шаг, как попытку Англии утвердиться на Кавказе. См.: Там же. С. 549–556.
- ¹⁸⁹ Цит. по: Ломагин Н. А. Неизвестная блокада... Кн. 1. С. 241.
- ¹⁹⁰ Цит. по: Tininis V. Komunistinio rezimo nusikaltimai Lietuvoje 1944–1953. Т. 2. Vilnius, 2003. P. 291.
- ¹⁹¹ Вернадский В. И. «Коренные изменения неизбежны...» С. 215–216. См. также: Bailes K. Soviet Science in the Stalin Period: The Case of V. I. Vernadskii & his School. 1928–1945 // Slavic Review. Vol. 45. N 1. P. 36.
- ¹⁹² Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 382.
- ¹⁹³ Цит. по: Ломагин Н. А. Неизвестная блокада... Кн. 1. С. 122.

- ¹⁹⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1657. Л. 132–133.
- ¹⁹⁵ Сазонов Николай Иванович, из крестьян, член партии с 1920, по образованию инженер-энергетик, работал в Госплане, в 1943 г. начальник геолого-маркшейдерского бюро.
- ¹⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 133. Л. 1.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 10.
- ¹⁹⁸ Из заключения заместителя заведующего отдела пропаганды УПА ЦК ВКП(б) И. И. Кузьмина // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 133. Л. 51.
- ¹⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181. Л. 52, 54.
- ²⁰⁰ Цит. по: Ломагин Н. А. Неизвестная блокада... Кн. 1. С. 116–117.
- ²⁰¹ Там же. С. 122.
- ²⁰² Вишневский В. В. Дневники военных лет (1943, 1945 гг.) М., 1979. С. 62–63.
- ²⁰³ Сорокин В. С. Указ. соч. С. 161.
- ²⁰⁴ Сталинградская эпопея... С. 399.
- ²⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181. Л. 5.
- ²⁰⁶ Мирский Г. И. Жизнь в трех эпохах. М.; СПб., 2001. С. 54.
- ²⁰⁷ Международное положение глазами ленинградцев... С. 125.
- ²⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 112.
- ²⁰⁹ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3790. Л. 12.
- ²¹⁰ LYA. F. 1771. Ap. 7. V. 193. L. 65; Международное положение глазами ленинградцев... С. 126.
- ²¹¹ Цит. по: Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 36.
- ²¹² Общество и власть. Российская провинция. Т. 3... С. 625.
- ²¹³ Международное положение глазами ленинградцев... С. 94–95. Что касается «серьезных представителей от союзников», речь, очевидно, идет о сенаторе Дж. Дэвисе, который был послом США в СССР в 1936–1938 гг., а в мае 1943 г. привозил в Москву предложения Ф. Д. Рузвельта о советско-американской встрече на высшем уровне. См.: Израэлян В. Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1995. С. 148–149.
- ²¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 247. Л. 29–29 об.; Оп. 125. Д. 181. Л. 3–5.
- ²¹⁵ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3790. Л. 14.
- ²¹⁶ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1651. Л. 201.
- ²¹⁷ Там же. Д. 1657. Л. 86.
- ²¹⁸ Сталинградская эпопея... С. 389–391.
- ²¹⁹ Жилинский И. И. Указ. соч. С. 6.

²²⁰ Международное положение глазами ленинградцев... С. 44;
Жилинский И. И. Указ. соч. С. 6.

²²¹ Цит. по: Ломагин Н. А. Неизвестная блокада... Кн. 1.
С. 184.

²²² ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3790. Л. 14.

²²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 262. Л. 88; LYA. F. K-1. Ap. 10.
B. 10. L. 193.

²²⁴ LYA. F. 1771. Ap. 7. B. 194. L. 99.

²²⁵ Ibid. F. K-1. Ap. 3. B. 60. L. 11.

²²⁶ Ibid. F. 1771. Ap. 7. B. 193. L. 65, 113; B. 194. L. 63.

²²⁷ Ibid. Ap. 8. B. 253. L. 77. Сохранены стилистика и орфография документа. О том, какими аргументами оперировала советская пропаганда, см. «Стенограмму инструктивного совещания по вопросам внутреннего, международного положения и по другим вопросам» от 16 июля 1945 г. (LYA. F. 1771. Ap. 8. B. 143. L. 1-38).

²²⁸ LYA. F. 1771. Ap. 7. B. 114. L. 8, 12.

²²⁹ Ibid. B. 194. L. 25.

²³⁰ Ibid. L. 80.

²³¹ Ibid. F. K-1. Ap. 3. B. 60. L. 10-11.

²³² Речь шла об окончательной передаче Советской Литве г. Вильнюс.

²³³ LYA. F. K-1. Ap. 10. B. 10. L. 151-152.

²³⁴ Цит. по: Tininis V. Ibid. T. 3. P. 212-213.

²³⁵ Ibid. F. K-1. Ap. 3. B. 55. L. 67.

²³⁶ Козлов Н. Д. Указ. соч. С. 70.

²³⁷ Там же. С. 72.

²³⁸ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 998. Л. 46. О том, насколько затруднено было в годы войны общение, в частности, с иностранными корреспондентами, в том числе представителями коммунистической или социалистической прессы, и какими последствиями такое общение грозило, рассказывает в своих воспоминаниях Н. М. Улановская, в годы войны работавшая в отделе печати НКВД. См.: Улановская Н. М., Улановская М. А. История одной семьи. М., 1994. С. 133-170.

²³⁹ «Они бродят с утра до ночи в поисках вина и женщин» // Источник. 1993. № 0. С. 118-120.

²⁴⁰ Русская частушка. Л., 1950. С. 401-402.

²⁴¹ Недремлющее око спецслужб... С. 557.

²⁴² ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1651. Л. 27-28.

²⁴³ В 1941 г. после захвата немцами Смоленска были обнаружены массовые захоронения в Катынском лесу. Созданная по

предложению Германии комиссия Международного Красного Креста установила, что там органами НКВД были проведены массовые расстрелы польских военнопленных. Советское руководство отвергло эти обвинения. После освобождения Смоленска советскими властями была создана специальная комиссия под руководством выдающегося хирурга, академика Н. Н. Бурденко, которая в свою очередь пришла к заключению, что польские офицеры были расстреляны немецкими оккупантами. Бурденко Николай Нилович (1876–1946) — один из основоположников отечественной нейрохирургии, академик АН СССР (1939) и АМН (1944), первый президент АМН (1944–1946), Герой Социалистического Труда (1943), главный хирург Советской армии (1941–1946), генерал-полковник медицинской службы (1944), лауреат Сталинской премии (1941).

²⁴⁴ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3904. Л. 90.

²⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Оп. 88. Д. 255. Л. 64–65.

²⁴⁶ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1651. Л. 155.

²⁴⁷ Вишневский В. Дневники военных лет (1943, 1945 гг.) М., 1979. С. 174.

²⁴⁸ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3790. Л. 36.

²⁴⁹ В сентябре 1943 г. в СССР была сформирована 1-я польская пехотная дивизия имени Т. Костюшко во главе с полковником З. Берлингом. Позднее она была преобразована сначала в 1-й Польский корпус, а затем летом 1944 г. в 1-ю Польскую армию (4 пехотных дивизии, танковая и кавалерийская бригады). В июле 1944 г., после освобождения Люблина и создания Польского комитета национального освобождения, была объединена с партизанскими формированиями (так называемая Армия Людова) в Войско Польское. Главнокомандующим стал командир Армии Людовой М. Роля-Жимерский (с 1945 г. маршал), Берлинг сохранил командование 1-й армией. Берлинг Зигмунт (1896–1980) — полковник, впоследствии генерал. В 1939 г. был интернирован в СССР. Именно ему принадлежала первоначальная идея о создании в СССР польских формирований. После начала войны был начальником штаба дивизии в армии Андерса, затем комендантом эвакуационной базы в Красноводске. С группой офицеров решил остаться в СССР и воссоздать польские формирования, за что был заочно осужден судом военного трибунала армии Андерса. В сентябре 1943 г. возглавил дивизию имени Т. Костюшко; после преобразования ее в армию получил звание генерала дивизии. В сентябре 1944 г. после неудачных боев под Варшавой смещен. Позднее начальник польской Академии Генштаба, генерал брони. С 1953 г. в отставке.

²⁵⁰ Как известно, в 1920–1939 гг. Вильнюс входил в состав Польши и большинство населения города в 1944 г. составляли поляки.

²⁵¹ LYA. F. 1771. Ap. 7. B. 85. L. 13.

²⁵² Ibid. F. K–1. Ap. 10. B. 10. L. 80, 130; B. 12. L. 85, 89; B. 20. L. 192; etc.

²⁵³ Ibid. B. 10. L. 150.

²⁵⁴ Ibid. L. 22.

²⁵⁵ Ibid. L. 146, 150.

²⁵⁶ Ibid. L. 192–194.

²⁵⁷ Ibid. B. 10. L. 151; B. 15. L. 71.

²⁵⁸ Ibid. B. 10. L. 151.

²⁵⁹ Международное положение глазами ленинградцев... С. 136.

²⁶⁰ Там же. С. 111–113.

²⁶¹ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада... Кн. 1. С. 315.

²⁶² Цит. по: Tininis V. Ibid. Т. 1. P. 266.

²⁶³ Наринский М. М., Поздеева Л. В. Указ. соч. С. 330.

²⁶⁴ Общество и власть. Российская провинция. Т. 3... С. 683.

²⁶⁵ См. об этом: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 18–55; Фатеев А. В. Указ. соч.

Глава 4

¹ См., например: Голубев А. В. Межвоенная Европа глазами советской карикатуры // Европа (Варшава). 2003. Т. 3. № 3 (8). С. 125–169; Он же. «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20–30-х гг. // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 472–498; Он же. Америка в советской карикатуре 1920–30-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2006. С. 372–412; Неужин В. А. Образ Польши в советской карикатуре периода второй мировой войны (к постановке проблемы) // Поляки и русские — преодоление предрассудков. Лодзь, 2006. С. 301–316; Орлов И. Б. «Новая буржуазия» в сатире 1920-х гг. // История России XIX–XX вв.: Новые источники понимания. М., 2001. С. 230–236; Рябов О. Образ врага в советской политической карикатуре межвоенного периода. Случай Польши // Поляки и русские — преодоление предрассудков. С. 275–286; Токарев В. А. Польская тема за пределами «Правды». Советская сатирическая графика в столичных и провинциальных изданиях // Поляки и русские — преодоление предрассудков. С. 287–300;

Он же. «Польска сгинела»: окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 216–232; Филиппова Т. А. Аспиды и готтентоты. Немцы в русской сатирической журналистике // Родина. 2002. № 10. С. 31–37; Шаттенберг С. Техника — политична. О новой советской культуре инженера в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы. СПб, 2000. С. 193–217; и др.

² Орлов И. Б. Указ. соч. С. 231.

³ Токарев В. А. Советский фоторепортаж польской кампании (1939): организация и структура // Проблемы российской истории. Вып. 7. Магнитогорск, 2006. С. 553.

⁴ Шафир Я. Газета и деревня. М.; Л., 1924. С. 35, 52.

⁵ Ефимов Борис Ефимович (род. в 1900), российский график, народный художник СССР (1967), действительный член Академии художеств СССР (1975), Герой Социалистического Труда (1990). Автор злободневных политических, в том числе антифашистских, карикатур. С 1922 г. сотрудничал в газетах «Правда», «Известия», журнале «Крокодил». Лауреат Сталинских и Государственной премий (1950, 1951, 1972). Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937), один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929–1931 гг. премьер-министр Великобритании. Правительство Макдональда в 1924 г. установило дипломатические отношения с СССР, а в 1929 г. восстановило их после разрыва 1927 г. В 1931 г. возглавил коалиционное (так называемое национальное) правительство (1931–1935). В качестве одной из знаковых фигур международной умеренной социал-демократии был любимым персонажем советских карикатуристов.

⁶ Цит. по: Дмитриев А. В. Социология политического юмора: Очерки. М., 1998. С. 68–69.

⁷ Варшавский Л. Наша политическая карикатура. М., 1930. С. 9.

⁸ Дмитриев А. В. Указ. соч. С. 69.

⁹ Лицо врага: Рисунки Б. Ефимова. М., 1931. С. 3.

¹⁰ Ефимов Б. Е. Сорок лет: Записки художника-сатирика. М., 1961. С. 88.

¹¹ Варшавский Л. Указ. соч. С. 8.

¹² Гнедин Евгений Александрович (1898–1983) в 1922–1930 гг. работал в НКВД (заведующий подотделом торговой политики, старший референт по Германии), затем был заместителем заведу-

ющего иностранным отделом «Известий». В 1935–1937 гг. — первый секретарь полпредства в Берлине. В июне 1937 — мае 1939 г. заведовал отделом печати НКВД. В мае 1939 г. был арестован, находился в заключении до 1955 г., впоследствии был реабилитирован. В 1970-е годы получил известность как публицист и правозащитник. В 1932 г. он работал в «Известиях» и предисловие было подписано его собственной фамилией; в 1938 г. он был уже заведующим отделом печати Наркомата иностранных дел и поэтому предисловие подписал псевдонимом.

¹³ Ефимов Б. Выход будет найден. Политические карикатуры. М.; Л., 1932. С. 5.

¹⁴ Поджигатели войны. Карикатуры Б. Ефимова. М., 1938. С. 3.

¹⁵ Крокодил. 1934. № 20–21. С. 19.

¹⁶ Имелись в виду «Бегемот», «Бич», «Бузотер», «Крокодил», «Лапоть», «Пушка», «Смехач».

¹⁷ Цит. по: «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы. М., 1997. С. 59; Стыкалин С., Кременская И. Указ. соч. С. 23.

¹⁸ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002. С. 131.

¹⁹ «Счастье литературы»... С. 56, 58.

²⁰ См.: Стыкалин С., Кременская И. Указ. соч. С. 203–209.

²¹ Ефимов Б. Мне хочется рассказать. М., 1970. С. 198.

²² Ефимов Б. Политическая карикатура. 1924–1935. М., 1935. С. 5.

²³ Костин В. И. Михаил Михайлович Черемных. М., 1957. С. 14. Черемных Михаил Михайлович (1890–1962), график и карикатурист, народный художник РСФСР (1952), действительный член Академии художеств (1958), один из основателей «Окон РОСТА», «Крокодила». Лауреат Сталинской премии (1942).

²⁴ Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20–30-е годы). М., 2003. С. 410.

²⁵ Крокодил. 1926. № 2. С. 3. Малютин Иван Андреевич (1891–1932) — художник-карикатурист, один из основателей «Окон РОСТА» и «Крокодила».

²⁶ Ефимов Б. Е. Сорок лет... С. 108.

²⁷ Крокодил. № 43. С. 1. Ганф Юлий Абрамович (1898–1973), график, народный художник России (1964). Работал в газете «Правда», журнале «Крокодил».

²⁸ Полный перечень сатирических изданий за эти годы см.: Стыкалин С., Кременская И. Указ. соч. С. 458–466.

²⁹ Подсчитано автором по: Крокодил. 1922–1939. Всего за эти годы вышло около 700 номеров журнала, в которых было опубликовано почти 1600 карикатур на международную тематику.

³⁰ Так в 1920-е годы обычно именовался «дядя Сэм».

³¹ «Пакт Бриана — Келлога» или договор о воспреещении войны в качестве орудия национальной политики был подписан в Париже 27 августа 1928 г. представителями Германии, Бельгии, США, Франции, Великобритании, Италии, Японии, Польши, Чехословакии. От имени СССР пакт подписал временно исполняющий обязанности наркома по иностранным делам М. М. Литвинов 6 сентября 1928 г.

³² Крокодил. 1928. № 32. С. 5; 1929. № 7. С. 1.

³³ Документы внешней политики СССР. Т. XI. М., 1966. С. 463, 464; Т. XII. М., 1967. С. 105.

³⁴ См., например, карикатуры Ю. Ганфа «В норе за самоварчиком» и «Иван Иванович почитывает». Крокодил. 1927. № 19. С. 1; 1929. № 32. С. 10.

³⁵ Там же. 1923. № 16. С. 745; № 20. С. 806; № 21. С. 811; № 28. С. 946; № 41. С. 1158 (в 1923 г. нумерация страниц «Крокодила» была единой в течение всего года).

³⁶ Там же. № 16. С. 745. Юз Чарльз Эванс (1862–1948), американский государственный и политический деятель, в 1921–1925 гг. государственный секретарь. Председатель Вашингтонской конференции (1921–1922), один из инициаторов разработки «плана Дауэса».

³⁷ Крокодил. 1927. № 33. С. 1.

³⁸ Там же. 1929. № 28. С. 4–5.

³⁹ Чемберлен Остин (1863–1937), видный деятель консервативной партии, министр финансов Великобритании в 1903–1905 и 1919–1921 гг., министр по делам Индии в 1915–1917 гг., министр иностранных дел в 1924–1929 гг., морской министр в 1931 г. С его деятельностью на посту МИД связано заключение в рамках Локкарнских договоров Рейнского «гарантийного пакта», призванного обеспечить стабильность западных границ Германии (1925), за что Чемберлен был удостоен Нобелевской премии мира 1925 г. совместно с автором плана возрождения германской экономики вице-президентом США Ч. Г. Дауэсом.

⁴⁰ Крокодил. 1927. № 15. С. 7; С. 12.

⁴¹ Там же. № 19. С. 1.

⁴² Там же. № 25. С. 1; № 26. С. 1; № 27. С. 1; № 29. С. 1, 8.

⁴³ Смехач. 1927. № 22. С. 1.

⁴⁴ Там же. № 29. С. 4; № 30. С. 3.

⁴⁵ См. об этом: Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1987. С. 101.

⁴⁶ Крокодил. 1929. № 1. С. 12.

⁴⁷ См.: Там же. 1922. № 8. С. 7; 1923. № 21. С. 802; 1931. № 13. С. 14; и др.

⁴⁸ См., например, карикатуру «Акуля участь»: Крокодил. 1928. № 7. С. 7.

⁴⁹ Там же. 1923. № 6. С. 577; 1924. № 28–29. С. 13.

⁵⁰ Там же. 1931. № 23–24. С. 2.

⁵¹ См.: Там же. 1925. № 48. С. 2; 1926. № 1. С. 1; 1928. № 1. С. 5; 1930. № 9. С. 7; 1932. № 19. С. 2; 1935. № 28–29. С. 9; и др.

⁵² Там же. 1940. № 4. С. 9.

⁵³ См. об этом: Голубев А. В. Угроза войны в массовом сознании советского общества...

⁵⁴ Крокодил. 1928. № 9. С. 4.

⁵⁵ Там же. 1930. № 5. С. 1.

⁵⁶ Не исключено, что этот сюжет был предложен кем-то из «темистов», и два художника по-своему воспроизвели его.

⁵⁷ Карикатура вошла в альбом: Ефимов Б. Е. Карикатура на службе обороны СССР. М.; Л., 1931. С. 20.

⁵⁸ Крокодил. 1935. № 7–8. С. 5; № 9. С. 1; № 28–29. С. 21; 1936. № 5. С. 6.

⁵⁹ Там же. 1933. № 30. С. 3.

⁶⁰ Борис Ефимов в «Известиях»: Карикатуры за полвека. М., 1969. С. 80.

⁶¹ Крокодил. 1934. № 5. С. 5.

⁶² Поджигатели войны... С. 67.

⁶³ Крокодил. 1937. № 26. С. 1; Поджигатели войны... С. 5, 15.

⁶⁴ Фашистские интервенты в Испании: Карикатуры Бор. Ефимова. М., 1937.

⁶⁵ Крокодил. 1937. № 23. С. 4; 1938. № 12. С. 11; Фашистские интервенты в Испании... С. 29.

⁶⁶ Крокодил. 1936. № 34. С. 13, 15; 1938. № 31. С. 4. На одном из рисунков Геббельс в образе Микки Мауса старательно дирижировал антисоветским хором. См.: Поджигатели войны... С. 99.

⁶⁷ Крокодил. 1937. № 1. С. 7.

⁶⁸ Поджигатели войны... С. 61.

⁶⁹ Крокодил. 1936. № 35. С. 5; Поджигатели войны... С. 48, 55.

⁷⁰ Крокодил. 1938. № 5. С. 8–9.

⁷¹ Карикатура приведена в книге Б. Ефимова «Сорок лет: Записки художника-сатирика». М., 1961. С. 100.

⁷² Подробнее о сюжетах «Европа-дом» и «Европа-оркестр» см.: Голубев А. В. Межвоенная Европа глазами советской карикатуры...

⁷³ Крокодил. 1937. № 29–30. С. 10–11.

⁷⁴ Там же. 1939. № 12. С. 8–9.

⁷⁵ Подробнее см.: Невежин В. А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997.

⁷⁶ В частности, этим сюжетам был полностью посвящен восьмой номер «Крокодила» за 1940 г. под общим названием «Сегодня “Крокодил” принимает иностранных гостей».

⁷⁷ Крокодил. 1941. № 16. С. 1; № 30. С. 2.

⁷⁸ В этой связи характерно наблюдение американского исследователя Ф. Баргхорна о том, что, в отличие от США, в годы войны в СССР не выходили художественные фильмы или пьесы, где были бы в качестве положительных героев представлены союзники (за исключением одной малоизвестной и быстро сошедшей со сцены пьесы А. Е. Корнейчука) См.: Barghoorn F. C. Ibid. P. 78.

⁷⁹ Крокодил. 1942. № 20. С. 1.

⁸⁰ Все вышеизложенное относилось не только к карикатурам из «Крокодила». Так, в 1941–1943 гг. в глубоком тылу, в г. Омске выходили сатирические «Окна Омского союза художников», по образцу знаменитых «Окон РОСТА» или «Окон ТАСС». Из десятка сохранившихся в коллекции Государственного архива Омской области «Окон» одно посвящено антигитлеровской коалиции. Рисунок озаглавлен «Скоро сбудется». Изображенный на нем Гитлер в ужасе видит над собой петлю; веревку держат три руки с флагами СССР, США, Великобритании на манжетах.

⁸¹ Крокодил. № 22. С. 5.

⁸² Там же. 1944. № 39–40. С. 4.

⁸³ Там же. 1942. № 44. С. 4–5.

⁸⁴ Там же. 1944. № 23–24. С. 1.

⁸⁵ Справедливости ради надо отметить, что звание «генерал армии», которому соответствовали пять звезд на погонах, появилось в сухопутных войсках США лишь в декабре 1944 г., т. е. через полгода после выхода карикатуры. См.: Макдоннел Л. Знаки различия и боевые награды Второй мировой войны: Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. С. 44.

⁸⁶ Борис Ефимов в «Известиях»: Карикатуры за полвека. М., 1969. С. 121–122.

⁸⁷ Известия. 1942. 6 августа. Любопытно, что на этом же рисунке, опубликованном много лет спустя в числе избранных, генералы

Решимость и Смелость исчезли; их заменила шаржированная фигура Черчилля. См.: Борис Ефимов в «Известиях»... С. 120.

⁸⁸ Крокодил. 1944. № 44. С. 3.

⁸⁹ Там же. № 36. С. 3; № 47–48. С. 8–9.

⁹⁰ О степени и длительности этого раздражения свидетельствует характеристика Буллита, данная через несколько лет во втором издании Большой советской энциклопедии: «Американский разведчик, реакционный журналист и дипломат, один из застрельщиков агрессивной, антисоветской политики империалистов США, поджигатель войны, ярый враг СССР» (БСЭ. Т. 6. М., 1951. С. 262). Характерно, что ни в 1-м, ни в 3-м изданиях БСЭ статьи о Буллите вообще нет.

⁹¹ Крокодил. 1944. № 30–31. С. 2; 1945. № 1. С. 5.

⁹² Varghoorn F. C. Ibid. P. 67.

⁹³ Крокодил. 1945. № 1. С. 6.

⁹⁴ Там же. № 5. С. 8.

⁹⁵ Дмитриев А. В. Социология политического юмора: Очерки. М., 1998. С. 74.

⁹⁶ Ефимов Б. Сорок лет... С. 90.

⁹⁷ Дмитриев А. В. Указ. соч. С. 74.

Вместо заключения

¹ Россия и война в XX столетии: Взгляд из удаляющейся перспективы. М., 2005. С. 42.

² На самом деле впечатления от жизни восточноевропейских стран были противоречивыми; так, нищета польских или румынских деревень отмечалась многими советскими военнослужащими, что нашло отражение в дневниках и воспоминаниях. Но так как именно это они и ожидали увидеть, подобные впечатления не оказали особого воздействия и почти не закрепились — в отличие от противоположных — в массовом сознании.

³ Аргументы и факты. 1994. № 19. С. 2.

⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. Кн. 7. М., 2006. С. 216.

⁵ См.: Дубин Б. Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 6. С. 26.

⁶ См.: Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004. С. 183.

⁷ Результаты опроса ВЦИОМ см.: <http://www.newsru.com/russia/30aug2007/opros.html>.

⁸ Подробнее см.: Голубев А. В. Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98–116; Яковенко И. Г. Динамика образа Запада в отечественной культуре 1990-х гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 387–399.

Приложения

¹ Заголовок документа

² Заголовок документа

³ Так в документе

⁴ Заголовок документа

⁵ Процесс американских рабочих Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти, обвиненных в убийстве, состоялся в 1920–1921 гг. В июле 1921 г. они были приговорены к смертной казни. Несмотря на многочисленные выражения протеста как в США, так и за рубежом, в том числе в СССР, приговор был приведен в исполнение в августе 1927 г.

⁶ Заголовок документа

⁷ Азанка — железнодорожная станция в Свердловской области.

⁸ Видимо, имеется в виду В. М. Чернов. Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), один из основателей партии эсеров. Участвовал в революционном движении с конца 1880-х гг. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства, в январе 1918 г. был избран председателем Учредительного собрания. С 1920 г. в эмиграции.

⁹ Шверник Николай Михайлович (1888–1970), государственный и политический деятель. В 1925–1927 гг. секретарь Ленинградского обкома и ЦК, в 1927–1928 гг. секретарь Уральского обкома ВКП(б). Позднее председатель ВЦСПС, в 1941–1945 гг. председатель Совета по эвакуации, в 1946–1953 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Список использованных архивов

- АОМ — Архив общества «Мемориал»
- ВОАНПИ — Вологодский областной архив новейшей политической истории
- ГАВО — Государственный архив Вологодской области
- ГАКО — Государственный архив Калужской области
- ГАОО — Государственный архив Омской области
- ГАОрлО — Государственный архив Орловской области
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГАСО — Государственный архив Свердловской области
- НА ИРИ РАН — Научный архив Института российской истории РАН
- ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
- РГАЭ — Российский государственный архив экономики
- ЦАОДМ — Центральный архив общественных движений г. Москвы
- ЦГА СПб — Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга
- ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга
- ЦГАУР — Центральный государственный архив Удмуртской Республики
- ЦДННАО — Центр документации новейшей истории Омской области
- ЦДНИУР — Центр документации новейшей истории Удмуртской республики
- ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
- ЦМММ — Центральный муниципальный архив г. Москвы
- LYA — Lietuvos Ypatingasis Archivas (Литовский Особый архив)

Содержание

«Вовремя подмечать и улавливать потребности и настроения»: Попытка введения	5
Глава 1	
«Окно в мир можно закрыть газетой»: Каналы получения информации о внешнем мире	27
Глава 2	
«Придут из Китая англичане»: Будущая война в представлении советского общества	88
Глава 3	
«Враги второй очереди»: Образ союзника	164
Глава 4	
«Большая правда, чем фотография»: Визуальные образы войны в советской карикатуре	238
Приложение	276
Примечания	327
Список использованных архивов	382

Голубев Александр Владимирович
«Если мир обрушится на нашу Республику»:
Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг.

Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белосенко*
Корректоры *М. В. Лушина, Е. И. Рычкова*

Издательство «Кучково поле»
105120, г. Москва, Съезжинский пер., 6
Тел./факс: (495) 678-83-56.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Подписано в печать 21.02.08. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 20,16. Печать офсетная.
Гарнитура «PetersburgС». Тираж 1000 экз.
Заказ № 1267.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

9 785901 679654

ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования книги являются представления о войне, формировавшиеся в советском обществе в 20–30-е годы и — применительно к союзникам — в годы Второй мировой войны.

Монография основана в первую очередь на секретных информационных материалах 1920–1940-х годов, которые готовились для всех уровней политического руководства, отражали сиюминутную ситуацию (иногда в масштабе одного–двух дней, иногда недели, декады, месяца или нескольких месяцев) и не предназначались для широкого использования.

Подготовкой этих материалов, отражающих общественные настроения, занимался созданный в 1921 г. Информационный отдел ОГПУ; впрочем, материалы для него представляли и другие отделы, например особый, секретный, контрразведывательный, восточный и др. (в 1931 г. информационный отдел вошел в состав секретно–политического отдела).

В годы войны его функции выполняло Третье управление НКВД СССР. Кроме того, обзоры и сводки о настроениях готовило Главное политическое управление РККА и ВМФ, а также органы ВЛКСМ, ВЦСПС, государственные органы, в частности прокуратура, и т. д.